

МИНОБРНАУКИ РОССИИ

**Известия
Юго-Западного
государственного
университета
Серия: Экономика. Социология. Менеджмент
Научный журнал**

Том 16 № 3 / 2026

**Proceedings
of the Southwest
State University
Series: Economics, Sociology and Management
Scientific Journal**

Vol. 16 № 3 / 2026

**Известия Юго-Западного
государственного университета.
Серия: Экономика. Социология. Менеджмент
(Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta.
Seriya: Ekonomika. Sociologiya. Menedzhment)**

Научный рецензируемый журнал

Основан в 2011 г.

Цель издания – публичное представление научной общественности научных результатов фундаментальных, прикладных, проблемно-ориентированных научных исследований в таких отраслях, как экономические, философские и социологические науки.

Основными разделами журнала являются: тренды мировой и национальной экономики; модернизация и инновационно-технологическое развитие экономики; управление в социально-экономических системах; экономическая политика и механизмы ее реализации; государство и бизнес на пути цифровой трансформации; актуальные проблемы развития региональных социально-экономических систем; экономика и организация деятельности предприятий, отраслей, комплексов; приоритеты развития маркетинговой и логистической деятельности; социально-экономическое прогнозирование и моделирование; институциональные факторы развития экономических систем; проблемы и перспективы развития финансового сектора; трудовые ресурсы и образование; социально-экономические проблемы современного общества; философские исследования природы, общества, человека; научные исследования молодых ученых.

В журнале публикуются оригинальные работы (ранее не опубликованные), в том числе обзорные статьи, рецензии и обсуждения, соответствующие тематике издания.

Целевая аудитория: научные работники, профессорско-преподавательский состав образовательных учреждений, экспертное сообщество, молодые ученые, аспиранты, заинтересованные представители общественности, бизнеса и органов власти.

Журнал придерживается политики открытого доступа. Полнотекстовые версии статей доступны на сайте журнала, научной электронной библиотеки eLIBRARY.RU. Журнал индексируется в международной базе данных Ulrichsweb (Ulrich's Periodicals Directory).

Журнал включен в перечень ведущих научных журналов и изданий ВАК Минобрнауки России, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора наук, кандидата наук по следующим научным специальностям:

Экономические науки: 5.2.2; 5.2.3; 5.2.6; 5.2.1; 5.2.4; 5.2.5.

Философские науки: 5.7.2; 5.7.6; 5.7.7; 5.7.8.

Социологические науки: 5.4.2; 5.4.4; 5.4.6; 5.4.7.

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР:

Емельянов Сергей Геннадьевич, д-р техн. наук, профессор, лауреат премии Правительства РФ в области науки и техники, ректор, Юго-Западный государственный университет (Курск, Россия)

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА:

Бессонова Елена Анатольевна, д-р экон. наук, профессор, Юго-Западный государственный университет (Курск, Россия)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Абрамов Александр Петрович, д-р социол. наук, доцент, Институт социальной демографии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (Москва, Россия)

Банк Сергей Валерьевич, д-р экон. наук, профессор, МИРЭА – Российский технологический университет (Москва, Россия)

Асеева Ирина Александровна, д-р филос. наук, профессор, Институт научной информации по общественным наукам РАН (Москва, Россия)

Буданов Владимир Григорьевич, д-р филос. наук, доцент, Институт философии РАН (Москва, Россия)

Волохова Наталья Владимировна, д-р филос. наук, доцент, Курский государственный университет (Курск, Россия)

Герасимова Ирина Алексеевна, д-р филос. наук, профессор, Институт философии РАН (Москва, Россия)

Гребенщикова Елена Георгиевна, д-р филос. наук, Институт научной информации по общественным наукам РАН (Москва, Россия)

Зотов Виталий Владимирович, д-р социол. наук, профессор, Московский физико-технический институт (национально-исследовательский университет) (Москва, Россия)

Каменева Татьяна Николаевна, д-р социол. наук, доцент, Финансовый университет при Правительстве РФ (Москва, Россия)

Киселев Сергей Викторович, д-р экон. наук, профессор, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова (Москва, Россия)

Кнященко Лариса Павловна, д-р филос. наук, профессор, Института философии РАН, (Москва, Россия)

Кулагина Наталья Александровна, д-р экон. наук, профессор, МИРЭА – Российский технологический университет (Москва, Россия)

Налетова Ирина Владимировна, д-р филос. наук, профессор, Тамбовский государственный университет имени Г. Р. Державина (Тамбов, Россия)

Нямдорж Даваахуу, канд. экон. наук, Улан-Баторский филиал Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова (Улан-Батор, Монгольская Народная Республика)

Ободец Роман Васильевич, д-р экон. наук, доцент, Башкирская академия государственной службы и управления при Главе Республики Башкортостан (Уфа, Россия)

Преображенский Борис Георгиевич, д-р экон. наук, профессор, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Воронеж, Россия)

Проняева Людмила Ивановна, д-р экон. наук, профессор, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Среднерусский институт управления – филиал (Орел, Россия)

Рисин Игорь Ефимович, д-р экон. наук, профессор, Воронежский государственный университет (Воронеж, Россия)

Родионов Дмитрий Григорьевич, д-р экон. наук, профессор, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого (Санкт-Петербург, Россия)

Стефановская Наталия Александровна, д-р социол. наук, доцент, Тамбовский государственный университет имени Г. Р. Державина (Тамбов, Россия)

Сухарев Олег Сергеевич, д-р экон. наук, профессор, Институт экономики РАН (Москва, Россия)

Тен Юлия Павловна, д-р филос. наук, профессор, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации (Москва, Россия)

Ткачева Татьяна Юрьевна, д-р экон. наук, доцент, Юго-Западный государственный университет (Курск, Россия)

Трещевский Юрий Игоревич, д-р экон. наук, профессор, Воронежский государственный университет (Воронеж, Россия)

Шелковников Сергей Александрович, д-р экон. наук, профессор, Новосибирский государственный аграрный университет (Новосибирск, Россия)

Яновская Ольга Алексеевна, д-р экон. наук, профессор, Независимое агентство аккредитации и рейтинга (Нур-Султан, Республика Казахстан)

Учредитель и издатель:

ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет»

Адрес учредителя, издателя и редакции

305040, г. Курск, ул. 50 лет Октября, 94

Телефон: (4712) 22-25-26,

Факс: (4712) 50-48-00.

E-mail: rio_kursk@mail.ru

Наименование органа, зарегистрировавшего издание:

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (ПИ №ФС77-82284 от 23.11.2021).

ISSN 2223-1552 (Print)

DOI Prefix: 10.21869

Сайт журнала: <https://swsu.ru/izvestiya/serieconom/>

© Юго-Западный государственный университет, 2026

Материалы журнала доступны по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License

Типография:

Полиграфический центр
Юго-Западного государственного
университета, 305040, г. Курск,
ул. 50 лет Октября, 94

Подписка и распространение:

журнал распространяется по подписке.
Подписной индекс журнала 44284
в объединенном каталоге «Пресса России».

Периодичность: один раз в два месяца

Свободная цена.

Оригинал-макет подготовлен А. Е. Джигоевой

Подписано в печать 30.06.2026. Формат 60х84/8.

Дата выхода в свет 07.08.2026.

Бумага офсетная. Усл. печ. л. 34,4.

Тираж 1000 экз. Заказ 26.

16+

Proceedings of the Southwest State University Series: Economics, Sociology and Management

Peer-reviewed scientific journal

Published since 2011

The purpose of the publication is to publicly present to the scientific community the scientific results of fundamental, applied, problem-oriented scientific research in industries such as economic, philosophical and sociological sciences.

The main sections of the journal are: trends of the world and national economy; modernisation and innovative technological development of economy; management in socio-economic systems; economic policy and mechanisms of its realization; the government and business on the path of the digital transformation; actual problems of regional socio-economic systems development; economics and organization of enterprises, industries, complexes; development priorities of marketing and logistics activities; socio-economic forecasting and modelling; institutional factors of economic systems development; problems and prospects of the financial sector development; human resources and education; socio-economic problems of modern society; philosophical study of nature, society and human; scientific researches of young scientists.

The journal publishes original works (previously unpublished), including review articles, reviews, and discussions relevant to the subject of the publication.

Target audience: scientists, faculty of educational institutions, expert community, young scientists, graduate students, interested representatives of the public, business and government.

The magazine adheres to an open access policy. Full-text versions of articles are available on the website of the journal, the scientific electronic library eLIBRARY.RU. The journal is indexed in the international database Ulrichsweb (Ulrich's Periodicals Directory).

The journal is included in the list of leading scientific journals and publications of the Higher Attestation Commission of the Russian Ministry of Education and Science, in which the main scientific results of dissertations for the degree of Doctor of Science, Candidate of Science (Ph.D) in the following scientific specialties should be published:

Economic sciences: 5.2.2; 5.2.3; 5.2.6; 5.2.1; 5.2.4; 5.2.5.

Philosophical sciences: 5.7.2; 5.7.6; 5.7.7; 5.7.8.

Sociological sciences: 5.4.2; 5.4.4; 5.4.6; 5.4.7.

EDITOR-IN-CHIEF

Sergey G. Yemelyanov, Doctor of Engineering Sciences, Professor, a Holder of the Russian Government Prize in the Field of Science and Engineering, Rector of the Southwest State University (Russia, Kursk)

DEPUTY EDITOR

Bessonova Elena Anatolyevna, Doctor of Economic Sciences, Professor, Southwest State University (Kursk, Russia)

EDITORIAL BOARD

Aleksandr P. Abramov, Dr. Sci. (Sociology), Associate Professor, Institute of Social Demography of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

Irina A. Aseyeva, Dr. Sci. (Philosophy), Professor, Institute of Scientific Information for Social Sciences, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

Sergey V. Bank, Dr. Sci. (Economics), Professor, MIREA-Russian Technological University (Moscow, Russia)

Vladimir G. Budanov, Dr. Sci. (Philosophy), Associate Professor, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

Irina A. Gerasimova, Dr. Sci. (Philosophy), Professor, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

Elena G. Grebenshchikova, Dr. Sci. (Philosophy), Institute of Scientific Information for Social Sciences, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

Tatyana N. Kameneva, Dr. Sci. (Sociology), Associate Professor, Financial University under the Government of the Russian Federation (Moscow, Russia)

Sergey V. Kiselev, Dr. Sci. (Economics), Professor, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia)

Larisa P. Kiyashchenko, Dr. Sci. (Philosophy), Professor, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

Natalia A. Kulagina, Dr. Sci. (Economics), Professor, MIREA – Russian Technological University (Moscow, Russia)

Irina V. Naletova, Dr. Sci. (Philosophy), Professor, Derzhavin Tambov State University (Tambov, Russia)

Nyamdorzh Davaahuu, Cand. Sci. (Economics), Ulan Bator Branch of Plekhanov Russian University of Economics (Ulan Bator, Mongolian People's Republic)

Roman V. Obodets, Dr. Sci. (Economics), Associate Professor, Bashkir Academy of Public Administration and Management under the Head of the Republic of Bashkortostan (Ufa, Russia)

Boris G. Preobrazhensky, Dr. Sci. (Economics), Professor, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Voronezh, Russia)

Lyudmila I. Pronyaeva, Dr. Sci. (Economics), Professor, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Central Russian Institute of Management – Branch (Orel, Russia)

Igor E. Risin, Dr. Sci. (Economics), Professor, Voronezh State University (Voronezh, Russia)

Dmitry G. Rodionov, Dr. Sci. (Economics), Professor, Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University (St. Petersburg, Russia)

Natalia A. Stefanovskaya, Dr. Sci. (Sociology), Associate Professor, Tambov State University named after G. R. Derzhavin (Tambov, Russia)

Sergey A. Shelkovnikov, Dr. Sci. (Economics), Professor, Novosibirsk State Agrarian University (Novosibirsk, Russia)

Oleg S. Sukharev, Dr. Sci. (Economics), Professor, Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

Yulia P. Ten, Dr. Sci. (Philosophy), Professor, Financial University under the Government of the Russian Federation (Moscow, Russia)

Tatyana Yu. Tkacheva, Dr. Sci. (Economics), Associate Professor, Southwest State University (Kursk, Russia)

Yuri I. Treshchevsky, Dr. Sci. (Economics), Professor, Voronezh State University (Voronezh, Russia)

Natalia V. Volokhova, Dr. Sci. (Philosophy), Associate Professor, Kursk State University (Kursk, Russia)

Vitalij V. Zotov, Dr. Sci. (Sociology), Professor, Moscow Institute of Physics and Technology (National Research University) (Moscow, Russia)

Olga A. Yanovskaya, Dr. Sci. (Economics), Professor, Independent Agency of Accreditation and Rating (Nursultan, Republic of Kazakhstan)

Founder and Publisher :
“Southwest State University”

**Official address of the Founder, Publisher
and Editoriat Office:**

305040, Russia, Kursk, ul. 50 Let Oktyabrya, 94

Phone: (+74712) 22-25-26,

Fax: (+74712) 50-48-00.

E-mail: rio_kursk@mail.ru

The Journal is officially registered by:

The Federal Supervising Authority in the Field
of Communication, Information Technology and Mass media
(PI №FS77-82284 of 23.11.2021).

ISSN 2223-1552 (Print)

DOI Prefix: 10.21869

Web-site: <https://swsu.ru/izvestiya/serieconom/>

© Southwest State University, 2026

Publications are available in accordance with
the Creative Commons Attribution 4.0 License

Printing office:

Printing Center
of the Southwest State University,
305040, Russia, Kursk,
ul. 50 Let Oktyabrya, 94

Subscription and distribution:

the journal is distributed by subscription.
Subscription index 44284 in the General
Catalogue “Pressa Rossii”

Frequency: once in two months

Free-of-control price.

Original lay-out design: A. E. Djioeva

Sent to the printer 30.06.2026. Format 60x84/8.

Release date 07.08.2026.

Offset paper. Printer’s sheets: 34,4.

Circulation 1000 copies. Order 26.

16+

СОДЕРЖАНИЕ

УПРАВЛЕНИЕ В СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ СИСТЕМАХ.....	10
Динамика банкротств как макроиндикатор эффективности антикризисного управления организациями	10
<i>Плотников В. А., Ушаков Н. А.</i>	
Оценка управления эффективностью деятельности социальных предприятий	20
<i>Цуркан М. В., Кузнецова О. В.</i>	
ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА И МЕХАНИЗМЫ ЕЕ РЕАЛИЗАЦИИ.....	29
Правовые, организационные и финансовые инструменты региональной политики в сфере печати и массовой информации.....	29
<i>Пархомчук М. А., Кузьмина В. М.</i>	
Региональная дифференциация мер государственной поддержки организаций креативного сектора.....	44
<i>Шкарина В. С.</i>	
ГОСУДАРСТВО И БИЗНЕС НА ПУТИ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ.....	58
Показатели и критерии эффективности цифровой трансформации сферы ЖКХ в Нижегородской области.....	58
<i>Долгова О. А., Кондратьева Н. Н., Тюрина Ю. О.</i>	
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ РЕГИОНАЛЬНЫХ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ СИСТЕМ	75
Обеспечение финансовой устойчивости реального сектора как детерминанта региональной инвестиционной политики в условиях перехода к новому технологическому укладу	75
<i>Колмыкова Т. С., Субботина Ю. А., Астапенко Е. О.</i>	
Стратегическое планирование социально-экономического развития регионов: эволюция, вызовы и новые управленческие подходы	86
<i>Положенцева Ю. С.</i>	
Интеллектуальная собственность как фактор экономического роста и инновационного развития регионов России	103
<i>Томакова И. А., Коптева Ж. Ю., Жилыева М. С., Салтынский И. С., Стебихов Д. А.</i>	
Системные барьеры внедрения корпоративной социальной ответственности в регионах России: многоуровневая модель	116
<i>Муравьева О. В., Крыжановская О. А.</i>	
Региональные институционально-стратегические особенности трансформации административно-территориального деления и регулирования пространственного развития муниципальных районов	127
<i>Симоненко Е. С., Есенкова Г. А., Евченко А. В.</i>	
ЭКОНОМИКА И ОРГАНИЗАЦИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРЕДПРИЯТИЙ, ОТРАСЛЕЙ, КОМПЛЕКСОВ.....	143
Диагностика инновационного развития предприятий туристической отрасли в системе региональной экономики	143
<i>Жахов Н. В., Дзахмишева И. Ш., Решетникова М. В.</i>	
ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ФАКТОРЫ РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИЧЕСКИХ СИСТЕМ	159
Биоэкономика в условиях глобальных трансформаций: ключевые вызовы и стратегические перспективы развития	159
<i>Авдеев И. В., Серебряков Д. С.</i>	
ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ФИНАНСОВОГО СЕКТОРА.....	169
Разработка модели оценки влияния операционной эффективности на рыночную стоимость банка	169
<i>Черкашнев Р. Ю., Бреева Д. С., Беляев А. И.</i>	
Становление и направления развития ESG-банкинга в России под влиянием внешних факторов	182
<i>Быканова Н. И., Назарова А. Н.</i>	

ТРУДОВЫЕ РЕСУРСЫ И ОБРАЗОВАНИЕ	196
Типология региональных университетов по уровням готовности к обучению управлению ИИ-агентами в условиях цифровой трансформации системы высшего образования	196
<i>Акмаева Р. И., Бабкин И. А.</i>	
СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ОБЩЕСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ.....	211
Рефлексивная кооптация: новая парадигма взаимодействия контркультуры и рынка.....	211
<i>Ушаков Д. С., Подольская Т. В.</i>	
Аксиологические основания установок молодых мигрантов на конфликтность и консолидацию в сетевых коммуникациях	225
<i>Бесфамильный Д. А.</i>	
Социализация личности сквозь призму психоанализа: вклад З. Фрейда и Э. Фромма в социологическое осмысление личностного развития и социальной адаптации	235
<i>Кузнецов В. А., Килимова Л. В.</i>	
ФИЛОСОФСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПРИРОДЫ, ОБЩЕСТВА, ЧЕЛОВЕКА.....	246
Квантово-синергетическая антропология театральной игры: антропологический джаз	246
<i>Буданов В. Г., Сеницына Т. А.</i>	
Компьютерное моделирование как метод научного познания	257
<i>Килимова Л. В., Черкашин М. Д., Бартенев А. А.</i>	
Концепция идеального типа Макса Вебера: опыт сравнительного анализа протестантской и православной хозяйственной этики	268
<i>Ветрова О. А., Амелина С. А., Жиленкова В. К.</i>	
НАУЧНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ	284
Этапы становления современных углеродных рынков в контексте трансформации мировой экономики.....	284
<i>Авдеева А. И.</i>	
К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ.....	296

CONTENT

MANAGEMENT IN SOCIO-ECONOMIC SYSTEMS.....	10
Bankruptcy dynamics as a macro indicator of the organizations' anti-crisis management effectiveness.....	10
<i>Plotnikov V. A., Ushakov N. A.</i>	
Evaluation of social enterprise performance management.....	20
<i>Turcan M. V., Kuznetsova O. V.</i>	
ECONOMIC POLICY AND MECHANISMS OF ITS REALIZATION	29
Legal, organizational and financial instruments of regional policy in the field of press and mass media.....	29
<i>Parkhomchuk M. A., Kuzmina V. M.</i>	
Regional differentiation of government support measures for creative sector organizations.....	44
<i>Shkarina V. S.</i>	
THE GOVERNMENT AND BUSINESS ON THE PATH OF THE DIGITAL TRANSFORMATION.....	58
Indicators and criteria for the effectiveness of digital transformation housing and communal services in the Nizhny Novgorod region	58
<i>Dolgova O. A., Kondratieva N. N., Tyurina Yu. O.</i>	
ACTUAL PROBLEMS OF REGIONAL SOCIO- ECONOMIC SYSTEMS DEVELOPMENT	75
Ensuring financial stability of the real sector as a determinant of regional investment policy in the context of the transition to a new technological order	75
<i>Kolmykova T. S., Subbotina Yu. A., Astapenko E. O.</i>	
Strategic planning of socio-economic development of regions: evolution, challenges and new management approaches.....	86
<i>Polozhentseva Yu. S.</i>	
Intellectual property as a factor of economic growth and innovative development of Russian regions	103
<i>Tomakova I. A., Kopteva Zh. Yu., Zhilyaeva M. S., Saltynskiy I. S., Stebikhov D. A.</i>	
Systemic barriers to the implementation of corporate social responsibility in Russian regions: a multilevel model.....	116
<i>Muravyeva O. V., Kryzhanovskaya O. A.</i>	
Regional institutional and strategic features of the transformation of administrative-territorial division and regulation of spatial development of municipal districts.....	127
<i>Simonenko E. S., Esenkova G. A., Evchenko A. V.</i>	
ECONOMICS AND ORGANIZATION OF ENTERPRISES, INDUSTRIES, COMPLEXES.....	143
Diagnostics of innovative development of tourism industry enterprises in the regional economy	143
<i>Zhakhov N. V., Dzakhmishcheva I. Sh., Reshetnikova M. V.</i>	
INSTITUTIONAL FACTORS OF ECONOMIC SYSTEMS DEVELOPMENT	159
Bioeconomy in the context of global transformations: key challenges and strategic development prospects.....	159
<i>Avdeev I. V., Serebryakov D. S.</i>	
PROBLEMS AND PROSPECTS OF THE FINANCIAL SECTOR DEVELOPMENT.....	169
Development of a model for assessing the impact of operational efficiency on the market value of a bank.....	169
<i>Cherkashnev R. Yu., Breeva D. S., Belyaev A. I.</i>	
The formation and development of ESG banking in Russia under the influence of external factors	182
<i>Bykanova N. I., Nazarova A. N.</i>	
HUMAN RESOURCES AND EDUCATION	196
A typology of regional universities by their level of readiness for training in AI agent management in the context of the digital transformation of the higher education system	196
<i>Akmaeva R. I., Babkin I. A.</i>	

SOCIOLOGICAL ASPECTS OF SOCIAL DEVELOPMENT	211
Reflexive co-optation: a new paradigm of counterculture-market interaction.....	211
<i>Ushakov D. S., Podolskaya T. V.</i>	
Axiological foundations of young migrants' attitudes towards conflict and consolidation in network communications.....	225
<i>Besfamilnyi D. A.</i>	
Socialization of the individual through the prism of psychoanalysis: the contribution of Z. Freud and E. Fromm to the sociological understanding of personal development and social adaptation	235
<i>Kuznetsov V. A., Kilimova L. V.</i>	
PHILOSOPHICAL STUDY OF NATURE, SOCIETY AND HUMAN	246
Quantum-synergetic anthropology of theatrical acting: anthropological jazz	246
<i>Budanov V. G., Sinitsyna T. A.</i>	
Computer modeling as a method of scientific knowledge	257
<i>Kilimova L. V., Cherkashin M. D., Bartenev A. A.</i>	
The concept of Max Weber's ideal type: a comparative analysis of protestant and orthodox economic ethics.....	268
<i>Vetrova O. A., Amelina S. A., Zhilenkova V. K.</i>	
SCIENTIFIC RESEARCHES OF YOUNG SCIENTISTS	284
Phases of the formation of modern carbon markets in the context of the transformation of the global economy.....	284
<i>Avdeeva A. I.</i>	
INFORMATION FOR AUTHORS	296

Оригинальная статья / Original article

УДК 338.2

<https://doi.org/10.21869/2223-1552-2026-16-3-10-19>

Динамика банкротств как макроиндикатор эффективности антикризисного управления организациями

В. А. Плотников¹✉, Н. А. Ушаков²

¹ Санкт-Петербургский государственный экономический университет
наб. канала Грибоедова, д. 30-32, г. Санкт-Петербург 191023, Российская Федерация

² Санкт-Петербургский университет технологий управления и экономики
Лермонтовский пр., д. 44, г. Санкт-Петербург 190103, Российская Федерация

✉ e-mail: plotnikov_2000@mail.ru

Резюме

Актуальность. Проблематика банкротств в контексте повышения эффективности менеджмента в целом и антикризисного управления в частности требует углубленного изучения.

Цель – выявить взаимосвязь между динамикой банкротств организаций и эффективностью антикризисного управления на микро- и макроуровнях, а также разработать подходы к интерпретации статистических данных о несостоятельности для оценки качества управленческих решений.

Задачи: проанализировать динамику банкротств юридических лиц в Российской Федерации в 2015–2025 гг.; выявить ключевые тренды и структурные сдвиги в банкротствах; систематизировать подходы различных стейкхолдеров к оценке состояния бизнеса; разработать предложения по использованию статистики банкротств как индикатора эффективности антикризисного управления.

Методология. Исследование базируется на системном подходе к анализу явлений несостоятельности. Используются методы статистического анализа для обработки данных Федресурса (горизонтальный анализ, анализ структурных сдвигов), метод сравнительного анализа для сопоставления подходов разных стейкхолдеров.

Результаты. Установлено, что количество банкротств юридических лиц в России в 2025 г. сократилось, при этом выявлены разнонаправленные отраслевые тренды. Систематизированы индикаторы снижения устойчивости для разных групп стейкхолдеров: для собственников и менеджмента выделены рыночные, операционные, инвестиционные, финансовые, управленческие и организационные признаки; для кредиторов предложена модель триггер-анализа; для арбитражных управляющих предложен алгоритм выявления признаков «объективного банкротства».

Выводы. Динамика банкротств является важным, но не единственным индикатором эффективности антикризисного управления. Снижение числа банкротств юридических лиц может свидетельствовать как об успешной антикризисной политике (в том числе о моратории на банкротство), так и о консервации неэффективных предприятий. Обоснована необходимость комплексного подхода к интерпретации статистики банкротств, учитывающего отраслевую и региональную специфику, а также интересы различных стейкхолдеров. Предложенные рекомендации могут быть использованы для совершенствования системы раннего предупреждения кризисов и повышения эффективности антикризисного управления организаций.

Ключевые слова: банкротство; несостоятельность; антикризисное управление; менеджмент организации; индикаторы кризиса; стейкхолдеры; триггер-анализ.

© Плотников В. А., Ушаков Н. А., 2026

Конфликт интересов: В представленной публикации отсутствует заимствованный материал без ссылок на автора и (или) источник заимствования, нет результатов научных работ, выполненных авторами публикации лично и (или) в соавторстве, без соответствующих ссылок. Авторы декларируют отсутствие конфликта интересов, связанных с публикацией данной статьи.

Для цитирования: Плотников В. А., Ушаков Н. А. Динамика банкротств как макроиндикатор эффективности антикризисного управления организациями // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2026. Т. 16, № 3. С. 10–19. <https://doi.org/10.21869/2223-1552-2026-16-3-10-19>.

Поступила в редакцию 08.04.2026

Принята к публикации 06.05.2026

Опубликована 30.06.2026

Bankruptcy dynamics as a macro indicator of the organizations' anti-crisis management effectiveness

Vladimir A. Plotnikov¹✉, Nikita A. Ushakov²

¹ Saint Petersburg State University of Economics
30-32 Griboedov Canal emb., Saint Petersburg 191023, Russian Federation

² Saint-Petersburg University of Management Technologies and Economics
44 Lermontovsky pass., Saint Petersburg 190103, Russian Federation

✉ e-mail: Plotnikov_2000@mail.ru

Abstract

Relevance. Anti-Russian sanctions have a destructive impact on the economy, negatively affecting the sustainability of enterprises, which attracts special attention to the problem of bankruptcy in the context of improving the effectiveness of management in general and crisis management in particular.

The purpose is identify the relationship between the dynamics of corporate bankruptcies and the effectiveness of crisis management at the micro and macro levels, as well as to develop approaches to interpreting statistical data on insolvency to assess the quality of management decisions.

Objectives: to analyze the dynamics of corporate bankruptcies in the Russian Federation in 2015-2025; to identify key trends and structural shifts in bankruptcies; to systematize the approaches of various stakeholders to assessing the state of business; to develop proposals on the use of bankruptcy statistics as an indicator of the effectiveness of crisis management.

Methodology. The research is based on a systematic approach to the analysis of insolvency phenomena. Statistical analysis methods were used to process Federal Resource data (horizontal analysis, structural shift analysis), and a comparative analysis method to compare the approaches of different stakeholders.

Results. It was found that the number of bankruptcies of legal entities in Russia in 2025 decreased. Indicators of declining sustainability for different groups of stakeholders are systematized: market, operational, investment, financial, managerial and organizational features are identified for owners and management; a trigger analysis model is proposed for creditors; an algorithm for identifying signs of "objective bankruptcy" is proposed for arbitration managers.

Conclusions. The dynamics of bankruptcies is an important, but not the only indicator of the effectiveness of crisis management. A decrease in the number of bankruptcies of legal entities may indicate both a successful anti-crisis policy (including a moratorium on bankruptcy) and the conservation of inefficient enterprises. The necessity of an integrated approach to the interpretation of bankruptcy statistics, considering industry and regional specifics, as well as the interests of various stakeholders, is substantiated. The proposed recommendations can be used to improve the crisis early warning system and increase the effectiveness of anti-crisis management of organizations.

Keywords: bankruptcy; insolvency; anti-crisis management; organization management; crisis indicators; stakeholders; trigger analysis.

Conflict of interest: In the presented publication there is no borrowed material without references to the author and (or) source of borrowing, there are no results of scientific works performed by the authors of the publication, personally and (or) in co-authorship, without relevant links. The authors declares no conflict of interest related to the publication of this article.

For citation: Plotnikov V.A., Ushakov N.A. Bankruptcy dynamics as a macro indicator of the organizations' anti-crisis management effectiveness. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment = Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management*. 2026;16(3):10–19. (In Russ.) <https://doi.org/10.21869/2223-1552-2026-16-3-10-19>.

Received 08.04.2026

Accepted 06.05.2026

Published 30.06.2026

Введение

Банкротство (несостоятельность) организации является крайним проявлением кризисных явлений в её деятельности [1], которые, несмотря на усилия менеджмента этой организации, так и не удалось преодолеть [2]. В свою очередь эффективность антикризисного управления [3] можно рассматривать как частное проявление эффективности менеджмента в целом [4], в том числе с учетом инновационных изменений [5]. Как отмечают в этой связи Л. В. Улыбина и А. Н. Белогорская, «кризисы выступают одной из фундаментальных составляющих экономики, а их возникновение является неотъемлемой характеристикой процессов экономического развития. Поэтому можно говорить о том, что любое эффективное управление является антикризисным» [6, с. 104].

В этом контексте динамика банкротств может рассматриваться как один из результирующих индикаторов качества и менеджмента в целом [7] и антикризисного управления – как на уровне отдельных организаций, так и на уровне отраслей, регионов и страны в целом [8]. Следовательно, справедливо утверждать, что динамика банкротств может рассматриваться как макроиндикатор эффективности антикризисного управления в целом [9].

Материалы и методы

Статистика банкротств в Российской Федерации публикуется Единым федеральным реестром сведений о банкротстве (далее – Федресурс) (<https://fedresurs.ru/>). При проведении исследования были использованы данные этого источника за период 2015–2025 гг. Они позволяют отслеживать масштабы и динамику несостоятельности, выявлять

проблемные отрасли и регионы, оценивать эффективность мер государственной поддержки и антикризисной политики.

Однако интерпретация этих данных требует комплексного подхода [10], учитывающего не только абсолютные показатели, но и их динамику, отраслевую и региональную структуру, а также внешние факторы (санкции, пандемия, моратории), что требует использования комплекса методов: сравнительного и ретроспективного анализа, системного подхода, индексного метода, сценарного и ситуационного анализа, экономико-статистических и экспертно-аналитических методов. Проведенное исследование базируется на системном подходе к анализу явлений несостоятельности [11]. Используются методы статистического анализа (горизонтальный анализ, анализ структурных сдвигов), метод сравнительного анализа и стейкхолдер-анализ.

Цель исследования – выявить взаимосвязь между динамикой банкротств организаций и эффективностью антикризисного управления на микро- и макроуровнях, а также разработать подходы к интерпретации статистических данных о несостоятельности для оценки качества управленческих решений.

Результаты и их обсуждение

Анализ данных, представленных в официальной статистике Федресурса, позволяет выявить ключевые тенденции, описательная статистика по которым приведена ниже:

1. Общая динамика банкротств. Количество сообщений о признании должника банкротом и открытии конкурсного производства в отношении юридических лиц и крестьянско-фермерских хозяйств существенно сократилось – с 13 027 в 2015 г. до 6 477 в 2025 г. Наиболее суще-

ственное снижение произошло в последний год – с 8 561 в 2024 г. до 6 477 в 2025 г. (–24,3%). Количество сообщений о введении наблюдения (первая процедура банкротства) также существенно сократилось – с 10 180 в 2015 г. до 5 268 в 2025 г.

При этом в 2023 г. наблюдался временный рост (до 7 522), что может быть связано с отложенным эффектом кризисных явлений 2022 г. Количество сообщений о введении внешнего управления (реабилитационная процедура) сократилось с 434 в 2015 г. до 51 в 2025 г. Количество сообщений о введении финансового оздоровления также существенно сократилось: с 38 в 2015 г. до 8 в 2025 г.

Таким образом, приведенные данные позволяют сделать вывод, что восстановительные процедуры (внешнее управление и финансовое оздоровление) применяются крайне редко – их доля в общем числе процедур составляет менее 1%. Это свидетельствует о низком реабилитационном потенциале российской системы банкротства и о преимущественно ликвидационном характере процедур.

2. Региональная дифференциация банкротств. Анализ данных о банкротствах по регионам показывает значительную территориальную дифференциацию. В 2025 г. наибольшее количество банкротств юридических лиц зафиксировано в Москве (1 588; –19,1% к 2024 г.); Московской области (578; –23,9%), Санкт-Петербурге (486; –21,5%), Краснодарском крае (256; –10,8%), Республике Татарстан (194; –26,0%).

Наиболее существенное снижение числа банкротств в 2025 г. наблюдалось в Калининградской области (–56,0%), Хабаровском крае (–56,4%), Тюменской области (–50,0%), Ульяновской области (–47,5%), Липецкой области (–48,9%). Напротив, рост числа банкротств отмечен в Республике Дагестан (+32,6%), Тверской области (+20,3%), Республике Коми (+66,7%), Республике Ингушетия (+185,7%). Эти данные могут свидетель-

ствовать как об ухудшении экономической ситуации в этих регионах, так и о повышении эффективности процедур банкротства (легализации теневых процессов).

Таким образом, приведенные данные позволяют сделать вывод, что показатели банкротства бизнеса в регионах подчиняются той же закономерности, что и любые иные показатели, характеризующие региональные хозяйственные системы. Наблюдается высокий уровень дифференциации этих показателей [12], как в статике, так и в динамике [13], что порождает и воспроизводит региональную асимметрию [14].

3. Отраслевая структура банкротств. Анализ данных по отраслям показывает, что в 2025 г. наиболее уязвимыми секторами явились: торговля – 1 670 банкротств (–17,3% к 2024 г.); строительство – 1 636 банкротств (–24,6%); обрабатывающие производства – 652 банкротства (–20,4%); операции с недвижимостью – 524 банкротства (–39,8%); транспортировка и хранение – 468 банкротств (–25,9%). Наименьшее число банкротств (с учётом масштаба сектора) отмечено в сельском хозяйстве – 186 банкротств (–22,8%), образовании – 4 банкротства (–33,3%), здравоохранении – 29 банкротств (–43,1%). Следует отметить, что в сфере культуры и спорта зафиксирован рост числа банкротств (+19,4%), что может быть связано с последствиями пандемийных ограничений.

Таким образом, приведенные данные позволяют сделать вывод, что показатели банкротства в отраслевом разрезе, как и в региональном, демонстрируют довольно высокую дифференциацию.

4. Намерения обратиться в суд (опережающий индикатор). Анализ доступной статистики относительно намерений кредиторов обратиться в суд с заявлением о банкротстве показывает, что после пика в 2015–2016 гг. (17 322 и 21 288 намерений, соответственно) этот показатель снизился на порядок (до 1 941 в 2025 г.). Столь резкое снижение может

объясняться несколькими факторами: во-первых, введением мораториев на банкротство в 2022 и 2024 гг.; во-вторых, переориентацией кредиторов на внесудебные механизмы урегулирования споров; в-третьих, произошедшей «расчисткой» рынка от неперспективной задолженности.

Таким образом, намерения кредиторов могут рассматриваться как опережающий индикатор будущих банкротств (с лагом 6–12 месяцев, что определяется длительностью соответствующих процедур). Однако в условиях регулярно вводимых властями мораториев на банкрот-

ства, а также хронической нестабильности (турбулентности) экономики [15] этот индикатор теряет прогностическую силу.

В целом, по нашему мнению, динамика банкротств может рассматриваться как индикатор эффективности антикризисного управления. Это, теоретически говоря, могло бы позволить построить соответствующую эконометрическую модель, что порой и делается различными исследователями [16]. Например, построенные одним из соавторов данной статьи по данным Федресурса модели приведены в таблице 1.

Таблица 1. Результаты регрессионного анализа статистики банкротств

Показатель	Уравнение регрессии	Коэффициент детерминации R^2
Статистика признания должника банкротом и открытия конкурсного производства	$y = -592,3 x + 13951$	0,73
Статистика о введении наблюдения	$y = -527,0 x + 11570$	0,62
Статистика о введении внешнего управления	$y = -39,4 x + 446,2$	0,93
Статистика о введении финансового оздоровления	$y = -3,0 x + 45,4$	0,35
Статистика о намерениях кредитора обратиться в суд с заявлением о банкротстве	$y = -19509 x + 176072$	0,31

Примечания: 1. Построено Н. А. Ушаковым по данным Федресурса за период 2015–2025 гг.

2. В уравнениях регрессии использованы обозначения: y – количество процедур / намерений; x – год (кодированный как 1, 2, 3, ... для простоты расчета, а именно: 2015 = 1, 2016 = 2, ..., 2025 = 11).

Приведенные в таблице 1 уравнения регрессии для показателей «признание должника банкротом и открытие конкурсного производства» и «введение внешнего управления» имеют довольно высокие значения коэффициента детерминации, что, казалось бы, может служить основанием для использования этих уравнений на практике. Но построение подобных моделей с прогностическими целями, по нашему мнению, вызывает вопросы относительно достоверности прогнозов.

Это определяется рядом условий, которые в такого рода моделях не учитываются:

– во-первых, снижение числа банкротств не всегда свидетельствует о повышении эффективности управления организациями. Оно может быть следстви-

ем и иных факторов: введения мораториев на банкротство (как в 2022–2024 гг.); «заморозки» и затягивания процедур из-за нехватки арбитражных управляющих; «консервации» неэффективных предприятий, которые продолжают функционировать за счёт накопления долгов; перехода части бизнеса в теневой сектор экономики;

– во-вторых, рост числа банкротств не всегда свидетельствует о кризисе и неэффективности менеджмента [17]. Он может быть следствием: «очистки» рынка от неэффективных игроков (особенно это характерно для периодов после отмены мораториев на банкротства, а также после изменения государством институциональных условий ведения бизнеса, например, в виде повышения налогового бремени); повышения эффективности су-

дебной системы и процедур банкротства, в т. ч. ускорения соответствующих процедур; легализации ранее скрываемых фактов неплатежеспособности;

– в-третьих, следует учитывать отраслевую и региональную специфику (выше мы приводили соответствующую описательную статистику, которая указывает на наличие существенной дифференциации). Снижение банкротств в одной отрасли при их росте в другой может отражать структурные сдвиги в экономике [18], а не общую динамику банкротств в экономике в целом.

Также надо учитывать то обстоятельство, что оценка перспектив продолжения функционирования бизнеса и, соответственно, вероятности его банкротства зависит от позиций и экономических интересов того субъекта, который такого рода оценку производит [19]. Иными словами, здесь необходимо использовать стейкхолдерский подход при анализе. В качестве методической основы для оценки состояния бизнеса с позиций различных стейкхолдеров можно использовать предложенный О. А. Львовой комплексный подход [20]. Рассмотрим ключевые аспекты этого подхода:

1. Для собственников и менеджмента О. А. Львова выделяет систему рыночных, операционных, инвестиционных, финансовых, управленческих и организационных признаков снижения устойчивости бизнеса. К их числу относятся: падение выручки, рост себестоимости, увеличение запасов готовой продукции, невыполнение инвестиционных проектов, рост дебиторской и кредиторской задолженности, конфликты между акционерами, негативную информацию о деловой репутации и др.

2. Для банка-кредитора предлагается стратегическая карта триггер-анализа, включающая четыре блока триггеров: рыночные (оценка конкурентной среды, клиентских сегментов, драйверов роста рынка); ресурсные (анализ состава и состояния активов, их

группировка по степени востребованности и ликвидности, оценка поведения собственника (добросовестность), юридический аудит прав на имущество); процессные (изучение основных бизнес-процессов: закупки, производство, сбыт, управление, маркетинг, IT-обеспечение и др.); финансовые триггеры (анализ динамики финансовых результатов, движения денежных средств, структуры источников финансирования, коэффициентов долговой нагрузки, ликвидности и финансовой устойчивости).

3. Для арбитражного управляющего рекомендовано использовать нормативные требования к анализу финансового состояния должника, закрепленные в постановлении Правительства Российской Федерации от 25.06.2003 г. № 367 «Об утверждении Правил проведения арбитражным управляющим финансового анализа». Однако, как отмечает О. А. Львова (и мы солидарны с этой оценкой), эти правила устарели и не позволяют в достаточной мере объективно выявлять признаки банкротства в современных условиях.

Рассмотренная методика даже при использовании стейкхолдерского подхода, как и многие иные аналогичные методики, описанные в литературе, ориентируется на точечные оценки, касающиеся конкретной организации, характеристик ее бизнеса. В то же время обширная статистика, которая многосторонне и комплексно характеризует ситуацию с банкротствами на макроуровне, практически не используется.

В этой связи на основе анализа известных кейсов банкротств мы сформулировали рекомендации по использованию статистики банкротств в антикризисном управлении в разрезе тех же трех групп стейкхолдеров и дополнительно – для заинтересованных государственных органов.

Для собственников и менеджмента организаций можно рекомендовать регу-

лярно отслеживать не только собственные финансовые показатели, но и отраслевые и региональные тренды банкротств. Рост числа банкротств в отрасли или регионе даже при стабильных показателях компании – сигнал к пересмотру стратегии и активизации антикризисных мер. С большой вероятностью можно ожидать «заражения» бизнеса кризисом из неустойчивой отраслевой (региональной) бизнес-среды.

Для кредиторов можно рекомендовать использовать данные Федресурса для мониторинга заёмщиков, раннего выявления признаков проблемности и своевременной корректировки кредитной политики. Предлагаемая О. А. Львовой модель триггер-анализа, которая кратко была описана выше, может быть интегрирована в системы риск-менеджмента банков и иных финансовых организаций, предоставляющих заемное финансирование.

Для арбитражных управляющих можно рекомендовать совершенствовать методику финансового анализа должника, включая в неё признаки «объективного» банкротства и анализ сделок. Это позволит более обоснованно переходить к реабилитационным процедурам (там, где это возможно) и точнее определять размер субсидиарной ответственности.

Для государственных органов и регуляторов можно рекомендовать учитывать динамику банкротств при оценке эффективности мер государственной поддержки бизнеса, которая активизируется в кризисных условиях (последние примеры: пандемия COVID-19, введение антироссийских санкций после начала специальной военной операции). Если после отмены моратория на банкротство наблюдается кратковременный всплеск банкротств, то это может свидетельствовать о том, что мораторий лишь отсрочил, но не предотвратил кризис.

Выводы

Проведённое исследование позволяет утверждать, что динамика банкротств в Российской Федерации в 2015–2025 гг., несмотря на общий понижающийся тренд, характеризуется разнонаправленными тенденциями. Это свидетельствует о сохранении финансового напряжения в экономике. При этом использование динамики банкротств как макроиндикатора эффективности антикризисного управления требует комплексного подхода, учитывающего отраслевую и региональную специфику, влияние внешних факторов (моратории, санкции и др.) и интересы различных стейкхолдеров.

Подход к оценке состояния бизнеса для разных категорий стейкхолдеров (собственников, кредиторов, арбитражных управляющих, инвесторов и др.) создает методологическую основу для раннего выявления кризисных явлений и повышения эффективности антикризисного управления. Дальнейшие исследования должны быть направлены на разработку интегральных моделей прогнозирования банкротств, учитывающих не только финансовые показатели, но и качественные характеристики управления, а также на совершенствование правового и институционального обеспечения процедур банкротства в целях повышения их реабилитационного потенциала.

Перспективными направлениями дальнейших исследований, по мнению авторов, являются: разработка методик оценки эффективности антикризисного управления на основе динамики банкротств с учётом отраслевых и региональных коэффициентов; создание моделей прогнозирования банкротств с использованием методов машинного обучения и больших данных; анализ взаимосвязи между мораториями на банкротство и последующей динамикой несостоятельности; сравнительный анализ реабилитационного потенциала процедур банкротства в разных странах.

Список литературы

1. Ягунова Н. А. Анализ современных угроз экономической безопасности // Теория и практика сервиса: экономика, социальная сфера, технологии. 2024. № 4 (62). С. 5-9.
2. Плотников В. А., Серегин С. С. Управление рыночными рисками деятельности предприятий на основе использования методов нечеткой логики // Экономика и управление. 2011. № 3 (65). С. 79-82.
3. Breuer W., Haas S., Mersmann K. Post-bankruptcy performance: A systematic literature review on the performance of U.S. firms after emerging from Chapter 11 bankruptcy // Journal of Economics and Business. 2026. Vol. 138. P. 106290.
4. Кочетков Е. П. Трансформация теории антикризисного управления компаниями в условиях цифровой экономики: вызовы технологической революции и глобальных экономических кризисов // Вопросы инновационной экономики. 2022. Т. 12, № 2. С. 911–934.
5. Ушаков Н. А. Антикризисное управление в условиях внедрения технологий анализа больших данных // Теория и практика сервиса: экономика, социальная сфера, технологии. 2024. № 4 (62). С. 28-31.
6. Улыбина Л. В., Белогорская А. Н. Модели кризис-менеджмента в организациях // Вестник Российского университета кооперации. 2020. № 2 (40). С. 104–108.
7. Michalkova L., Ponisciakova O. Bankruptcy Prediction, Financial Distress and Corporate Life Cycle: Case Study of Central European Enterprises // Administrative Sciences. 2025. Vol. 15, N 2. P. 63.
8. Мунтян Н., Мунтян Ю., Вертакова Ю. В. Обзор исследований в области прогнозирования риска банкротства в Беларуси, Республике Молдова, России и Украине в сравнении с опытом развитых стран // Теория и практика сервиса: экономика, социальная сфера, технологии. 2020. № 2 (44). С. 5-13.
9. The impact of bankruptcy regimes on entrepreneurship and innovation. Is there any relationship? / B. Prusak, S. Morawska, M. Łukowski, P. Banasik // International Entrepreneurship and Management Journal. 2022. Vol. 18, N 1. P. 473–498.
10. Ягунова Н. А., Мухортов Д. В., Ушаков Н. А. Антикризисное управление и обеспечение экономической безопасности // Социально-экономические проблемы обеспечения устойчивости российской экономики: сборник научных статей Всероссийской научно-практической конференции с проведением межвузовского круглого стола, г. Москва, 23 октября 2025 г. Курск: Университетская книга, 2025. С. 220-225.
11. Lukason O., Camacho-Miñano M.-d.-M. Bankruptcy Risk, Its Financial Determinants and Reporting Delays: Do Managers Have Anything to Hide? // Risks. 2019. Vol. 7, N 3. P. 77.
12. Бурова Н. В., Нерадовская Ю. В., Чернова С. А. Факторы и предпосылки региональной дифференциации российского рынка труда // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2025. № 3 (153). С. 115-120.
13. Айвазян С. А., Афанасьев М. Ю., Кудров А. В. Индикаторы основных направлений социально-экономического развития и их агрегаты в пространстве характеристик региональной дифференциации // Прикладная эконометрика. 2019. Т. 54. С. 51-69.
14. Плотников В. А., Лисина Е. А. Оценка уровня региональной дифференциации в Российской Федерации // Теория и практика сервиса: экономика, социальная сфера, технологии. 2018. № 2 (36). С. 5-15.
15. Юсуфова А. М. Экономическая безопасность предприятий: подходы к обеспечению в условиях современной политико-экономической турбулентности // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2023. № 6-1 (144). С. 188-193.
16. Research, innovation, and bankruptcy: evidence from European manufacturing firms / M. Agostino, D. Scalera, M. Succurro, F. Trivieri // Industrial and Corporate Change. 2022. Vol. 31, N 1. P. 137–160.

17. Vertakova Y., Vselenskaya I., Plotnikov V. Mergers and Acquisitions Risk Modeling // *Journal of Risk and Financial Management*. 2021. Vol. 14, N 9. P. 451.
18. Плотников А. В. Механизмы нарушения экономической безопасности: анализ с позиций порогового подхода // *Теория и практика сервиса: экономика, социальная сфера, технологии*. 2024. № 1 (59). С. 5-10.
19. Овчаренко Р. К., Халамбащян Е. В. Антикризисное управление отечественными предприятиями в условиях неопределенности // *Государственное и муниципальное управление. Ученые записки*. 2024. № 1. С. 67–75.
20. Львова О. А. Оценка состояния бизнеса в рамках антикризисного управления: подходы для собственника, кредитора, арбитражного управляющего и инвестора // *Вестник Института экономики Российской академии наук*. 2023. № 4. С. 89–111.

References

1. Yagunova N.A. Analysis of modern threats to economic security. *Teoriya i praktika servisa: ekonomika, sotsial'naya sfera, tekhnologii = Theory and Practice of the Service: Economics, Social Sphere, Technology*. 2024;(4):5-9. (In Russ.)
2. Plotnikov V.A., Seregin S.S. Management of market risks of enterprises based on the use of fuzzy logic methods. *Ekonomika i upravlenie = Economics and Management*. 2011;(3):79-82. (In Russ.)
3. Breuer W., Haas S., Mersmann K. Post-bankruptcy performance: A systematic literature review on the performance of U.S. firms after emerging from Chapter 11 bankruptcy. *Journal of Economics and Business*. 2026;138:106290.
4. Kochetkov E.P. Transformation of the theory of anti-crisis management of companies in the digital economy: challenges of the technological revolution and global economic crises. *Voprosy innovatsionnoi ekonomiki = Issues of Innovative Economics*. 2022;12(2):911-934. (In Russ.)
5. Ushakov N.A. Anti-crisis management in the context of the introduction of big data analysis technologies. *Teoriya i praktika servisa: ekonomika, sotsial'naya sfera, tekhnologii = Theory and Practice of the Service: Economics, Social Sphere, Technologies*. 2024;(4):28-31. (In Russ.)
6. Ulybina L. V., Belogorskaya A. N. Models of crisis management in organizations. *Vestnik Rossiiskogo universiteta kooperatsii = Bulletin of the Russian University of Cooperation*. 2020;(2):104-108. (In Russ.)
7. Michalkova L., Ponisciakova O. Bankruptcy Prediction, Financial Distress and Corporate Life Cycle: Case Study of Central European Enterprises. *Administrative Sciences*. 2025;15(2):63.
8. Muntyan N., Muntyan Yu., Vertakova Yu.V. Review of research in the field of bankruptcy risk forecasting in Belarus, the Republic of Moldova, Russia and Ukraine in comparison with the experience of developed countries. *Teoriya i praktika servisa: ekonomika, sotsial'naya sfera, tekhnologii = Theory and Practice of the Service: Economics, Social Sphere, Technology*. 2020;(2):5-13. (In Russ.)
9. Prusak B., Morawska S., Łukowski M., Banasik P. The impact of bankruptcy regimes on entrepreneurship and innovation. Is there any relationship? *International Entrepreneurship and Management Journal*. 2022;18(1):473–498.
10. Yagunova N.A., Mukhortov D.V., Ushakov N.A. Anti-crisis management and economic security. In: *Sotsial'no-ekonomicheskie problemy obespecheniya ustoichivosti rossiiskoi ekonomiki: sbornik nauchnykh statei Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii s provedeniem mezhvuzovskogo kruglogo stola, g. Moskva, 23 oktyabrya 2025 g. = Socio-economic problems of ensuring the sustainability of the Russian economy: Collection of scientific articles of the All-Russian Scientific and Practical conference with an interuniversity round table, 23 October 2025, Moscow*. Kursk: Universitetskaya kniga; 2025. P. 220-225. (In Russ.)
11. Lukason O., Camacho-Miñano M.-d.-M. Bankruptcy Risk, Its Financial Determinants and Reporting Delays: Do Managers Have Anything to Hide? *Risks*. 2019;7(3):77.

12. Burova N.V., Neradovskaya Yu.V., Chernova S.A. Factors and prerequisites of regional differentiation of the Russian labor market. *Izvestiya Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta = Proceedings of the St. Petersburg State University of Economics*. 2025;(3):115-120. (In Russ.)
13. Ayvazyan S.A., Afanasyev M.Yu., Kudrov A.V. Indicators of the main directions of socio-economic development and their aggregates in the space of characteristics of regional differentiation. *Prikladnaya ekonometrika = Applied Econometrics*. 2019;54:51-69. (In Russ.)
14. Plotnikov V.A., Lisina E.A. Assessment of the level of regional differentiation in the Russian Federation. *Teoriya i praktika servisa: ekonomika, sotsial'naya sfera, tekhnologii = Theory and Practice of the Service: Economics, Social Sphere, Technology*. 2018;(2):5-15. (In Russ.)
15. Yusufova A.M. Economic security of enterprises: approaches to ensuring in the conditions of modern political and economic turbulence. *Izvestiya Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta = Proceedings of the St. Petersburg State University of Economics*. 2023;(6-1):188-193. (In Russ.)
16. Agostino M., Scalera D., Succurro M., Trivieri F. Research, innovation, and bankruptcy: evidence from European manufacturing firms. *Industrial and Corporate Change*. 2022;31(1):137-160.
17. Vertakova Y., Vselenskaya I., Plotnikov V. Mergers and Acquisitions Risk Modeling. *Journal of Risk and Financial Management*. 2021;14(9):451.
18. Plotnikov A.V. Mechanisms of violation of economic security: analysis from the perspective of a threshold approach. *Teoriya i praktika servisa: ekonomika, sotsial'naya sfera, tekhnologii = Theory and Practice of the Service: Economics, Social Sphere, Technology*. 2024;(1):5-10. (In Russ.)
19. Ovcharenko R.K., Khalambashyan E.V. Anti-crisis management of domestic enterprises in conditions of uncertainty. *Gosudarstvennoe i munitsipal'noe upravlenie. Uchenye zapiski = State and Municipal Administration. Scientific Notes*. 2024;(1):67-75. (In Russ.)
20. Lvova O.A. Assessment of the state of business in the framework of anti-crisis management: approaches for the owner, creditor, arbitration manager and investor. *Vestnik Instituta ekonomiki Rossiiskoi akademii nauk = Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences*. 2023;(4):89-111. (In Russ.)

Информация об авторах / Information about the Authors

Плотников Владимир Александрович, доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры общей экономической теории и истории экономической мысли, Санкт-Петербургский государственный экономический университет, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, e-mail: Plotnikov_2000@mail.ru, ORCID: 0000-0002-3784-6195

Vladimir A. Plotnikov, Dr. Sci. (Economics), Professor, Professor at the Department of General Economic Theory and History of Economic Thought, Saint Petersburg State University of Economics, Saint Petersburg, Russian Federation, e-mail: Plotnikov_2000@mail.ru, ORCID: 0000-0002-3784-6195

Ушаков Никита Александрович, аспирант кафедры государственного и муниципального управления и менеджмента, Санкт-Петербургский университет технологий управления и экономики, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, e-mail: ushakov.law@gmail.com

Nikita A. Ushakov, Postgraduate at the Department of Public and Municipal Administration and Management, Saint-Petersburg University of Management Technologies and Economics, Saint Petersburg, Russian Federation, e-mail: ushakov.law@gmail.com

Оригинальная статья / Original article

УДК 332

<https://doi.org/10.21869/2223-1552-2026-16-3-20-28>Оценка управления эффективностью деятельности
социальных предприятийМ. В. Цуркан¹✉, О. В. Кузнецова¹

¹ Тверской государственный университет
ул. Желябова, д. 33, г. Тверь 170100, Российская Федерация

✉ e-mail: 080783@list.ru

Резюме

Актуальность. В условиях растущей глобализации и постоянных трансформаций нашего общества актуализируется необходимость внедрения новых инструментов (или субъектов) по удовлетворению социальных потребностей населения (с учётом реализации социальной политики государства и благотворительности на российских территориях). Одними из таких являются социальные предприятия, которые направлены не только на коммерческий, но и на социальный эффект в рамках своей деятельности. Данные агенты экономической активности не только производят нужные товары населению или оказывают услуги, но и имеют дополнительный социальный эффект, который может быть выражен в трудоустройстве лиц из социально уязвимых категорий, реализации продукции, созданной руками лиц из социально уязвимых категорий, или в создании товаров для лиц с ограниченными возможностями здоровья разной направленности (по настоящему федеральному закону).

Цель – формулировка собственного авторского подхода, представление концептуальной схемогаммы применения экономико-квалиметрического подхода к оценке управления эффективностью деятельности социальных предприятий.

Задачи: анализ существующих научно-практических подходов; формирование авторского (экономико-квалиметрического) подхода; создание концептуальной схемогаммы применения экономико-квалиметрического подхода с обозначением значимости и необходимости.

Методология в рамках настоящей статьи выражена в анализе и синтезе научных подходов, проведении ретроспективного исследования, возможности стыковки разных наук для формирования концептуальной схемогаммы применения экономико-квалиметрического подхода.

Результаты выражены в формировании концептуальной схемогаммы применения экономико-квалиметрического подхода к оценке управления эффективностью деятельности социальных предприятий на практике, с учётом неравномерности применения бизнес-моделей, микро- и макроусловий деятельности.

В выводах показана значимость развития сферы социального предпринимательства в России, а также необходимость и актуальность оценки управления эффективностью деятельности социальных предприятий.

Ключевые слова: оценка управления; эффективность; социальные предприятия.

Конфликт интересов: В представленной публикации отсутствует заимствованный материал без ссылок на автора и (или) источник заимствования, нет результатов научных работ, выполненных авторами публикации лично и (или) в соавторстве, без соответствующих ссылок. Авторы декларируют отсутствие конфликта интересов, связанных с публикацией данной статьи.

Для цитирования: Цуркан М. В., Кузнецов О. В. Оценка управления эффективностью деятельности социальных предприятий // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2026. Т. 16, № 3. С. 20-28. <https://doi.org/10.21869/2223-1552-2026-16-3-20-28>.

Поступила в редакцию 11.04.2026

Принята к публикации 10.05.2026

Опубликована 30.06.2026

© Цуркан М. В., Кузнецов О. В., 2026

Evaluation of social enterprise performance management

Marina V. Turcan¹✉, Olesia V. Kuznetsova¹

¹ Tver State University
33 Zhelyabova Str., Tver 170100, Russian Federation

✉ e-mail: 080783@list.ru

Abstract

Relevance. In the context of growing globalization and constant transformations of our society, the need to introduce new tools (or subjects) to meet the social needs of the population (taking into account the implementation of the social policy of the state and charity in Russian territories) is actualized. One of these is social enterprises, which are aimed not only at commercial, but also at the social effect within the framework of their activities. These agents of economic activity not only produce the necessary goods for the population or provide services, but also have an additional social effect, which can be expressed in the employment of persons from socially vulnerable categories, the sale of products created by the hands of persons from socially vulnerable categories or in the creation of goods for persons with disabilities of different orientation (under this federal law).

The purpose is to formulate our own author's approach, to present a conceptual diagram of the application of the economic and qualimetric approach to assessing the performance management of social enterprises.

Objectives: analysis of existing scientific and practical approaches; formation of author's (economic-qualimetric) approach; creation of conceptual diagram of application of economic-qualimetric approach with designation of significance and necessity.

The methodology within the framework of this article is expressed in the analysis and synthesis of scientific approaches, a retrospective study, the possibility of docking different sciences to form a conceptual diagram of the application of the economic-qualimetric approach.

The results are expressed in the formation of a conceptual diagram of the application of an economic and qualimetric approach to assessing the performance management of social enterprises in practice, taking into account the uneven application of business models, micro and macro conditions of activity.

The conclusions show the importance of the development of social entrepreneurship in Russia, as well as the need and relevance of assessing the effectiveness of social enterprises.

Keywords: management assessment; efficiency; social enterprises.

Conflict of interest: In the presented publication there is no borrowed material without references to the author and (or) source of borrowing, there are no results of scientific works performed by the authors of the publication, personally and (or) in co-authorship, without relevant links. The authors declares no conflict of interest related to the publication of this article.

For citation: Turcan M.V., Kuznetsova O.V. Evaluation of social enterprise performance management. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment* = Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management. 2026;16(3):20–28. (In Russ.) <https://doi.org/10.21869/2223-1552-2026-16-3-20-28>.

Received 11.04.2026

Accepted 10.05.2026

Published 30.06.2026

Введение

Сложные социально-политические условия развития российского общества и его экономической системы требуют поиска новых форматов обеспечения социального благополучия населения и совершенствования управления эффективностью деятельности социально направленных рыночных агентов. Данная задача соответствует национальным целям, определенным Указом Президента РФ от 21.07.2020 г. № 474 «О национальных целях развития России до 2030 г.»: разви-

тие предпринимательства; повышение ожидаемой продолжительности жизни людей до 78 лет; понижение уровня бедности по сравнению с показателями прошлых лет; обеспечение устойчивого роста доходов населения¹.

¹ О национальных целях развития России до 2030 г.: Указ Президента Российской Федерации от 21 июля 2020 г. № 474 // Президент России: офиц. сайт. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/63728> (дата обращения: 18.03.2026).

В условиях современных вызовов проявились тенденции переосмысления роли государства, его функций, механизмов взаимодействия государства и общества [1, с. 126].

Контрадикторные условия нашего социума значительно осложняют поиск решений социальных проблем общества, вызывающих рост социальной напряженности. В данном контексте на первый план выходит задача повышения благосостояния населения посредством социальной ответственности предпринимателей как субъектов рыночной экономики. Это необходимо в современных условиях стагнации объема расходов консолидированных бюджетов субъектов, направленных на обеспечение социальной поддержки социально уязвимых категорий граждан¹.

Особый научный интерес представляет социально ориентированный подход к социальной напряженности общества с привлечением различных экономических социально ориентированных субъектов экономики, с учётом равенства всех граждан по отношению к использованию имеющихся ресурсов [2].

В рамках анализа деятельности социальных предприятий как актуальных экономических агентов с социальной миссией выделяется проблема разграничения понятийного аппарата в рамках подходов к оценке управления эффективностью деятельности социальных предприятий.

С точки зрения терминологического понимания подход – совокупность сведений, представлений, применяемых исходя из призмы исследования.

В рамках оценки управления эффективностью деятельности социальных предприятий разграничим существующие научные подходы и приведем их классификацию [3].

¹ Федеральная служба государственной статистики: офиц. сайт. URL: www.gks.ru (дата обращения: 23.03.2026).

В настоящее время не выработан единый подход к определению категории «социальная эффективность». Подходы к трактовке данной категории значительно отличаются у различных авторов [4].

Экономическая эффективность – один из самых базовых инструментов оценки функционирования той или иной организации, является одним из ключевых инструментов оценки деятельности организации, ее подразделений и отдельных работников. Традиционно она определяется комплексом показателей разного рода, которые свидетельствуют о прибыльности или убыточности предприятия². Наиболее часто экономическую эффективность трактуют как отношение результатов и затрат или ресурсов [5, с. 20].

Большую роль играет оценка эффективности человеческого труда ввиду того, что фактор труда является одним из самых сложных и важных для развития предприятия. Важно учитывать сопоставление извлеченного экономического эффекта с расходами труда и комплексного влияния результатов на социум [6]. На современном этапе развития экономики, с ее быстрыми изменениями потребительских предпочтений и усиливающейся конкуренцией повышение эффективности управления становится ключевым фактором успеха для любой организации [7, с. 33].

Эффективность человеческой деятельности позволит максимизировать результаты труда [8]. Сложные контрадикторные условия развития социума выявляют необходимость развивать управление эффективностью человеческого труда [9].

По мнению авторов Хуан Тяньцзнь, Б. В. Лапко, «эффективность управления – это относительная характеристика резуль-

² Соколов А. А. Оценка эффективности деятельности в государственном и муниципальном управлении: учебное пособие. Волгоград: Изд-во Волгоградского института управления – филиал РАНХиГС, 2022. 32 с.

тативности деятельности конкретной управляющей системы...» [10, с. 305].

Под управлением эффективностью мы рассматриваем комплекс различных активностей, осуществляемых в системном формате, направленных на достижение поставленных целей с использованием различных методов и инструментов [11].

Одна из главных задач управленческого лица, как в частной сфере (например, при управлении социальным предприятием), так и в государственной, – выбрать целесообразный подход (или комбинацию подходов) к управлению, необходимые методы и средства, позволяющие в случае функционирова-

ния социального предприятия достигать дуальности целей (коммерческой и социальной).

Материалы и методы

Проблема управления предприятиями в рамках постоянных трансформаций и глобализации социума требует формирования концептуальных положений, при выполнении которых управление будет являться эффективным [12, с. 17].

При оценке управления эффективностью деятельности социальных предприятий проанализированы известные научные подходы и сформулирован авторский подход (рис. 1).

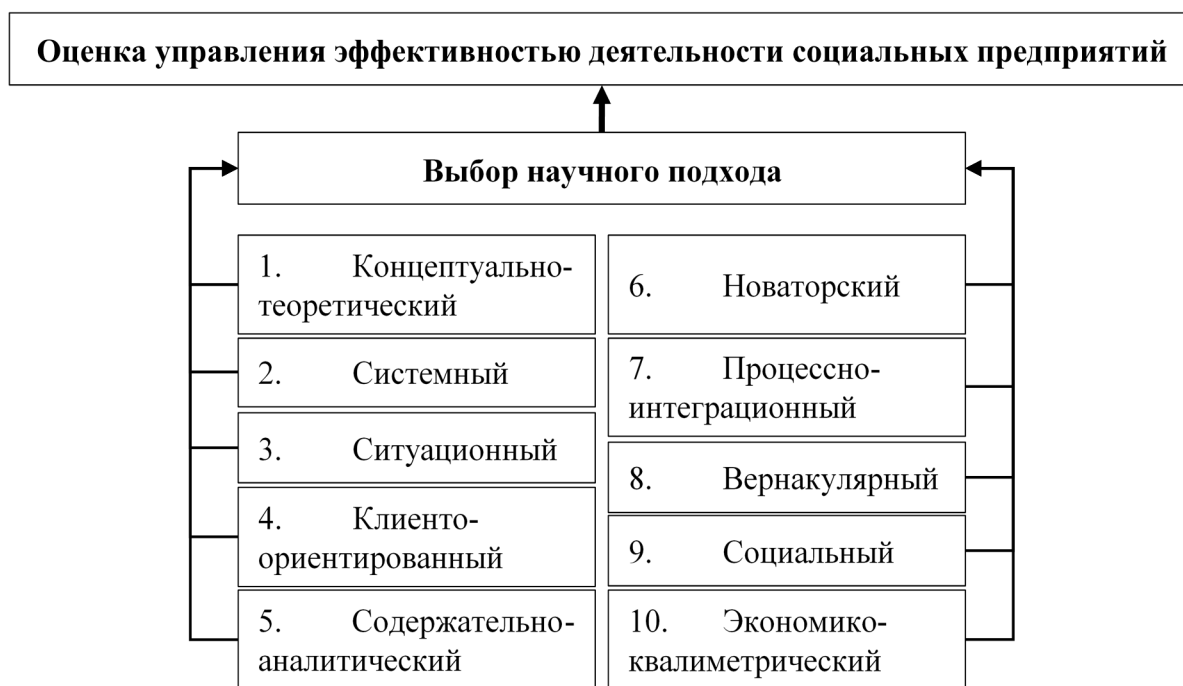

Рис. 1. Комплекс научных подходов к оценке эффективности деятельности предприятий

Выделим концептуальные подходы, которые могут быть применены к оценке управления эффективностью деятельности социальных предприятий [13]. На их основе будет представлен авторский подход [14].

Основные концептуальные подходы к оценке эффективности деятельности предприятий:

1. Теоретический подход. Выделенный подход выявляет ключевые пробле-

мы, решение которых возможно с учётом применения логических, теоретических и практических моделей [15].

2. Системный подход. Комплексное объединение ряда факторов позволит социальным предприятиям достигать все виды эффективности: экономическую, социальную и организационную. Данный подход основывается на принципе совокупного применения других существующих научных моделей (организационных,

экономических) для повышения общей эффективности.

Любое предприятие рассматривается как единое целое и позволяет совокупно применять и оценивать элементы и структурные подразделения [16, с. 344-345].

3. Ситуационный подход. В социальном предпринимательстве важную роль играет высший менеджмент организации, который необходим для принятия обоснованных управленческих решений. Управление в социальном предприятии должно осуществляться с учётом внутреннего состояния социального предприятия и условий внешней среды.

4. Клиентоориентированный подход. Любое социальное предприятие (включенное в Реестр социальных предпринимателей) направлено на достижение двойственности целей: коммерческой и социальной. Коммерческая цель его роднит с традиционными предпринимателями, которые на первое место ставят получение прибыли и сопутствующие факторы, а социальная цель его отличает от «обычных» предприятий социальным эффектом. Он может быть выражен в найме на работу лиц с ОВЗ, пенсионеров и других лиц из социальных категорий; реализация продукции, сделанной руками лиц из выше указанных категорий, а может быть, социальный эффект, который выражен в создании товаров для лиц из социально уязвимых категорий (например, ортопедическое оборудование, бионические скелеты, протезы и др.).

5. Аналитический подход. Применение данного подхода позволяет определить виды и вектора развития социальных предприятий; усовершенствовать организационную структуру управления предприятием и сформировать стратегию развития социальных предприятий.

6. Новаторский подход. Он предполагает использование новых технологий, техник, возможностей искусственного интеллекта и прочие достижения человечества на благо развития социального

предприятия, с учётом достижения трех видов эффективности деятельности социальных предприятий (экономическая, социальная, организационная).

Новаторский подход связан с использованием современных технологий, и осуществления анализа их использования для корректировки в будущем.

7. Интеграционный подход на основе комплекса процессов. Данный подход рассматривает предприятие как большую и сложную систему со своими процессами, условиями деятельности и такими элементами как вход, выход, макроусловия деятельности. Основным принципом в рассматриваемом подходе является принцип самоорганизации систем.

8. Вернакулярный подход. Применение вернакулярного подхода к оценке управления эффективностью деятельности социальных предприятий предполагает использовать опыт предшествующих поколений, а также данные комплексного ретроспективного анализа в данной сфере. На сегодняшний день в российской и зарубежной среде практически полностью отсутствует соответствующая методическая проработка.

9. Социальный подход. Обозначенный подход связан с ориентацией как на внутреннее состояние социального предприятия: учёт морально-психологического климата, формирование организационной культуры и системы мотиваций для сотрудников, так и на внешнее: помощь лицам с ОВЗ (и другим категориям граждан), решение актуальных социальных проблем территорий, смягчение социального и климата и многое другое, регламентированное федеральным законом.

10. Экономико-квалиметрический подход. Под экономикой нам представляется совокупность методов осуществления хозяйственной деятельности.

В рамках научного исследования под квалиметрией мы понимаем область знаний, изучающую методологию и методы количественной оценки качества товаров, услуг.

Результаты и их обсуждение

Сформирована логическая схема использования экономико-квалиметрического подхода к оценке управления эффективностью деятельности социальных предприятий (рис. 2):

1. Выявление ключевых проблем и нахождения путей их решения.

2. Формирование системы драйверов, влияющих на эффективность деятельности социальных предприятий.

3. Обозначение базовых инструментов анализа и оценки.

4. Систематизация квалиметрических методов оценки.

5. Формирование системы показателей в целях оценки управления эффективностью деятельности социальных предприятий, представление соответствующей методики оценки.

Применение экономико-квалиметрического подхода к оценке управления эффективностью деятельности социаль-

ных предприятий заключается в том, чтобы:

1. Выявить и обозначить институциональные рамки проблемного поля, стагнирующего оценку управления эффективностью деятельности социальных предприятий.

2. Сформировать модель совершенствования управления эффективностью деятельности социальных предприятий на базе применения методических теорий и моделей, а также различных научно-практических подходов, применяемых в российской и зарубежной практике.

3. Предложить систему механизмов управления эффективностью деятельности социальных предприятий.

4. Разработать методику оценки управления эффективностью деятельности социальных предприятий с учётом достижения разных видов эффективности: социальной, экономической, целевой.

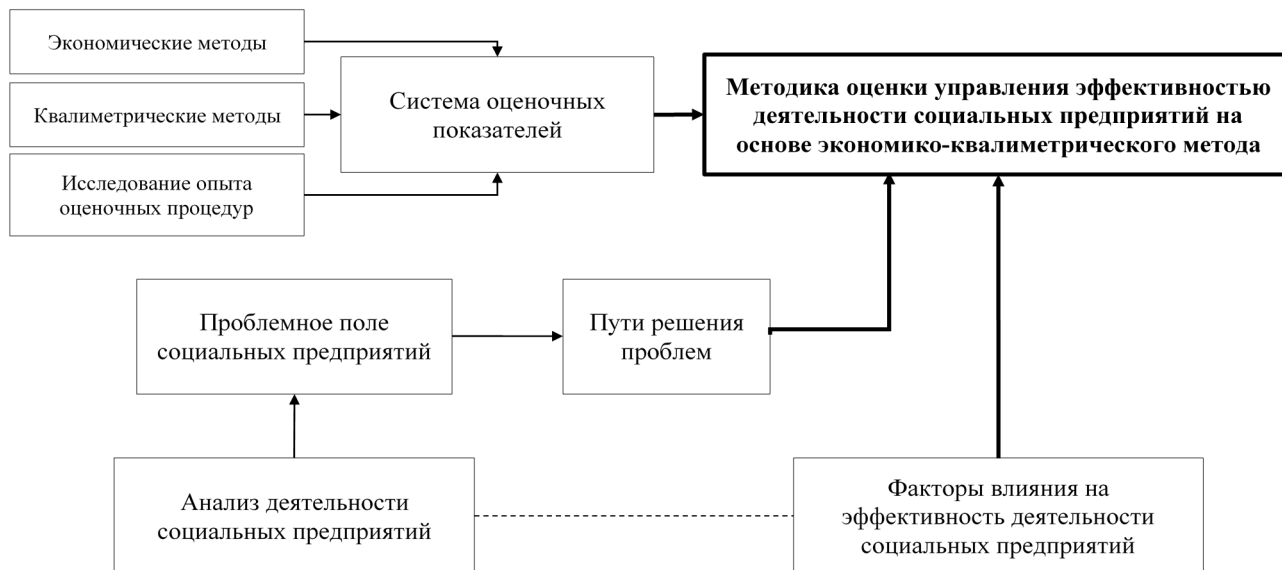

Рис. 2. Концептуальная схемодиаграмма применения экономико-квалиметрического подхода

Выводы

Сложные условия многополярного мира, длительное кризисное состояние социума последних лет обозначили необходимость в реорганизации нашего общества благодаря таким структурам, как социальные предприятия, в основе

деятельности которых лежит социально ориентированный подход (обеспечение экономической, социальной, организационной эффективности). Оценка управления эффективности деятельности социальных предприятий позволит проанализировать, выявить проблемы,

предложить варианты решения и обеспечить эффективное функционирование данных субъектов рыночной экономики с учётом настоящих социально-экономических условий. Развитие социаль-

ных предприятий на российских территориях будет способствовать решению проблем общества, удовлетворению социальных потребностей и снижению социальной напряженности.

Список литературы

1. Пушкарева Н. А. Методология оценки эффективности публичного управления // Экономика строительства и городского хозяйства. 2022. Т. 18, № 2. С. 125–136.
2. Скудалова О. В., Беденко Н. Н. Обоснование факторов и направлений инклюзивной экономики в современных социально-экономических условиях // Экономика. Управление. Инновации. 2019. № 2(6). С. 52–55.
3. Философский энциклопедический словарь / гл. ред.: Л. Ф. Ильичёв, П. Н. Федосеев, С. М. Ковалёв, В. Г. Панов. М.: Советская энциклопедия, 1983. 840 с.
4. Ржевская Т. А. Подходы к оценке социальной эффективности функционирования кластера // Банковская система: устойчивость и перспективы развития : сборник научных статей XIII Международной научно-практической конференции по вопросам финансовой и банковской экономики, Пинск, 28 октября 2022 г. : в 2 ч. / Министерство образования Республики Беларусь [и др.]; редкол.: В. И. Дунай [и др.]. Пинск: Полесский государственный университет, 2022. Ч. 1. С. 370–374.
5. Дмитриева Т. А. Подходы к оценке эффективности государственного управления устойчивым развитием территорий // Вестник экономики, права и социологии. 2024. № 2. С. 20-26.
6. Васильев В. А. Теоретические подходы к оценке эффективности инновационного труда в системе управления персоналом организации // Лидерство и менеджмент. 2022. Т. 9, № 1. С. 275-290.
7. Комов М. В., Шарова Д. В., Пасешник Н. П. Пути и средства повышения эффективности управления фирмой // Экономический вестник ИПУ РАН. 2025. № 3. С. 32-41.
8. Андриянов П. Ю. Принципы и методы повышения эффективности деятельности предприятия // Экономика и социум. 2023. №11 (114)-1. С. 551-554.
9. Гусева А.С. Пути повышения эффективности использования основных средств организации // Вестник науки. 2023. Т. 1, № 3 (60). С. 46-52.
10. Хуан Тяньцзнь, Лапко Б. В. Эффективность управления предприятием: сущность и методика оценка // Банковский бизнес и финансовая экономика: глобальные тренды и перспективы развития: материалы VII Международной научно-практической конференции молодых ученых, магистрантов и аспирантов, Минск, 20 мая 2022 г. / редкол.: А. А. Королева (гл. ред.) [и др.]. Минск: Белорусский государственный университет, 2022. С. 305-307.
11. Колганов Д. В., Столярова А. Н. Анализ и пути повышения эффективности использования основных производственных фондов предприятия // Вестник науки. 2024. № 4 (73). С. 86-91.
12. Анфиногенов Е. А., Чернышева А. А., Мельникова Е. В. Выбор инструментов повышения эффективности управления предприятием в нестабильной среде // Управленческий учет. 2023. № 6. С. 17-25.
13. Жолдошов Д., Санкиев А., Аширбеков Н. Методы оценки эффективности управления организацией // Вестник науки и образования. 2023. № 5 (136)-1. С. 45-49.
14. Хамраш Р. С. Методы повышения эффективности деятельности предприятия в современных условиях // Молодой ученый. 2023. № 10 (457). С. 161-162.
15. Сурилов М. Н. Подходы к оценке эффективности публичного управления: анализ и перспективы развития // Тренды и управление. 2017. № 3. С. 92–103.
16. Файзрахманова Л.И., Яковлев А.А. Современные подходы к оценке эффективности управления качеством на предприятии // Экономика и бизнес: теория и практика. 2025. Т. 3, № 121. С. 342-347.

References

1. Pushkareva N.A. Methodology for assessing the effectiveness of public administration. *Ekonomika stroitel'stva i gorodskogo khozyaistva = Economics of Construction and Urban Economy*. 2022;18(2):125-136. (In Russ.)
2. Skudalova O.V., Bedenko N.N. Justification of factors and directions of an inclusive economy in modern socio-economic conditions. *Ekonomika. Upravlenie. Innovatsii = Economy. Management. Innovation*. 2019;(2):52-55. (In Russ.)
3. Ilyichev L.F., Fedoseev P.N., Kovalev S.M., Panov V.G. (eds.) Philosophical encyclopedic dictionary. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya; 1983. 840 p. (In Russ.)
4. Rzhetskaya T.A. Approaches to assessing the social efficiency of the functioning of the cluster. In: Dunai V.I. (eds.) *Bankovskaya sistema: ustoychivost' i perspektivy razvitiya: sbornik nauchnykh statei XIII Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii po voprosam finansovoi i bankovskoi ekonomiki, Pinsk, 28 oktyabrya 2022 g. = Banking system: sustainability and development prospects: Collection of scientific articles of the XIII International Scientific and Practical Conference on Financial and Banking Economics, 28 October 2022, Pinsk*. Pinsk: Polesskii gosudarstvennyi universitet; 2022. P. 370-373. (In Russ.)
5. Dmitrieva T.A. Approaches to assessing the effectiveness of public administration of sustainable development of territories. *Vestnik ekonomiki, prava i sotsiologii = Bulletin of Economics, Law and Sociology*. 2024;(2):20-26. (In Russ.)
6. Vasiliev V.A. Theoretical approaches to assessing the effectiveness of innovative labor in the organization's personnel management system. *Liderstvo i menedzhment = Leadership and Management*. 2022;9(1):275-290. (In Russ.)
7. Komov M.V., Sharova D.V., Paseshnik N.P. Ways and means of increasing the efficiency of company management. *Ekonomicheskii vestnik IPU RAN = Economic Bulletin of IPU RAS*. 2025;(3):32-41. (In Russ.)
8. Andriyanov P.Yu. Principles and methods for increasing the efficiency of the enterprise. *Ekonomika i sotsium = Economy and Society*. 2023;(11):551-554. (In Russ.)
9. Guseva A.S. Ways to increase the efficiency of the use of the organization's fixed assets. *Vestnik nauki = Bulletin of Science*. 2023;1(3):46-52. (In Russ.)
10. Huang Tianzen, Lapko B.V. Efficiency of enterprise management: essence and methodology of assessment. In: Koroleva A.A. (eds.) *Bankovskii biznes i finansovaya ekonomika: global'nye trendy i perspektivy razvitiya: materialy VII Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii molodykh uchenykh, magistrantov i aspirantov, Minsk, 20 maya 2022 g. = Banking business and financial economy: global trends and development prospects: Materials of the VII International Scientific and Practical Conference of Young Scientists, undergraduates and postgraduates, 20 May 2022, Minsk*. Minsk: Belorusskii gosudarstvennyi universitet; 2022. P. 305-307. (In Russ.)
11. Kolganov D.V., Stolyarova A.N. Analysis and ways to increase the efficiency of the use of fixed assets of the enterprise. *Vestnik nauki = Bulletin of Science*. 2024;(4):86-91. (In Russ.)
12. Anfinogenov E.A., Chernysheva A.A., Melnikova E.V. Selection of tools to improve the efficiency of enterprise management in an unstable environment. *Upravlencheskii uchet = Management Accounting*. 2023;(6):17-25. (In Russ.)
13. Zholdoshev D., Sankiev A., Ashirbekov N. Methods for assessing the effectiveness of organization management. *Vestnik nauki i obrazovaniya = Bulletin of Science and Education*. 2023;(5):45-49. (In Russ.)
14. Hamrash R.S. Methods of increasing the efficiency of the enterprise in modern conditions. *Molodoi uchenyi = Young Scientist*. 2023;(10):161-162. (In Russ.)
15. Surilov M.N. Approaches to assessing the effectiveness of public administration: analysis and development prospects. *Trendy i upravlenie = Trends and Management*. 2017;(3):92-103. (In Russ.)

16. Fayzrakhmanova L.I., Yakovlev A.A. Modern approaches to assessing the effectiveness of quality management at the enterprise. *Ekonomika i biznes: teoriya i praktika = Economics and Business: Theory and Practice*. 2025;3(121):342-347. (In Russ.)

Информация об авторах / Information about the Authors

Цуркан Марина Валериевна, доктор экономических наук, доцент, профессор кафедры государственного управления, Тверской государственный университет, г. Тверь, Российская Федерация, e-mail: 080783@list.ru

Marina V. Tsurkan, Dr. Sci. (Economics), Associate Professor, Professor at the Department of Public Administration, Tver State University, Tver Region, Tver, Russian Federation, e-mail: 080783@list.ru

Кузнецова Олеся Викторовна, кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры экономики предприятия и менеджмента, Тверской государственный университет, г. Тверь, Российская Федерация, e-mail: Olesyavic2@inbox.ru

Olesia V. Kuznetsova, Cand. Sci. (Economics), Associate Professor at the Department of Enterprise Economics and Management, Tver State University, Tver, Russian Federation, e-mail: Olesyavic2@inbox.ru

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА И МЕХАНИЗМЫ ЕЕ РЕАЛИЗАЦИИ

ECONOMIC POLICY AND MECHANISMS OF ITS REALIZATION

Оригинальная статья / Original article

УДК 347.95

<https://doi.org/10.21869/2223-1552-2026-16-3-29-43>

Правовые, организационные и финансовые инструменты региональной политики в сфере печати и массовой информации

М. А. Пархомчук¹✉, В. М. Кузьмина¹

¹ Юго-Западный государственный университет
ул. 50 лет Октября, д. 94, г. Курск 305040, Российская Федерация

✉ e-mail: marinaanatollevna@yandex.ru

Резюме

Актуальность. Государственная политика в отношении средств массовой информации представляет собой сложный и многогранный феномен. Понимание государственной политики в медиасфере необходимо для осмысления современных вызовов информационной безопасности. Санкции, кибератаки, борьба с «фейковыми новостями» – все эти явления тесно переплетены с регулированием медиапространства.

Цель – провести анализ государственной политики в сфере печати и массовой информации на примере Курской области через правовые, экономические, административные методы ее реализации, а также оценку ресурсного обеспечения и исполнения мероприятий государственной программы в данной сфере.

Задачи: рассмотреть теоретические аспекты формирования механизмов и инструментов реализации государственной политики в средствах массовой информации; дать оценку правовым документам, отражающим направление и ход реализации государственной информационной политики в Курской области; определить проблемные аспекты государственного регулирования средств массовой информации в регионе и пути оптимизации.

Методология. Исследование носит междисциплинарный характер, сочетая юридический, социологический, управленческий подходы, опирается на эмпирическую базу официальной статистики, что обеспечивает его достоверность и практическую направленность.

Результаты. Статья раскрывает направления изучения государственной политики в средствах массовой информации, анализирует мероприятия государственной программы в Курской области, исследует результативность обеспечения эффективной информационной политики в регионе.

Выводы. Доказано, что, несмотря на формальное исполнение государственной программы в средствах массовой информации в Курской области, полное освоение бюджета и перевыполнение ряда количественных показателей, уровень удовлетворённости населения информационным освещением – все это остаётся стабильно низким и растёт крайне медленно, что свидетельствует о разрыве между административной эффективностью и реальной социальной отдачей, о необходимости к гибкой стратегии, основанной на цифровых технологиях, прозрачности и вовлечении граждан.

Ключевые слова: государственная политика; Министерство информации и общественных коммуникаций; Курская область; средства массовой информации; информационная политика.

© Пархомчук М. А., Кузьмина В. М., 2026

Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент /
Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management. 2026;16(3):29–43

Конфликт интересов: В представленной публикации отсутствует заимствованный материал без ссылок на автора и (или) источник заимствования, нет результатов научных работ, выполненных авторами публикации лично и (или) в соавторстве, без соответствующих ссылок. Авторы декларируют отсутствие конфликта интересов, связанных с публикацией данной статьи.

Для цитирования: Пархомчук М. А., Кузьмина В. М. Правовые, организационные и финансовые инструменты региональной политики в сфере печати и массовой информации // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2026. Т. 16, № 3. С. 29–43. <https://doi.org/10.21869/2223-1552-2026-16-3-29-43>.

Поступила в редакцию 15.04.2026

Принята к публикации 12.05.2026

Опубликована 30.06.2026

Legal, organizational and financial instruments of regional policy in the field of press and mass media

Marina A. Parkhomchuk¹✉, Violetta M. Kuzmina¹

¹ Southwest State University
50 Let Oktyabrya Str. 94, Kursk 305040, Russian Federation

✉ e-mail: marinaanatollevna@yandex.ru

Abstract

Relevance. Government policy in relation to mass media is a complex and multifaceted phenomenon. An understanding of public policy in the media sphere is necessary to understand the modern challenges of information security. Sanctions, cyber attacks, the fight against "fake news" – all these phenomena are closely intertwined with the regulation of the media space.

The purpose is to analyze the state policy in the field of press and mass media on the example of the Kursk region through legal, economic, and administrative methods of its implementation, as well as an assessment of the resource provision and implementation of the state program in this area.

Objectives: to consider the theoretical aspects of the formation of mechanisms and tools for the implementation of state policy in the media; to evaluate legal documents reflecting the direction and progress of the implementation of state information policy in the Kursk region; to identify problematic aspects of state regulation of mass media in the region and ways to optimize.

Methodology. The research is interdisciplinary in nature, combining legal, sociological, and managerial approaches, and is based on the empirical basis of official statistics, which ensures its reliability and practical focus.

Results. The article reveals the directions of studying state policy in the media, analyzes the activities of the state program in the Kursk region, and examines the effectiveness of ensuring effective information policy in the region.

Conclusions. It has been proved that, despite the formal implementation of the state program in the media in the Kursk region, the full utilization of the budget and over-fulfillment of a number of quantitative indicators, the level of public satisfaction with information coverage remains consistently low and is growing extremely slowly, which indicates a gap between administrative efficiency and real social impact, the need for a flexible strategy based on digital technologies, transparency and citizen engagement.

Keywords: State Policy; Ministry of Information and Public Communications; Kursk region; mass media; information policy.

Conflict of interest: In the presented publication there is no borrowed material without references to the author and (or) source of borrowing, there are no results of scientific works performed by the authors of the publication, personally and (or) in co-authorship, without relevant links. The authors declares no conflict of interest related to the publication of this article.

For citation: Parkhomchuk M.A., Kuzmina V.M. Legal, organizational and financial instruments of regional policy in the field of press and mass media. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment* = *Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management*. 2026;16(3):29–43. (In Russ.) <https://doi.org/10.21869/2223-1552-2026-16-3-29-43>.

Received 15.04.2026

Accepted 12.05.2026

Published 30.06.2026

Введение

Актуальность обусловлена возрастающей ролью региональной информационной политики как ключевого инструмента обеспечения информационного суверенитета, социальной стабильности и гражданской вовлечённости в условиях цифровой трансформации, гибридных угроз и острой конкуренции за внимание аудитории. В современной России, где федеральные нарративы всё больше реализуются через региональные медиаплатформы, особенно важно понимать, насколько эффективно государственные программы достигают своих целей не только формально (по исполнению бюджета и количеству выпусков газет), но и содержательно (через доверие и удовлетворённость населения). На фоне санкционного давления, импортозамещения медиаресурсов и роста влияния онлайн-пространства анализ реального воздействия региональной медийной политики становится не просто научной задачей, а практической необходимостью для выстраивания устойчивой, прозрачной и ответственной коммуникации между властью и обществом.

Цель – провести анализ государственной политики в сфере печати и массовой информации на примере Курской области через правовые, экономические, административные методы ее реализации, а также оценку ресурсного обеспечения и исполнения мероприятий государственной программы в данной сфере.

Задачи: рассмотреть теоретические аспекты формирования механизмов и инструментов реализации государственной политики в сфере печати и СМИ; дать оценку правовым документам, отражающим направление и ход реализации государственной информационной политики в Курской области; определить проблемные аспекты государственного регулирования сферы печати и массовой информации в регионе и пути их оптимизации.

Материалы и методы

Применяется комплекс междисциплинарных методов исследования, среди которых: анализ нормативно-правовых документов, необходимый для выявления правовых основ и инструментов реализации медийной политики; статистический анализ применяется для количественной оценки исполнения государственной программы по официальным данным за 2022–2025 гг. по ключевым показателям (объёму финансирования, количеству выпущенных газетных номеров, часов телевещания, числу онлайн-публикаций, уровню удовлетворённости населения); сравнительный анализ реализуется в исследовании динамики результативности между запланированными и фактическими значениями, между разными блоками государственной программы; прогнозирование и стратегическое планирование при формировании KPI на 2026–2030 гг.

Результаты и их обсуждение

Государственная политика в сфере печати и массовой информации представляет собой целенаправленную деятельность органов власти по формированию, регулированию и развитию информационного пространства. Её реализация осуществляется через совокупность методов: правовых, экономических, организационных, идеологических и технологических, которые позволяют не только обеспечивать национальные интересы, но и поддерживать баланс между свободой слова, общественной безопасностью и социальной ответственностью СМИ. Это то направление деятельности, которое в Российской Федерации реализуется еще с 1990-х годов [1].

Современные условия во всем их многообразии (от мировой экономики до информационных трендов) однозначно влияют на эффективность государственной политики в сфере печати и массовой информации [2]. По мнению М. К. Ковалёва, сетевые структуры постепенно вытесняют традиционные иерархические

формы социальной организации, заменяя устойчивые социальные группы динамичными сетевыми сообществами. В этих условиях национальное государство как одна из ключевых традиционных иерархий оказывается под растущим давлением со стороны таких децентрализованных цифровых сообществ [2].

В условиях цифровой трансформации и гибридных угроз эффективность этой политики всё больше зависит от гибкости, многоуровневости и адаптивности применяемых методов.

Правовое регулирование выступает фундаментальным инструментом реализации государственной политики в сфере массовой информации, обеспечивая нормативно-правовую основу функционирования медиaprостранства. Его механизм включает принятие специализированных законодательных актов (в частности, Федерального закона «О средствах массовой информации», «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию», «О персональных данных»); установление правовых запретов и ограничений, направленных на недопущение разжигания ненависти, проявлений экстремизма, распространения заведомо ложной информации и действий, дискредитирующих Вооружённые силы Российской Федерации; лицензирование деятельности в области теле- и радиовещания, а также формирование этических правовых ориентиров профессиональной журналистской деятельности [3].

При этом правовые методы, обеспечивая юридическую определённую и предсказуемость медиасреды, требуют баланса между защитой общественных интересов и гарантией конституционного права на свободу выражения мнений. Чрезмерная регламентация рискует трансформироваться в инструмент цензуры и подавления плюрализма мнений, тогда как избыточная либерализация может способствовать распространению дезинформации, эрозии доверия к институтам и дестабилизации общественного

порядка. Е. А. Шерашенкова и Н. Н. Федоскин подчёркивают, что ключ к решению большинства обозначенных проблем лежит в усовершенствовании нормативно-правовой базы в данной сфере [4].

Как подчёркивает Т. Ш. Карапетян, современные медиаресурсы выполняют фундаментальную функцию в формировании общественного мнения, обеспечении процессов политической социализации граждан и трансляции культурных и национальных ценностей. Информационная повестка, формируемая как традиционными средствами массовой информации, так и цифровыми платформами (включая социальные сети, видеохостинги и новостные агрегаторы), сейчас в большей степени превращается в центральное поле конкуренции за когнитивное влияние, выступая тем самым ключевой ареной современного стратегического соперничества [5].

Государство также создаёт институциональную инфраструктуру, обеспечивающую управление медиасферой:

- Роскомнадзор – орган, осуществляющий надзор за соблюдением законодательства в области СМИ, связи и защиты данных;

- медиахолдинги («Россия сегодня», ВГТРК, «РИА Новости»), через которые государство формирует официальную информационную повестку;

- общественные советы, экспертные группы и профессиональные ассоциации, участвующие в разработке медийной политики;

- государственные программы (например, «Цифровая экономика», «Патриотическое воспитание»), включающие медийные компоненты.

Подобные инструменты позволяют координировать усилия государственных и общественных структур в целях обеспечения целостности и безопасности информационного пространства, что, по мнению ряда исследователей, представляет собой критически важный элемент национальной безопасности: игнориро-

вание этих аспектов может привести к эрозии информационного суверенитета и, как следствие, к утрате контроля над ключевыми механизмами государственного суверенитета [6].

На сегодняшний день на территории Курской области зарегистрировано 139 средств массовой информации, что подтверждается данными Управления Роскомнадзора по региону. Среди них 53 газеты, 15 журналов, 7 телеканалов, 17 радиостанций, 5 информационных агентств и 37 сетевых изданий. Доминирующее положение в региональном информационном пространстве по охвату аудитории занимают государственные СМИ: 28 печатных (включая областную газету «Курская правда» и 27 районных изданий) и 3 электронных. Все они находятся в ведении Министерства информации и общественных коммуникаций Курской области, выступающего в качестве учредителя, а их деятельность осуществляется через сеть автономных учреждений субъекта Федерации¹.

В последние годы наблюдается устойчивая тенденция цифровизации региональной медиасферы. В отличие от двух десятилетий назад, когда онлайн-присутствие имели преимущественно крупные федеральные СМИ (такие как «Интерфакс» или «РИА Новости»), сегодня курские издания активно осваивают цифровые форматы, стремясь расширить читательскую аудиторию и внедрять интерактивные методы взаимодействия с пользователями. По состоянию на конец 2025 г. электронные версии имеют более 30 районных и 14 городских печатных СМИ. Среди наиболее заметных – «Регион46», «Городские изве-

стия», «Моя реклама». Кроме того, 11 изданий существуют исключительно в цифровом формате, среди которых «КурскВеб», «Город-Курск.рф». Развивается также интернет-телевидение (например, платформа 46tv.ru)².

Многие онлайн-ресурсы, такие как порталы «ВКурске» и «КурскСити», выполняют важную функцию оперативного информирования населения по широкому спектру тем от политики и экономики до культуры и образования. Особенно значима их роль для тех категорий граждан, которые не имеют доступа к печатным СМИ. При этом «КурскСити», действующий в сети уже 12 лет, демонстрирует устойчивую посещаемость, занимая высокие позиции в национальных рейтингах региональных информационных ресурсов.

Вместе с тем часть районных интернет-ресурсов сталкивается с серьезными трудностями: из-за кадрового дефицита и недостаточного технического обеспечения их новостные ленты обновляются крайне редко, что ставит под сомнение их функциональную целесообразность (например, сайты газет Солнцевского и Глушковского районов).

Для комплексной оценки региональной информационной политики рекомендуется использовать многоуровневую систему критериев, объединённую в несколько блоков. Каждый критерий сопровождается измеримыми показателями и источниками данных.

Оценка эффективности государственной программы Курской области «Реализация государственной политики в сфере печати и массовой информации в

¹ Об утверждении государственной программы Курской области «Реализация государственной политики в сфере печати и массовой информации в Курской области»: постановление Администрации Курской области от 2 октября 2013 г. № 692-па (с изменениями на 23 июня 2025 года). URL: <https://docs.cntd.ru/document/463602480> (дата обращения: 11.03.2026).

² Министерство информации и общественных коммуникаций Курской области // Официальный сайт губернатора и Правительства Курской области. URL: https://kursk.ru/region/control/strukturnye-podrazdeleniya-administratsii-kurskoy-oblasti/komitet-informatsii-i-pechati-kurskoy-oblasti/?utm_source=yandex.ru&utm_medium=organic&utm_campaign=yandex.ru&utm_referrer=yandex.ru (дата обращения: 11.03.2026).

Курской области» была осуществлена в соответствии с нормативной базой, установленной постановлением Правительства Курской области от 14 февраля 2025 г. № 106-пп «Об утверждении Порядка проведения оценки эффективности реализации государственных программ Курской области», которым утверждены как сам порядок проведения такой оценки, так и соответствующая методика¹.

Оценка эффективности реализации государственной программы за период 2022–2024 гг. проводилась на основе комплексного анализа нескольких взаимосвязанных компонентов: степени вы-

полнения запланированных мероприятий и достижения целевых показателей в рамках комплексов процессных мероприятий (табл. 1); соответствия фактических расходов средств областного бюджета, включая межбюджетные трансферты из федерального бюджета, утверждённым объёмам финансирования (табл. 2); рациональности и результативности использования выделенных бюджетных средств при реализации программных мероприятий (табл. 3); уровня достижения ключевых показателей самой государственной программы (табл. 4).

Таблица 1. Оценка уровня достижения реализации мероприятий (результатов) комплекса процессных мероприятий за 2022-2024 год, ед.

Наименование комплекса процессных мероприятий	Количество выполненных не менее чем на 95 % мероприятий (результатов) комплекса процессных мероприятий, запланированных на отчетный год (Мв)			Общее количество мероприятий (результатов), запланированных на отчетный год (М)			Уровень достижения реализации мероприятий (результатов) комплекса процессных мероприятий (УДмкпм)		
	2022	2023	2024	2022	2023	2024	2022	2023	2024
Обеспечение эффективной информационной политики и развитие государственных средств массовой информации	6	6	6	6	6	6	1	1	1
Обеспечение деятельности Министерства информации и общественных коммуникаций Курской области и мероприятий в сфере печати и массовой информации	3	3	3	3	3	3	1	1	1

Кроме того, итоговая оценка эффективности была дополнена анализом степени выполнения плановых значений по каждому из утверждённых показателей программы (табл. 5).

Реализация программы предполагает осуществление системы согласованных и взаимообусловленных мероприятий, направленных на достижение её стратегических целей и конкретных задач².

¹ Об утверждении Порядка проведения оценки эффективности реализации государственных программ Курской области: постановление Правительства Курской области от 14.02.2025 № 106-пп. URL: <https://www.consultant.ru/law/review/reg/rlaw/rlaw4172025-02-28.html> (дата обращения: 16.03.2026).

² О внесении изменений в государственную программу Курской области «Реализация государственной политики в сфере печати и массовой информации в Курской области»: постановление Правительства Курской области от 28.02.2024 г. №150-пп. URL: <https://www.consultant.ru/law/review/reg/rlaw/rlaw4172024-08-16.html> (дата обращения: 11.03.2026).

Таблица 1 отражает оценку исполнения двух комплексов процессных мероприятий в сфере информационной политики и СМИ Курской области за отчетные годы. Оба комплекса демонстрируют 100%-ное выполнение запланированных мероприятий. Это свидетельствует о высокой дисциплине исполнения плановых

заданий и эффективном управлении проектной деятельностью в сфере информационной политики региона. Их одновременное 100%-ное исполнение указывает на слаженную работу между стратегическим планированием и операционной деятельностью исполнительного органа власти.

Таблица 2. Оценка уровня соответствия фактических затрат из областного бюджета (с учетом межбюджетных трансфертов из федерального бюджета) запланированному уровню затрат, тыс. руб.¹

Наименование комплекса процессных мероприятий	План на 31.12.2022 г. (Зфкпм)	Факт на 31.12.2022 г. (Зпкпм)	План на 31.12.2023 г. (Зфкпм)	Факт на 31.12.2023 г. (Зпкпм)	План на 31.12.2024 г. (Зфкпм)	Факт на 31.12.2024 г. (Зпкпм)
Обеспечение эффективной информационной политики и развитие государственных средств массовой информации	148575,593	148568,927	170856,819	170850,153	176 580,047	176 580,047
Обеспечение деятельности Министерства информации и общественных коммуникаций Курской области и мероприятий в сфере печати и массовой информации	25477,496	25462,187	23539,976	23535,487	29 610,751	29 606,651

Таблица 3. Оценка эффективности использования средств областного бюджета за 2022-2024 гг.

Наименование комплекса процессных мероприятий	Уровень достижения реализации мероприятий (результатов) комплекса процессных мероприятий (УДмкпм)	Уровень соответствия фактических затрат запланированному уровню затрат (УСзкпм)	Эффективность использования средств областного бюджета (Эискпм)
Обеспечение эффективной информационной политики и развитие государственных средств массовой информации	1,0	1,0	1,0
Обеспечение деятельности Министерства информации и общественных коммуникаций Курской области и мероприятий в сфере печати и массовой информации	1,0	1,0	1,0

¹ О внесении изменений в план реализации государственной программы Курской области «Реализация государственной политики в сфере печати и массовой информации Курской области на текущий финансовый 2023 год и плановый период 2024 и 2025 годы» // Официальный сайт губернатора и Правительства Курской области. URL: <https://kursk.ru/region/control/documents/document-389284/> (дата обращения: 15.03.2026).

Таблица 4. Уровень достижения планового значения показателя комплекса процессных мероприятий

Показатель комплекса процессных мероприятий	Значения показате- лей комплекса процессных меро- приятий за 2022 г.		Значения показате- лей комплекса процессных меро- приятий за 2023 г.		Значения показате- лей комплекса процессных меро- приятий за 2024 г.		Уровень достижения планового значения показателя (УДп)
	План (ЗПп)	Факт (ЗПф)	План (ЗПп)	Факт (ЗПф)	План (ЗПп)	Факт (ЗПф)	
Комплекс процессных мероприятий «Обеспечение эффективной информационной политики и развитие государственных средств массовой информации»							
Количество информацион- ных агентств и (или) дру- гих сетевых изданий, рас- пространяющих информа- цию о Курской области	1	1	1	1	1	1	1,0
Количество информаци- онных материалов, раз- мещенных в федеральных и региональных СМИ, о деятельности губернатора Курской области, Прави- тельства Курской области, исполнительных органов Курской области	1	1	1	1	1	1	1,0
Количество организован- ных творческих конкурсов в установленной сфере деятельности	1	1	1	1	1	1	1,0
Количество выпускаемых номеров газет в год	1716	1716	1716	1716	1676	1676	1,0
Объем собственного ве- щания областного канала: телевидения, ч	1720,7	1720,7	1720,7	1720,7	1725,43	1725,43	1,0
Объем собственного ве- щания областного канала: радиоканала, мин	46928,6	46928,6	46928,6	46928,6	47057,14	47057,14	1,0
Количество размещенных информационных матери- алов в сетевом издании	6100	9921	7000	10196	7000	10232	1,0
Комплекс процессных мероприятий «Обеспечение деятельности Министерства информации и общественных коммуникаций Курской области и мероприятий в сфере печати и массовой информации»							
Количество номинаций, в которых присуждена пре- мия губернатора Курской области в сфере средств массовой информации и массовых коммуникаций	5	5	5	5	1	1	1

Таблица 5. Содержательная интерпретация ключевых показателей

Показатель	Количественная интерпретация	Качественная оценка
Выпуски газет	1 676 номеров/год $\approx$ 4,6 номера ежедневно (при 365 днях)	Соответствует изданию 1–2-х ежедневных газет регионального уровня
Телевещание	1 725,43 ч/год $\approx$ 4,7 ч собственного контента ежедневно	Умеренный объем оригинального производства на фоне общего эфира (24 ч/сут)
Радиовещание	47 057,14 мин/год $\approx$ 784 ч/год $\approx$ 2,15 ч ежедневно	Сравнимый с телевидением объем собственного контента; вероятно, утренние / вечерние информационные блоки
Онлайн-материалы	+3 232 материала сверх плана	Высокая цифровая активность; доминирование онлайн-канала над традиционными СМИ по интенсивности публикаций

Таблица 2 отражает исполнение бюджетных ассигнований по двум комплексам процессных мероприятий в сфере информационной политики Курской области за 2022–2024 годы. Анализ охватывает финансовую дисциплину, методологию учёта и взаимосвязь с операционными результатами.

Оба комплекса демонстрируют номинальное 100%-ное соответствие плановых и фактических затрат (УСзкпм = 1,0). Однако при детальном рассмотрении выявляется важный нюанс.

Во втором комплексе зафиксировано незначительное недовыполнение бюджета на 4,1 тыс. руб. (0,014%), что при округлении до одного знака после запятой даёт показатель 1,0.

Первый комплекс (стратегический) получил 85,6% совокупного финансирования. Второй комплекс (институциональный) – 14,4%.

Такое распределение логично, основные средства направлены на развитие гос-СМИ и информационной инфраструктуры, тогда как обеспечение деятельности министерства требует меньших ресурсов.

Таблица 3 демонстрирует образцовую бюджетную дисциплину при реализации информационной политики Курской области в 2024 г., плановые объёмы финансирования практически полностью освоены при 100%-ном выполнении мероприятий.

Комплексный анализ выявляет полное соответствие между:

–100%-ным выполнением мероприятий (см. табл. 1);

– 100%-ным (номинальным) исполнением бюджета (см. табл. 2–3).

Это указывает на высокую точность бюджетного планирования, эффективное управление проектами (нет перерасхода при полном выполнении задач), отсутствие «недофинансирования» как причины срыва мероприятий.

Особенно показателен второй комплекс. Даже при незначительной экономии (4,1 тыс. руб.) все 3 мероприятия выполнены на 95%+, что говорит о рациональном использовании ресурсов.

Минимальное отклонение (0,014%) не влияет на результативность и может рассматриваться как признак рационального управления ресурсами. Для перехода от оценки «затрат» к оценке «результата» рекомендуется дополнить отчётность показателями социальной и медиаэффективности реализованных мероприятий (см. табл. 4).

Таблица 4 отражает результативность реализации комплекса «Обеспечение эффективной информационной политики и развитие государственных средств массовой информации» Курской области по семи количественным показателям за отчётный год. Анализ охватывает динамику исполнения, методологические особенности оценки и содержательную интерпретацию достигнутых результатов. Все семь показателей имеют уровень достижения УДп = 1,0 (100%), что фор-

мально свидетельствует о полном выполнении плановых обязательств. Особенно значимо перевыполнение седьмого показателя – размещение 10 232 информационных материалов в сетевом издании вместо запланированных 7 000. Это указывает на:

- высокую активность в цифровом медиaprостранстве;
- возможную недооценку потенциала онлайн-каналов при планировании;
- гибкость в управлении контент-стратегией без нарушения бюджетных рамок.

Э. В. Алиев и Н. Ю. Чаусов подчёркивают, что в современных условиях информационная политика превращается в неотъемлемый компонент эффективного государственного управления, выполняя стратегическую функцию в обеспечении устойчивого развития региона и укреплении его позиций в общероссийском контексте [7]. Н. Д. Костин рассматривает деятельность региональных СМИ и медиа как сложный, многоуровневый процесс, требующий скоординированного взаимодействия органов власти, бизнес-сообщества и институтов гражданского общества [8]. В связи с тем, что координация всегда осложняется какими-либо факторами, условиями, то возникает большое количество проблем, о которых на основе своих региональных исследований пишут Т. М. Темиркаева и Т. А. Тарасова, а затем авторы предлагают конкретные рекомендации по совершенствованию единой информационной политики в регионе [9]. И. В. Федякин вообще считает, что даже в сложных современных условиях существования вариативных источников информации, не всегда корректных, прозападных, необходимо обращаться к историческому опыту российской государственности в области информационной политики, охватывающему дореволюционный и советский периоды. Автор настаивает на необходимости учёта этих особенностей при адаптации прошлого опыта к совре-

менным условиям [10]. Современные условия протекания специальной военной операции наложили отпечаток на деятельность СМИ и медиа не только в приграничных регионах, поэтому игнорировать этот актуальный фактор формирования общественного мнения нельзя, и Е. А. Виндилович и П. А. Пилипенко представили прогноз потенциальных негативных последствий текущей коммуникационной стратегии в случае недооценки или игнорирования данного фактора [11]. Н. А. Павлушкина в свою очередь фокусируется на роли социальных сетей как индикатора общественного недовольства региональной повесткой. Автор выдвигает гипотезу о том, что пользователи, критически настроенные по отношению к ситуации в регионе, склонны выражать своё мнение в цифровом пространстве. Автор делает вывод о потенциале соцмедиа как инструмента снижения социальной напряжённости и двусторонней коммуникации между властью и населением [12]. К этому можно добавить мнение группы исследователей (О. А. Судоргин, В. Г. Иванов, В. Ф. Ницевич и О. А. Нестерчук), которые рассматривают информационную политику как полифакторный процесс, в котором ключевую роль играют различные социальные институты. Особое внимание уделяется механизмам взаимодействия между органами власти и СМИ, а также использованию инструментов связей с общественностью для достижения политических целей в условиях растущих ожиданий со стороны гражданского общества. Авторы однозначно подчёркивают важность эффективной институционализации информационной политики как элемента современной системы управления [13].

Проблематику целеполагания государственной информационной политики на региональном уровне исследовали такие учёные, как Р. А. Андросюк, И. В. Белова [14], А. К. Дубень [15], В. В. Пономарев и А. А. Слинько [16]. В их работах практи-

чески единогласно определены ключевые цели данной политики: формирование устойчивого позитивного имиджа региона как для внутренней аудитории, так и для потенциальных туристов и инвесторов; сохранение и развитие локального культурного наследия, традиций и обычаев; обеспечение равного доступа всех слоёв населения к достоверной, качественной и социально значимой информации; укрепление информационной без-

опасности и противодействие распространению дезинформации и фейковых нарративов [17].

Достижение этих целей предполагает реализацию комплекса задач, включающих целенаправленную поддержку региональных печатных, теле-, радио- и цифровых медиа, а также организацию просветительских и культурных инициатив, способствующих популяризации местной идентичности и ценностей (табл. 6).

Таблица 6. Стратегические показатели государственной программы «Реализация государственной политики в сфере печати и массовой информации в Курской области» на 2026-2030 гг.»

Показатель	2026	2027	2028	2029	2030
Цель государственной программы «Обеспечение конституционного права граждан на получение объективной информации о деятельности губернатора Курской области, Правительства Курской области, исполнительных органов Курской области сохранение и развитие государственного информационного ресурса Курской области»					
Уровень удовлетворенности населения Курской области информационным освещением деятельности органов власти Курской области, %	56,5	56,6	56,7	56,8	56,9
Финансовое обеспечение государственной программы					
Государственная программа «Реализация государственной политики в сфере печати и массовой информации в Курской области», всего, тыс. руб.	190 698,70	190 698,70	198 300,00	206 300,00	214 500,00
Комплекс процессных мероприятий «Обеспечение эффективной информационной политики и развитие государственных средств массовой информации», всего, тыс. руб.	165 148,82	165 148,82	171 850,70	178 802,32	185 912,02
Комплекс процессных мероприятий «Обеспечение деятельности Министерства информации и общественных коммуникаций Курской области и мероприятий в сфере печати и массовой информации», всего, тыс. руб.	25 549,88	26 449,30	27 497,68	28 587,98	28 587,98

Таблица 6 содержит ключевые показатели эффективности (KPI) государственной программы Курской области, нацеленной на реализацию конституционного права граждан на получение объективной информации о деятельности органов исполнительной власти региона и на сохранение государственного информационного ресурса. Ниже представ-

лен анализ динамики каждого из указанных показателей.

Первый показатель (уровень удовлетворённости населения Курской области качеством информационного освещения деятельности органов власти) демонстрирует постепенный рост с 56,5 % в 2026 г. до 56,9 % в 2030 г., увеличиваясь ежегодно на 0,1 процентного пункта. Не-

смотря на стабильность этой тенденции, достигнутый уровень остаётся умеренно низким и не свидетельствует о существенном повышении доверия или восприятия прозрачности работы региональной администрации. Это может указывать на необходимость внедрения дополнительных мер, направленных на усиление открытости и интерактивности власти.

Второй показатель отражает общий объём финансирования государственной программы «Реализация государственной политики в сфере печати и массовой информации». Такая динамика свидетельствует о консервативном подходе к бюджетному планированию, поскольку первые два года характеризуются стагнацией финансирования, что ставит под сомнение готовность к активной модернизации сферы. Основная часть средств будет направлена на поддержание функционирования уже существующих структур, а не на развитие инновационных медиапрактик.

Третий показатель (объём финансирования комплекса «Обеспечение эффективной информационной политики и развитие государственных средств массовой информации») также остаётся неизменным в 2026–2027 гг. (165 148,82 тыс. руб.), а затем последовательно возрастает до 185 912,02 тыс. руб. к 2030 г. Медленный темп роста расходов может свидетельствовать о недостаточной ориентации на инновационное развитие и адаптацию к меняющимся условиям медиасреды.

Четвёртый показатель (финансирование комплекса «Обеспечение деятельности Министерства информации и общественных коммуникаций Курской области и мероприятий в сфере печати и массовой информации») демонстрирует умеренный рост. Это указывает на постепенное, но ограниченное расширение возможностей профильного ведомства, без значительного увеличения его операционного потенциала на завершающем этапе программного периода. Наблюдается небольшой ежегодный рост около

3%, стабилизация на уровне 28 587,98 тыс. рублей в последний год.

Программа предполагает достаточно консервативный подход к решению поставленных задач. Бюджетные расходы увеличиваются постепенно, но большинство средств направляется на содержание действующих структур и периодическое обновление технических возможностей СМИ. Отсутствие крупных инвестиционных вложений и значительных организационно-правовых преобразований снижает вероятность быстрого прогресса в повышении информированности и доверия населения.

Необходимо пересмотреть структуру распределения бюджетных средств, направив больше денег на развитие новых форматов подачи информации, продвижение региональной специфики и культуры, расширение аудитории электронных сервисов и разработку инструментов прямой демократии и участия граждан в управлении регионом.

Выводы

Инструменты реализации государственной политики в сфере печати и массовой информации представляют собой многоуровневую систему, сочетающую контроль, поддержку, развитие и просвещение. Их эффективность зависит не от жёсткости, а от баланса между свободой и безопасностью, между государственным интересом и правами личности, между глобальными вызовами и национальной идентичностью. В условиях информационной войны, дезинформации и цифровой зависимости именно грамотное сочетание этих инструментов позволяет государству не только защищать свои интересы, но и укреплять доверие граждан к открытому, честному и социально ориентированному медиaprостранству.

Анализ современной практики свидетельствует о том, что существующие механизмы реализации государственной информационной политики задействованы недостаточно полно и носят фрагмен-

тарный, несистемный характер, что сдерживает динамичное формирование информационного общества в Российской Федерации. В этих условиях назревает необходимость в содержательной и инструментальной модернизации как форм, так и методов проведения информационной политики.

Дальнейшее развитие средств массовой информации требует не только совершенствования нормативно-правовой базы в сфере информации, но и внедрения новых, более гибких и диалоговых моделей взаимодействия органов публичной власти со средствами массовой коммуникации. В качестве приоритетных направлений государственной информационной политики следует выделить укрепление единого информационного

пространства страны, обеспечение национальной информационной безопасности, а также расширение и диверсификация цифровых практик взаимодействия государственных структур с гражданами через интернет-платформы и электронные сервисы.

При этом принципиально важно чётко разграничивать интересы государства как института публичной власти и интересы конкретных представителей государственного аппарата. Устойчивое развитие демократических институтов невозможно без обеспечения общественного контроля за степенью информационной открытости и прозрачности деятельности органов власти, что является неотъемлемым условием укрепления доверия между государством и обществом.

Список литературы

1. Эльбиев Л. Р. Государственная информационная политика Российской Федерации // Тенденции развития науки и образования. 2023. № 98–6. С. 135–138.
2. Ковалев М. К. Условия реализации государственной информационной политики: глобальные тренды // Гражданин. Выборы. Власть. 2023. № 2(28). С. 93–105.
3. Фастович Г. Г. К вопросу о государственной информационной политике: законодательный аспект // Право и государство: теория и практика. 2023. № 3(219). С. 12–13.
4. Шерашенкова Е. А., Федоскин Н. Н. Проблемы и перспективы правового регулирования информационной политики // Образование и право. 2025. № 7. С. 44–51.
5. Карапетян Т. Ш. Государственная информационная политика и медиаресурсы: стратегическое взаимодействие в целях защиты национальных интересов // Культура Мира. 2025. Т. 13, № 48(5). С. 143–152.
6. Немцева Т. В. Инструменты современной государственной информационной политики // Актуальные вопросы современной экономики. 2024. № 7. С. 259–264.
7. Алиев Э. В., Чаусов Н. Ю. Региональная информационная политика: целесообразность и значение // Экономика и бизнес: теория и практика. 2024. № 11-2(117). С. 23–27.
8. Костин Н. Д. Региональная культурно-информационная политика: вызовы и перспективы // Журнал института наследия. 2025. № 2(41). С. 49–53.
9. Темиркаяева Т. М., Тарасова Т. А. Место региональных СМИ в реализации информационной политики Республики Крым // Инновационная экономика: перспективы развития и совершенствования. 2023. № 8(74). С. 149–155.
10. Федякин И. В. Государственная информационная политика России: вызовы современности и возможности использования отечественного опыта // ПОИСК: Политика. Обществоведение. Искусство. Социология. Культура. 2023. № 4(99). С. 79–91.
11. Виндилович Е. А., Пилипенко П. А. Влияние государственной информационной политики на общественное мнение в условиях специальной военной операции // Право и правосознание в период вооруженных конфликтов. 2024. № 7. С. 5–11.
12. Павлушкина Н. А. Реакция аудитории на региональную информационную повестку в пространстве локальных медиа и соцсетях // Caucasian Science Bridge. 2023. Т. 6, № 3(21). С. 36–48.

13. Информационная политика как ресурс управления государством / О. А. Судоргин, В. Г. Иванов, В. Ф. Ницевич, О. А. Нестерчук // Управление. 2023. Т. 11, № 3. С. 139-148.
14. Андросюк Р. А., Белова И. В. Механизмы и технологии формирования целей и приоритетов государственной информационной политики // Закон и власть. 2025. № 8. С. 7–14.
15. Дубень А. К. Основы государственной политики Российской Федерации в области информационной безопасности: регулирование и механизмы реализации // Право и управление. 2023. № 8. С. 19–23.
16. Пономарев В. В., Слинько А. А. Государственная политика в сфере СМИ в условиях информационного противостояния // Теории и проблемы политических исследований. 2025. Т. 14, № 3–1. С. 3–10.
17. Давыдова М. А., Кравчук И. Д. Дискурсы и технологии внешнего деструктивного информационно-психологического воздействия в региональных сегментах социальных медиа // Власть. 2024. Т. 32, № 1. С. 16-23.

References

1. Elbieva L.R. State information policy of the Russian Federation. *Tendentsii razvitiya nauki i obrazovaniya = Trends in the Development of Science and Education*. 2023;(98–6):135–138. (In Russ.)
2. Kovalev M.K. Conditions for the implementation of state information policy: global trends. *Grazhdanin. Vyborny. Vlast' = Grazhdanin. Elections. Power*. 2023;(2):93–105. (In Russ.)
3. Fastovich G.G. On the Issue of State Information Policy: Legislative Aspect. *Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika = Law and State: Theory and Practice*. 2023;(3):12–13. (In Russ.)
4. Sherashenkova E.A., Fedoskin N.N. Problems and Prospects of Legal Regulation of Information Policy. *Obrazovanie i pravo = Education and Law*. 2025;(7):44-51. (In Russ.)
5. Karapetyan T.Sh. State information policy and media resources: strategic interaction in order to protect national interests. *Kul'tura Mira = Culture of Peace*. 2025;13(48):143–152. (In Russ.)
6. Nemtseva T.V. Instruments of modern state information policy. *Aktual'nye voprosy sovremennoi ekonomiki = Actual Issues of Modern Economy*. 2024;(7):259–264. (In Russ.)
7. Aliev E.V., Chausov N.Yu. Regional information policy: expediency and importance. *Ekonomika i biznes: teoriya i praktika = Economics and Business: Theory and Practice*. 2024;(11-2):23-27. (In Russ.)
8. Kostin N.D. Regional Cultural and Information Policy: Challenges and Prospects. *Zhurnal instituta naslediya = Journal of the Heritage Institute*. 2025;(2):49-53. (In Russ.)
9. Temirkaeva T.M., Tarasova T.A. Place of regional media in the implementation of the information policy of the Republic of Crimea. *Innovatsionnaya ekonomika: perspektivy razvitiya i sovershenstvovaniya = Innovative Economy: Prospects for Development and Improvement*. 2023;(8):149-155. (In Russ.)
10. Fedyakin I.V. State information policy of Russia: challenges of modernity and possibilities of using domestic experience. *POISK: Politika. Obshchestvovedenie. Iskustvo. Sotsiologiya. Kul'tura = POISK: Politics. Social Science. Art. Sociology. Culture*. 2023;(4):79-91. (In Russ.)
11. Vindilovich E.A., Pilipenko P.A. Influence of State Information Policy on Public Opinion in the Conditions of Special Venous Operation. *Pravo i pravosoznanie v period vooruzhennykh konfliktov = Law and Legal Consciousness in the Period of Armed Conflicts*. 2024;(7):5-11. (In Russ.)
12. Pavlushkina N.A. Reaction of the audience to the regional information agenda in the space of local media and social networks. *Caucasian Science Bridge*. 2023;6(3):36-48. (In Russ.)
13. Sudorgin O.A., Ivanov V.G., Nitsevych V.F., Nesterchuk O.A. Information Policy as a Resource of State Management. *Upravlenie = Management*. 2023;11(3):139-148. (In Russ.)
14. Androsyuk R.A., Belova I.V. Mechanisms and technologies for the formation of goals and priorities of the state information policy. *Zakon i vlast' = Law and Power*. 2025;(8):7–14. (In Russ.)
15. Duben A.K. Fundamentals of the state policy of the Russian Federation in the field of information security: regulation and implementation mechanisms. *Pravo i upravlenie = Law and Management*. 2023;(8):19–23. (In Russ.)

16. Ponomarev V.V., Slinko A.A. State policy in the field of mass media in the context of information confrontation. *Teorii i problemy politicheskikh issledovaniy = Theories and Problems of Political Research*. 2025;14(3–1):3–10. (In Russ.)

17. Davydova M.A., Kravchuk I.D. Discourses and technologies of external destructive information and psychological impact in regional segments of social media. *Vlast' = Power*. 2024;32(1):16–23. (In Russ.)

Информация об авторах / Information about the Authors

Пархомчук Марина Анатольевна, доктор экономических наук, профессор кафедры экономической безопасности и государственного управления, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация, e-mail: marinaanatollevna@yandex.ru

Marina A. Parkhomchuk, Dr. Sci. (Economics), Professor at the Department of Economic Security and Public Administration, Southwest State University, Kursk, Russian Federation, e-mail: marinaanatollevna@yandex.ru

Кузьмина Виолетта Михайловна, кандидат исторических наук, доцент кафедры международных отношений и лингвистики, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация, e-mail: kuzmina-violetta@yandex.ru, ORCID: 0000-0002-1867-7330

Violetta M. Kuzmina, Cand. Sci. (History), Associate Professor at the Department of International Relations and Linguistics, Southwest State University, Kursk, Russian Federation, e-mail: kuzmina-violetta@yandex.ru, ORCID: 0000-0002-1867-7330

Оригинальная статья / Original article

УДК 332.1

<https://doi.org/10.21869/2223-1552-2026-16-3-44-57>

Региональная дифференциация мер государственной поддержки организаций креативного сектора

В. С. Шкарина ¹✉

¹ Российский государственный гуманитарный университет
пл. Миусская, д. 6, стр. 6, г. Москва 125047, Российская Федерация

✉ e-mail: verashkarina@gmail.com

Резюме

Актуальность. Развитие креативных индустрий признается ключевым фактором диверсификации экономики, стимулирования инноваций и обеспечения устойчивого роста, особенно в контексте снижения зависимости от традиционных сырьевых секторов. В Российской Федерации формируется система государственной поддержки данного сектора, однако ее эффективность и сбалансированность требуют научного анализа и оценки.

Цель – выявить и систематизировать ключевые направления, механизмы и противоречия государственной поддержки развития креативных индустрий в Российской Федерации на федеральном и региональном уровнях.

Задачи: проанализировать существующие теоретические подходы к определению креативных индустрий; структурировать основные направления государственной поддержки; оценить эффективность федеральных мер поддержки; исследовать и типизировать региональные модели поддержки на примере субъектов Центрального федерального округа.

Методология. В исследовании использованы методы системного и сравнительного анализа, контент-анализ нормативно-стратегических документов, метод экспертной оценки для анализа мер поддержки, а также анализ статистических данных и региональных кейсов.

Результаты. Выделены и оценены шесть ключевых блоков государственной поддержки креативных индустрий. Установлено, что на федеральном уровне сформирована асимметричная рамочно-инвестиционная модель, характеризующаяся развитым стратегическим каркасом и финансовыми инструментами при критическом отставании инфраструктурно-технологического и образовательно-кадрового блоков. Выявлен феномен «координационной рассогласованности» из-за отсутствия единого центра ответственности. На региональном уровне (на примере Центрального федерального округа) идентифицированы и типологизированы компенсаторные модели поддержки: «отраслевая», «диверсифицированно-экосистемная», «кадрово-ориентированная», «культурно-туристическая». Определено ключевое системное противоречие между декларируемыми стратегическими целями и их инструментальной реализацией, сконцентрированной на компенсационно-стимулирующих, а не средообразующих мерах.

Выводы. Эффективное развитие креативных индустрий в России требует перехода от рамочно-инвестиционной модели к целостной экосистемной политике. Необходимы преодоление институциональной рассогласованности, усиление средообразующих блоков, а также адаптация нормативно-правовой базы к специфике креативного предпринимательства, включая внедрение гибких регуляторных режимов. Региональные компенсаторные стратегии демонстрируют потенциал, но их эффективность ограничена «регуляторным потолком» федерального законодательства.

Ключевые слова: креативные индустрии; креативная экономика; государственная поддержка; региональное развитие; экономическая диверсификация.

Конфликт интересов: В представленной публикации отсутствует заимствованный материал без ссылок на автора и (или) источник заимствования, нет результатов научных работ, выполненных авторами публикации лично и (или) в соавторстве, без соответствующих ссылок. Авторы декларируют отсутствие конфликта интересов, связанных с публикацией данной статьи.

Для цитирования: Шкарина В. С. Региональная дифференциация мер государственной поддержки организаций креативного сектора // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2026. Т. 16, № 3. С. 44–57. <https://doi.org/10.21869/2223-1552-2026-16-3-44-57>.

Поступила в редакцию 11.04.2026

Принята к публикации 10.05.2026

Опубликована 30.06.2026

Regional differentiation of government support measures for creative sector organizations

Vera S. Shkarina¹ ✉

¹ Russian State University for the Humanities
6/6 Miusskaya sq., Moscow 125047, Russian Federation

✉ e-mail: verashkarina@gmail.com

Abstract

Relevance. The development of creative industries is recognized as a key factor in economic diversification, stimulating innovation and ensuring sustainable growth, especially in the context of reducing dependence on traditional commodity sectors. The Russian Federation is developing a system of state support for this sector, but its effectiveness and balance require scientific analysis and evaluation.

The purpose is to identify and systematize the key areas, mechanisms and contradictions of state support for the development of creative industries in the Russian Federation at the federal and regional levels.

Objectives: to analyze existing theoretical approaches to the definition of creative industries; to structure the main areas of state support; to evaluate the effectiveness of federal support measures; to explore and typify regional support models using the example of subjects of the Central Federal District.

Methodology. The research uses methods of systematic and comparative analysis, content analysis of regulatory and strategic documents, expert assessment method for the analysis of support measures, as well as analysis of statistical data and regional cases.

Results. Six key blocks of government support for creative industries have been identified and evaluated. It is established that an asymmetric framework and investment model has been formed at the federal level, characterized by a developed strategic framework and financial instruments with a critical lag in the infrastructural, technological, educational and human resources blocks. The phenomenon of "coordination inconsistency" has been revealed due to the lack of a single center of responsibility. At the regional level (using the example of the Central Federal District), compensatory support models have been identified and typologized: "industry-based", "diversified ecosystem", "personnel-oriented", "cultural and tourist". A key systemic contradiction has been identified between the declared strategic goals and their instrumental implementation, which focuses on compensatory and stimulating rather than environment-forming measures.

Conclusions. The effective development of creative industries in Russia requires a transition from a framework investment model to a holistic ecosystem policy. It is necessary to overcome institutional inconsistencies, strengthen the environment-forming blocks, as well as adapt the regulatory framework to the specifics of creative entrepreneurship, including the introduction of flexible regulatory regimes. Regional compensatory strategies demonstrate potential, but their effectiveness is limited by the "regulatory ceiling" of federal legislation.

Keywords: creative industries; creative economy; government support; regional development; economic diversification.

Conflict of interest: In the presented publication there is no borrowed material without references to the author and (or) source of borrowing, there are no results of scientific works performed by the authors of the publication, personally and (or) in co-authorship, without relevant links. The authors declares no conflict of interest related to the publication of this article.

For citation: Shkarina V.S. Regional differentiation of government support measures for creative sector organizations. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment* = *Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management*. 2026;16(3):44–57. (In Russ.) <https://doi.org/10.21869/2223-1552-2026-16-3-44-57>.

Received 11.04.2026

Accepted 10.05.2026

Published 30.06.2026

Введение

Развитие креативных индустрий [1] является необходимым условием для диверсификации экономики и снижения зависимости от традиционных секторов, особенно в развивающихся странах. «Креативные индустрии обладают потенциалом для содействия экономической диверсификации, снижения зависимости от традиционных секторов и увеличения ВВП за счет производства, основанного в первую очередь на интеллектуальном капитале» [2, с. 3299]; «креативная экономика, включающая такие секторы, как дизайн, мода, кино, кулинария, ремесла и цифровые технологии, переживает быстрый рост и вносит значительный вклад в ВВП различных стран» [3, с. 3178]. Следовательно, инвестиции в этот сектор способствуют формированию более устойчивой и инновационной экономической модели [4].

Креативные индустрии обеспечивают создание рабочих мест, особенно для молодых и высокообразованных специалистов, повышая конкурентоспособность и инновационный потенциал [4, с. 112]. Согласно данным НИУ ВШЭ, численность занятых в креативных профессиях в России по итогам 2024 г. составила 3,5 млн человек [5]. В то же время креативная экономика способствует не только созданию экономической ценности через инновации, но и продвижению социальной инклюзии, расширению прав и возможностей сообществ и сохранению культурного наследия¹.

Несмотря на позитивные тенденции, для реализации полного потенциала креативных индустрий необходимы целенаправленные меры государственной поддержки, совершенствование регуляторной базы и развитие цифровой инфраструктуры [6, с. 100]. Таким образом,

развитие креативных индустрий требует комплексного подхода, включающего укрепление институциональной среды, стимулирование инвестиций и интеграцию цифровых технологий [7].

В Российской Федерации креативный сектор характеризуется значительной положительной динамикой, но одновременно сталкивается с системными дисбалансами, требующими научного осмысления и инструментального преодоления [8, с. 558]. По состоянию на 2024 г. доля валовой добавленной стоимости креативных индустрий в экономике составила 4,1% (7,5 трлн руб.), при этом за пятилетний период рост ВДС креативного сектора превысил 65% в реальном выражении – в четыре раза быстрее, чем рост экономики в целом (15,9%). Сектор обеспечивает занятость 4,6 млн человек (6,2% от общего числа занятых), формируя значительный кластер высококвалифицированных профессий. Однако выявленные структурные аномалии создают риски для устойчивого развития: 77,6% ВДС креативных индустрий концентрируется в 10 регионах страны, экспортный потенциал остается нереализованным (5,7 млрд долл. в 2023 г., или 1,2% от общего экспорта при 31,9% в Китае), а значительный дефицит кадров в 80% случаев ограничивает масштабирование бизнеса в таких сегментах, как дизайн и программирование².

Принятие Федерального закона № 330-ФЗ «О развитии креативных (творческих) индустрий в Российской Федерации» (2024 г.) и разработка Проекта Стратегии развития креативной экономики до 2036 года представляют собой

¹ Демьянова А. В., Рябова А. Д. Креативный класс в фокусе статистики. URL: <https://issek.hse.ru/news/1105564992.html> (дата обращения: 02.03.2026).

² Проект Стратегии развития креативной экономики в Российской Федерации на период до 2036 года. URL: https://www.economy.gov.ru/material/file/download/5221cb1fd9eea32c500bb3f4d48ec6e1/proekt_strategii_razvitiya_kreativnoy_ekonomiki_v_rossiyskoy_federacii_do_2036_goda.pdf (дата обращения: 03.03.2026).

попытку перехода от фрагментарной поддержки отдельных сегментов к формированию целостной экосистемы в целях увеличения доли креативного сектора в ВВП до 6% к 2030 г. и до 7–7,5% к 2036 г., что требует ежегодного прироста на 0,31 процентного пункта. В этой связи актуальность исследования состоит в оценке предлагаемых мер поддержки с позиций экосистемного подхода.

В настоящее время в научной литературе сложились различные подходы к определению и концептуализации креативных индустрий, которые отражают эволюцию понимания роли творчества в экономике. Впервые практико-ориентированное определение понятия «креативные (творческие) индустрии» было дано в Великобритании [9, с. 36]. Если первоначальные концепции исходили от его восприятия как части культурного сектора, то современные признают креативные индустрии в качестве самостоятельного драйвера инноваций и экономического роста [10, с. 174].

Один из наиболее распространенных подходов определяет креативные индустрии как сектора, занятые созданием, производством и распространением культурного, художественного и развлекательного контента¹. Данный подход акцентирует связь между творчеством, культурным выражением и коммерциализацией и достаточно часто используется в культурной политике и включает такие виды деятельности, как издательское дело, музыкальная индустрия, исполнительские искусства и кинопроизводство. В рамках подхода, который может быть обозначен как «производственный», креативные индустрии рассматриваются как «сочетающие творчество с коммерческими элементами для развития экономики через инновации и культурное выражение» [11, с. 8].

¹ Chapter I. Global trends in the creative economy. URL: https://unctad.org/system/files/official-document/ditctsce2024d2_ch01_en.pdf (дата обращения: 04.03.2026).

Экономико-ориентированный подход, фокусирующийся на добавленной стоимости и интеллектуальном капитале, смещает акцент с культурного содержания на экономический вклад, определяя креативные индустрии как сектора, которые генерируют и коммерциализируют творческий контент и идеи². Ключевым показателем здесь выступает оценка доли сектора в ВДС. Согласно данному подходу, основным ресурсом являются знания сотрудников и их творчество в применении этого знания, что относит креативные индустрии к ядру экономики, основанной на знаниях.

Широко применяемой в научных исследованиях является модель, разработанная Департаментом цифровых технологий, культуры, медиа и спорта Великобритании, которая предлагает рассматривать понятие креативных индустрий как совокупности перечня отраслей, в которых «творчество является центральным для производства и распространения культурных товаров и услуг»³. К ним относятся реклама, архитектура, дизайн, мода, кино, IT-услуги, издательское дело, музеи и изобразительное искусство, музыка и исполнительские искусства. Несмотря на то, что такой подход позволяет производить страновые сравнения и рассчитывать долю креативных индустрий, ряд исследователей применяют подход, интегрирующий креативность в еще более широкую экосистему «творческой экономики», в которой пересекаются культура, экономика и технологии [12,

² Hesmondhalgh D. The Cultural Industries. Fifth Edition. UK, 2018. 576 p. URL: <https://uk.sagepub.com/en-gb/eur/the-cultural-industries/book250830> (дата обращения: 04.03.2026).

³ Summary of Creative Industries statistics user event, January 28th 2016. URL: <https://www.gov.uk/government/statistics/creative-industries-economic-estimates-january-2016> (дата обращения: 04.03.2026).

с. 426]. UNCTAD описывает их как сектора, участвующие в производстве и распространении культурного и художественного контента и услуг, которые важны для культурного обмена и создания экономической ценности.

Современные исследования, особенно в контексте развивающихся стран, все чаще рассматривают креативные индустрии через призму инновационной экосистемы. Данный подход делает акцент на «взаимодействии правительства, науки и творческого сообщества, создающем синергию, ускоряющую инновации и повышающую конкурентоспособность продукции» [13, с. 175]. Важнейшим условием при этом является цифровизация, которая является элементом, ускоряющим рост креативной экономики и открывающим широкий доступ для местной продукции на глобальные рынки [10]. Проблемы, такие как слабая координация между учреждениями и низкая цифровая грамотность, рассматриваются как системные барьеры для развития всей экосистемы, включая креативные индустрии [14, с. 81]. В этой связи роль государства в поддержке креативных индустрий является определяющей для превращения творческого потенциала в устойчивый экономический рост и социальное развитие.

Материалы и методы

Систематизация мер поддержки креативных индустрий позволяет выделить ключевые направления государственного регулирования, направленные на развитие этого сектора. На основе анализа научных статей И. В. Макиевой, О. П. Санжиной [15], Т. Е. Ривчун, О. И. Вапнярской, Н. А. Платоновой [16], К. В. Савки, А. В. Назаренко [17], У. В. Трохириной [18] были структурированы меры поддержки креативных индустрий по нескольким взаимосвязанным блокам (рис. 1):

1. Институционально-стратегические меры. Указанный блок включает форми-

рование специализированных государственных органов, разработку национальных и региональных стратегий, а также выстраивание межведомственного взаимодействия.

2. Финансово-инвестиционные меры. Финансовая поддержка является наиболее востребованной, но и самой проблемной областью. К мерам прямой финансовой поддержки относятся: прямые гранты и субсидии малым предприятиям, налоговые льготы, создание специализированных фондов (например, креативных) и содействие доступу к кредитам. Кроме того, могут применяться и инновационные механизмы, такие как государственно-частное партнерство, стимулирование частных инвестиций в стартапы и цифровые медиа, а также разработка микрофинансовых продуктов, учитывающих специфику творческого бизнеса, где главный актив интеллектуальная собственность, а не материальное обеспечение.

3. Образовательно-кадровые меры и развитие человеческого капитала. Поскольку основой креативных индустрий является интеллектуальный капитал, инвестиции в образование и навыки также являются мерой поддержки развития креативных индустрий [19, с. 182]. Данное направление государственной политики может включать такие мероприятия, как разработка и реализация специализированных учебных программ в вузах, профессиональные тренинги и воркшопы для предпринимателей, программы менторства и стажировок. Цель таких мер состоит не только в повышении квалификации, но и привлечение молодых, высокообразованных кадров в сектор.

4. Инфраструктурно-технологические меры. Данный блок направлен на предоставление креативным предпринимателям доступа к современным ресурсам, включая создание креативных кластеров, хабов и коворкингов (например, дизайн-районов), модернизация культурной инфраструктуры (театров, студий), а также развитие цифровой инфраструкту-

ры (высокоскоростной интернет, облачные платформы и пр.) [20, с. 902].

5. Экспортно-маркетинговые меры. Поскольку креативные индустрии обладают значительным экспортным потенциалом, государственная поддержка в продвижении на международных рынках рассматривается как элемент государственной политики развития креативных индустрий. Меры включают: организацию коллективных стендов на зарубежных выставках, предоставление грантов на участие в международных фестивалях, создание онлайн-платформ для B2B-взаимодействия, а также продвижение национального бренда. Органы государственной власти могут предоставлять маркетинговые исследования, юридическую поддержку по вопросам интеллектуальной собственности на внешних

рынках, развивая культурно-экономические партнерства с другими странами.

6. Нормативно-правовые меры. Успешное развитие сектора невозможно без современной и гибкой правовой базы. Приоритетные меры в рамках данного направления включают совершенствование законодательства об интеллектуальной собственности для защиты прав создателей, упрощение административных процедур (регистрации бизнеса, получения лицензий), разработку специальных правовых режимов (например, «креативных виз» для привлечения талантов), а также интеграцию интересов сектора в отраслевые реформы (цифровые, налоговые). Задача государства состоит в том, чтобы создать регулирование, которое стимулирует эксперименты и быстрое коммерческое воплощение творческих идей.

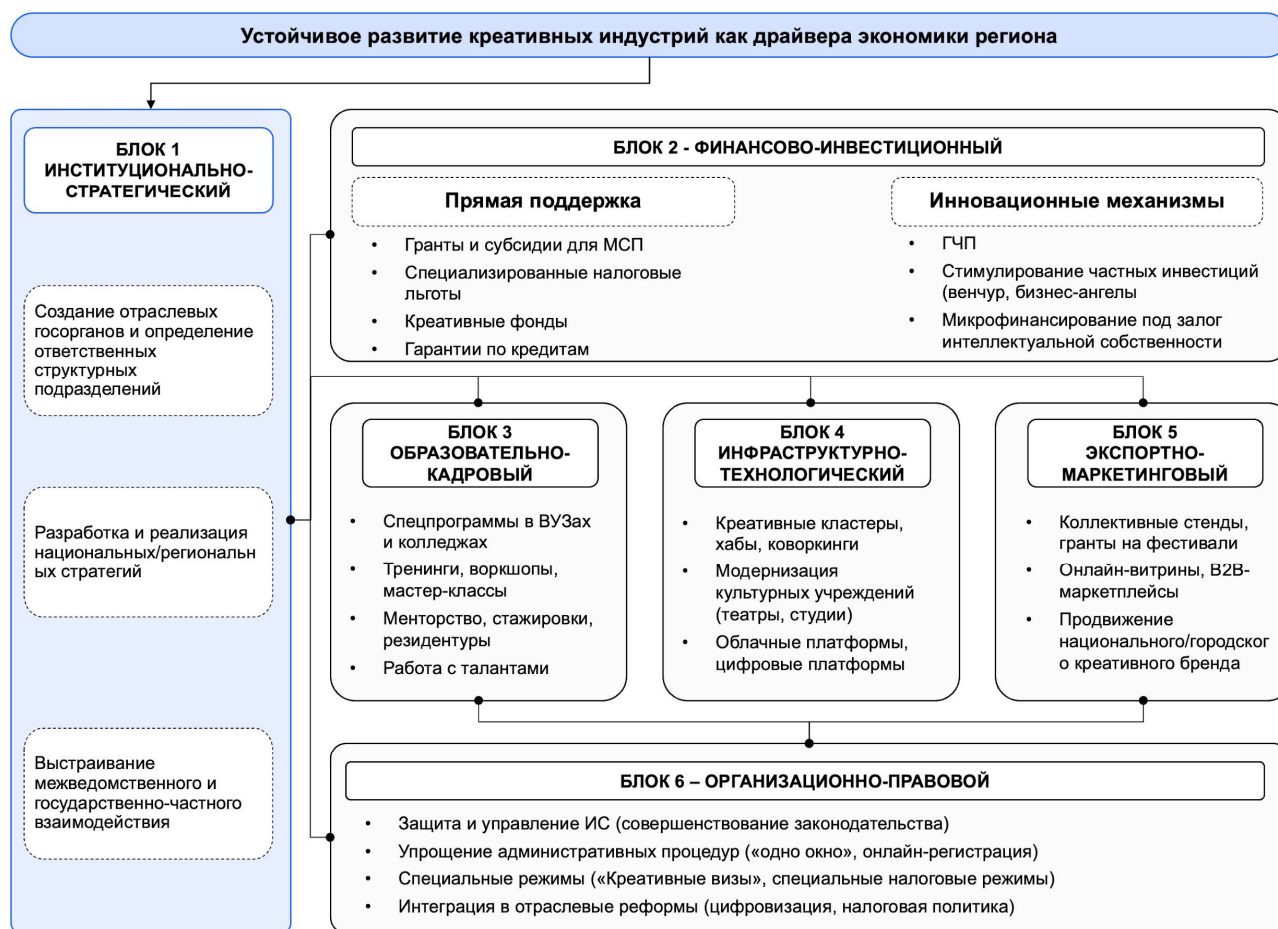

Рис. 1. Меры поддержки креативных индустрий

Для проведения оценки каждый из шести блоков был оценен по пятибалльной шкале, где:

– 1 балл – меры практически отсутствуют или носят случайный, единичный характер;

– 2 балла – меры существуют, но они фрагментарны, несистемны, не адаптированы под КИ, заимствованы из других секторов;

– 3 балла – наличие нескольких целевых мер или программ, есть понимание специфики, но охват узкий или инструментарий ограничен;

– 4 балла – сформирован комплекс мер, есть специализированные инструменты и программы, охватывающие ключевые аспекты блока;

– 5 баллов – проработанная экосистема поддержки по данному направле-

нию с четкими институтами, разнообразными инструментами и измеримыми результатами.

При оценке использовались методы системного и сравнительного анализа, контент-анализ нормативно-стратегических документов, а также анализ статистических данных и региональных кейсов.

Результаты и их обсуждение

Результаты оценки свидетельствуют о системном противоречии между декларируемыми стратегическими амбициями развития креативного сектора экономики и инструментальной реализацией, сконцентрированной на компенсационно-стимулирующих, а не средообразующих мерах (табл. 1).

Таблица 1. Оценка федеральных мер поддержки в сфере креативной экономики

Группа механизмов	Меры поддержки	Оценка подпункта (1-5)	Общая оценка блока (1-5)
1. Институционально-стратегические	1.1. Спец. госорганы / координаторы	3	4
	1.2. Нац. и регион. стратегии	5	
	1.3. Межведомственное взаимодействие	4	
2. Финансово-инвестиционные	2.1. Прямая поддержка (гранты, субсидии, налоги)	3	4
	2.2. Доступ к заемным средствам	4	
	2.3. Стимулирование частных инвестиций	4	
3. Образовательные-кадровые	3.1. Спец. учебные программы (вузы)	2	3
	3.2. Тренинги, воркшопы для предпринимателей	3	
	3.3. Менторство, стажировки, привлечение талантов	3	
4. Инфраструктурно-технологические	4.1. Физ. инфраструктура (кластеры, хабы)	2	2
	4.2. Цифровая инфраструктура (платформы, интернет)	2	
5. Экспортно-маркетинговые	5.1. Продвижение на зарубежных мероприятиях	5	4
	5.2. Национальный брендинг	4	
	5.3. B2B-платформы, информ.-правовая поддержка	3	
6. Нормативно-правовые	6.1. Защита и управление интеллектуальной собственностью	3	3
	6.2. Упрощение административных процедур	3	
	6.3. Разработка специальных правовых режимов	2	
	6.4. Интеграция интересов сектора в отраслевые реформы	3	

Примечание. Составлено автором по данным: Федеральные меры поддержки в сфере креативной экономики в 2025 году // Министерство экономического развития Российской Федерации. URL: https://www.economy.gov.ru/material/news/podgotovlen_katalog_federalnyh_mer_podderzhki_v_sfere_kreativnoy_ekonomiki_v_2025_godu.html?ysclid=mltt76ldiw556257818 (дата обращения: 08.03.2026).

В целом на федеральном уровне сформирована рамочно-инвестиционная модель поддержки креативных индустрий, где приоритет отдан созданию нормативных условий и прямому или заемному финансированию проектов с их последующим выводом на внешние рынки. Однако эта модель опережает развитие фундаментальных основ сектора: человеческого капитала и специализированной инфраструктуры.

Рассмотрим каждую из групп механизмов поддержки более подробно.

Проведенный анализ институционально-стратегического блока поддержки креативных индустрий выявляет состояние «стратегической определенности при координационной рассогласованности» в силу доминирования отраслевого подхода над проектным. С одной стороны, сформирован нормативно-целевой базис для дальнейшего регулирования: наличие национального количественного индикатора (6% ВВП к 2030 г.) создает измеримый ориентир для политики, а детализированный правовой каркас (ФЗ-330, перечень ОКВЭД) обеспечивает формальное признание и идентификацию сектора. В декабре 2025 г. Министерство экономического развития Российской Федерации опубликовало Проект Стратегии развития креативной экономики в Российской Федерации до 2036 года, включающий систематизацию предлагаемых мер поддержки креативных индустрий.

С другой стороны, в блоке присутствует системный институциональный дефицит, выражающийся при отсутствии единого координирующего центра. Выявленный «координационный вакуум» приводит к трем ключевым негативным последствиям:

1) фрагментация управления, при которой согласование межведомственных инициатив требует повышенных временных и административных ресурсов и высокую дифференциацию качества регулирования на местах;

2) риски дублирования функций и возникновения «белых пятен» в поддержке, особенно для междисциплинарных проектов, не вписывающихся в узкие отраслевые рамки;

3) рост транзакционных издержек для бизнеса, вынужденного ориентироваться в сложной «многоцентровой» системе взаимодействия с различными ФОИВами для получения комплексной поддержки.

Анализ финансово-инвестиционного блока выявляет состояние «инструментальной избыточности при институциональном дефиците». С одной стороны, создан один из наиболее развитых в системе поддержки комплекс инструментов, демонстрирующий количественную и институциональную зрелость: от прямых безвозвратных форм (гранты, субсидии) до долговых (льготные кредиты, поручительства) и налоговых стимулов. Сформирована работающая экосистема финансирования, охватывающая как традиционный малый бизнес (через Национальную гарантийную систему), так и венчурные стартапы (через акселераторы и гранты «Старт»). Однако ключевым системным ограничением, снижающим потенциальную эффективность блока, является критическая непрозрачность процедурно-критериального аппарата для конкурсного распределения безвозвратных средств (гранты, субсидии и пр.), обусловленных качеством правового регулирования.

Наличие точечных инициатив (программы переподготовки, образовательные модули в акселераторах) не компенсирует отсутствия целостной государственной политики в сфере развития человеческого капитала для креативных индустрий. Значимым недостатком является разрыв между мерами поощрения (стипендии) и отсутствием сквозного контура «образование – привлечение – удержание», что ограничивает способность экономики формировать устойчивый поток квалифицированных кадров для сектора [21].

Инфраструктурно-технологический блок находится в состоянии «критического системного отставания» [22]. Полное отсутствие прямых федеральных программ софинансирования физической и цифровой специализированной инфраструктуры (кластеры, коворкинги, платформы) является наиболее серьезным разрывом в политике поддержки. Косвенные меры (льготы в ТОР/СПВ) не решают проблемы, что финансируемые проекты лишены необходимой экосистемы для кооперации, экспериментов и снижения издержек, что резко ограничивает мультипликативный эффект от инвестиций в другие блоки.

Таким образом, на федеральном уровне выявлен институциональный дефицит в двух критических точках:

1) отсутствие единого центра ответственности при сильной стратегии ведет к фрагментации политики и высоким транзакционным издержкам для бизнеса [23, с. 65];

2) нормативно-правовое поле выполняет пассивную, регистрирующую функцию, но не играет активной стимулирующей роли. Отсутствие специальных режимов и лишь косвенная защита интеллектуальной собственности указывают на неадаптированность регуляторной среды к нематериальной, проектной и высокорисковой природе креативного бизнеса [24, с. 157].

Поскольку развитие креативного сектора экономики предполагает заинтересованность субъектов Российской Федерации, рассмотрим на примере Центрального федерального округа региональные инструменты поддержки.

На основе статистических данных, представленных в «Атласе креативных индустрий Российской Федерации», подготовленном экспертами Центра городских компетенций Агентства стратегических инициатив, составлен рейтинг регионов ЦФО по уровню развития анализируемого сектора. Критерии: интегральная оценка, учитывающая нормативную зре-

лость (наличие целевого закона / программы), инфраструктурное развитие (число кластеров и объектов), экономический вклад (доля в ВРП и занятости) и активность поддержки (конкретные проекты) (табл. 2).

Изучение региональных особенностей креативной специализации экономики позволяет сделать следующие выводы:

– высокий вклад в ВРП (как в Костромской области) часто достигается не количеством кластеров, а глубокой специализацией на одной высокомаржинальной индустрии (ювелирное дело), в то время как Москва и Московская область применяют модель диверсификации;

– наличие отдельного регионального закона не является обязательным для развития креативных индустрий (примеры: Ярославская, Рязанская, Смоленская области), однако для системного роста и привлечения инвестиций закон создает более стабильные и предсказуемые условия;

– регионы, развивающие специальную образовательную инфраструктуру для креативных индустрий (школы креативных индустрий, образовательные кластеры), показывают высокую долю занятых и формируют кадровый резерв (Ярославская, Тверская, Смоленская области);

– регионы с богатым культурным наследием (Тульская, Ивановская, Рязанская области) успешно конвертируют его в креативные продукты (туризм, сувениры, гастрономию, дизайн), что становится устойчивым конкурентным преимуществом.

Регионы-лидеры ЦФО по развитию креативных индустрий активно формируют дополнительные к федеральному регулированию компенсаторные стратегии, фокусируясь на преодолении конкретных системных слабостей федеральной политики (кадровый дефицит, инфраструктурный разрыв) (табл. 3).

Таблица 2. Топ-5 регионов ЦФО по развитию креативной экономики

Субъект Российской Федерации	Кол-во креативных кластеров	Доля занятых в КИ, %	Вклад КИ в ВРП, %	Примечание
г. Москва	19	>6	18,5	Максимальные показатели по всем параметрам. Высочайшая концентрация инфраструктуры (кластеры, объекты) – рекордный вклад в ВРП. Наличие специализированного органа (Агентство креативных индустрий)
Костромская область	1	5-6	7,0	Высокий вклад в ВРП при минимальной инфраструктуре. Специализация на ювелирной промышленности (высокодоходная креативная индустрия) обеспечивает высокую экономическую отдачу даже без множества кластеров. Активная поддержка НХП
Московская область	4	3-4	4,7	Большее число кластеров и объектов – стабильно высокий вклад в ВРП. Сильная связь с федеральными институтами (АНО «Креативная экономика»).
Ярославская область	1	>6	4,7	Высокая доля занятых при среднем вкладе в ВРП. Развитая образовательная база (школа креативных индустрий) – высокий человеческий капитал. Отсутствие закона компенсируется проектным подходом
Тульская область	2	2-3	3,8	Сильная корреляция между развитием культурного наследия (музеи, ремесла) и туризмом как драйвером креативной экономики. Наличие сильных кластеров («Октава»)

Примечание. Составлено автором по данным: Атлас креативных кластеров Российской Федерации 2023 год // Полис. URL: https://unctad.org/system/files/official-document/ditctsce2024d2_ch01_en.pdf (дата обращения: 08.03.2026).

Таблица 3. Оценка региональных мер поддержки в сфере креативной экономики

Регион	Блок 1	Блок 2	Блок 3	Блок 4	Блок 5	Блок 6
г. Москва	5	5	5	5	5	4
Костромская область	4	4	4	3	3	3
Московская область	4	4	4	4	4	3
Ярославская область	3	3	4	2	3	2
Тульская область	3	3	4	3	3	2

Примечание. Составлено автором по данным: Атлас креативных кластеров Российской Федерации 2023 год // Полис. URL: https://unctad.org/system/files/official-document/ditctsce2024d2_ch01_en.pdf (дата обращения: 08.03.2026).

Так, Москва имеет комплексную и опережающую модель поддержки развития креативных индустрий, являясь единственным регионом с высшими оценками по всем ключевым блокам, включая развитую инфраструктуру, финансовые инструменты и кадровую политику, однако ее нормативно-правовое поле не создает специализированных «гибких» регуляторных режимов («песочниц»). Костромская область реализует эффективную

«отраслевую» модель, где четкая стратегия и отдельный закон обеспечивают высокую экономическую отдачу за счет концентрации на ювелирной индустрии как одной из наиболее маржинальных сфер. Московская область применяет сбалансированную «экосистемную» модель, основанную на сочетании диверсифицированной поддержки развитой инфраструктуры кластеров и сильного со-бытийного направления, но реализуемая

политика остается в значительной степени зависимой от федеральных программ и не формирует уникального регионального экспортного бренда. Ярославская область делает стратегическую ставку на «кадрово-ориентированную» модель, компенсируя отсутствие базового закона и слабую инфраструктуру активным развитием образовательных проектов (школа креативных индустрий). Тульская область развивает «культурно-туристическую» модель, успешно интегрируя креативные индустрии в продвижение культурного бренда территории через кластеры и события, однако отсутствие собственного закона и системных финансовых инструментов сдерживает трансформацию этого имиджа в устойчивый рост предпринимательства в секторе креативной экономики. Таким образом, наиболее успешные региональные практики (Москва, Московская область) имеют черты именно экосистемной модели, где поддержка носит комплексный и скоординированный характер, что актуализирует внедрение данного подхода и на федеральном уровне. Только при условии формирования целостной и адаптивной экосистемы креативные индустрии смогут реализовать свой потенциал в качестве драйвера инноваций, экономического роста и социокультурного развития России.

Выводы

Проведенное исследование позволяет сформулировать следующие научно обоснованные выводы, раскрывающие сущность и противоречия формирующейся в России системы поддержки креативных индустрий.

1. Сформирована асимметричная рамочно-инвестиционная модель государственной политики на федеральном уровне. Модель характеризуется развитым стратегически нормативным каркасом (четкие цели, ФЗ-330) и инструментально избыточным, но слабым финансово-экспортным блоком. Системными дисбалансами модели являются гипер-

трофия компенсационно-стимулирующих мер (гранты, льготное кредитование, поддержка экспорта) при критическом отставании средообразующих блоков – инфраструктурно-технологического и образовательно-кадрового (оценка 3);

2. Выявлен и описан феномен «координационной рассогласованности», состоящий в том, что распределение полномочий по отраслевым ведомствам ведет к фрагментации управления, росту транзакционных издержек для бизнеса и рискам возникновения «белых пятен» в поддержке междисциплинарных проектов, а также подмены цели развития сектора креативной экономики в ущерб ведомственным интересам. Установленный институциональный дефицит снижает эффективность всей последующей инструментальной политики.

3. Несмотря на создание базового закона о креативных индустриях (ФЗ-330), правовая среда остается неадаптированной к специфике креативного предпринимательства. Отсутствие гибких специальных режимов («регуляторные песочницы», «креативные визы»), упрощенных административных процедур для бизнеса, основанного на интеллектуальной собственности, и глубокой интеграции интересов креативных индустрий в отраслевые реформы указывает на то, что регулирование фиксирует статус сектора, но не направлено на стимулирование его развития в рамках отдельной экспертизы.

4. Эмпирически идентифицированы и типологизированы компенсаторные региональные модели поддержки креативных индустрий. Регионы-лидеры ЦФО, выступая в роли политических предпринимателей, не просто реализуют федеральные установки, а формируют собственные стратегии, направленные на преодоление системных слабостей федеральной политики:

- «Отраслевая» (Костромская область);
- «Диверсифицированно-экосистемная» (Московская область);

– «Кадрово-ориентированная» (Ярославская, Тульская области);

– «Культурно-туристическая» (Тульская область).

Существенным ограничением для эффективности как федеральной, так и региональной политики является «регуляторный потолок». Даже наиболее прогрессивные региональные инициативы упираются в невозможность в полной мере создать специализированную, гибкую правовую среду в рамках действующего

федерального законодательства. Таким образом, потенциал региональных компенсаторных стратегий оказывается институционально ограниченным, а дальнейшая эволюция всей системы поддержки креативных индустрий в России напрямую зависит от перехода федерального нормативно-правового блока от рамочной функции закрепления перечня отраслей креативных индустрий к активной стимулирующей роли их развития в рамках инновационной экономики.

Список литературы

1. Шкарина В. С. Креативная экономика: мировой опыт и вызовы для России // Вестник Московского университета. Серия 21. Управление (государство и общество). 2022. № 4. С. 17-30.
2. Arsenijević O., Perić N. Creative Industries in Serbia: Economic Impact and Implications // TEM Journal. 2025. Vol. 14, N 4. P. 3297-3304.
3. Suryani L., Lastri N., Mirza D. Implementation of Creative Economy Development Policy in Supporting the Competitiveness of Local Products // Formosa Journal of Science and Technology. 2025. Vol. 4. P. 3177-3194.
4. Суминова Т. Н. Креативные индустрии в контексте вызовов современности // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2025. № 2 (124). С. 69-78.
5. Ушкова Т. В. Направления и перспективы развития регулирования креативных индустрий как специфического сервисного сектора экономики // Управленческое консультирование. 2025. № 2 (188). С. 110-120.
6. Горда О. С. Креативная экономика: теоретические основы и особенности функционирования в условиях становления новой экономики // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Экономика и управление. 2023. Т. 9 (75), № 2. С. 24-37.
7. Панасенко С. В., Христофорова И. В., Сурай Н. М. Современные проблемы и перспективы развития креативных индустрий в России // Экономика. Профессия. Бизнес. 2025. № 2. С. 95-102.
8. Дмитриев Д. В., Шакуров А. А. Роль креативных индустрий в региональной экономике // Экономика и управление. 2024. Т. 5, № 30. С. 556-564.
9. Митина Д. Е. Роль цифровизации в развитии креативных индустрий // Вестник Ростовского государственного экономического университета (РИНХ). 2025. Т. 32, № 1(89). С. 70-80.
10. Зайцева С. А., Цзинь И. Институционализация креативных индустрий: опыт России и Китая // Культура и образование: научно-информационный журнал вузов культуры и искусств. 2025. № 3 (58). С. 35-48.
11. Gillies M. G. W. From creative industries to creative economies, and beyond // Media International Australia. 2021. Vol. 182, N 1. P. 7-12.
12. Пашин К. А. Определение и классификация креативных индустрий в России: теоретический анализ // Естественно-гуманитарные исследования. 2025. № 3 (59). С. 425-431.
13. Хестанов Р. Креативные индустрии – модели развития // Социологическое обозрение. 2018. Т. 17, № 3. С. 173-196.
14. Наумова О. Н. Кластеризация креативных индустрий в развитии региональной экономики // Вестник Самарского университета. Экономика и управление. 2023. № 2. С. 81-92.
15. Макиева И. В., Санжина О. П. Экосистемный подход к развитию креативных индустрий в региональной локализации // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2024. № 6 (150), ч.1. С. 61-67.

16. Ривчун Т. Е., Вапнярская О. И., Платонова Н. А. Практики поддержки креативных индустрий на региональном уровне // Вопросы государственного и муниципального управления. 2024. № 3. С. 187-210.
17. Савка К. В., Назаренко А. В. Анализ развития креативной индустрии в России // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. 2025. Т. 27, № 6. С. 369-377.
18. Трохирова У. В. Практики поддержки креативных индустрий на региональном уровне: проблемы реализации и перспективы развития // Креативная экономика. 2025. Т. 19, № 4. С. 885-908.
19. Зубова Ю. А. Цифровые платформы как фактор развития креативных индустрий в регионе // Прогрессивная экономика. 2025. № 6. С. 182-193.
20. Журавлев Д. М. Стратегирование сферы креативных индустрий: цифровая трансформация, технологии, обучение // Креативная экономика. 2024. Т. 18, № 4. С. 889-904.
21. Gillies M. G. W. From creative industries to creative economies, and beyond // Media International Australia. 2021. Vol. 182, N 1. P. 7-12.
22. Lee H., Park Y., Song K. Collaborative ecosystems for innovation in creative industries // Technovation. 2013. N 120. P. 102573.
23. Василенко Л. А., Богданова Л. В., Каримова И. Ю. Креативная экономика и креативные кластеры в развитии территории: анализ российских практик // Проблемы развития территории. 2024. № 1. С. 61-77.
24. Новиков С. В., Макиева И. В. Развитие креативной сети региона в рамках экосистемного подхода // Мир новой экономики. 2024. Т. 18, № 3. С. 148-158.

References

1. Shkarina V.S. Creative economy: global experience and challenges for Russia. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 21. Upravlenie (gosudarstvo i obshchestvo) = Bulletin of the Moscow University. Episode 21. Management (State and Society)*. 2022;(4):17-30. (In Russ.)
2. Arsenijević O., Perić N. Creative Industries in Serbia: Economic Impact and Implications. *TEM Journal*. 2025;14(4):3297-3304.
3. Suryani L., Lastri N., Mirza, D. Implementation of Creative Economy Development Policy in Supporting the Competitiveness of Local Products. *Formosa Journal of Science and Technology*. 2025;4:3177-3194.
4. Suminova T.N. Creative industries in the context of modern challenges. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv = Bulletin of the Moscow State University of Culture and Arts*. 2025;(2):69-78. (In Russ.)
5. Ushkova T.V. Directions and prospects for the development of regulation of creative industries as a specific service sector of the economy. *Upravlencheskoe konsul'tirovanie = Management Consulting*. 2025;(2):110-120. (In Russ.)
6. Gorda O.S. Creative economy: theoretical foundations and features of functioning in the conditions of the emergence of a new economy. *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Ekonomika i upravlenie = Scientific Notes of the V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Economics and Management*. 2023;9(2):24-37. (In Russ.)
7. Panasenکو S.V., Khristoforova I.V., Suray N.M. Modern problems and prospects for the development of creative industries in Russia. *Ekonomika Professiya Biznes = Economy. Profession. Business*. 2025;(2):95-102. (In Russ.)
8. Dmitriev D.V., Shakurov A.A. The role of creative industries in the regional economy. *Ekonomika i upravlenie = Economics and Management*. 2024;5(30):556-564. (In Russ.)
9. Mitina D.E. The role of digitalization in the development of creative industries. *Vestnik Rostovskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta (RINKh) = Bulletin of the Rostov State University of Economics (RINH)*. 2025;32(1):70-80. (In Russ.)
10. Zaitseva S.A., Jin Y. Institutionalization of creative industries: the experience of Russia and China. *Kul'tura i obrazovanie: nauchno-informatsionnyy zhurnal vuzov kul'tury i iskusstv = Culture and*
Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент /
Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management. 2026;16(3):44-57

Education: a Scientific and Informational Journal of Universities of Culture and Arts. 2025;(3):35-48. (In Russ.)

11. Gillies M.G.W. From creative industries to creative economies, and beyond. *Media International Australia*. 2021;182(1):7-12.

12. Pashin K.A. Definition and classification of creative industries in Russia: a theoretical analysis. *Estestvenno-gumanitarnye issledovaniya = Natural Sciences and Humanities Research*. 2025;(3):425-431. (In Russ.)

13. Khestanov R. Creative industries – development models. *Sotsiologicheskoe obozrenie = A Sociological Review*. 2018;17(3):173-196. (In Russ.)

14. Naumova O.N. Clustering of creative industries in the development of the regional economy. *Vestnik Samarskogo universiteta. Ekonomika i upravlenie = Bulletin of Samara University. Economics and Management*. 2023;(2):81-92. (In Russ.)

15. Makieva I.V., Sanzhina O.P. Ecosystem approach to the development of creative industries in regional localization. *Izvestiya SPbGEU = Proceedings of the Saint Petersburg State University of Economics*. 2024;(6):61-67. (In Russ.)

16. Rivchun T.E., Vapnyarskaya O.I., Platonova N.A. Practices of supporting creative industries at the regional level. *Voprosy gosudarstvennogo i munitsipal'nogo upravleniya = Issues of State and Municipal Management*. 2024;(3):187-210. (In Russ.)

17. Savka K.V., Nazarenko A.V. Analysis of the development of the creative industry in Russia. *Izvestiya Kabardino-Balkanskogo nauchnogo tsentra RAN = Proceedings of the Kabardino-Balkan Scientific Center of the Russian Academy of Sciences*. 2025;27(6):369-377. (In Russ.)

18. Trokhirova U.V. Practices of supporting creative industries at the regional level: implementation problems and development prospects. *Kreativnaya ekonomika = Creative Economy*. 2025;19(4):885-908. (In Russ.)

19. Zubova Yu.A. Digital platforms as a factor in the development of creative industries in the region. *Progressivnaya ekonomika = Progressive Economy*. 2025;(6):182-193. (In Russ.)

20. Zhuravlev D.M. Strategizing the sphere of creative industries: digital transformation, technologies, training. *Kreativnaya ekonomika = Creative Economy*. 2024;18(4):889-904. (In Russ.)

21. Gillies M.G.W. From creative industries to creative economies, and beyond. *Media International Australia*. 2021;182(1):7-12.

22. Lee H., Park Y., Song K. Collaborative ecosystems for innovation in creative industries. *Tech-novation*. 2013;(120):102573.

23. Vasilenko L.A., Bogdanova L.V., Karimova I.Yu. Creative economy and creative clusters in territorial development: an analysis of Russian practices. *Problemy razvitiya territorii = Problems of Territorial Development*. 2024;(1):61-77. (In Russ.)

24. Novikov S.V., Makieva I.V. Development of the region's creative network within the framework of the ecosystem approach. *Mir novoy ekonomiki = The World of the New Economy*. 2024;18(3):148-158. (In Russ.)

Информация об авторе / Information about the Author

Шкарина Вера Сергеевна, кандидат экономических наук, доцент кафедры управления Института социально-экономических наук, Российский государственный гуманитарный университет, г. Москва, Российская Федерация, e-mail: verashkarina@gmail.com, ORCID: 0000-0003-1565-8158

Vera S. Shkarina, Cand. Sci. (Economics), Associate Professor at the Department of Management of the Institute of Social and Economic Sciences, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russian Federation, e-mail: verashkarina@gmail.com, ORCID: 0000-0003-1565-8158

ГОСУДАРСТВО И БИЗНЕС НА ПУТИ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ

THE GOVERNMENT AND BUSINESS ON THE PATH OF THE DIGITAL TRANSFORMATION

Оригинальная статья / Original article

УДК 332

<https://doi.org/10.21869/2223-1552-2026-16-3-58-74>

Показатели и критерии эффективности цифровой трансформации сферы ЖКХ в Нижегородской области

О. А. Долгова¹, Н. Н. Кондратьева¹, Ю. О. Тюрина¹✉

¹ Нижегородский государственный инженерно-экономический университет
ул. Октябрьская, д. 22а, Нижегородская область, г. Княгинино 606340, Российская Федерация

✉ e-mail: yulya.tyurina.02@inbox.ru

Резюме

Актуальность. Цифровая трансформация жилищно-коммунального хозяйства является одним из стратегических приоритетов развития городской среды в России. Несмотря на устойчивый рост рынка услуг ЖКХ, отрасль сталкивается с высоким износом фондов, непрозрачностью расчётов и растущими требованиями граждан к качеству услуг. Существующие подходы к оценке эффективности цифровизации носят фрагментарный характер, что затрудняет управление преобразованиями и обоснование программ развития. В связи с этим разработка комплексного критерия оценки цифровой трансформации ЖКХ является актуальной научно-практической задачей.

Цель работы – разработка и обоснование комплексного критерия (интегрального индекса) для оценки эффективности цифровой трансформации сферы ЖКХ, позволяющего единообразно измерять результаты внедрения цифровых технологий в отрасли.

Задачи: проанализировать существующие определения и подходы к цифровой трансформации ЖКХ; выявить и систематизировать критерии эффективности, предложенные в научной литературе; разработать многофакторный комплексный критерий с весовыми коэффициентами и шкалой интерпретации.

Методология. Исследование основано на анализе нормативно-правовых актов, научных публикаций российских авторов, а также на методах сравнительного анализа, систематизации и многокритериального агрегирования показателей.

Результаты. Существующие критерии эффективности цифровой трансформации ЖКХ применяются разрозненно, без единой методики. Предложен комплексный критерий – интегральный индекс, объединяющий пять блоков показателей с весовыми коэффициентами. Разработана шкала интерпретации, что позволяет оценивать цифровую трансформацию ЖКХ в разных муниципалитетах.

Выводы. Разработанный комплексный критерий представляет собой практико-ориентированный инструмент мониторинга и управления цифровыми преобразованиями в жилищно-коммунальной сфере. Он позволяет оценивать текущий уровень цифровой трансформации.

Ключевые слова: цифровая трансформация; жилищно-коммунальное хозяйство; критерии эффективности; интегральный индекс; цифровая зрелость.

Конфликт интересов: В представленной публикации отсутствует заимствованный материал без ссылок на автора и (или) источник заимствования, нет результатов научных работ, выполненных авторами публикации лично и (или) в соавторстве, без соответствующих ссылок. Авторы декларируют отсутствие конфликта интересов, связанных с публикацией данной статьи.

© Долгова О. А., Кондратьева Н. Н., Тюрина Ю. О., 2026

Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент /
Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management. 2026;16(3):58–74

Для цитирования: Долгова О. А., Кондратьева Н. Н., Тюрина Ю. О. Показатели и критерии эффективности цифровой трансформации сферы ЖКХ в Нижегородской области // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2026. Т. 16, № 3. С. 58–74. <https://doi.org/10.21869/2223-1552-2026-16-3-58-74>.

Поступила в редакцию 22.04.2026

Принята к публикации 21.05.2026

Опубликована 30.06.2026

Indicators and criteria for the effectiveness of digital transformation housing and communal services in the Nizhny Novgorod region

Olga A. Dolgova ¹, Natalia N. Kondratieva ¹, Yulia O. Tyurina ¹ ✉

¹ Nizhny Novgorod State University of Engineering and Economics

22a Oktyabrskaya Str., Nizhny Novgorod region, Knyaginino 606340, Russian Federation

✉ e-mail: yulya.tyurina.02@inbox.ru

Abstract

Relevance. The digital transformation of housing and communal services is one of the strategic priorities for the development of the urban environment in Russia. Despite the steady growth of the housing and communal services market, the industry is facing high depreciation of funds, non-transparency of settlements and the growing demands of citizens on the quality of services. Existing approaches to assessing the effectiveness of digitalization are fragmented, which makes it difficult to manage transformations and justify development programs. In this regard, the development of a comprehensive criterion for assessing the digital transformation of housing and communal services is an urgent scientific and practical task.

The purpose of the work is to develop and substantiate a comprehensive criterion (integral index) for evaluating the effectiveness of the digital transformation of the housing and communal services sector, which makes it possible to uniformly measure the results of the introduction of digital technologies in the industry.

Objectives: to analyze existing definitions and approaches to the digital transformation of housing and communal services; to identify and systematize performance criteria proposed in the scientific literature; to develop a multi-factor complex criterion with weights and an interpretation scale.

Methodology. The research is based on an analysis of regulatory legal acts, scientific publications by Russian authors, as well as methods of comparative analysis, systematization and multi-criteria aggregation of indicators.

Results. The existing criteria for the effectiveness of digital transformation of housing and communal services are applied separately, without a single methodology. A complex criterion is proposed – an integral index combining five blocks of indicators with weighting coefficients. An interpretation scale has been developed, which makes it possible to evaluate the digital transformation of housing and communal services in different municipalities.

Conclusions. The developed comprehensive criterion is a practice-oriented tool for monitoring and managing digital transformations in the housing and communal services sector. It allows us to assess the current level of digital transformation.

Keywords: digital transformation; housing and communal services; performance criteria; integral index; digital maturity.

Conflict of interest: In the presented publication there is no borrowed material without references to the author and (or) source of borrowing, there are no results of scientific works performed by the authors of the publication, personally and (or) in co-authorship, without relevant links. The authors declares no conflict of interest related to the publication of this article.

For citation: Dolgova O.A., Kondratieva N.N., Tyurina Y.O. Indicators and criteria for the effectiveness of digital transformation housing and communal services in the Nizhny Novgorod region. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment* = *Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management*. 2026;16(3):58–74. (In Russ.) <https://doi.org/10.21869/2223-1552-2026-16-3-58-74>.

Received 22.04.2026

Accepted 21.05.2026

Published 30.06.2026

Введение

Жилищно-коммунальные услуги на протяжении многих десятилетий с момента их появления исследуются многими ведущими теоретиками и практиками, однако даже сегодня эта тема является достаточно актуальной. Это обусловлено тем, что предоставление и получение жилищно-коммунальных услуг в государстве касаются практически каждого гражданина [1].

В российском законодательстве отсутствует четкое, юридически закрепленное определение термина «ЖКХ». Тем не менее в самом широком понимании эта область охватывает жилищно-коммунальную инфраструктуру, работа которой призвана гарантировать гражданам удобство и комфортные условия проживания [2].

ЖКХ представляет собой одну из наиболее труднорегулируемых областей. Являясь крупным сектором национальной экономики, жилищно-коммунальный комплекс включает в себя широкий спектр хозяйственных направлений, среди которых водоснабжение, водоотведение, энергосбережение и др. [3].

Актуальность исследования обусловлена тем, что цифровые технологии способны помочь в преодолении насущных трудностей, с которыми сталкивается российская сфера ЖКХ. Быстрое совершенствование технологических решений, повсеместное использование средств связи и устройств, а также рост доступности данных создают новую цифровую среду. В этих условиях органы власти, местные администрации и российские создатели программного обеспечения координируют свои действия для выработки наилучших стратегий цифрового преобразования жилищно-коммунальной отрасли. Основными приоритетами здесь выступают создание ясной и действенной системы управления общим имуществом домов, обеспечение прозрачности тарифного регулирования и формирование условий для добросовестной конкуренции.

Материалы и методы

Применение современных технических средств дает возможность автоматизировать управление и контроль за ресурсами, что ведет к снижению расходов. В эпоху глобальных перемен и кризисных явлений цифровизация позволяет быстро адаптироваться к новым вызовам и повышать надежность инфраструктуры. Кроме того, актуальность данной темы обусловлена потребностью в увеличении прозрачности и ответственности коммунальных предприятий, что несет существенную социальную ценность. В завершение стоит отметить, что развитие цифровой среды создает предпосылки для внедрения инноваций в сфере клиентского сервиса.

Сфера ЖКХ в России охватывает предприятия, занимающиеся предоставлением соответствующих услуг, и охватывает весь комплекс работ по управлению и обслуживанию жилого фонда и связанной с ним инфраструктуры (рис. 1):

- за 5 лет объем рынка увеличился на 2141 млрд руб. (с 7048 млрд руб. в 2021 г. до 9189 млрд руб. в 2022 г.);
- ежегодный прирост сохраняется на положительном уровне, варьируясь от 5,63% (2021 г.) до 8,22% (2022 г.);
- наибольшее ускорение темпов прироста зафиксировано в 2022 г. (8,22%), после чего в 2023-2024 гг. наблюдается умеренное замедление (7,11% и 7,11%);
- за период 2021–2025 гг. рынок вырос на 31,8%, что подтверждает его устойчивость к внешним экономическим факторам.

Рынок жилищно-коммунального хозяйства продолжает оставаться растущим сектором экономики с положительной динамикой, несмотря на изменение темпов роста. Это свидетельствует о высокой востребованности услуг и низкой чувствительности спроса к колебаниям цен, вызванной инфраструктурной зависимостью населения.

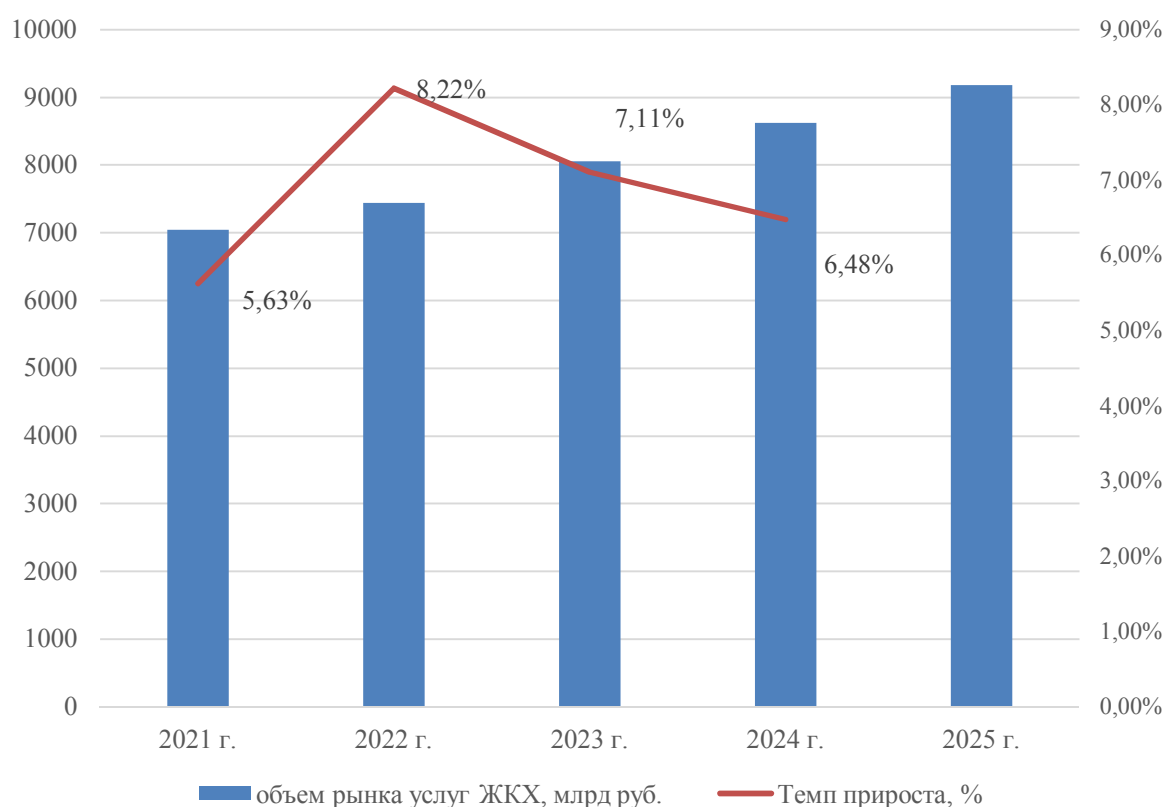

Рис. 1. Динамика объема рынка услуг ЖКХ в 2021-2025 гг., млрд. руб.¹

Безупречная работа жилищно-коммунальной сферы имеет критическое значение для государства. В связи с этим процесс реформирования и последующего развития отрасли требует предельно взвешенного подхода к диагностике, определению и устранению существующих трудностей, а также обязательного учета особенностей данного сегмента экономики и интересов всех вовлеченных сторон (как поставщиков услуг, так и потребителей).

Потребности в жилье и коммунальных услугах занимают приоритетное место и обладают рядом специфических черт. В первую очередь эти потребности удовлетворяются за счет непрерывного и постоянного обеспечения права граждан

на жилище, которое закреплено в Конституции РФ².

Сфера ЖКХ охватывает все процессы жизнедеятельности населения на территории города, что делает ее стратегически важной для развития страны в целом [4].

Хотя понятия «цифровая трансформация» и «цифровая экономика» благодаря государственным инициативам и активному освещению в СМИ стали привычными и их трактовки легко найти в открытом доступе, остается неясным, существует ли единое общепринятое определение данных терминов, а также каковы между ними ключевые отличия [5].

¹ Рынок услуг ЖКХ в России: тенденции и перспективы. URL: <https://gidmark.ru/news/ryinok-uslug-zhkh-v-rossii-tendenczii-i-perspektivy/> (дата обращения: 11.03.2026).

² Жилищный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 29.12.2004 г. № 188-ФЗ: [ред. от 02.05.2026 г.]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_51057/?ysclid=mqupz6xlce748650514 (дата обращения: 11.03.2026).

Российские предприятия активно внедряют цифровую трансформацию в ключевые бизнес-процессы, воспринимая цифровизацию как логическое продолжение автоматизации и информатизации. При этом необходимо четко разделять эти термины: если автоматизация заключается в замене человеческого труда машинным с использованием технологий, то цифровая трансформация предполагает более фундаментальные изменения, затрагивающие как отдельные процессы, так и структуру компании в целом, а также государственные институты.

Процесс цифровой трансформации характеризуется тремя фундаментальными аспектами:

- во-первых, это внедрение цифровых решений для автоматизации как отдельных производственных линий, так и деятельности предприятия в целом. Стоит отметить, что данный путь проходит уже не первое десятилетие, а каждый новый технологический прорыв лишь усложняет и обогащает его этапы;

- во-вторых, цифровая трансформация тесно переплетена с эволюцией информационно-коммуникационных технологий. Ключевой точкой отсчета здесь выступает появление «третьей платформы», которая дала старт формированию цифровых компаний – нового типа бизнеса, базирующегося на современных технологиях, таких как большие данные, Интернет вещей, облачные сервисы, социальные сети и мобильные решения;

- в-третьих, актуальность цифровизации распространяется как на изначально цифровые организации, так и на традиционные сырьевые корпорации. При этом последние делают упор не столько на внедрение инноваций, сколько на адаптацию к меняющимся экономическим реалиям. Это вынуждает их пересматривать бизнес-модель и подбирать подходящие ИКТ-решения для обеспечения устойчивого развития [6].

В современных реалиях цифровая трансформация выступает важнейшим

драйвером конкурентоспособности бизнеса. Это не сводится лишь к установке нового программного обеспечения, а представляет собой глубокий системный процесс, реорганизуемый операционную деятельность и способствующий реализации долгосрочных стратегических задач. Специальная модель управления данным процессом служит структурированным руководством, позволяющим организациям органично интегрировать цифровые инструменты в текущие рабочие потоки. Подобный подход способствует повышению производительности, рационализации затрат и созданию новых возможностей для развития. Данная концепция включает в себя элементы стратегического видения, адаптации организационной структуры, стимулирования инноваций и контроля над изменениями (рис. 2).

Цифровая трансформация сферы ЖКХ является комплексным и многогранным процессом, понимание сути которого варьируется у разных исследователей. Для систематизации подходов к определению данного явления и выявления его ключевых аспектов в таблице 1 представлен сравнительный анализ определений цифровой трансформации ЖКХ, предложенных ведущими специалистами в данной области. Анализ проведен на основе авторских формулировок с последующим комментарием.

Преобразование жилищно-коммунального хозяйства в цифровом формате представляет собой сложный и многогранный процесс, который направлен на существенное совершенствование деятельности отрасли посредством внедрения современных информационных технологий. Ключевая задача заключается в формировании единой, открытой и результативной модели управления, что позволит повысить уровень предоставляемых услуг, ускорить обработку обращений, оптимизировать расход ресурсов и как итог способствовать росту благосостояния населения и общему социально-экономическому прогрессу.

Рис. 2. Модель управления цифровой трансформацией

Таблица 1. Сравнительный анализ определений цифровой трансформации в сфере ЖКХ

Автор	Определение	Комментарий
И. Н. Галу-хина	Модернизация сферы ЖКХ нуждается в целостном подходе, который подразумевает формирование действенного механизма администрирования, интеграцию современных цифровых инструментов и повышение уровня сервиса. Важными элементами выступают активное участие жителей в управлении городским хозяйством, оптимизация процессов выявления и ликвидации аварийных ситуаций, а также формирование инновационной технологической базы. Кроме того, необходимо стимулировать экономию ресурсов и развивать конкурентную среду в отрасли [7]	Отражает интеграционный и практико-ориентированный характер цифровизации ЖКХ, но сводит её в основном к государственным ИТ-инструментам и их эффектам, почти не раскрывая управленческие и технологические механизмы преобразований
А. П. Абрам	Реализация цифровой трансформации в сфере жилищно-коммунального хозяйства представляет собой трудоемкий процесс, нуждающийся в активной поддержке государства, управляющих организаций и поставщиков ресурсов. Внедряемые цифровые решения формируют фундаментальную базу, необходимую для создания экосистемы интеллектуальных городских пространств [8]	Определение правильно подчёркивает сложность и зависимость, цифровой трансформации и её связь с экосистемой умного города, но недостаточно раскрывает содержание самих изменений и их измеримые результаты
А. Н. Тухваллина	Внедрение цифровых технологий в сферу жилищно-коммунального хозяйства консолидирует все операции в единую экосистему, обеспечивая их прозрачность и слаженность. Государственная власть разработала ГИС ЖКХ и закрепила требования к открытости данных о управляющих организациях. Подобные шаги позволят оперативнее выявлять аварийные ситуации, снизить задолженность граждан и повысить эффективность работ по восстановлению сетей [9]	Определение верно выделяет ключевую цель цифровизации ЖКХ – создание единой, прозрачной и эффективной системы с акцентом на роль государства и конкретные выгоды

Окончание табл. 1

Автор	Определение	Комментарий
И. Н. Горбова	Процесс цифрового преобразования жилищно-коммунального хозяйства способствует решению значимых социально-экономических проблем. Он оптимизирует коммуникацию между всеми участниками рынка, повышает стандарты обслуживания, увеличивает продуктивность труда и создает новые перспективы для предпринимательской деятельности и занятости. При этом цифровые решения разрабатываются с учетом интересов социально незащищенных слоев населения, что делает сервис более доступным. Как итог: сектор ЖКХ усиливает свои конкурентные позиции, а внедрение современных систем управления способствует росту экономической эффективности и улучшению уровня жизни граждан [10]	В определении четко обозначены ключевые цели цифровизации ЖКХ. Важно подчеркнуты социальный аспект и экономический эффект
Р. Х. Муталапов	Переход к цифровой модели в сфере жилищно-коммунального хозяйства рассматривается как поэтапный процесс внедрения цифровых технологий в традиционную отрасль [11]	Фокус на современных тенденциях, проблемах и мировой практике внедрения
С. З. Фаронова	Процесс цифровизации в сфере жилищно-коммунального хозяйства представляет собой ключевую тенденцию развития как на микро-, так и на макроуровнях. Этот процесс охватывает внедрение интеллектуальных систем для анализа данных, механизмы онлайн-мониторинга, а также развитие умных сервисов [12]	Направлена на повышение прозрачности услуг, оптимизацию ресурсов и благоустройство

Сегодня очевидно, что процесс цифрового преобразования в жилищно-коммунальном секторе набирает обороты. Это подтверждается включением данного направления в приоритеты государственной политики.

В подтверждение этому Правительством Российской Федерации было принято распоряжение от 27 декабря 2021 г. № 3883-р, которое закрепляет стратегические цели цифровизации в сферах строительства, городского хозяйства и ЖКХ вплоть до 2030 г.¹

Разработка данного стратегического документа основывалась на всестороннем анализе существующих программных

инициатив Российской Федерации, охватывающих такие направления, как цифровая трансформация, улучшение городской среды и повышение доступности жилья. По этой причине рассматриваемый акт имеет существенное социальное значение в текущий период, и его принятие однозначно обозначит ключевую веху в процессе обновления сферы ЖКХ.

Следовательно, на общегосударственном уровне цифровизация сферы ЖКХ рассматривается как ключевой вектор развития городской инфраструктуры и строительного сектора, что формирует правовую и программную базу для внедрения цифровых решений в субъектах РФ.

Нижегородская область, находящаяся в центральной части России и входящая в Приволжский федеральный округ, обладает развитой системой жилищно-коммунального хозяйства. Управление этим комплексом осуществляет Министерство энергетики и ЖКХ Нижегородской области.

¹ О стратегическом направлении в области цифровой трансформации строительной отрасли, городского и жилищно-коммунального хозяйства РФ до 2030 г.: распоряжение Правительства Российской Федерации от 27 декабря 2021 г. № 3883-р. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/403224504/> (дата обращения: 11.03.2026).

Министерство координирует деятельность в сфере градостроительства, строительства и архитектуры, а также жилищной политики и ЖКХ. Эти полномочия реализуются в рамках законодательства Российской Федерации и Нижегородской области [13].

В Нижегородской области реализуется Стратегия социально-экономического развития региона на период до 2035 года. В сфере жилищно-коммунального хозяйства ее главная задача – гарантировать доступность жилья и высокое качество коммунальных услуг, что создает фундамент для комфортной жизни граждан и позволяет высвобождать их временные и финансовые ресурсы для личностного роста. Документ был утвержден постановлением Правительства Нижегородской области от 21 декабря 2018 г. № 889¹.

Нижегородская область участвует в государственной региональной программе. Одним из таких проектов, который финансируется в настоящее время, является проект «Модернизация систем коммунальной инфраструктуры» (в 2024 г. исполнили на 46,2%). По информации областного минэкономики, это при плановых затратах 1,033 млрд руб. министерство ЖКХ за год освоило 477,1 млн.

К 2025 г. потенциал цифровизации для экономики РФ оценивается в 4,1–8,9 трлн руб., причем ЖКХ как фундаментальная отрасль играет ключевую роль в достижении этого эффекта. Однако успешность трансформации зависит от разработки объективной системы оценки ее эффективности.

Подходы к оценке результативности цифровых преобразований весьма разнообразны.

¹ Об утверждении Стратегии социально-экономического развития Нижегородской области до 2035 года: постановление Правительства Нижегородской области от 21 декабря 2018 года № 889. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/5200201812250001> (дата обращения: 11.03.2026).

В публикации Т. В. Кокуйцевой и О. П. Овчинниковой [14] представлена оригинальная трактовка термина «эффект от использования цифровых инструментов и технологий». Однако данное исследование не затрагивает аспекты методологического обоснования данной категории.

По мнению И. Г. Шестакова, ключевыми маркерами цифровой трансформации выступают ускоренные циклы внедрения инноваций. Он подчеркивает, что стремительное развитие технологий, влекущее за собой глубокие социально-экономические и инфраструктурные сдвиги, представляет собой качественный скачок, открывающий новую эпоху. Цифровые инструменты предоставляют организациям беспрецедентные перспективы для достижения глобальной экономической, политической и культурной унификации и интеграции [15].

Вопросы эффективности цифровизации в рамках инновационных процессов детально рассмотрены в работах М. В. Рыбина, М. В. Савина и В. И. Салыгина [16].

В научной литературе вопрос результативности цифровизации остается малоизученным. Ряд исследователей связывают успешность этого процесса с широким внедрением инновационных решений, в частности компьютерно-цифровых методов и информационных технологий [14].

Другие исследователи, акцентируя многогранность понятия эффективности цифровой трансформации, выделяют её ключевые характеристики – системность и комплексность. При этом подчёркивается, что данное понятие охватывает широкий спектр аспектов процесса перехода человечества к новому цифровому технологическому укладу производства и потребления [17].

По мнению М. Ю. Зеленкова, цифровая трансформация управления считается эффективной, когда все элементы систе-

мы управления, благодаря цифровизации, способны наилучшим образом решать поставленные задачи. Иными словами, эффективность цифровизации управления заключается в том, насколько хорошо она адаптирована для выполнения своих функций [18].

Результаты и их обсуждение

Эффективность цифровой трансформации заключается в том, насколько успешно внедрение цифровых технологий приводит к значимым качественным и количественным улучшениям в социально-экономических системах. Эти улучшения проявляются в перестройке структуры, изменении положения и интересов участников, а также в трансформации всей системы социально-экономических связей. Ключевым для оценки этой эффективности является правильный выбор критериев. От того, насколько удачно выбраны критерии, напрямую зависят результаты оценки. Следовательно, определение подходящего критерия – это центральная задача методологии оценки цифровой трансформации, без решения которой невозможно адекватно определить ее результаты и проявления.

Эффективный критерий цифровой трансформации представляет собой фундаментальный принцип, служащий базисом для оценки, сопоставления и систематизации процессов цифрового преобразования. Он должен обеспечивать целостное понимание количественных и качественных сдвигов в исследуемой сфере, фиксировать результативность оцениваемых изменений и отражать их социально-экономическую природу [19].

Цифровизация в сфере жилищно-коммунального хозяйства значительно влияет на целевой показатель «цифровая зрелость». Министерством цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации методики

расчета целевых показателей национальной цели развития Российской Федерации «Цифровая трансформация» утверждены в ноябре 2020 г.¹

В целях систематизации подходов к оценке эффективности цифровой трансформации сферы ЖКХ, выявленных в научной литературе, рассмотрим ключевые критерии, их характеристики и комментарии к применению (табл. 2).

Анализ представленных в таблице 2 критериев эффективности цифровой трансформации сферы ЖКХ показывает, что существующие подходы к оценке её результатов носят фрагментарный характер: авторы акцентируют внимание на отдельных аспектах – качестве услуг, экономических эффектах, цифровой зрелости, интегральных показателях или социальных результатах.

Исходя из этого нами предложен и обоснован комплексный критерий оценки эффективности цифровой трансформации сферы ЖКХ, представляющий собой интегральный индекс, агрегирующий показатели качества и прозрачности услуг, экономической эффективности, цифровой зрелости, управленческой результативности, социального эффекта и информационной безопасности (табл. 3).

Комплексный критерий позволяет единообразно оценивать результаты цифровизации для различных муниципальных образований и управляющих организаций, сопоставлять их уровень цифровой трансформации и обосновывать управленческие решения по корректировке программ развития ЖКХ.

¹ Об утверждении методик расчета целевых показателей национальной цели развития Российской Федерации «цифровая трансформация»: приказ Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации от 18.11.2020 г. № 600. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_372437/ (дата обращения: 11.03.2026).

Таблица 2. Критерии эффективности цифровой трансформации сферы ЖКХ

Наименование	Автор	Краткая характеристика	Комментарий
Качество и прозрачность жилищно-коммунальных услуг [10]	С. З. Фаронова	Критерий связывает цифровую трансформацию с повышением качества услуг, снижением тарифов и ростом прозрачности отраслевых процессов для жителей и контролирующих органов	Удобно использовать как блок показателей: доля услуг, доступных онлайн; количество жалоб; полнота и открытость данных по домам, ресурсам и работам
Экономическая эффективность и снижение издержек [20]	И. С. Саввина	Эффективность оценивается через сокращение транзакционных издержек управляющих компаний и экономию затрат потребителей за счет внедрения цифровых технологий	Предполагает расчет экономии по видам издержек (управленческих, информационных, расчетных) и интегральный показатель выгоды цифровизации для компании и жителей
Цифровая зрелость системы управления ЖКХ [21]	Е. Б. Балашов	Критерий описывает уровень цифровой зрелости региональной системы ЖКХ через набор целевых параметров и пороговых значений этапов цифровизации основных и управляющих процессов	Применим для этапной оценки: формируется шкала зрелости (от базового уровня до «умного» ЖКХ) и измеряются доли процессов, переведенных в цифровой формат
Интегральный показатель эффективности цифровой трансформации городского хозяйства (в т.ч. ЖКХ) [22]	С. П. Чернов, Е. А. Ляшенко	Предлагается система индикаторов, отражающих внедрение интеллектуальных систем учета, развитие онлайн-сервисов, готовность инфраструктуры и др., агрегируемых в комплексную оценку цифровой трансформации	Может служить основой для интегрального индекса «цифрового развития» ЖКХ внутри концепции «умного города» и сопоставления муниципалитетов между собой
Социальный эффект и комфорт городской среды [10]	С. З. Фаронова	Критерий отражает влияние цифровой трансформации на уровень комфорта проживания, доступность услуг для разных групп населения, вовлеченность граждан в управление и благоустройство	Подразумевает использование индикаторов удовлетворенности жителей, доли населения, активно использующего цифровые сервисы, и оценок качества городской среды

Таблица 3. Описание комплексного критерия эффективности цифровой трансформации сферы ЖКХ

Блок комплексного критерия	Примеры показателей	Вес блока в индексе, %	Обоснование	Краткая характеристика	Комментарий
1. Качество и прозрачность услуг	Доля услуг, доступных онлайн; доля корректных начислений; число жалоб на 1000 абонентов; полнота раскрытия информации по домам и работам	25	Наиболее значим для потребителя; отражает доступность и оперативность получения услуг	Отражает влияние цифровизации на качество ЖКУ и прозрачность взаимоотношений с потребителями	Рост блока означает сокращение жалоб, повышение доверия и прозрачности расчетов

Окончание табл. 3

Блок комплексного критерия	Примеры показателей	Вес блока в индексе, %	Обоснование	Краткая характеристика	Комментарий
2. Экономическая эффективность и снижение издержек	Экономия затрат УК; снижение потерь ресурсов; изменение себестоимости услуг	20	Влияет на устойчивость организаций ЖКХ и обоснованность тарифов	Характеризует финансовый результат цифровой трансформации для участников рынка	Показывает окупаемость цифровых решений и рациональность использования ресурсов
3. Цифровая зрелость и развитость сервисов	Доля процессов в цифровом формате; наличие единой платформы; доля домов с интеллектуальным учётом; уровень активности пользователей личного кабинета; доля автоматизированных операций;	20	Отражает уровень внедрения и интеграции информационных систем	Отражает глубину и системность внедрения цифровых технологий в ЖКХ	Позволяет отнести объект к определённому уровню цифровой зрелости («базовый», «развивающийся», «умное ЖКХ»)
4. Эффективность управления и реагирования на аварии	Среднее время реагирования на заявки; частота повторных обращений; доля заявок, закрытых в срок; индекс надёжности инфраструктуры	20	Показывает эффективность принятия решений на основе данных	Показывает, насколько цифровые инструменты улучшили оперативное управление и снизили аварийность	Используется для оценки перехода к управлению на основе данных и повышения устойчивости работы сетей
5. Социальный эффект, удовлетворённость и безопасность	Индекс удовлетворённости жителей цифровыми сервисами; доля цифровых активных абонентов; количество инцидентов ИБ; время восстановления систем	15	Учитывает удовлетворённость населения и доступность услуг для уязвимых групп; обеспечивает защищённость данных и непрерывность функционирования	Характеризует социальные результаты цифровизации и надёжность цифровой инфраструктуры	Учитывает мнение жителей, доступность сервисов и соблюдение требований информационной безопасности
<i>Итого</i>			100%		

Критерий представляет собой сводный индекс, формируемый на основе пяти блоков показателей по принципу приоритетности для потребителя и баланса интересов:

– блок 1 (25 %) – максимальный вес, так как качество услуг и прозрачность – главный запрос населения и индикатор доверия к цифровизации (табл. 4);

– блоки 2, 3, 4 (по 20 %) равнозначны, поскольку отражают три равновесных фактора: экономику, технологии и управление (табл. 5–7);

– блок 5 (15 %) – наименьший вес, но обязательный, так как учитывает человекоцентричность и безопасность (табл. 8).

Таблица 4. Блок 1. Качество и прозрачность услуг

Показатель	Фактическое значение	$x_{\min}$	$x_{\max}$	x_{norm}	Обоснование
Доля услуг, доступных онлайн, %	0	10	100	0,00	Отсутствие интеграции с порталом госуслуг и ГИС ЖКХ по данным реестра
Доля корректных начислений, %	85	80	100	0,25	Косвенная оценка по количеству обращений (информация недоступна в явном виде)
Число жалоб на 1000 абонентов	45	50	0	0,10	Расчёт на основе 1 зафиксированного административного нарушения
Полнота раскрытия информации по домам и работам, %	40	20	100	0,25	По данным реестра домов

Таблица 5. Блок 2. Экономическая эффективность и снижение издержек

Показатель	Фактическое значение	$x_{\min}$	$x_{\max}$	x_{norm}	Обоснование
Экономия затрат УК, %	0	-20	20	0,50	Отсутствие данных о внедрении цифровых решений
Снижение потерь ресурсов, %	2	0	20	0,10	Оценка на основе отраслевой статистики
Изменение себестоимости услуг, %	5	-10	10	0,25	Ориентировочно по динамике тарифов

Таблица 6. Блок 3. Цифровая зрелость и развитость сервисов

Показатель	Фактическое значение	$x_{\min}$	$x_{\max}$	x_{norm}	Обоснование
Доля процессов в цифровом формате, %	5	0	100	0,05	По косвенным данным (отсутствие онлайн-услуг)
Доля домов с интеллектуальным учётом, %	0	0	100	0,00	Нет данных об установке «умных» счётчиков
Уровень активности пользователей личного кабинета, %	0	0	100	0,00	Личный кабинет отсутствует

Таблица 7. Блок 4. Эффективность управления и реагирования на аварии

Показатель	Фактическое значение	$x_{\min}$	$x_{\max}$	x_{norm}	Обоснование
Среднее время реагирования на заявки, ч	48	2	72	0,34	Косвенная оценка по отраслевым нормативам
Доля заявок, закрытых в срок, %	70	50	100	0,40	Оценочно по косвенным данным

Таблица 8. Блок 5. Социальный эффект, удовлетворённость и безопасность

Показатель	Фактическое значение	$x_{\min}$	$x_{\max}$	x_{norm}	Обоснование
Индекс удовлетворённости жителей цифровыми сервисами	0	0	100	0,00	Онлайн-сервисы отсутствуют
Доля цифровых активных абонентов	0	0	100	0,00	Нет данных
Количество инцидентов ИБ	0	10	0	1,00	Формально отсутствуют

Предложенный интегральный индекс имеет вид:

$$I = 0,25 \cdot Q + 0,2 \cdot (E + D + M) + 0,15 \cdot S, \quad (1)$$

где I – итоговый комплексный критерий эффективности цифровой трансформации (индекс), значение от 0 до 1 (или от 0 до 100 % после умножения на 100); Q – нормализованное значение блока «Качество и прозрачность услуг» (вес 25 % = 0,25); E – нормализованное значение блока «Экономическая эффективность и снижение издержек» (вес 20 % = 0,2); D – нормализованное значение блока «Цифровая зрелость и развитость сервисов» (вес 20 % = 0,2); M – нормализованное значение блока «Эффективность управления и реагирования на аварии» (вес 20 % = 0,2); S – нормализованное значение блока «Социальный эффект, удовлетворённость и безопасность» (вес 15 % = 0,15).

Результаты комплексного показателя классифицируются согласно градации уровней: низкая (от 0 до 0,3), средняя (от 0,31 до 0,6) и высокая (от 0,61 до 1,0) степень результативности цифрового преобразования. Такая система позволяет не только фиксировать актуальное положение дел в сфере цифровизации коммунального хозяйства, но и наблюдать за изменениями в динамике, сопоставлять разные объекты и аргументированно вносить правки в стратегии и проекты цифровой трансформации.

Прежде чем подставлять в формулу, необходимо каждый блок привести к безразмерному виду – от 0 до 1 (или до 100). Для этого используется линейная нормализация:

$$x_{norm} = \frac{x_{факт} - x_{min}}{x_{max} - x_{min}} \quad (2)$$

где $x_{факт}$ – фактическое значение показателя по объекту; x_{min} , x_{max} – минимальное и максимальное референтные значения.

Для подтверждения адекватности и корректности функционирования пред-

ложенного комплексного индекса целесообразно провести его тестирование на примере реального предприятия жилищно-коммунального хозяйства. В качестве объекта исследования выступает МУП «Княгининское ЖКХ» Нижегородской области, что дает возможность не только проверить обоснованность методики, но и получить конкретные количественные показатели, характеризующие уровень эффективности цифровых преобразований.

$$Q = \frac{(0,00 + 0,25 + 0,10 + 0,25)}{4} = 0,15.$$

Отсутствие открытых данных и полностью отсутствующие цифровые сервисы показывают, что услуги практически недоступны для граждан.

$$E = \frac{(0,50 + 0,10 + 0,25)}{3} = 0,28.$$

На данный момент цифровая трансформация не демонстрирует существенного воздействия на себестоимость продукции и уровень потерь ресурсов, что свидетельствует о недостаточном уровне внедрения соответствующих решений.

$$D = \frac{(0,05 + 0,00 + 0,00)}{3} = 0,02.$$

Отсутствие единой платформы, систем интеллектуального учёта и низкой активности пользователей свидетельствует о крайне низком уровне цифровой зрелости организации.

$$M = \frac{(0,34 + 0,40)}{2} = 0,37.$$

Хотя показатель этого блока достигает максимального значения по сравнению с остальными четырьмя, он всё же не превышает 0,37, что свидетельствует о недостаточной скорости реагирования на аварийные ситуации и слабой степени автоматизации диспетчерских процессов.

$$S = \frac{(0,00 + 0,00 + 1,00)}{3} = 0,33.$$

Отсутствие кибератак не может служить оправданием для полного недовольства населения цифровыми услугами, которые попросту недоступны.

Используя данные из пяти рассмотренных категорий, вычислим суммарный показатель цифровизации предприятия МУП «Княгининское ЖКХ», принимая во внимание заданные весовые коэффициенты.

$$I = 0,25 \cdot 0,15 + \\ + 0,2 \cdot (0,28 + 0,02 + 0,37) + \\ + 0,15 \cdot 0,33 = 0,221 (22,1\%).$$

В данном исследовании для содержательной трактовки полученного численного значения интегрального индекса и отнесения объекта оценки к конкретной категории цифровой зрелости применена трехуровневая классификационная шкала (табл. 9).

Таблица 9. Уровни цифровой зрелости при оценке эффективности цифровой трансформации ЖКХ

Уровень	Диапазон индекса, %	Характеристика уровня
Базовый (цифровая пассивность)	Менее 30	Цифровизация применяется точечно, тогда как основные операции по-прежнему выполняются на бумаге. В организации отсутствует отлаженный механизм обеспечения прозрачности финансовых операций и взаимодействия с клиентами, а также внедрена система интеллектуального мониторинга ресурсов лишь фрагментарно или вовсе не используется
Развивающийся	30–60	Несмотря на использование специализированных решений, таких как электронный документооборот, онлайн-кассы и ГИС ЖКХ, а также частичную автоматизацию процессов учета и формирования отчетности и наличие базовых онлайн-услуг для граждан, в настоящее время не сформирована единая цифровая среда управления из-за отсутствия глубокой интеграции между различными платформами
Умное ЖКХ	Более 60	Успешно создана целостная цифровая среда, в которой работает единый центр управления. Реализована система умного мониторинга потребления коммунальных услуг, что гарантирует открытость финансовых расчетов и быстрое устранение аварийных ситуаций. В результате таких преобразований значительно возрос уровень комфорта граждан при использовании цифровых сервисов

Итоговый показатель индекса достиг отметки 0,221 (или 22,1%), что дает основание отнести текущий этап цифровой трансформации МУП «Княгининское ЖКХ» к категории «базовый (стартовый)». При этом наблюдается существенное отставание по таким параметрам, как уровень цифровой зрелости и прозрачность предоставляемых услуг.

Выводы

Таким образом, предложенный комплексный критерий может быть использован органами государственной

власти и местного самоуправления, ресурсоснабжающими и управляющими организациями для мониторинга хода цифровой трансформации, обоснования корректирующих воздействий, а также для сравнительного анализа эффективности внедрения цифровых решений в разных территориях. Кроме того, разработанный инструмент способствует повышению прозрачности отрасли, ориентации на конечные потребности граждан и укреплению обратной связи между поставщиками и потребителями коммунальных услуг.

Список литературы

1. Курчинский В. В. Сущность услуг жилищно-коммунального хозяйства // Экономический базис развития науки и технологий в России: сборник трудов Международной научной конференции. Симферополь: Типография «Ариал», 2018. С. 267-270.
2. Шкода Т. А. Анализ терминологического аппарата сферы жилищно-коммунального хозяйства // МИР (Модернизация. Инновации. Развитие). 2016. Т. 7, № 1. С. 72-77.
3. Ширнова С. А. Региональные особенности цифровой трансформации сферы ЖКХ // Экономика, бизнес, инновации: сборник статей XVIII Международной научно-практической конференции. Пенза: Наука и Просвещение (ИП Гуляев Г. Ю.), 2022. С. 88-90.
4. Чеченина И. В. Особенности коммунальной и жилищной сферы ЖКХ в системе инновационных преобразований // Вестник Белгородского государственного технологического университета имени В. Г. Шухова. 2015. № 1. С. 134-142.
5. Цифровая трансформация бизнеса: подходы и определение / И. М. Зайченко, П. Д. Горшечникова, А. И. Лёвина, А. С. Дубгорн // Экономика и экологический менеджмент. 2020. № 2. С. 205–212.
6. Прохоров А., Коник Л. Цифровая трансформация. Анализ, тренды, мировой опыт. Издание второе, исправленное и дополненное. М.: ООО «КомНьюс Групп», 2019. 368 с.
7. Галухина И. Н. Стратегия цифровой трансформации бизнес-процессов жилищно-коммунального хозяйства (ЖКХ) // Экономические исследования и разработки. 2022. № 10. С. 75-78.
8. Абрам А. П. Современные механизмы и технологии управления городским хозяйством мегаполиса // Modern Economy Success. 2022. № 2. С. 38-42.
9. Тухватуллина А. Н. Механизм цифровой трансформаций предприятий ЖКХ // Актуальные вопросы устойчивого развития государства, общества и экономики: сборник научных статей 2-й Всероссийской научно-практической конференции. Курск: Университетская книга, 2023. С. 226-229.
10. Фаронова С. З. Цифровая трансформация жилищно-коммунального хозяйства Республики Башкортостан // Вестник НГУЭУ. 2022. № 3. С. 37–47.
11. Мутолапов Р. Х. Цифровизация жилищно-коммунальной сферы: современные тенденции, проблемы и мировая практика // Естественно-гуманитарные исследования. 2022. № 40 (2). С. 206–213.
12. Горбова И. Н. Жилищно-коммунальная сфера в условиях цифровизации // Вестник ОрелГИЭТ. 2020. № 4(50). С. 156-159.
13. Есаева А. С. Анализ проблем развития и стратегического управления жилищно-коммунальным хозяйством в Нижегородской области // Контентус. 2019. № 9 (86). С. 81–88.
14. Кокуйцева Т. В., Овчинникова О. П. Методические подходы к оценке эффективности цифровой трансформации предприятий высокотехнологичных отраслей промышленности // Креативная экономика. 2021. Т. 15, № 6. С. 2413-2430.
15. Шестакова И. Г. Новая темпоральность цифровой цивилизации: будущее уже наступило // Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Общество. Коммуникация. Образование. 2019. № 2. С. 20-22.
16. Салыгин В. И., Степанов А. А., Рыбин М. В. Актуальные вопросы управления устойчивым инновационным развитием предприятий в информационно-цифровой экономике: монография. М.: Научный консультант, 2019. 224 с.
17. Степанов А. А., Савина М. В., Степанов И. А. Эффекты и преимущества цифровизации экономики // Перспективные направления научных исследований: сборник статей по материалам IV ежегодной научно-практической конференции. М.: Научный консультант, 2018. С. 234-238.
18. Зеленков М. Ю. Критерии и методы оценки эффективности цифровизации управления транспортно-логистическими системами // Тренды и управление. 2019. № 2. С. 76-90.
19. Степанов А. А., Савина М. В., Степанов И. А. Эффективность цифровой трансформации: сущность, содержание, критерии оценки // Экономические системы. 2022. Т. 15, № 1 (56). С. 12–24.
20. Савина И. С. Расчетный инструментарий для определения эффектов цифровизации ЖКХ // Недвижимость: экономика, управление. 2023. № 3. 47-52.

21. Балашов Е. Б. Ситуационная модель функционирования региональных жилищно-коммунальных систем в условиях цифровой трансформации // Журнал прикладных исследований. 2023. № S3. С. 36–41.

22. Чернов С. П., Ляшенко Е. А., Оценка эффективности цифровой трансформации городского хозяйства: актуальные изменения методики расчета // Вестник науки. 2025. Т. 3, № 1 (82). С. 210–217.

References

1. Kurchinsky V.V. The essence of housing and communal services. In: *Ekonomicheskii bazis razvitiya nauki i tekhnologii v Rossii: Sbornik trudov Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii = The economic basis for the development of science and technology in Russia: Proceedings of the International Scientific Conference*. Simferopol': Tipografiya «Arial»; 2018. P. 267-270. (In Russ.)

2. Shkoda T.A. Analysis of the terminological apparatus of the sphere of housing and communal services. *MIR (Modernizatsiya. Innovatsii. Razvitie) = MIR (Modernization. Innovation. Development)*. 2016;7(1):72-77. (In Russ.)

3. Shirnova S.A. Regional features of the digital transformation of the housing and communal services sector. In: *Ekonomika, biznes, innovatsii: sbornik statei XVIII Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii = Economics, business, innovations: Collection of articles of the XVIII International Scientific and Practical Conference*. Penza: Nauka i Prosveshchenie (IP Gulyaev G. Yu.); 2022. P. 88-90. (In Russ.)

4. Chechenina I.V. Features of the communal and housing sector of housing and communal services in the system of innovative transformations. *Vestnik Belgorodskogo gosudarstvennogo tekhnologicheskogo universiteta imeni V.G. Shukhova = Bulletin of the Belgorod State Technological University named after V. G. Shukhov*. 2015;(1):134-142. (In Russ.)

5. Zaichenko I.M., Gorshechnikova P.D., Levina A.I., Dubgorn A.S. Digital transformation of business: approaches and definition. *Ekonomika i ekologicheskii menedzhment = Economics and Environmental Management*. 2020;(2):205–212. (In Russ.)

6. Prokhorov A., Konik L. Digital transformation. Analysis, trends, world experience. Second edition, revised and expanded. Moscow: ООО «KomN'yus Grup»; 2019. 368 p. (In Russ.)

7. Galukhina I.N., Strategy of digital transformation of business processes of housing and communal services (housing and communal services). *Ekonomicheskie issledovaniya i razrabotki = Economic Research and Development*. 2022;(10):75-78. (In Russ.)

8. Abram A.P. Modern mechanisms and technologies for managing the urban economy of a megapolis. *Modern Economy Success*. 2022;(2):38-42. (In Russ.)

9. Tukhvatullina A.N. Mechanism of digital transformations of housing and communal services enterprises. In: *Aktual'nye voprosy ustoichivogo razvitiya gosudarstva, obshchestva i ekonomiki: sbornik nauchnykh statei 2-i Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii = Actual issues of sustainable development of the state, society and economy: Collection of scientific articles 2-The 1st All-Russian Scientific and Practical Conference*. Kursk: Universitetskaya kniga; 2023. P. 226-229. (In Russ.)

10. Faronova S.Z. Digital transformation of housing and communal services of the Republic of Bashkortostan. *Vestnik NGUEU = Bulletin of the NGUEA*. 2022;(3):37–47. (In Russ.)

11. Mutolapov R.H. Digitalization of the housing and communal services sector: current trends, problems and world practice. *Estestvenno-gumanitarnye issledovaniya = Natural Sciences and Humanities Research*. 2022;(40):206–213. (In Russ.)

12. Gorbova I.N. Housing and communal services in the context of digitalization. *Vestnik OrelGIET = Bulletin of OrelGIET*. 2020;(4):156-159. (In Russ.)

13. Esaeva A.S. Analysis of the problems of development and strategic management of housing and communal services in the Nizhny Novgorod region. *Kontentus = Kontentus*. 2019;(9):81–88. (In Russ.)

14. Kokuitseva T.V., Ovchinnikova O.P. Methodological approaches to assessing the effectiveness of digital transformation of enterprises in high-tech industries. *Kreativnaya ekonomika = Creative Economy*. 2021;15(6):2413-2430. (In Russ.)

15. Shestakova I.G. New temporality of digital civilization: the future has already arrived. *Nauchno-tekhnicheskie vedomosti Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo politekhnicheskogo universiteta. Ob-*

shchestvo. Kommunikatsiya. Obrazovanie = Scientific and Technical Bulletin of Saint Petersburg State Polytechnic University. Society. Communication. Education. 2019;(2):20-22. (In Russ.)

16. Salygin V.I., Stepanov A.A., Rybin M.V. Actual issues of management of sustainable innovative development of enterprises in the information and digital economy. Moscow: Nauchnyi konsul'tant; 2019. 224 p. (In Russ.)

17. Stepanov A.A., Savina M.V., Stepanov I.A. Effects and advantages of digitalization of the economy. In: *Perspektivnye napravleniya nauchnykh issledovaniy: sbornik statei po materialam IV ezhegodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii = Promising areas of scientific research: A collection of articles based on the materials of the IV annual scientific and practical conference.* Moscow: Nauchnyi konsul'tant; 2018. P. 234-238. (In Russ.)

18. Zelenkov M.Y. Criteria and methods for evaluating the effectiveness of digitalization of management of transport and logistics systems. *Trendy i upravlenie = Trends and Management.* 2019;(2):76-90. (In Russ.)

19. Stepanov A.A., Savina M.V., Stepanov I.A. Effectiveness of digital transformation: essence, content, evaluation criteria. *Ekonomicheskie sistemy = Economic Systems.* 2022;15(1):12-24. (In Russ.)

20. Savvina I.S. Calculation tools for determining the effects of digitalization of housing and communal services. *Nedvizhimost': ekonomika, upravlenie = Real Estate: Economics, Management.* 2023;(3):47-52. (In Russ.)

21. Balashov E.B. Situational model of functioning of regional housing and communal systems in the context of digital transformation. *Zhurnal prikladnykh issledovaniy = Journal of Applied Research.* 2023;(S3):36-41. (In Russ.)

22. Chernov S.P., Lyashenko E.A. Assessment of the effectiveness of digital transformation of urban economy: actual changes in the calculation methodology. *Vestnik nauki = Bulletin of Science.* 2025;3(1):210-217. (In Russ.)

Информация об авторах / Information about the Authors

Долгова Ольга Алексеевна, доктор экономических наук, профессор, Нижегородский государственный инженерно-экономический университет, Нижегородская область, г. Княгинино, Российская Федерация, e-mail: ekfakngiei@yandex.ru
SPIN: 1729-9704,
ORCID: 0000-0002-9813-2794

Olga A. Dolgova, Dr. Sci. (Economics), Professor, Nizhny Novgorod State University of Engineering and Economics, Nizhny Novgorod region, Knyaginino, Russian Federation, e-mail: ekfakngiei@yandex.ru
SPIN: 1729-9704,
ORCID: 0000-0002-9813-2794

Кондратьева Наталья Николаевна, кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики и автоматизации бизнес-процессов, Нижегородский государственный инженерно-экономический университет, Нижегородская область, г. Княгинино, Российская Федерация, e-mail: t.u.s.ya@yandex.ru,
SPIN: 7862-7987,
ORCID: 0000-0001-7031-9648

Natalia N. Kondratieva, Cand. Sci. (Economics), Associate Professor at the Department of Economics and Automation of Business Processes, Nizhny Novgorod State University of Engineering and Economics, Nizhny Novgorod region, Knyaginino, Russian Federation, e-mail: t.u.s.ya@yandex.ru,
SPIN: 7862-7987,
ORCID: 0000-0001-7031-9648

Тюрина Юлия Олеговна, студент кафедры экономики и автоматизации бизнес-процессов, Нижегородский государственный инженерно-экономический университет, Нижегородская область, г. Княгинино, Российская Федерация, e-mail: yulya.tyurina.02@inbox.ru

Yulia O. Tyurina, Student at the Department of Economics and Automation of Business Processes, Nizhny Novgorod State University of Engineering and Economics, Nizhny Novgorod region, Knyaginino, Russian Federation, e-mail: yulya.tyurina.02@inbox.ru

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ РЕГИОНАЛЬНЫХ СОЦИАЛЬНО- ЭКОНОМИЧЕСКИХ СИСТЕМ

ACTUAL PROBLEMS OF REGIONAL SOCIO- ECONOMIC SYSTEMS DEVELOPMENT

Оригинальная статья / Original article

УДК 338.24

<https://doi.org/10.21869/2223-1552-2026-16-3-75-85>

Обеспечение финансовой устойчивости реального сектора как детерминанта региональной инвестиционной политики в условиях перехода к новому технологическому укладу

Т. С. Колмыкова¹✉, Ю. А. Субботина¹, Е. О. Астапенко²

¹ Юго-Западный государственный университет
ул. 50 лет Октября, д. 94, г. Курск 305040, Российская Федерация

² Югорский государственный университет
ул. Чехова, д. 16, г. Ханты-Мансийск 628000, Российская Федерация

✉ e-mail: kgtu_fk@list.ru

Резюме

Актуальность исследования определяется тем, что денежно-кредитная политика, направленная на таргетирование инфляции, вступает в противоречие с необходимостью технологического обновления реального сектора, создавая критическую долговую нагрузку на промышленность. В этих условиях требует пересмотра региональная инвестиционная политика, которая должна обеспечить баланс между поддержанием финансовой устойчивости предприятий и стимулированием долгосрочных капиталовложений в новый технологический уклад.

Цель исследования состоит в обосновании направлений трансформации региональной инвестиционной политики, направленной на снижение долговой уязвимости реального сектора и обеспечения его финансовой устойчивости в условиях перехода к новому технологическому укладу.

Задачи исследования состоят в оценке динамики долговой нагрузки предприятий реального сектора и определении направлений восстановления инвестиционной активности.

Методология исследования базируется на совокупности общенаучных и специальных методов познания, включая системный, структурно-функциональный и сравнительный анализ, методы статистической обработки и визуализации данных.

Результаты исследования подтверждают, что современные условия привлечения заемного капитала сопряжены с непосильно высокой стоимостью обслуживания долговых обязательств, что делает невозможным масштабное обновление основных фондов и модернизацию производственных мощностей. Выявлено, что резервом повышения финансовой устойчивости реального сектора является пересмотр управляемых внутренних факторов, в первую очередь параметров денежно-кредитной и фискальной политики, а также внедрение адресных мер по стимулированию потребительского спроса.

Выводы, полученные в результате исследования, указывают на то, что сохранение жесткой ориентации на таргетирование инфляции без учета отраслевых и региональных особенностей ведет к накоплению долговой уязвимости в реальном секторе экономики и снижению инвестиционных стимулов.

Ключевые слова: финансовая устойчивость; долговая нагрузка; региональная инвестиционная политика; денежно-кредитная политика; ключевая ставка.

© Колмыкова Т. С., Субботина Ю. А., Астапенко Е. О., 2026

Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент /
Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management. 2026;16(3):75–85

Конфликт интересов: В представленной публикации отсутствует заимствованный материал без ссылок на автора и (или) источник заимствования, нет результатов научных работ, выполненных авторами публикации лично и (или) в соавторстве, без соответствующих ссылок. Авторы декларируют отсутствие конфликта интересов, связанных с публикацией данной статьи.

Для цитирования: Колмыкова Т. С., Субботина Ю. А., Астапенко Е. О. Обеспечение финансовой устойчивости реального сектора как детерминанта региональной инвестиционной политики в условиях перехода к новому технологическому укладу // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2026. Т. 16, № 3. С. 75–85. [https:// doi.org/10.21869/2223-1552-2026-16-3-75-85](https://doi.org/10.21869/2223-1552-2026-16-3-75-85).

Поступила в редакцию 20.04.2026

Принята к публикации 18.05.2026

Опубликована 30.06.2026

Ensuring financial stability of the real sector as a determinant of regional investment policy in the context of the transition to a new technological order

Tatyana S. Kolmykova¹✉, Yulia A. Subbotina¹, Elena O. Astapenko²

¹ Southwest State University
50 Let Oktyabrya Str. 94, Kursk 305040, Russian Federation

² Yugra State University
16 Chekhova Str., Khanty-Mansiysk 628000, Russian Federation

✉ e-mail: kgtu_fk@list.ru

Abstract

The relevance of this study is determined by the fact that monetary policy aimed at inflation targeting conflicts with the need for technological modernization in the real sector, creating a critical debt burden on industry. Under these conditions, regional investment policy requires revision to ensure a balance between maintaining the financial stability of enterprises and stimulating long-term capital investment in a new technological paradigm.

The purpose of this study is to substantiate the directions for transforming regional investment policy aimed at reducing the debt vulnerability of the real sector and ensuring its financial stability during the transition to a new technological paradigm.

The objectives of the study are to assess the dynamics of the debt burden of enterprises in the real sector and identify areas for restoring investment activity.

Methodology. The research methodology is based on a combination of general scientific and specialized research methods, including systems, structural-functional, and comparative analysis, as well as statistical processing and data visualization methods.

The results of the study confirm that the current conditions for attracting borrowed capital are associated with prohibitively high debt servicing costs, making large-scale capital asset renewal and modernization of production capacity impossible. It was found that a review of manageable internal factors, primarily monetary and fiscal policy parameters, and the implementation of targeted measures to stimulate consumer demand are key to increasing the financial stability of the real sector.

Conclusions. The findings of the study indicate that maintaining a strict focus on inflation targeting without taking into account sectoral and regional specifics leads to the accumulation of debt vulnerabilities in the real economy and a reduction in investment incentives.

Keywords: financial stability; debt burden; regional investment policy; monetary policy; key rate.

Conflict of interest: In the presented publication there is no borrowed material without references to the author and (or) source of borrowing, there are no results of scientific works performed by the authors of the publication, personally and (or) in co-authorship, without relevant links. The authors declares no conflict of interest related to the publication of this article.

For citation: Kolmykova T.S., Subbotina Yu.A., Astapenko E.O. Ensuring financial stability of the real sector as a determinant of regional investment policy in the context of the transition to a new technological order. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment* = Proceedings of the

Введение

Достижение национальных приоритетов и обеспечение технологического лидерства требуют последовательного наращивания производственного потенциала и перехода к новому технологическому укладу. Инновационное развитие не может быть точечным или ограничиваться лишь несколькими передовыми предприятиями в столичных регионах, а должно представлять собой системную трансформацию всей промышленной экосистемы страны [1]. Переход к новому технологическому укладу предполагает смену доминирующих технологических платформ [2]. Происходит отказ от использования традиционных мощностей в пользу сквозных технологий, основанных на искусственном интеллекте, промышленном интернете вещей, роботизации, аддитивных технологиях, цифровом моделировании производственных процессов [3]. В финансовой сфере также происходит замещение устаревших банковских и расчетных платформ системами на базе искусственного интеллекта, распределенных реестров, алгоритмического анализа больших данных и автоматизированного риск-менеджмента [4].

Обеспечение такого перехода базируется на решении взаимосвязанных задач. Первая состоит в модернизации основных фондов, степень износа которых во многих регионах достигает критических значений [5]. Вторая задача заключается в формировании региональных инновационных кластеров и промышленных парков, где бизнес и образовательно-научные организации могли бы совместно создавать и тиражировать новые технологии с учетом местной сырьевой и кадровой специфики [6]. Третью задачу составляет обеспечение регионов квалифицированными

кадрами, адаптируемыми к технологиям нового технологического уклада [7].

Рост производственного потенциала и технологическая модернизация должны осуществляться одновременно с реструктуризацией долгового бремени промышленности и созданием реально действующих региональных институтов развития, ориентированных на измеримые производственные результаты [8]. Технологическое лидерство на национальном уровне достигается тогда, когда каждый регион перестает быть пассивным получателем федеральных мер поддержки, а становится активным участником инвестиционного процесса, направленного на выстраивание собственных траекторий технологического развития в увязке с общенациональными приоритетами [9].

Материалы и методы

Исследование основано на изучении научных работ, посвященных проблематике формирования национальных приоритетов по достижению технологического лидерства и способствующих направлению совершенствования параметров денежно-кредитной и фискальной политики.

Эмпирическую основу исследования с позиции оценки влияния денежно-кредитной политики на динамику финансовой устойчивости хозяйствующих субъектов реального сектора экономики составили данные Банка России и экспертных агентств. В работе использованы общенаучные методы, а также инструменты системного, сравнительного и статистического анализа, включая визуализацию данных.

Результаты и их обсуждение

Современные макроэкономические условия оказывают сдерживающее воздействие на развитие реального сектора российской экономики. Период жесто-

чения денежно-кредитной политики отечественным мегарегулятором, начавшийся в 2023 г., продолжается до настоящего времени. Своей кульминации он достиг в июне 2025 г., когда ключевая ставка составила рекордные 21% годовых. Эксперты отмечают, что такая динамика еще более усложнила возможности использования заёмного финансирования и негативно сказалась на финансовой устойчивости предприятий [10].

В условиях высокой стоимости капитала бизнес вынужден ограничивать инвестиции в собственное развитие, что сдерживает потенциал долгосрочного экономического роста [11]. Негативное влияние высокой ключевой ставки не только подрывает будущие возможности компаний, но уже в настоящем увеличивает их долговую нагрузку. Особенно остро это ощущают хозяйствующие субъекты реального сектора экономики. В совокупности данные процессы ухудшают экономическую конъюнктуру, уве-

личивают риски роста банкротств, что создает предпосылки для системной макроэкономической нестабильности [12].

Высокая процентная нагрузка блокирует возможность предприятий направлять средства в исследования, разработки и технологическое перевооружение, что напрямую подрывает базу для инвестиционно-инновационного роста [13]. Ключевой особенностью наблюдающихся тенденций является не только наличие внешних ограничений [14]. Помимо этого оказывают влияние внутренние факторы, большинство из которых носит управляемый характер и, следовательно, может быть пересмотрено в рамках финансовой политики государства [15].

В текущем 2026 г. ключевая ставка была снижена до 14,5% годовых (по состоянию на конец апреля 2026 г.). Целесообразно оценить влияние затяжного периода долгового давления на реальный сектор и сравнить данные с текущей динамикой кредитования (рис. 1).

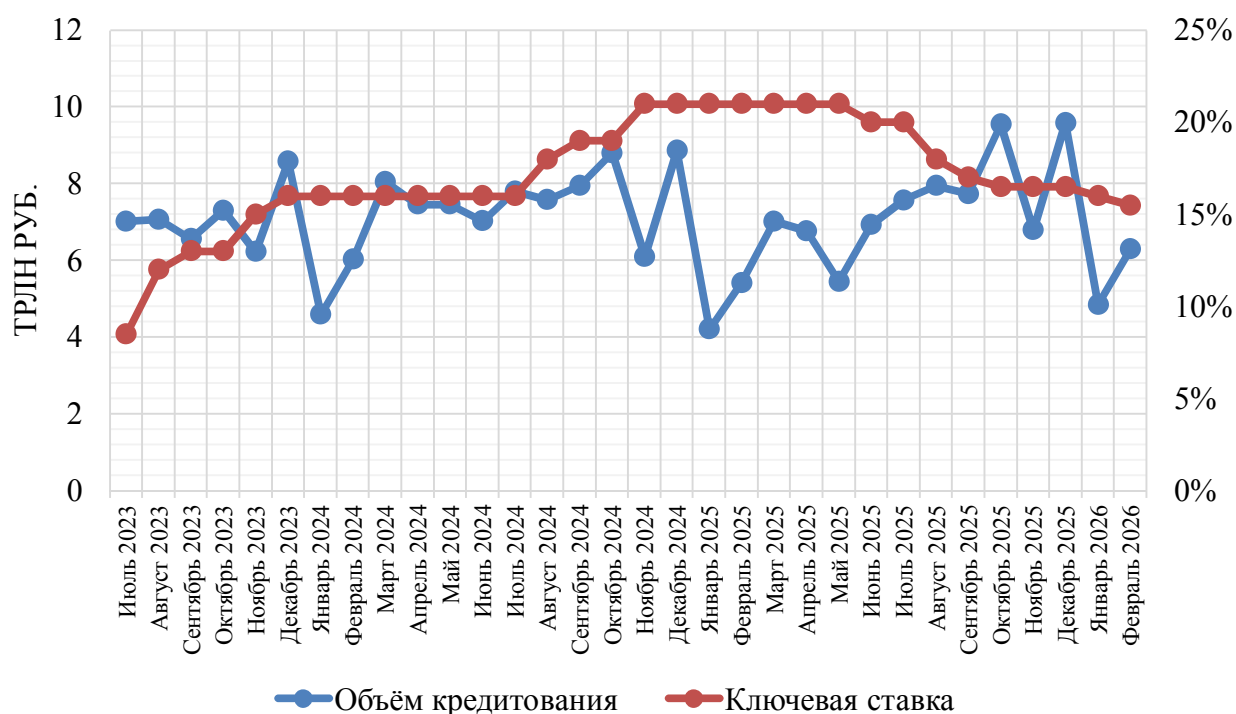

Рис. 1. Влияние изменения ключевой ставки на объёмы кредитования в 2023-2026 гг.¹

¹ Ключевая ставка Банка России. URL: https://cbr.ru/hd_base/KeyRate/ (дата обращения: 19.03.2026).

Анализ динамики указывает на устойчивую сезонность объёмов кредитования. Восстановление выдачи заёмных средств продолжается с начала года до марта. Далее динамика сменяется несколькими месяцами коррекции, после чего рост продолжается вплоть до достижения декабрьского максимума. Исследуемые данные указывают на низкую корреляцию роста ключевой ставки со снижением объёмов кредитования. Даже в условиях рекордной ключевой ставки спрос на заёмные средства остается устойчивым.

Дополнительное представление о характере долговой нагрузки даёт анализ структуры задолженности по кредитам юридических лиц (ЮЛ) и индивидуальных предпринимателей (ИП) (рис. 2).

Имеет место устойчивый рост закредитованности реального сектора эконо-

мики. Темпы прироста за исследуемый период составили 44,5%. По итогам декабря 2025 г. был зафиксирован минимальный уровень просроченной задолженности за весь исследуемый период, который составил 3,4%.

Особое внимание необходимо уделить влиянию долговой нагрузки на финансовое положение реального сектора. Для этого предлагается воспользоваться отраслевыми значениями коэффициента Net Debt/EBITDA , отражающего количество лет, которые потребуются бизнесу для погашения задолженности за счёт прибыли до уплаты процентов и налогов (табл. 1).

На основании расчетных данных в большинстве отраслей реального сектора экономики наблюдается безопасный (коэффициент менее 1,5) или умеренный (коэффициент в диапазоне от 1,5 до 3) уровень долговой нагрузки.

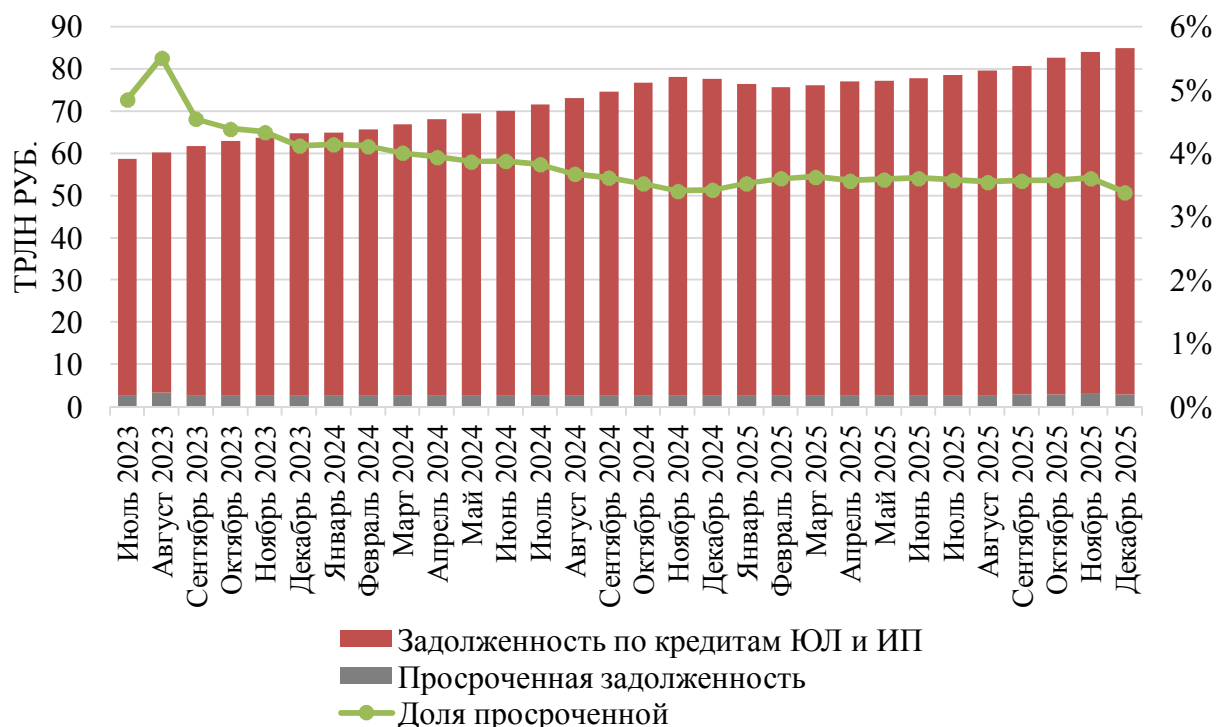

Рис. 2. Структура задолженности по кредитам юридических лиц и индивидуальных предпринимателей¹

¹ Сведения о размещённых и привлечённых средствах. URL: https://cbr.ru/statistics/bank_sector/sors/#a_63140 (дата обращения: 19.03.2026).

Таблица 1. Соотношение чистого долга к EBITDA в разрезе отраслей реального сектора российской экономики¹

Отрасль	NET DEBT/EBITDA 2024	NET DEBT/EBITDA 2025
Сельское хозяйство	3	3,5
Добыча полезных ископаемых:	1,5	2
- угля	3,5	>10
- нефти и природного газа	1	1,5
Обрабатывающие производства:	1,5	2
- пищевые продукты	1,5	1,5
- деревообработка и производство бум. изделий	3	3,5
- нефтепродукты	3	4
- химия	2	2,5
- лекарственные средства	0,5	0,5
- производство металлургическое	1	1
- производство авто, прицепов и полуприцепов	2,5	4
Обеспечение электроэнергией	1,5	1,5
Строительство	1,5	2
Торговля оптовая и розничная:	1	1,5
- оптовая	1	1
- розничная	0,5	2
Транспортировка и хранение:	1	1
- сухопутный транспорт	2,5	4
- водный транспорт	1	1,5
- воздушный транспорт	1	1
Деятельность в области информации и связи	1,5	2

В 2025 г. ситуация ни в одной отрасли не улучшилась. Влияние рекордно высокой ключевой ставки привело к развитию негативной платежной динамики в реальном секторе. Наиболее значительное ухудшение фиксируется в угольной промышленности, где чистый долг более чем в десять раз превышает операционную прибыль. По итогам 2024 г. сальдированные убытки в отрасли составили 112,6 млрд руб., а в 2025 г. – 408 млрд руб., при этом доля прибыльных компаний снизилась до 33%. Два года рекордной мировой добычи угля создали профицит, что оказало значительное давление на цены. Для российских предприятий большую роль сыграли резкое снижение экспорта в Китай и высокая ключевая ставка.

Угольная промышленность выступает наиболее ярким примером проявления негативных тенденций. Здесь сочетание неблагоприятной рыночной конъюнктуры и жестких монетарных условий привело к переходу от повышенной закредитованности к кризису в отрасли.

Выход за пределы умеренной долговой нагрузки по итогам 2025 г. наблюдается в производстве автотранспортных средств. Имеет место рост показателя Net Debt/EBITDA с 2,5 до 4. Ухудшению ситуации способствовали в числе прочих факторов институциональные изменения. Ключевой из них состоит в резком повышении утилизационного сбора в 2025 г. Введение новой методики расчета, привязанной к мощности двигателя, привело к существенному росту конечной стоимости автомобилей. С учетом того, что новация введена с декабря 2025 г., на изменении статистических данных ее влияние отразилось еще не в

¹ Стратегия 2026 от Совкомбанка. URL: <https://investmint.ru/wp-content/uploads/Sovkombank-Strategiya-2026.pdf> (дата обращения: 20.03.2026).

полной мере. Однако уже в краткосрочной перспективе повышение стоимости автомобилей в сочетании с высокими процентными ставками формирует предпосылки для сжатия потребительского спроса, что неизбежно отразится на динамике выручки и операционной прибыли отечественных производителей автотранспорта.

Пример с производством автомобилей, прицепов и полуприцепов примечателен тем, что последствия принимаемых экономических решений выходят далеко за рамки отдельной отрасли, распределяя негативные эффекты на всю экономику. Так значение показателя Net Debt/EBITDA по сухопутному транспорту выросло с 2,5 до 4. В условиях роста затрат на автотранспорт и технику логистические компании будут вынуждены повышать цены на свои услуги, что транслируется в увеличение издержек по всей производственно-сбытовой цепочке.

В обрабатывающих производствах серьёзное давление оказывается на сегмент нефтепродуктов. Отмечается рост показателя Net Debt/EBITDA, что в большей степени продиктовано высокими экспортными дисконтами на продукцию российских производителей. В условиях рекордного роста цен на нефть в первом квартале 2026 г. предполагается увеличение цен на производные от неё продукты.

Деревообработка – это еще одна зона высокого риска. Анализируемый показатель вырос с 3 до 3,5, и отрасль переживает период глубокого спада. Помимо высоких ставок на кредиты и жёсткую фискальную политику лесопромышленная отрасль столкнулась с закрытием большинства экспортных рынков. Это касается главным образом Китая, который не только потреблял российскую продукцию, но и реэкспортировал ее за рубеж. В данном контексте необходима реализация новой стратегии развития отрасли, где особое внимание необходимо

уделить анализу обеспеченности лесозаготовительной техникой. Сейчас она в колоссальном дефиците, а к 2028 г., по оценкам, степень ее износа достигнет 90%.

Торговля демонстрирует разнонаправленную динамику: при стабильных значениях показателя Net Debt/EBITDA в оптовом сегменте наблюдается резкое увеличение долговой нагрузки в розничной торговле (рост показателя с 0,5 до 2). Это свидетельствует о том, что проблемы возникают не на этапе закупки товара крупными розничными игроками, а в процессе реализации. На этом фоне можно констатировать рост цен и снижение потребления.

Тенденция умеренного ухудшения показателя Net Debt/EBITDA прослеживается в строительстве (рост с 1,5 до 2) и в сфере информации и связи (рост показателя также с 1,5 до 2). Для этих отраслей снижение ключевой ставки действительно способно положительно сказаться на финансовой устойчивости организаций.

Наиболее стабильные результаты наблюдаются в электроэнергетике, фармацевтической отрасли, металлургическом производстве и производстве пищевых продуктов, где значения коэффициента за два года оставались неизменными.

Полученные данные указывают на разнонаправленную динамику. Пока одни сегменты экономики сохраняют устойчивость, другие уже вошли в острую негативную фазу. Испытывающие кризис отрасли (угольная, автопром, сухопутная логистика, деревообработка, сегмент нефтепродуктов) испытывают двойное давление. С одной стороны, сохраняется высокая долговая нагрузка, с другой – действующие институциональные и регуляторные меры, включая отдельные элементы налогово-тарифной политики, сдерживают потребительский спрос, что ограничивает

возможности генерации дохода. Для отдельных отраслей, таких как угольная промышленность и деревообработка, чья структура доходов формируется в большей степени за счёт экспортной выручки, ситуация значительно осложняется влиянием геополитической обстановки и ограничениями к зарубежным рынкам сбыта.

Отметим, что современная долговая уязвимость реального сектора отечественной экономики в большей степени продиктована не столько увеличением объёма заимствований, сколько опережающим снижением прибыли под воздействием совокупности макроэкономических и регуляторных факторов. Этот тезис подтверждается произведенными оценками (рис. 3).

Согласно аналитическим данным, привычная для российского бизнеса доля процентных платежей в прибыли до уплаты процентов и налогов (ЕВIT) колеблется

в диапазоне от 9% до 20%. Однако ужесточение денежно-кредитной политики изменило ситуацию. К декабрю 2023 г. на обслуживание процентов стало уходить около 21% ЕВIT. Если ранее достижение таких экстремумов сопровождалось снижением показателя, то в данном случае растущий тренд продолжился, что говорит о развитии новых негативных тенденций в национальной экономике.

К декабрю 2024 г. нагрузка составила 26%, а на конец исследуемого периода выросла до 37%. При этом к декабрю 2025 г. ключевая ставка успела снизиться с 21% до 16,5%, но ослабления давления процентных платежей на бизнес не последовало. Это еще раз подтверждает тезис о том, что ключевым драйвером усиления долговой нагрузки выступает не только стоимость заёмного капитала как таковая, но и снижение прибыли, ставшее следствием снижения потребительского спроса.

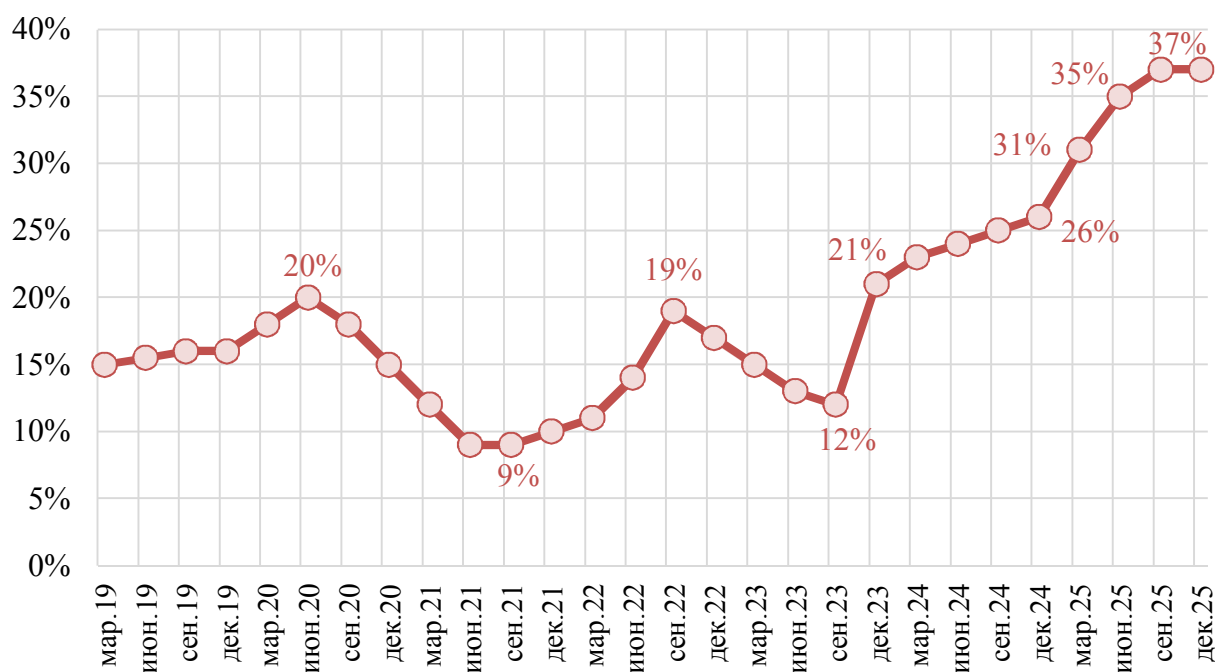

Рис. 3. Соотношение процентных платежей и прибыли до уплаты процентов (ЕВIT)¹

¹ Анализ макроэкономических тенденций. URL: http://www.forecast.ru/_ARCHIVE/Mon_MK/2026/macro65.pdf (дата обращения: 20.03.2026).

Выводы

Полагаем, что жёсткая ориентация на таргетирование инфляции в современных экономических условиях приводит к снижению финансовой устойчивости реального сектора экономики. На основании полученных данных, обоснованным представляется принятие мер, направленных на стимулирование производства.

Практика показывает, что обслуживание долговых обязательств в диапазоне 30–37% прибыли до уплаты процентов и налогов делает невозможным масштабное обновление основных фондов и модернизацию производственных мощностей. Функционирование в таких условиях снижает заинтересованность предприятий в долгосрочном стратегическом планировании, вынуждая принимать краткосрочные решения, направленные на поддержание текущей ликвидности.

Конечным результатом таких решений становится не только отказ от расширения производства, но и сворачивание уже имеющихся мощностей.

Ключевой особенностью наблюдающихся тенденций является не только наличие внешних ограничений, но и существование внутренних факторов давления, большинство из которых носит управляемый характер и, следовательно, может быть пересмотрено в рамках финансовой политики государства. Вместе с тем для повышения устойчивости реального сектора российской экономики требуется не только изменение параметров денежно-кредитной и фискальной политики, но и развитие адресных мер, способных качественно стимулировать потребительский спрос, что приведет к восстановлению способности предприятий генерировать доходы.

Список литературы

1. Бабкин А. В., Глухов В. В., Шкарупета Е. В. Методика оценки цифровой зрелости отраслевых промышленных экосистем // Организатор производства. 2022. Т. 30, № 3. С. 7-20.
2. Гарина Е. П., Козлова Е. П., Гарин А. П. Современные подходы к освоению новейших технологий и их роль в инновационном развитии предприятий регионов России // Экономика и управление. 2025. Т. 31, № 7. С. 854-862. <https://doi.org/10.35854/1998-1627-2025-7-854-862>.
3. Эдер А. В., Рагулина Ю. В. Цифровая трансформация как инструмент реализации инновационной политики // Мясная индустрия. 2026. № 2. С. 38-43. <https://doi.org/10.37861/2618-8252-2026-02-38-43>.
4. Третьякова И. Н., Свеженцева А. С., Лазарян Л. А. Имплементация финансовых инноваций в банковский сектор: тенденции и основные направления развития // Экономика и управление: проблемы, решения. 2026. Т. 9, № 2 (167). С. 165-173. <https://doi.org/10.36871/ek.up.p.r.2026.02.09.018>.
5. Гарина Е. П., Кузнецов В. П. Национальные приоритеты и региональные аспекты обеспечения технологического лидерства в промышленности России // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2025. № 3 (79). С. 25-37.
6. Ковалёв П. П. Совершенствование инновационной среды высокотехнологичных производств в интересах национальной экономики // Регион: системы, экономика, управление. 2024. № 3 (66). С. 181-186.
7. Ершова И. Г., Мамедов З. Ф., Семенов Р. В. Актуальные вызовы организационного управления высокотехнологичными проектами компаний региона // Вестник МГСУ. 2025. Т. 20, № 8. С. 1221-1231. <https://doi.org/10.22227/1997-0935.2025.8.1221-1231>.
8. Обухова А. С., Ершова И. Г., Семенов Р. В. Научно-инновационный потенциал как драйвер государственного управления технологическим развитием // Вестник Академии знаний. 2024. № 1 (60). С. 570-573.
9. Мерзлякова Е. А., Ковалёв П. П., Бريدский Е. В. Аналитические аспекты исследования цифровизации региональной экономики // Вестник Северо-Кавказского федерального университета. 2022. № 4 (91). С. 92-102.

10. Колмыкова Т. С., Ковалёв П. П., Субботин Н. А. Реструктуризация каналов финансирования реального сектора: современные тренды и новые приоритеты // Вестник Северо-Кавказского федерального университета. 2026. № 1(112). С. 52-59 <https://doi.org/10.37493/2307-907X.2026.1.6>.
11. Биктагирова Э. В., Субботин Н. А., Казаков Н. С. Современное состояние и структурные особенности финансово-ресурсного обеспечения научно-технологического потенциала России // Экономика и управление: проблемы, решения. 2026. Т. 3, № 2 (167). С. 11-17. <https://doi.org/10.36871/ek.up.pr2026.02.03.002>.
12. Астапенко Е. О., Владимирова А. Р., Субботин Н. А. О направлениях денежно-кредитной политики и защитных мерах по предотвращению негативного воздействия санкций на национальную экономику // Управленческий учет. 2023. № 5. С. 250–257. <https://doi.org/10.25806/uu52023250-257>.
13. Колмыкова Т. С., Астапенко Е. О., Грибов Р. В. Распространение инновационных сервисов и технологий как фактор роста конкуренции на финансовом рынке // Экономика и управление: проблемы, решения. 2022. Т. 2, № 1 (121). С. 76-81.
14. Платонова Т. Е. Внешнеэкономическая деятельность регионов России в условиях экономических санкций // Экономический анализ: теория и практика. 2025. Т. 24, № 2. С. 20-33. <https://doi.org/10.24891/ea.24.2.20>.
15. Третьякова И. Н., Свеженцева А. С., Шурова В. А. Цифровизация как фактор трансформации банковского сектора // Естественно-гуманитарные исследования. 2026. № 1 (63). С. 638-642.

References

1. Babkin A.V., Glukhov V.V., Shkarupeta E.V. Methodology for Assessing the Digital Maturity of Sectoral Industrial Ecosystems. *Organizator proizvodstva = Production Organizer*. 2022;30(3):7–20. (In Russ.)
2. Garina E.P., Kozlova E.P., Garin A.P. Modern Approaches to Mastering the Latest Technologies and Their Role in the Innovative Development of Enterprises in Russian Regions. *Ekonomika i upravlenie = Economy and Management*. 2025;31(7):854-862. (In Russ.) <https://doi.org/10.35854/1998-1627-2025-7-854-862>.
3. Eder A.V., Ragulina Yu.V. Digital transformation as a tool for implementing innovation policy. *Myasnaya industriya = Meat Industry*. 2026;(2):38-43. (In Russ.) <https://doi.org/10.37861/2618-8252-2026-02-38-43>.
4. Tretyakova I.N., Svezhentseva A.S., Lazaryan L.A. Implementation of financial innovations in the banking sector: trends and main directions of development. *Ekonomika i upravlenie: problemy, resheniya = Economy and Management: Problems, Solutions*. 2026;9(2):165-173. (In Russ.) <https://doi.org/10.36871/ek.up.p.r.2026.02.09.018>.
5. Garina E.P., Kuznetsov V.P. National Priorities and Regional Aspects of Ensuring Technological Leadership in Russian Industry. *Vestnik Nizhego-rodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo. Seriya: Sotsial'nye nauki = Bulletin of the Lobachevsky University of Nizhny Novgorod. Series: Social Sciences*. 2025;(3):25-37. (In Russ.)
6. Kovalev P.P. Improving the Innovation Environment of High-Tech Production in the Interests of the National Economy. *Region: sistemy, ekonomika, upravlenie = Region: Systems, Economy, Management*. 2024;(3):181-186. (In Russ.)
7. Ershova I.G., Mamedov Z.F., Semenov R.V. Actual Challenges of Organizational Management of High-Tech Projects of Regional Companies. *Vestnik MGSU = Bulletin of MGSU*. 2025;20(8):1221-1231. (In Russ.) <https://doi.org/10.22227/1997-0935.2025.8.1221-1231>.
8. Obukhova A.S., Ershova I.G., Semenov R.V. Scientific and Innovative Potential as a Driver of Public Management of Technological Development. *Vestnik Akademii znaniy = Bulletin of the Academy of Knowledge*. 2024;(1):570-573. (In Russ.)
9. Merzlyakova E.A., Kovalev P.P., Bridskiy E.V. Analytical Aspects of the Study of Digitalization of the Regional Economy. *Vestnik Severo-Kavkazskogo federal'nogo universiteta = Bulletin of the North Caucasus Federal University*. 2022;(4):92-102. (In Russ.)

10. Kolmykova T.S., Kovalev P.P., Subbotin N.A. Restructuring of Real Sector Financing Channels: Current Trends and New Priorities. *Vestnik Severo-Kavkazskogo federal'nogo universiteta = Bulletin of the North Caucasus Federal University*. 2026;(1):52-59 (In Russ.) <https://doi.org/10.37493/2307-907X.2026.1.6>.

11. Biktagirova E.V., Subbotin N.A., Kazakov N.S. The Current State and Structural Features of Financial and Resource Support for the Scientific and Technological Potential of Russia. *Ekonomika i upravlenie: problemy, resheniya = Economy and Management: Problems, Solutions*. 2026;3(2):11-17. (In Russ.) <https://doi.org/10.36871/ek.up.pr2026.02.03.002>.

12. Astapenko E.O., Vladimirova A.R., Subbotin N.A. On the Directions of Monetary Policy and Protective Measures to Prevent the Negative Impact of Sanctions on the National Economy. *Upravlencheskii uchet = Management Accounting*. 2023;(5):250-257. (In Russ.) <https://doi.org/10.25806/uu52023250-257>.

13. Kolmykova T.S., Astapenko E.O., Gribov R.V. Spread of Innovative Services and Technologies as a Factor in Growing Competition in the Financial Market. *Ekonomika i upravlenie: problemy, resheniya = Economy and Management: Problems, Solutions*. 2022;2(1):76-81. (In Russ.)

14. Platonova T.E. Foreign Economic Activity of Russian Regions under Economic Sanctions. *Ekonomicheskii analiz: teoriya i praktika = Economic Analysis: Theory and Practice*. 2025;24(2):20-33. (In Russ.) <https://doi.org/10.24891/ea.24.2.20>.

15. Tretyakova I.N., Svezhetsentseva A.S., Shurova V.A. Digitalization as a factor in the transformation of the banking sector. *Estestvenno-gumanitarnye issledovaniya = Natural Sciences and Humanities*. 2026;(1):638-642. (In Russ.)

Информация об авторах / Information about the Authors

Колмыкова Татьяна Сергеевна, доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой финансов и кредита, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация, e-mail: kgtu_fk@list.ru, ORCID: 0000-0002-5633-4283

Tatyana S. Kolmykova, Dr. Sci. (Economics), Professor, Head of the Department of Finance and Credit, Southwest State University, Kursk, Russian Federation, e-mail: kgtu_fk@list.ru, ORCID: 0000-0002-5633-4283

Субботина Юлия Александровна, студент, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация, e-mail: ykmpbd@gmail.com

Yulia A. Subbotina, Student, Southwest State University, Kursk, Russian Federation, e-mail: ykmpbd@gmail.com

Астапенко Елена Олеговна, кандидат экономических наук, доцент, доцент института цифровой экономики, Югорский государственный университет, г. Ханты-Мансийск, Российская Федерация, e-mail: fedorov-elena@yandex.ru, ORCID: 0000-0002-8746-1138

Elena O. Astapenko, Cand. Sci. (Economics), Associate Professor, Associate Professor at the Institute of Digital Economy, Yurga State University, Khanty-Mansiysk, Russian Federation, e-mail: fedorov-elena@yandex.ru, ORCID: 0000-0002-8746-1138

Оригинальная статья / Original article

УДК 332.1

<https://doi.org/10.21869/2223-1552-2026-16-3-86-102>**Стратегическое планирование социально-экономического
развития регионов: эволюция, вызовы и новые
управленческие подходы****Ю. С. Положенцева¹** ✉

¹ Юго-Западный государственный университет
ул. 50 лет Октября, д. 94, г. Курск 305040, Российская Федерация

✉ e-mail: polojenceva84@mail.ru

Резюме

Актуальность. Современный этап развития обусловлен необходимостью формирования новых подходов к стратегическому планированию как в Российской Федерации, так и ее регионах, учитывая условия геополитических вызовов, цифровой трансформации и достижения технологического лидерства. Сформированная система стратегического планирования требует адаптации и гибких подходов при использовании имевшегося уникального потенциала регионов, учитывая современные вызовы и оценку эффективности реализации прошлых стратегических документов на региональном уровне.

Цель – исследование эволюции и направлений развития системы стратегического планирования на федеральном и региональном уровнях в новых экономических условиях.

Задачи: провести ретроспективный анализ этапов становления системы стратегического планирования в России; выявить ключевые тренды и векторы развития стратегий социально-экономического развития; систематизировать стратегические документы регионов Центрального федерального округа и определить их отраслевую специализацию; обосновать необходимость внедрения новых управленческих подходов для повышения эффективности стратегического планирования.

Методология. Методологическая основа включает сочетание качественных и количественных методов исследования с применением исторического и сравнительного анализа, структурно-функциональный подход, ретроспективный и перспективный анализ.

Результаты. Проведён ретроспективный анализ эволюции стратегического планирования в России, выделены пять этапов: от первых попыток планирования в переходный период 1991-1993 гг. до современного этапа гибридного развития, начавшегося с 2024 г. Проанализирована динамика индекса глобализации городов и конкурентоспособности стран, определено место России на фоне мировых лидеров. Систематизированы стратегические документы регионов Центрального федерального округа, выявлена их интеграция с федеральными документами и отраслевая специализация.

Выводы. Создание эффективных межрегиональных связей, совместная реализация государственно-частных проектов и своевременное обновление региональных стратегических документов позволит реализовать все поставленные стратегические цели до 2036 г., обеспечить устойчивый рост технологического развития в сочетании социально-экономической стабильностью, реализовать принципы экологического благополучия и цифровой трансформации на региональном уровне.

Ключевые слова: стратегическое планирование; социально-экономическое развитие; целевые перспективы; региональное развитие.

Финансирование: Статья подготовлена в рамках государственного задания на 2026 год № 075-03-2026-489.

Конфликт интересов: В представленной публикации отсутствует заимствованный материал без ссылок на автора и (или) источник заимствования, нет результатов научных работ, выполненных авторами публикации лично и (или) в соавторстве, без соответствующих ссылок. Авторы декларируют отсутствие конфликта интересов, связанных с публикацией данной статьи.

Для цитирования: Положенцева Ю. С. Стратегическое планирование социально-экономического развития регионов: эволюция, вызовы и новые управленческие подходы // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2026. Т. 16, № 3. С. 86–102. <https://doi.org/10.21869/2223-1552-2026-16-3-86-102>.

Поступила в редакцию 08.04.2026

Принята к публикации 06.05.2026

Опубликована 30.06.2026

Strategic planning of socio-economic development of regions: evolution, challenges and new management approaches

Yulia S. Polozhentseva¹ ✉

¹ Southwest State University
50 Let Oktyabrya Str. 94, Kursk 305040, Russian Federation

✉ e-mail: polojenceva84@mail.ru

Abstract

Relevance. The current stage of development is due to the need to form new approaches to strategic planning of both the Russian Federation and its regions, taking into account the conditions of geopolitical challenges, digital transformation and the achievement of technological leadership. The established strategic planning system requires adaptation and flexible approaches when using the existing unique potential of the regions, taking into account modern challenges and assessing the effectiveness of the implementation of past strategic documents at the regional level.

The purpose is to study the evolution and directions of development of the strategic planning system at the federal and regional levels in the new economic conditions.

Objectives: to conduct a retrospective analysis of the stages of formation of the strategic planning system in Russia; to identify key trends and vectors for the development of strategies for socio-economic development; systematize the strategic documents of the regions of the Central Federal District and determine their sectoral specialization; justify the need to introduce new management approaches to improve the effectiveness of strategic planning.

Methodology. The methodological framework includes a combination of qualitative and quantitative research methods using historical and comparative analysis, a structural-functional approach, retrospective and prospective analysis.

Results. A retrospective analysis of the evolution of strategic planning in Russia was carried out, five stages were identified: from the first planning attempts during the transition period of 1991-1993 to the modern stage of hybrid development, which began in 2024. The dynamics of the index of globalization of cities and the competitiveness of countries were analyzed, the place of Russia against the background of world leaders was determined. The strategic documents of the regions of the Central Federal District were systematized, their integration with federal documents and industry specialization were revealed.

Conclusions. The promising implementation of strategies until 2036 will be determined by the ability of the regions to combine technological breakthrough with socio-economic stability, economic growth with environmental constraints and digital transformation of management with the development of human capital. Only with effective cooperation and regular updating of strategies is it possible to achieve strategic goals until 2036.

Keywords: strategic planning; socio-economic development; target prospects; regional development.

Funding: The article was prepared as part of the state assignment for 2026 No. 075-03-2026-489.

Conflict of interest: In the presented publication there is no borrowed material without references to the author and (or) source of borrowing, there are no results of scientific works performed by the authors of the publication, personally and (or) in co-authorship, without relevant links. The authors declares no conflict of interest related to the publication of this article.

For citation: Polozhentseva Yu.S. Strategic planning of socio-economic development of regions: evolution, challenges and new management approaches. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment* = *Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management*. 2026;16(3):86–102. (In Russ.) <https://doi.org/10.21869/2223-1552-2026-16-3-86-102>.

Received 08.04.2026

Accepted 06.05.2026

Published 30.06.2026

Введение

Современная система стратегического планирования в Российской Федерации при всей внешней формальной согласованности сталкивается с необходимостью поиска баланса между едиными федеральными приоритетами и специфическими геоэкономическими, технологическими и социокультурными факторами регионального развития. Как показывает практика, унифицированные подходы не всегда позволяют в полной мере использовать уникальный потенциал территорий. Разнородность приоритизации и специализации каждого региона побуждает применять индивидуальный подход в разработке стратегии социально-экономического развития. В настоящее время происходит заимствование методического инструментария, такого как концепция умной специализации и кооперации [1], которая учитывает особенности отраслевого развития территорий [2]. Однако необходимо иметь полное понимание основных конкурирующих отраслей каждого из регионов, которые должны стать симбиотическими, в особенности в части логистики и инфраструктуры, таким образом образуя сбалансированную по экономическим ресурсам цепочку производства или оказываемых услуг, способную обеспечить устойчивое развитие регионов [3].

Материалы и методы

Методологическая основа исследования включает общенаучные методы анализа и синтеза, системный и структурно-функциональный подход, а также ретроспективный и перспективный анализы. Систематизация и обобщение материала проводилась на основе использования исторического и экономико-статистического анализа, а также рангового анализа и причинно-следственных связей. Используются официальные статистические показатели международных баз данных и Федеральной службы государственной статистики, отраслевые обзоры, страте-

гические документы Российской Федерации и регионов, а также научные публикации по теме исследования.

Результаты и их обсуждение

Формирование перспективного стратегического планирования в Российской Федерации происходит уже на протяжении двадцати лет, предпосылки которого были заложены еще в СССР [4] путем реализации централизованных планов, начавшихся с ГОЭЛРО [5] и дошедших до реализации пятилеток [6].

Планирование в советский период опиралось на реализацию генетического и телеологического подходов, в основе которых были заложены целевые ориентиры, сформированные путем текущего прогнозирования имеющихся тенденций. Развитие данных подходов опиралось на труды Л. В. Конторовича [7] и В. С. Немчинова [8], базирующиеся на развитие методов экономической математики [9] и принципах сбалансированного планирования [10]. Кризис 90-х годов XX века, спад производства и становление рыночной экономики привели к перестройке существовавших подходов к планированию: централизация сменилась на дестабилизацию [6].

Однако поэтапное развитие рыночной экономики привело к необходимости формирования новых подходов к стратегическому управлению, базирующихся на принципах гибкости и адаптивности определения стратегических ориентиров развития Российской Федерации. Законодательную основу развития данного процесса в современной России заложил Федеральный закон № 115-ФЗ «О государственном прогнозировании и программах социально-экономического развития РФ» от 20 июля 1995 г.¹, перспективы реали-

¹ О государственном прогнозировании и программах социально-экономического развития Российской Федерации: Федеральный закон от 20.07.1995 г. № 115-ФЗ: [ред. от 09.07.1999 г.]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_7264/ (дата обращения: 20.05.2026).

зации которого в дальнейшем послужили принятием Федерального закона № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в РФ» от 28 июня 2014 г.¹, направленного на усиление интеграции процессов стратегического планирования и государственного управления на макро-, мезо- и микроуровнях.

Поэтому для становления российской системы стратегического планирования характерна определенная эволюция, обусловленная историческими и институциональными преобразованиями, а также особенностями становления рыночной экономики. Нами проведена систематизация современных этапов развития стратегического планирования на основе последовательной трансформации подходов к управлению социально-экономическим развитием как на федеральном, так и на региональном уровне (рис. 1).

Ретроспективный анализ процессов стратегического планирования в РФ позволяет выделить несколько переломных точек в его развитии: во-первых принятие Федерального закона в 2014 г., который определил новые принципы и методологические подходы при разработке стратегий [11]; во-вторых разработка и реализация национальных проектов в 2018 г., сфокусированных на целевом и адресном развитии отдельных сфер; в-третьих перестройка и адаптация стратегических документов к новым геополитическим вызовам, начавшаяся в 2020 г. с пандемии COVID-19 и с введения санкционных ограничений [12].

Выделение пяти этапов основано на обобщении совокупности критериев

развития стратегического планирования, включающих: нормативно-правовое регулирование, изменения инструментария разработки и реализации стратегий, вариацию целевых показателей, корректировку объемов финансирования, трансформацию парадигм развития на федеральном и региональном уровнях. Поэтапная трансформация системы стратегического планирования направлена на последовательное усложнение системы путем обеспечения взаимосвязи и оценки ее эффективности, между стратегическими документами, процессом государственного управления и бюджетным финансированием [13]. Так не смену статическим административным регламентам приходят динамические модели управления, направленные на гибкое устранение негативных последствий на основе предиктивной аналитики.

Формирование новых геополитических условий, развитие цифровой среды [14], ускорение научно-технического прогресса, появление новых инструментов управления [15], трансформация рынка труда и новые технологические вызовы образуют необходимость перехода к практической реализации масштабных стратегических инициатив на основе формирования взаимодополняющих синергетических эффектов.

Поэтому период пролонгирования стратегического планирования в Российской Федерации и ее регионах на 2030-2040 гг. должен опираться на новые подходы, включающие накопленный опыт двухэтапной реализации национальных проектов, новые инструменты обеспечения сбалансированного развития национальной экономики и технологического суверенитета.

¹ О стратегическом планировании в Российской Федерации: Федеральный закон от 28.06.2014 г. № 172-ФЗ. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_164841/ (дата обращения: 02.05.2026).

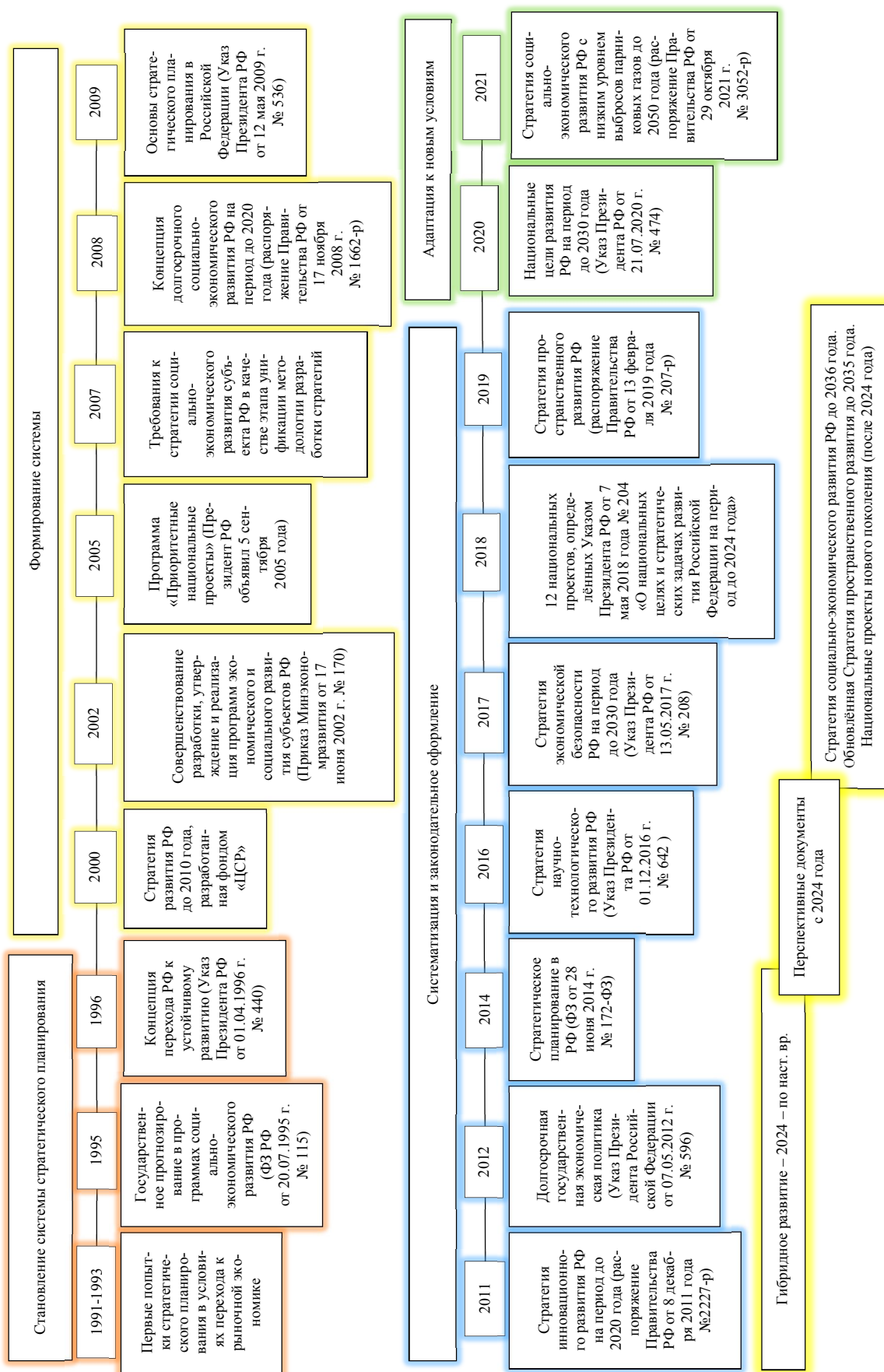

Рис. 1. Эволюция системы стратегического планирования в Российской Федерации: от статических регламентов к развитию динамических моделей взаимодействия

Современный период формирования ключевых принципов стратегического планирования должен учитывать новые тенденции как в мировом, так и в национальном развитии, опираясь на методологию долгосрочного прогнозирования целевых показателей [16]. Можно выделить следующие ключевые векторы перспектив развития стратегий:

- развитие экологизации: биоэкономика, углеродное регулирование, зеленые инновации, возобновляемая энергетика, экологизация промышленности;

- обеспечение технологического суверенитета: инновационное импортозамещение, полные производственные циклы по критически важной продукции, создание межрегиональных научно-производственных кластеров, развитие критических и сквозных технологий, развитие цифровой инфраструктуры;

- трансформация человеческого капитала: инновационные профессии, роботизация, обеспечение баланса между спросом и предложением на рынке труда, адаптация к новым формам занятости, инвестиции в здоровье, креативные индустрии;

- интеграция инновационных рацений в методологию планирования и определения целевых показателей: степень цифровой трансформации стратегических процессов, платформенный подход, прогностическая аналитика, интеллектуальные системы для мониторинга и прогнозирования, технологическое лидерство, декарбонизация экономики.

Эффективное сочетание обозначенных процессов позволит обеспечить сбалансированность уровней развития регионов [17], повысит их бюджетную обеспеченность и самостоятельность отдельных территориальных единиц [18]. Ключевым индикатором роста с точки зрения национальной и региональной экономики является индекс

уровня глобализации городов, который отражает уровень влияния крупных городов на глобальное экономическое пространство, на основе совокупной взаимосвязи политических, экономических и культурных процессов, путем формирования полюсов роста в рамках отдельного региона и страны в целом (табл. 1). Оценка данного интегрального индикатора включает систему частных показателей: уровень деловой активности, развитие человеческого капитала, уровень информатизации, развитие культурного уровня, политизации [19].

На основе анализа полученных данных можно сказать о том, что лидерами по уровню глобального влияния являются Лондон, Нью-Йорк и Токио, на следующем уровне находятся Париж и Сингапур и замыкает семерку Амстердам и Сеул. Столица РФ (г. Москва) находится в середине третьей десятки рейтинга. Таким образом, из российских городов в данный рейтинг входит только один город – Москва. В частности, отметим, что, несмотря на достаточно средние значения интегрального уровня рейтинга, она занимает высокие позиции по частному критерию – культурная привлекательность.

Расширение анализируемого периода до 2024 г. включительно подтверждает сохранение многополярности городского влияния: азиатские мегаполисы, такие как Пекин и Сингапур, стабильно закрепляются в первой и второй десятке. Здесь демонстрируются высокие темпы концентрации деловой активности и человеческого капитала.

К индексу глобализации городов, показателям полюсов и точек роста можно также отнести индекс конкурентоспособности, этот показатель отражает инвестиционную и миграционную привлекательность территорий (табл. 2).

Таблица 1. Динамика индекса уровня глобализации городов

Ранг	Город (2016)	Балл	Город (2017)	Балл	Город (2018)	Балл	Город (2019)	Балл	Город (2020)	Балл	Город (2021)	Балл	Город (2022)	Балл	Город (2023)	Балл	Город (2024)	Балл
1	Лондон	1511,5	Лондон	1560,1	Лондон	1692,3	Лондон	1669,1	Лондон	1661,1	Лондон	1644,1	Лондон	1592,4	Лондон	1646,7	Лондон	1655,4
2	Нью-Йорк	1384,7	Нью-Йорк	1386,3	Нью-Йорк	1565,3	Нью-Йорк	1543,2	Нью-Йорк	1514,9	Нью-Йорк	1482,9	Нью-Йорк	1505,9	Нью-Йорк	1506,4	Нью-Йорк	1505,8
3	Токио	1338,5	Токио	1354,7	Токио	1462	Токио	1422,2	Токио	1386,5	Токио	1367,2	Токио	1411	Токио	1375,8	Токио	1445,4
4	Париж	1289,7	Париж	1282,1	Париж	1393,9	Париж	1387,7	Париж	1325,4	Париж	1350,8	Париж	1356,9	Париж	1363,7	Париж	1423
5	Сингапур	1197	Сингапур	1224,6	Сингапур	1310,6	Сингапур	1262,9	Сингапур	1262,1	Сингапур	1232,8	Сингапур	1233,8	Сингапур	1264,7	Сингапур	1291,8
6	Сеул	1133,3	Сеул	1143,5	Амстердам	1265,9	Амстердам	1236	Амстердам	1187,4	Амстердам	1212,8	Амстердам	1228,5	Амстердам	1246,3	Сеул	1193,3
7	Гонконг	1098,5	Амстердам	1129,8	Сеул	1237,5	Сеул	1205,6	Берлин	1185,4	Берлин	1172,9	Сеул	1189,1	Сеул	1202,1	Амстердам	1185,4
8	Амстердам	1085,8	Берлин	1107,8	Берлин	1232,2	Берлин	1201,7	Сеул	1163,1	Сеул	1160,8	Берлин	1182,9	Дубай	1162,7	Дубай	1177,7
9	Берлин	1080,8	Гонконг	1090,1	Гонконг	1204,9	Гонконг	1170,4	Гонконг	1149,7	Мадрид	1126,2	Мельбурн	1157,2	Мельбурн	1155,4	Берлин	1171,5
10	Вена	1053	Сидней	1078	Сидней	1200,7	Сидней	1162,9	Шанхай	1108,9	Шанхай	1125,3	Шанхай	1133,8	Берлин	1151,7	Мадрид	1153,2
Китай	Пекин / 17	981	Пекин / 13	1051,6	Пекин / 23	1055,5	Пекин / 24	1018,6	Пекин / 15	1092,0	Пекин / 17	1112,4	Пекин / 17	1099	Пекин / 17	1115,3	Пекин / 16	1111,3
РФ	Москва / 35	827,5	Москва / 35	857,7	Москва / 33	1088,5	Москва / 32	981,8	Москва / 30	962,3	Москва / 32	981,7	Москва / 33	1017,1	Москва / 34	992,6	Москва / 34	1001,5
Индия	Мумбаи / 39	657,3	Мумбаи / 42	667,1	Мумбаи / 43	613,5	Мумбаи / 48	720,1	Мумбаи / 48	612,6	Мумбаи / 48	605,7	Мумбаи / 48	627,7	Мумбаи / 48	645,3	Мумбаи / 48	654,6

¹ Mori Memorial Foundation Global Power City Index. URL: <https://mori-m-foundation.or.jp/english/ius2/gpci2/> (дата обращения: 22.03.2026).

Таблица 2. Динамика индекса конкурентоспособности стран в 2015–2024 гг.

Страна	2015 ранг / оценка	2016 ранг / оценка	2017 ранг / оценка	2018 ранг / оценка	2019 ранг / оценка	2020 ранг / оценка	2021 ранг / оценка	2022 ранг / оценка	2023 ранг / оценка	2024 ранг / оценка
Швейцария	1 / 5,76	1 / 5,81	1 / 5,86	4 / 82,6	5 / 82,3	3 / 98,373	1 / 100,000	2 / 98,92	3 / 99,13	2 / 97,55
США	3 / 5,61	3 / 5,70	2 / 5,85	1 / 85,6	2 / 83,7	10 / 92,358	10 / 89,126	10 / 89,88	9 / 91,14	12 / 83,48
Сингапур	2 / 5,68	2 / 5,72	3 / 5,71	2 / 83,5	1 / 84,8	1 / 100,000	5 / 94,703	3 / 98,11	4 / 97,44	1 / 100,00
Швеция	9 / 5,43	6 / 5,53	7 / 5,52	9 / 81,7	8 / 81,2	6 / 95,866	2 / 96,714	4 / 97,71	8 / 91,86	6 / 90,30
Дания	12 / 5,33	12 / 5,35	12 / 5,39	10 / 80,6	10 / 81,2	2 / 99,496	3 / 96,667	1 / 100,00	1 / 100,00	3 / 97,07
Финляндия	8 / 5,45	10 / 5,44	10 / 5,49	11 / 80,3	11 / 80,2	13 / 88,630	11 / 88,470	8 / 93,04	11 / 89,73	15 / 80,26
Германия	4 / 5,53	5 / 5,57	5 / 5,65	3 / 82,8	7 / 81,8	17 / 85,881	15 / 83,926	15 / 85,68	22 / 80,47	24 / 72,74
Япония	6 / 5,47	8 / 5,48	9 / 5,49	5 / 82,5	6 / 82,3	34 / 69,854	31 / 69,069	34 / 66,62	35 / 67,84	38 / 64,96
Канада	13 / 5,31	15 / 5,27	14 / 5,35	12 / 79,9	14 / 79,6	8 / 93,506	14 / 86,494	14 / 87,23	15 / 88,21	19 / 77,69
Нидерланды	5 / 5,50	4 / 5,57	4 / 5,66	6 / 82,4	4 / 82,4	4 / 98,352	4 / 96,348	6 / 94,29	5 / 95,58	9 / 89,75
Гонконг	7 / 5,46	9 / 5,48	6 / 5,53	7 / 82,3	3 / 83,1	5 / 97,061	7 / 93,538	5 / 94,89	7 / 92,05	5 / 91,49
Великобритания	10 / 5,43	7 / 5,49	8 / 5,51	8 / 82,0	9 / 81,2	19 / 84,355	18 / 81,475	23 / 78,45	29 / 75,48	28 / 70,82
Китай	28 / 4,89	28 / 4,95	27 / 5,00	28 / 72,6	28 / 73,9	20 / 82,038	16 / 83,013	17 / 83,94	21 / 82,10	14 / 81,04
Россия	45 / 4,44	43 / 4,51	38 / 4,64	43 / 65,6	43 / 66,7	50 / 56,465	45 / 56,358	- / -	- / -	- / -
Индия	55 / 4,31	39 / 4,52	40 / 4,59	58 / 62,0	68 / 61,4	43 / 62,095	43 / 61,598	37 / 66,01	40 / 64,63	39 / 62,86

Примечания: 1. В числителе обозначен ранг, в знаменателе – оценка.

2. Составлено автором по данным оценки за период до 2019 г. и показателям с 2020 по 2024 гг.: WEF Global Competitiveness Report 2015–2019. URL: https://www3.weforum.org/docs/WEF_TheGlobalCompetitivenessReport2019.pdf (дата обращения: 22.03.2026); IMD World Competitiveness Ranking 2020–2024. URL: <https://www.imd.org/centers/world-competitiveness-center/rankings/world-competitiveness/> (дата обращения: 22.03.2026).

Анализируя таблицу 2, можно сделать вывод, что за рассмотренный период в 10 стран, лидирующих в разные годы по рейтингу конкурентоспособности, вошли: Швейцария, Соединённые Штаты Америки, Сингапур, Швеция, Дания, Финляндия, Германия, Япония, Канада, Нидерланды, Гонконг, Великобритания. В последние годы, в связи с неоднозначной внешнеэкономической ситуацией,

связанной с пандемией и геополитической нестабильностью, произошла смена лидеров и изменение позиций отдельных регионов. Россия по данному критерию находится на достаточно низком уровне, но в отдельные периоды наблюдается положительная динамика. Основными преимуществами Российской Федерации являются высокий уровень развития инфраструктуры и высшего образования, госу-

дарственная поддержка малого и среднего бизнеса. Тем не менее нужно предпринимать дополнительные усилия по развитию инновационного потенциала, выстраиванию надёжных отношений с бизнес-партнёрами на основе прозрачной правовой базы.

Ведущим направлением развития как на уровне государства, так и на региональном уровне является повышение инвестиционной привлекательности, что отображено в большинстве стратегических документах. Одним из эффективных инструментов повышения инвестиционной привлекательности является формирование полюсов роста, которые будут способствовать регулированию ресурсной базы и совершенствованию высокотехнологичных производств [20]. Полюса роста, как и другие типы ТПО, достаточно вариабельны и могут быть эффективны, но также и могут быть закрыты в обратной ситуации, как, например, ОЭЗ на Алтае, в Ставрополе, Адыгее, Северной Осетии, Хабаровском и Краснодарском крае, Мурманской области и на о. Русский.

Формирование новых подходов и инновационных инструментов сокращения регионального поляризованного развития в настоящее время является актуальной задачей для проведения исследований, учитывающих органиченность ресурсов и усложнение внешнеэкономических связей. Проведенная систематизация ключевых стратегических документов по регионам Центрального федерального округа (рис. 2) демонстрирует интеграцию региональных стратегических документов с федеральными в области реализации ключевых направлений развития.

Однако можно выделить и специализированные стратегические документы, относящиеся к конкретному региону и сфере применения. Данная систематизация позволила обозначить ключевые направления развития регионов Центрального федерального округа в новых экономических условиях и общей геополитической обстановке, так как многие регионы являются приграничными.

Сбалансированная интеграция федеральных и региональных стратегических документов необходима для конкретизации стратегических ориентиров, так как их реализация варьируется на региональном уровне из-за разницы в социально-экономическом положении каждого региона [21]. Поэтому необходим дифференцированный подход, способный адаптировать и конкретизировать федеральные цели [11], обозначенные в национальных стратегических документах, учитывая специализацию и сформированный региональный потенциал [22]. Таким образом, рисунок 2 позволяет провести сравнительный анализ, выявить противоречия и провести верификацию, показать разрыв между стандартизацией планирования и фактической региональной спецификой и приоритезацией.

Процесс стратегического планирования основан на применении методического подхода, основанного на балансе интересов между бизнесом, органами власти и населением, что позволит выстроить грамотную региональную политику, которая стимулирует уровень жизни [18]. Исполнение данной концепции включает в себя такие немаловажные факторы, как приоритет экономических интересов при рассмотрении потенциала конкурентоспособности субъектов; использование сценарного моделирования развития региона и выбор приоритетного сценария на основе сопоставления достижений и привлекательности территории [23]; разработка и реализация программно-целевых мероприятий, учитывающих интересы всех заинтересованных сторон, путем применения принципов государственно-частного партнерства; формирование поэтапного мониторинга достижения стратегических приоритетов и определение центров ответственности на федеральном, региональном и муниципальном уровнях; создание организационно-экономического меха-

низма реализации стратегии социально-экономического развития региона, включающего методы, инструменты и оценки; обоснование взаимодействия всех заин-

тересованных сторон, в т. ч. межрегиональные кооперации; оценка достижения целевых показателей стратегии и мониторинг их отклонения от результата [20].

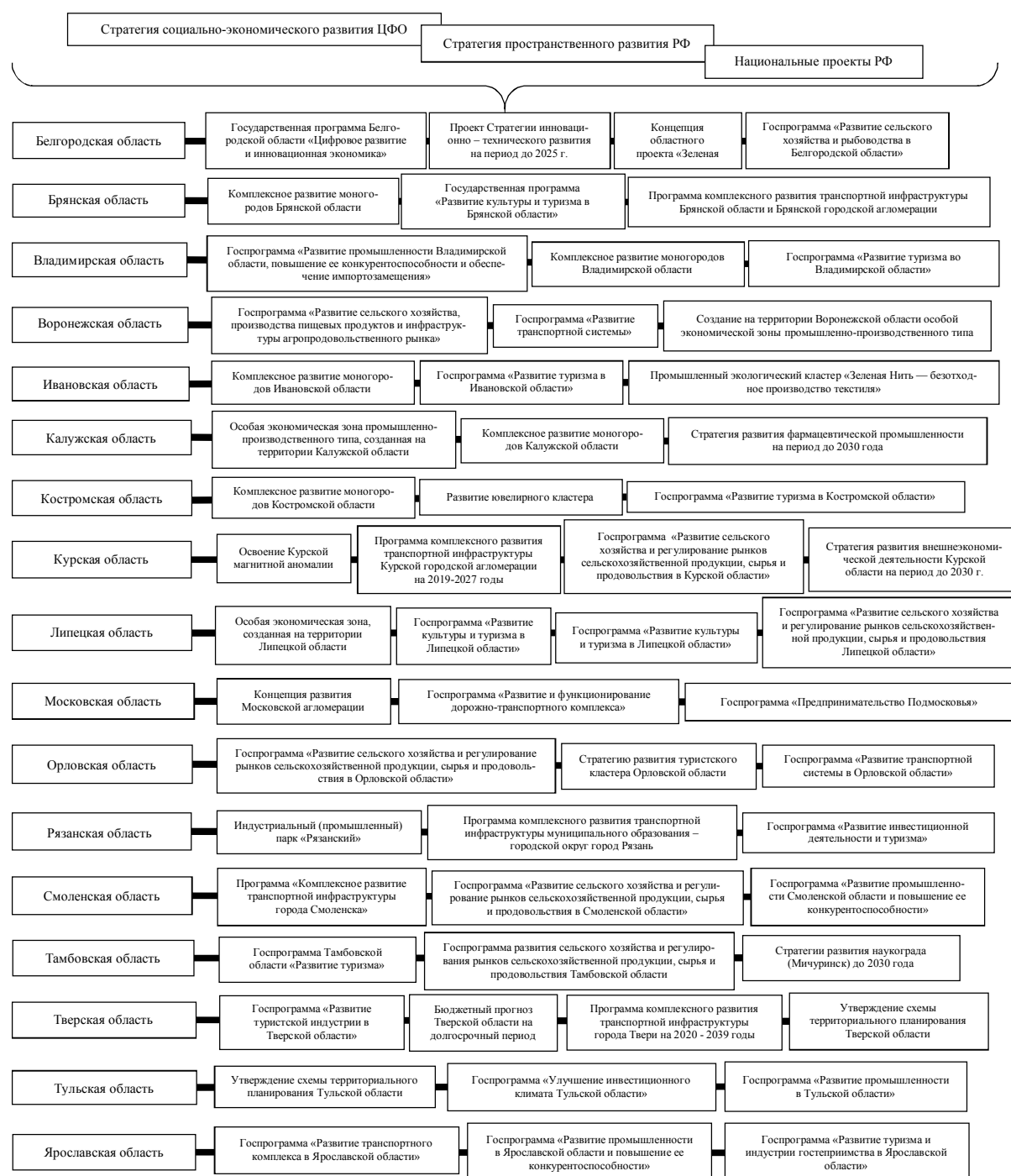

Рис. 2. Стратегические документы регионов Центрального федерального округа, определяющие важнейшие направления развития и ключевые особенности

Изучение стратегического планирования в регионах Центрального федерального округа преследует достижение двух целей, первая из которых – рассмотрение региона как субъекта с уникальной отраслевой специализацией и налаженными кооперационными и логистическими взаимосвязями, а вторая – основа для индуктивного анализа, перенеся общие закономерности с субъектов Центрального федерального округа на страну в целом.

Анализ стратегий развития субъектов Центральной России (рис. 3) позволяет проследить параллели государственной и региональной политики на региональном уровне. Так, пики активности приходятся на 2018 г., что коррелирует с

Указом Президента Российской Федерации № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года», и период 2022-2023 гг., который обусловлен некоторым отложенным ответом ввиду пандемии COVID-19 на распоряжение Правительства Российской Федерации от 13 февраля 2019 г. № 207. Часть регионов, такие как Тверская и Ярославская области, принявшие стратегии ещё в 2013-2014 гг., нуждаются в их актуализации. Дифференциация плановых горизонтов – от 2030 до 2040 гг. – отражает разную оценку региональными властями устойчивости социально-экономической динамики и степени готовности к долгосрочному целеполаганию.

Рис. 3. Стратегии социально-экономического развития субъектов ЦФО

Экономический ландшафт Центрального федерального округа характеризуется выраженной отраслевой специализацией территорий и системными трендами: экономическим расслоением между приграничными аграрно-логистическими субъектами и наукоёмкими регионами центральной части; последовательной

ориентацией на инновации и цифровизацию; наращиванием инфраструктурного потенциала. Центральный федеральный округ выступает не только флагманом социально-экономического развития страны, но и полигоном для отработки стратегических решений, тиражируемых на другие регионы.

Как отмечают исследователи, использование сценарного подхода позволяет разрабатывать систему планово-управленческих решений с учётом альтернатив будущего развития событий в условиях риска и неопределённости. Эффективность вовлечения стейкхолдеров, в свою очередь, подтверждается опытом регионов, где стратегии разрабатывались при участии бизнеса, общественных организаций и жителей. Однако на практике такая работа часто остаётся формальной: по мнению экспертов, региональные власти и разработчики стратегий не всегда готовы учитывать мнения граждан, а само участие населения нередко ограничивается пассивным информированием без реального влияния на принимаемые решения. Поэтому современный период

трансформаций выдвигает новые требования к процессу стратегического планирования: во-первых, внедрение управленческих инноваций; во-вторых, сопряженность с мировыми стандартами дружественных стран; в-третьих, разработка гибких и динамических стратегий, способных адаптироваться под внешние и внутренние изменения; в-четвертых, учет текущего потенциала и специфики регионов при формировании целевых ориентиров в стратегии; в-пятых, применение цифровых инструментов при формировании, реализации и оценке эффективности процесса стратегического планирования.

Рассмотрим основные препятствия и проблемы, с которыми сталкиваются все заинтересованные стороны в процессе стратегирования (табл. 3).

Таблица 3. Вызовы и проблемы стратегирования в Российской Федерации

Проблема	Причины возникновения	Проявления на практике
Несо согласованность стратегий разных уровней	Недостаточная координация между уровнями власти, отсутствие сквозных индикаторов и механизмов согласования	Дублирование задач, расхождение приоритетов, неэффективность межуровневого взаимодействия
Формальный характер стратегий	Требование формального наличия стратегии без механизмов её реализации	Стратегии не работают как инструменты управления, не связаны с бюджетом и программами
Слабая аналитическая и методическая база	Использование шаблонных подходов, нехватка квалифицированных кадров и аналитических ресурсов	Поверхностный анализ, неучёт локальных условий, слабая обоснованность приоритетов
Отсутствие действенного мониторинга и корректировки	Отсутствие цифровых инструментов и внятной системы KPI, мониторинг носит отчётный характер	Стратегии не обновляются, не корректируются при изменении условий
Недостаточное вовлечение стейкхолдеров	Ограниченность форм общественного участия, слабая вовлечённость бизнеса и НКО	Снижение доверия, низкий уровень поддержки реализации стратегии

Регионы Центрального федерального округа в процессе стратегирования ориентированы на общенациональный горизонт планирования до 2030 г. или 2035 г., однако в своих стратегиях социально-экономического развития не всегда опираются на общенациональные основополагающие документы [24], принятые впоследствии.

Проводя оценку эффективности достигнутых ключевых показателей региональных стратегий социально-экономического развития, за последний период можно увидеть разноуровневые итоги. Так, зафиксированы позитивные сдвиги в инфраструктуре, инвестиционной активности и цифровизации управления. В

2023 г. объём инвестиций в основной капитал Белгородской области составлял 212 млрд руб., что было обусловлено развитием агропромышленного комплекса, биотехнологий и фармацевтики, а также расширением логистической и научно-производственной базы, но при этом в 2025 г. объём инвестиций составил 218,3 млрд руб., что в сопоставимых ценах на 17,7% меньше, чем годом ранее; это можно объяснить высокой инфляцией и непосредственной близостью к Украине. Аналогичная тенденция фиксируется и в других регионах Черноземья: в Липецкой области инвестиции упали на 22,1%. Снижение инвестиционной активности в последние годы становится важным контекстом для оценки реализуемости стратегических приоритетов, заложенных в региональных документах.

Новый период стратегического планирования до 2036 г. потребует от региональных центров ответственности за реализацию социально-экономических стратегий оперативно осуществлять одновременно несколько ключевых проектов. Речь идёт о необходимости осуществить технологический скачек, опирающийся на сбалансированный экономический рост и инновационную модель управления, включающий гармонизацию между стратегическими целями и экологическими требованиями, способный обеспечить развитие человеческого капитала как главного ресурса долгосрочного развития страны. Как отмечают исследователи, в современной России человеческий капитал становится важнейшим фактором не только экономического роста, но и национальной безопасности, а его накопление и эффективное использование требуют системного подхода. При этом, по мнению ряда авторов, региональные стратегии зачастую декларируют приоритетность человеческого капитала, но не содержат конкретных ме-

ханизмов его развития, что приводит к разрыву между целями и результатами. Регионам-лидерам, к числу которых относятся Московская, Калужская и Ярославская области, предстоит стать своего рода полигонами для апробации инновационных подходов к стратегическому планированию, тогда как остальным субъектам ЦФО необходимо ускорить адаптацию лучших практик с учётом местной специфики. Поэтому применение разноуровневого подхода позволит в будущем поднять эффективность всей системы управления в каждом регионе, а также даст возможность адаптировать и тиражировать наиболее успешные практики на уровне округов и страны в целом.

Выводы

В ближайшие годы стратегическое планирование в России, особенно в горизонте до 2030 и 2036 гг., будет всё более явно смещать акценты в сторону устойчивого развития и инноваций. Как справедливо подчёркивается в научной литературе, в новых геополитических условиях стратегии регионального развития должны не только учитывать внешние вызовы, но и формировать внутренние драйверы роста, среди которых особое место занимают цифровая трансформация и экологическая модернизация. При этом, по мнению экспертов, устойчивое развитие в российских регионах нередко трактуется как сугубо экологическая проблема, тогда как его экономическая и социальная составляющие остаются недостаточно проработанными.

Систематизированы ключевые векторы развития стратегий: экологизация, технологический суверенитет, трансформация человеческого капитала и внедрение инновационных инструментов планирования, а также проанализированы вызовы стратегического планирования и

представлены новые управленческие подходы. Регионам-лидерам предстоит стать площадкой для апробации инновационных подходов, остальным субъектам необходимо ускорить адаптацию и использование лучших практик на основе усиления процессов межрегионального взаимодействия и реализации государственно-частных проектов, сопряжения нормативной базы и инновационных подходов к реализации региональных управленческих функций.

Для регионов изменение экономической структуры, оптимизация ресурсных потоков, поддержка конкуренто-

способных производств, содействие повышению уровня развития высокотехнологичных секторов, технологическое лидерство – все это предполагает сдвиг к более гармоничному и сбалансированному развитию, при котором разные типы территорий (промышленные, аграрные, депрессивные) получают собственные уникальные грани при формировании и реализации стратегий. Такой подход потребует не только корректировки целевых ориентиров, но и пересмотра механизмов их достижения с учётом реальных возможностей и ограничений каждого субъекта.

Список литературы

1. Бабич Т. Н., Положенцева Ю. С. Стратегический суверенитет: основные модели и стратегии обеспечения // Форпост науки. 2025. Т. 19, № 4. С. 6–16. <https://doi.org/10.22394/sp254.01>.
2. Бодрунов С. Д. Стратегия перехода к новому мирохозяйственному укладу и ноообществу: индустриальный аспект // Экономика промышленности. 2023. Т. 16, № 2. С. 135–140. <https://doi.org/10.17073/2072-1633-2023-2-135-140>.
3. Теоретическое обоснование оценки результативности стратегии регионального управления / В. Л. Макаров, А. Р. Бахтизин, М. Ю. Афанасьев [и др.] // Экономические стратегии. 2025. Т. 27, № 2(200). С. 6–13. <https://doi.org/10.33917/es-2.200.2025.6-13>.
4. Глазьев С. Ю. О создании систем стратегического планирования и управления научно-техническим развитием // Инновации. 2020. № 2(256). С. 14–23. <https://doi.org/10.26310/2071-3010.2020.256.2.002>.
5. Оптимизационный подход к экономике: результаты и уроки / Ф. Валента, А. Гранберг, Р. Раяцкас, А. Румянцев // Коммунист. 1987. № 10. С. 122.
6. Попов А. И., Плотников В. А. Модернизация и стратегия развития экономики: российский исторический опыт и роль государства // Экономика и управление. 2016. № 9(131). С. 8–14.
7. Канторович Л. В. Математико-экономические работы. Новосибирск: Наука, 2011. 760 с.
8. Немчинов В. С. Экономико-математические методы и модели. М.: Соцэкгиз, 1962. 410 с.
9. Канторович Л. В. Математические методы организации и планирования производства. Ленинград: Ленинградский государственный университет, 1939. 68 с.
10. Немчинов В. С. Математические методы в экономике и планировании // Вестник АН СССР. 1960. № 8. С. 63.
11. Коростышевская Е. М., Плотников В. А. Стратегия развития и целеполагание в региональной политике России // Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Экономические науки. 2014. № 3(197). С. 38–46.
12. Экономический фундамент победы: стратегический прогноз устойчивости экономики России в условиях санкционных атак / А. И. Агеев, А. Р. Бахтизин, В. Л. Макаров [и др.] // Экономические стратегии. 2023. Т. 25, № 3(189). С. 6–15. <https://doi.org/10.33917/es-3.189.2023.6-15>.
13. Глазьев С. Ю. Дополнение системы стратегического планирования источниками финансирования // Стратегирование: теория и практика. 2023. Т. 3, № 3(9). С. 261–276. <https://doi.org/10.21603/2782-2435-2023-3-3-261-276>.

14. Бахтизин А. Р., Ильин Н. И., Качан М. В. Развитие системы стратегического управления в условиях цифровизации // Экономические стратегии. 2022. Т. 24, № 1(181). С. 20–33. <https://doi.org/10.33917/es-1.181.2022.20-33>.
15. Курбанов А. Х., Плотников В. А. Инкорпорирование инструментария стратегического и индикативного планирования в практику реализации государственной экономической политики // Вестник Забайкальского государственного университета. 2017. Т. 23, № 7. С. 145–153. <https://doi.org/10.21209/2227-9245-2017-23-7-145-153>.
16. Плотников В. А., Саркисов В. В. Подход к оценке показателей реализации национальных проектов // Управленческое консультирование. 2026. № 1(193). С. 210–222.
17. Положенцева Ю. С., Вертакова Ю. В. Направления формирования парадигмы устойчивого регионального развития // Вестник Воронежского государственного технического университета. 2008. Т. 4, № 1. С. 12–17.
18. Глазьев С. Ю. Стратегическое планирование как интегративный элемент в системе управления развитием // Экономическое возрождение России. 2021. № 3(69). С. 14–19. <https://doi.org/10.37930/1990-9780-2021-3-69-14-19>.
19. Клевцова М. Г., Положенцева Ю. С. Теоретические подходы к выделению территориально-пространственных образований регионов: российский и международный опыт // Известия Юго-Западного государственного университета. 2016. № 6(69). С. 139–151.
20. Бугалин А., Колганов А. О стратегии опережающего развития России // Проблемы теории и практики управления. 2017. № 7. С. 34–50.
21. Аганбегян А. Г. О целевой направленности региональной стратегии социально-экономического развития // Экономические стратегии. 2020. Т. 22, № 1(167). С. 6–17. <https://doi.org/10.33917/es-1.167.2020.6-17>.
22. Бодрунов С. Д. Современная стратегия развития требует поворота к планированию // Экономическое возрождение России. 2021. № 3(69). С. 5–13. <https://doi.org/10.37930/1990-9780-2021-3-69-5-13>.
23. Положенцева Ю. С. Сценарное управление социально-экономическим развитием регионов с учетом маятниковой трудовой миграции // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2025. Т. 15, № 2. С. 88–101. <https://doi.org/10.21869/2223-1552-2025-15-2-88-101>.
24. Положенцева Ю. С., Чаплыгина В. А. Стратегическое значение Арктического региона в контексте экономических перспектив развития России // Научные труды Вольного экономического общества России. 2025. Т. 255, № 5. С. 222–243. <https://doi.org/10.38197/2072-2060-2025-255-5-222-243>.

References

1. Babich T.N., Polozhentseva Yu.S. Strategic sovereignty: main models and strategies for ensuring. *Forpost nauki = Outpost of Science*. 2025;19(4):6-16. (In Russ.) <https://doi.org/10.22394/sp254.01>.
2. Bodrunov S.D. Strategy of transition to a new world economic order and noosociety: industrial aspect. *Ekonomika promyshlennosti = Industrial Economics*. 2023;16(2):135-140. (In Russ.) <https://doi.org/10.17073/2072-1633-2023-2-135-140>.
3. Makarov V.L., Bakhtizin A.R., Afanasyev M.Yu., et al. Theoretical Justification for Assessing the Effectiveness of Regional Management Strategy. *Ekonomicheskie strategii = Economic Strategies*. 2025;27(2):6-13. (In Russ.) <https://doi.org/10.33917/es-2.200.2025.6-13>.
4. Glazhev S.Yu. On the creation of systems for strategic planning and management of scientific and technological development. *Innovatsii = Innovations*. 2020;(2):14–23. (In Russ.) <https://doi.org/10.26310/2071-3010.2020.256.2.002>.
5. Valenta F., Granberg A., Rajackas R., Rumyantsev A. Optimization approach to the economy: results and lessons. *Kommunist = Kommunist*. 1987;(10):122. (In Russ.)

6. Popov A.I., Plotnikov V.A. Modernization and Strategy of Economic Development: Russian Historical Experience and the Role of the State. *Ekonomika i upravlenie = Economy and Management*. 2016;(9):8-14. (In Russ.)
7. Kantorovich L.V. Mathematical and Economic Works. Novosibirsk: Nauka; 2011. 760 p. (In Russ.)
8. Nemchinov V.S. Economic and Mathematical Methods and Models. Moscow: Sotsekgiz; 1962. 410 p. (In Russ.)
9. Kantorovich L.V. Mathematical Methods of Organization and Planning of Production. Leningrad: Leningradskii gosudarstvennyi universitet; 1939. 68 p. (In Russ.)
10. Nemchinov V.S. Mathematical Methods in Economics and Planning. *Vestnik AN SSSR = Bulletin of the USSR Academy of Sciences*. 1960;(8):63. (In Russ.)
11. Korostyshevskaya E.M., Plotnikov V.A. Development strategy and goal-setting in regional policy of Russia. *Nauchno-tekhnicheskie vedomosti Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo politekhnicheskogo universiteta. Ekonomicheskie nauki = Scientific and Technical Statements of the Saint Petersburg State Polytechnical University. Economic Sciences*. 2014;(3):38-46. (In Russ.)
12. Ageyev A.I., Bakhtizin A.R., Makarov V.L., et al. The Economic Foundation for Victory: A Strategic Forecast for the Resilience of the Russian Economy under Sanctions Attacks. *Ekonomicheskie strategii = Economic Strategies*. 2023;25(3):6-15. (In Russ.) [https://doi.org/ 10.33917/es-3.189.2023.6-15](https://doi.org/10.33917/es-3.189.2023.6-15).
13. Glazyev S.Yu. Supplementing the strategic planning system with financing sources. *Strategirovanie: teoriya i praktika = Strategizing: Theory and Practice*. 2023;3(3):261-276. (In Russ.) [https://doi.org/ 10.21603/2782-2435-2023-3-3-261-276](https://doi.org/10.21603/2782-2435-2023-3-3-261-276).
14. Bakhtizin A.R., Ilyin N.I., Kachan M.V. Development of the Strategic Management System in the Context of Digitalization. *Ekonomicheskie strategii = Economic Strategies*. 2022;24(1):20-33. (In Russ.) [https://doi.org/ 10.33917/es-1.181.2022.20-33](https://doi.org/10.33917/es-1.181.2022.20-33).
15. Kurbanov A.Kh., Plotnikov V.A. Incorporation of Strategic and Indicative Planning Tools into the Practice of Implementing State Economic Policy. *Vestnik Zabaikal'skogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Transbaikal State University*. 2017;23(7):145-153. (In Russ.) <https://doi.org/10.21209/2227-9245-2017-23-7-145-153>.
16. Plotnikov V.A., Sarkisov V.V. Approach to Assessing the Implementation Indicators of National Projects. *Upravlencheskoe konsul'tirovanie = Management Consulting*. 2026;(1):210-222. (In Russ.)
17. Polozhentseva Yu.S., Vertakova Yu.V. Directions for Forming a Sustainable Regional Development Paradigm. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta = Bulletin of the Voronezh State Technical University*. 2008;4(1):12-17. (In Russ.)
18. Glazyev S.Yu. Strategic Planning as an Integrative Element in the Development Management System. *Ekonomicheskoe vozrozhdenie Rossii = Economic Revival of Russia*. 2021;(3):14-19. (In Russ.) [https://doi.org/ 10.37930/1990-9780-2021-3-69-14-19](https://doi.org/10.37930/1990-9780-2021-3-69-14-19).
19. Klevtsova M.G., Polozhentseva Yu.S. Theoretical approaches to identifying territorial-spatial entities of regions: Russian and international experience *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta = Proceedings of the Southwest State University*. 2016;(6):139-151. (In Russ.)
20. Buzgalin A., Kolganov A. On the strategy of advanced development of Russia. *Problemy teorii i praktiki upravleniya = Problems of Management Theory and Practice*. 2017;(7):34-50. (In Russ.)
21. Aganbegyan A.G. On the target orientation of the regional strategy for socio-economic development. *Ekonomicheskie strategii = Economic Strategies*. 2020;22(1):6-17. (In Russ.) [https://doi.org/ 10.33917/es-1.167.2020.6-17](https://doi.org/10.33917/es-1.167.2020.6-17).
22. Bodrunov S.D. Modern Development Strategy Requires a Turn to Planning. *Ekonomicheskoe vozrozhdenie Rossii = Economic Revival of Russia*. 2021;(3):5-13. (In Russ.) [https://doi.org/ 10.37930/1990-9780-2021-3-69-5-13](https://doi.org/10.37930/1990-9780-2021-3-69-5-13).
23. Polozhentseva Yu.S. Scenario Management of Regional Socioeconomic Development Taking into Account Pendulum Labor Migration. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment = Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management*. 2026;16(3):86-102

Economics, Sociology and Management. 2025;15(2):88–101. (In Russ.) <https://doi.org/10.21869/2223-1552-2025-15-2-88-101>.

24. Polozhentseva Yu.S., Chaplygina V.A. Strategic Importance of the Arctic Region in the Context of Russia's Economic Development Prospects. *Nauchnye trudy Vol'nogo ekonomicheskogo obshchestva Rossii = Scientific Works of the Free Economic Society of Russia*. 2025;255(5):222–243. (In Russ.) <https://doi.org/10.38197/2072-2060-2025-255-5-222-243>.

Информация об авторе / Information about the Author

Положенцева Юлия Сергеевна, кандидат экономических наук, доцент, заведующий кафедрой региональной экономики и менеджмента, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация, e-mail: polojenceva84@mail.ru, Researcher ID: O-2864-2015, ORCID: 0000-0002-8296-0878

Yulia S. Polozhentseva, Cand. Sci. (Economics), Associate Professor, Head of the Department of Regional Economics and Management, Southwest State University, Kursk, Russian Federation, e-mail: polojenceva84@mail.ru, Researcher ID: O-2864-2015, ORCID: 0000-0002-8296-0878

Оригинальная статья / Original article

УДК 330.354

<https://doi.org/10.21869/2223-1552-2026-16-3-103-115>**Интеллектуальная собственность как фактор экономического роста и инновационного развития регионов России****И. А. Томакова¹✉, Ж. Ю. Коптева¹, М. С. Жилиева¹,
И. С. Салтынский¹, Д. А. Стебихов¹**

¹ Юго-Западный государственный университет
ул. 50 лет Октября, д. 94, г. Курск 305040, Российская Федерация

✉ e-mail: tomakova@mail.ru

Резюме

Актуальность. Интеллектуальная собственность является ключевым нематериальным активом и драйвером инновационного развития в современной экономике. Необходимость создания эффективной системы инновационного развития экономики обусловлена потребностью в стимулировании инвестиций в исследования и разработки, сохранении конкурентных преимуществ компаний и противодействии нарушениям, которые наносят ущерб как отдельным хозяйствующим субъектам, так и экономике страны в целом. Потенциал экономического развития напрямую зависит от усиления активности в сфере развития и внедрения инноваций.

Цель – исследовать понятийный аппарат интеллектуальной собственности, проанализировать и оценить состояние и динамику патентной активности в Центральном федеральном округе.

Задачи. Основными задачами исследования являются: оценка статистических показателей патентной активности в Центральном федеральном округе и по федеральным округам; разработка практических рекомендаций для активизации деятельности в сфере интеллектуальной собственности.

Методология. В исследовании использовались общенаучный подход, обобщение, анализ и синтез для системного изучения правовых основ, технических механизмов и статистических данных в сфере интеллектуальной собственности.

Результаты. Выявлена высокая дифференциация патентной активности в Центральном федеральном округе, где абсолютное лидерство сохраняет Москва, однако в некоторых регионах (Воронежская, Курская, Смоленская, Тверская области) зафиксированы опережающие темпы роста. Ключевыми драйверами инноваций выступают научно-медицинские центры, госкорпорации и ведущие университеты. Развитая инфраструктура и наличие целевых региональных программ являются значимыми факторами повышения патентной активности.

Выводы. Интеллектуальная собственность является основой инновационного развития регионов. Для активизации инновационного потенциала всех субъектов РФ необходима целенаправленная региональная политика, финансовое стимулирование через налоговые льготы и эффективные контракты, а также меры по коммерциализации результатов интеллектуальной деятельности и формированию региональных брендов. Усиление патентной активности и перевод её в реальный экономический рост требуют комплексного подхода, сочетающего правовую защиту, государственную поддержку и ориентацию на приоритетные технологические направления.

Ключевые слова: интеллектуальная собственность; экономическое развитие; инновации; патент; авторские права.

Конфликт интересов: В представленной публикации отсутствует заимствованный материал без ссылок на автора и (или) источник заимствования, нет результатов научных работ, выполненных авторами публикации лично и (или) в соавторстве, без соответствующих ссылок. Авторы декларируют отсутствие конфликта интересов, связанных с публикацией данной статьи.

Для цитирования: Интеллектуальная собственность как фактор экономического роста и инновационного развития регионов России / И. А. Томакова, Ж. Ю. Коптева, М. С. Жилиева, И. С. Салтынский, Д. А. Стебихов // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2026. Т. 16, № 3. С. 103–115. <https://doi.org/10.21869/2223-1552-2026-16-3-103-115>.

Поступила в редакцию 22.04.2026

Принята к публикации 21.05.2026

Опубликована 30.06.2026

Intellectual property as a factor of economic growth and innovative development of Russian regions

Irina A. Tomakova¹✉, Zhanna Yu. Kopteva¹, Margarita S. Zhilyaeva¹,
Ivan S. Saltynskiy¹, Daniil A. Stebikhov¹

¹ Southwest State University
50 Let Oktyabrya Str. 94, Kursk 305040, Russian Federation

✉ e-mail: tomakova@mail.ru

Abstract

Relevance. Intellectual property is a key intangible asset and a driver of innovative development in the modern economy. The need to create an effective system of innovative economic development is conditioned by the need to stimulate investment in research and development, preserve the competitive advantages of companies and counter violations that harm both individual business entities and the economy of the country as a whole. The potential for economic development directly depends on increased activity in the field of development and innovation.

The purpose is to explore the conceptual framework of intellectual property, analyze and evaluate the state and dynamics of patent activity in the Central Federal District.

Objectives. The main objectives of the research are: to evaluate statistical indicators of patent activity in the Central Federal District and in the federal districts; to develop practical recommendations for enhancing activities in the field of intellectual property.

Methodology. The study used a general scientific approach, generalization, analysis and synthesis to systematically study the legal foundations, technical mechanisms and statistical data in the field of intellectual property.

Results. A high differentiation of patent activity was revealed in the Central Federal District, where Moscow retains the absolute leadership, however, in some regions (Voronezh, Kursk, Smolensk, Tver regions) faster growth rates were recorded. The key drivers of innovation are scientific and medical centers, state corporations and leading universities. A well-developed infrastructure and the availability of targeted regional programs are significant factors in increasing patent activity.

Conclusions. Intellectual property is the basis for the innovative development of the regions. To activate the innovative potential of all subjects of the Russian Federation, a targeted regional policy, financial incentives through tax incentives and effective contracts, as well as measures to commercialize the results of intellectual activity and the formation of regional brands are needed. Strengthening patent activity and translating it into real economic growth require an integrated approach combining legal protection, government support and focus on priority technological areas.

Keywords: intellectual property; economic development; innovation; patent; copyright.

Conflict of interest: In the presented publication there is no borrowed material without references to the author and (or) source of borrowing, there are no results of scientific works performed by the authors of the publication, personally and (or) in co-authorship, without relevant links. The authors declares no conflict of interest related to the publication of this article.

For citation: Tomakova I.A., Kopteva Zh.Yu., Zhilyaeva M.S., Saltynskiy I.S., Stebikhov D.A. Intellectual property as a factor of economic growth and innovative development of Russian regions. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment* = *Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management*. 2026;16(3):103–115. (In Russ.) <https://doi.org/10.21869/2223-1552-2026-16-3-103-115>.

Received 22.04.2026

Accepted 21.05.2026

Published 30.06.2026

Введение

Возможности и резервы для экономического развития страны могут быть выражены через стимулирование активности в сфере инноваций и интеллектуальной собственности [1].

Интеллектуальная собственность представляет собой совокупность исключительных прав на продукты творческого

труда и средства индивидуализации хозяйствующих субъектов [2].

В отличие от материальной собственности, которая подразумевает владение физическими объектами, такими как недвижимость, транспортные средства, оборудование и т. п., нематериальная собственность относится к результатам интеллектуальной деятельности, существующим

вне физического воплощения. Соответственно, основные различия заключаются в следующем: форма существования, способ передачи, срок действия¹.

Что касается интеллектуальных прав, то это общее понятие, объединяющее различные правовые категории [3]. В соответствии со ст. 1226 Гражданского кодекса РФ, они подразделяются на три вида: исключительное право, личные неимущественные права, иные права.

Патент даёт владельцу право единолично пользоваться своим открытием какое-то время. Благодаря этому бизнес охотнее тратит деньги на изучение нового. Кроме того, охрана интеллектуальной собственности привлекает инвесторов. Они боятся давать деньги там, где легко украсть идею. Нарушение прав интеллектуальной собственности негативно влияет на экономику всей страны и отдельные компании [4].

Российская Федерация имеет развитое законодательство в области интеллектуальной собственности, включающее положения Гражданского кодекса РФ и специальные законы. Гражданский кодекс РФ регулирует отношения, связанные с созданием и использованием объектов интеллектуальной собственности. Основные нормы содержатся в Конституции РФ, также четвертой части ГК РФ, вступившей в силу в 2008 г. Здесь определены виды объектов интеллектуальной собственности, порядок их правовой охраны и меры ответственности за нарушение прав [5].

Экономическое развитие страны, обеспечение ее технологического сувере-

нитета напрямую зависят от активности в сфере инноваций [6].

Материалы и методы

Понятие интеллектуальной собственности в общем виде представлено результатами интеллектуальной деятельности и средствами индивидуализации.

Использование объектов интеллектуальной собственности (ОИС) является ключевым индикатором их коммерциализации и интеграции в реальный сектор экономики [7].

Детальный анализ статистических показателей в сфере регистрации заявок на объекты интеллектуальной собственности, распределения из по регионам и отраслям дает возможность выявления динамики развития как патентной активности, так и инновационной в целом.

Центральный федеральный округ представляет собой крупнейший по экономическому потенциалу макрорегион Российской Федерации, включающий 18 субъектов: город федерального значения Москву, Московскую, Белгородскую, Брянскую, Владимирскую, Воронежскую, Ивановскую, Калужскую, Костромскую, Курскую, Липецкую, Орловскую, Рязанскую, Смоленскую, Тамбовскую, Тверскую, Тульскую и Ярославскую области. Общая площадь округа составляет 650,2 тыс. км², численность населения превышает 39,8 млн человек, что делает ЦФО наиболее населенным федеральным округом страны.

Экономическая структура Центрального федерального округа характеризуется высокой степенью диверсификации и значительной долей высокотехнологичных отраслей. В округе сосредоточены крупнейшие финансовые институты, федеральные органы управления, ведущие университеты и научные центры, что создает уникальные условия для развития инновационной экономики. Валовой региональный продукт ЦФО составляет более трети общероссийского ВВП, что

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): Федеральный закон Российской Федерации от 30 ноября 1994 года № 51-ФЗ : [принят Государственной думой 21 октября 1994 г.]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/?ysclid=mr1tvseikn143740988 (дата обращения: 16.03.2026).

подчеркивает ключевую роль округа в экономическом развитии страны.

В сфере интеллектуальной собственности Центральный федеральный округ занимает абсолютно лидирующее положение среди всех федеральных округов Рос-

сийской Федерации [8]. По итогам 2024 г. ЦФО продемонстрировал впечатляющие результаты по всем ключевым индикаторам патентной активности, подтвердив свой статус главного генератора инновационных решений в стране (табл. 1).

Таблица 1. Динамика подачи заявок на объекты интеллектуальной собственности в ЦФО за 2022-2024 гг.

Объект ИС	2022	2023	2024	Относительное отклонение, %		Доля в РФ, %
				2023/2024	2024/2023	
Изобретения	6 829	8 543	9 688	125,1	113,4	45,0
Полезные модели	3 271	4 176	7 365	127,7	176,4	55,0
Промышленные образцы	2 164	2 774	3 232	128,2	116,5	50,0
Товарные знаки	59 780	59 710	64 510	99,9	108,0	47,0
Программы для ЭВМ, БД, ТИМС	15 867	15 892	17 779	100,2	111,9	44,0

Анализ динамики подачи заявок на изобретения в Центральном федеральном округе свидетельствует о устойчивом росте изобретательской активности¹. В 2024 г. заявителями из ЦФО подано 9688 заявок на выдачу патентов на изобретения, что на 13,4% превышает показатель 2023 г. (8543 заявки) и на 41,9% превышает уровень 2022 г. (6829 заявок). Такая положительная динамика свидетельствует о возрастающей активности инновационных субъектов округа и эффективности мер государственной поддержки изобретательской деятельности.

Вклад Центрального федерального округа в общероссийский показатель подачи заявок на изобретения составляет 45%, что является максимальным значением среди всех федеральных округов страны. Это означает, что практически каждая вторая заявка на изобретение в России подается заявителями из ЦФО, что подчеркивает исключительную роль округа в формировании национального патентного портфеля.

Особенно впечатляющие результаты Центральный федеральный округ продемонстрировал в сфере полезных моделей. В 2024 г. было подано 7365 заявок на полезные модели, что превышает показатель предыдущего года на 76,4%. Столь значительный рост объясняется несколькими факторами: повышением правовой грамотности заявителей в отношении возможностей быстрой правовой защиты технических решений, активизацией малого и среднего бизнеса в сфере создания инновационных продуктов, совершенствованием процедур подачи и рассмотрения заявок на полезные модели.

Доля ЦФО в общероссийском объеме заявок на полезные модели достигла 55%, что является абсолютным максимумом среди федеральных округов. Такой высокий показатель свидетельствует о формировании в округе благоприятной среды для создания и правовой защиты технических новшеств, не требующих длительных сроков патентования.

В сфере промышленных образцов Центральный федеральный округ также сохраняет лидирующие позиции. В 2024 г. подано 3232 заявки на регистрацию промышленных образцов, что на 16,5% больше показателя 2023 г. (2774 заявки). Это составляет ровно половину

¹ Центральный федеральный округ – лидер России по патентной активности. URL: <https://rospatent.gov.ru/ru/news/07-11-2025-centralnyy-federalnyy-okrug-lider-rossii-po-patentnoy-aktivnosti> (дата обращения: 14.03.2026).

от всех заявок на промышленные образцы, поданных в Российской Федерации в 2024 г. Рост активности в данной сфере связан с развитием дизайн-индустрии, повышением внимания к эстетическим характеристикам промышленной продукции, расширением линеек потребительских товаров отечественного производства.

Товарные знаки традиционно занимают значительную долю в структуре заявок на объекты интеллектуальной собственности. В 2024 г. в Центральном федеральном округе подано 64510 заявок на регистрацию товарных знаков, что на 8% превышает показатель предыдущего года. Доля ЦФО в общероссийском объеме заявок на товарные знаки составляет

47%, что отражает высокую предпринимательскую активность в округе и понимание важности брендинга для продвижения товаров и услуг на рынке.

Программы для электронно-вычислительных машин, базы данных и топологии интегральных микросхем представляют собой быстро развивающийся сегмент интеллектуальной собственности, что связано с цифровизацией экономики и развитием информационных технологий [9]. В 2024 г. в ЦФО подано 17779 заявок в данной категории, что на 11,9% больше показателя предыдущего года (табл. 2). Доля округа в общероссийском объеме составляет 44%, что свидетельствует о концентрации IT-компетенций в центральном регионе страны.

Таблица 2. Распределение заявок по федеральным округам РФ в 2024 г.

Федеральный округ	Изобретения	Полезные модели	Промышленные образцы	Товарные знаки
Центральный	9 688	7 365	3 232	64 510
Приволжский	3 640	2 180	980	28 430
Северо-Западный	2 418	1 456	765	18 920
Сибирский	1 914	1 155	542	12 680
Южный	1 499	905	401	8 920
Уральский	1 285	775	298	6 150
Северо-Кавказский	492	297	154	2 890
Дальневосточный	456	275	108	1 936

Коэффициент изобретательской активности является важнейшим индикатором инновационного развития регионов, позволяющим сопоставлять патентную активность территорий с различной численностью населения [10]. Коэффициент изобретательской активности Центрального федерального округа в 2024 г. составил 2,40 заявки на изобретения на 10 тыс. населения, что значительно превышает среднероссийский показатель (1,47). При учете заявок на полезные модели коэффициент достигает 4,23, что в 1,8 раза выше среднего по стране (2,39).

Такие высокие значения коэффициента изобретательской активности свидетельствуют о сформированной в ЦФО инновационной среде, способствующей

созданию и правовой защите результатов интеллектуальной деятельности. Это достигается благодаря концентрации в округе ведущих университетов и научно-исследовательских институтов, развитой системе технопарков и бизнес-инкубаторов, активной государственной поддержке инновационной деятельности, наличию крупных высокотехнологичных компаний, готовых инвестировать в исследования и разработки.

Международная патентная активность является важным индикатором готовности регионального инновационного комплекса к выходу на глобальные рынки высоких технологий. Заявители из Центрального федерального округа в 2024 г. подали 414 заявок по процедуре PCT (Patent Cooperation Treaty), что на

7,5% больше показателя предыдущего года (385 заявок). Это составляет значительную долю от общего объема международных заявок, подаваемых российскими заявителями.

Подавляющее большинство международных заявок (80%) подается заявителями из Москвы, что отражает концентрацию в столице крупных технологических компаний и исследовательских центров, ориентированных на глобальные рынки. Московская область обеспечивает еще 12,6% международных заявок от ЦФО, что в совокупности составляет 92,6% всех заявок по процедуре РСТ от федерального округа.

Анализ распределения патентной активности по регионам Центрального федерального округа выявил значительную дифференциацию между субъектами федерации, что обусловлено различиями в экономическом развитии, научно-техническом потенциале, промышленной специализации и демографической ситуации. Понимание региональных особенностей патентования имеет критическое

значение для разработки эффективной инновационной политики и целевых мер поддержки изобретательской деятельности [11].

Москва занимает абсолютно доминирующее положение в патентной системе не только Центрального федерального округа, но и всей Российской Федерации. В 2024 г. заявителями из Москвы подано 6014 заявок (рис. 1) на изобретения, что составляет 62,1% от общего объема заявок ЦФО и 28% от общероссийского показателя. По сравнению с 2023 г. количество заявок на изобретения от московских заявителей выросло на 16,1%, что свидетельствует об ускорении инновационных процессов в столице.

Коэффициент изобретательской активности Москвы (рис. 2) составляет 4,53 заявки на изобретения на 10 тыс. населения, что в 3,1 раза превышает среднероссийский уровень. При учете полезных моделей коэффициент достигает рекордного значения 8,90, что является максимальным показателем среди всех субъектов Российской Федерации.

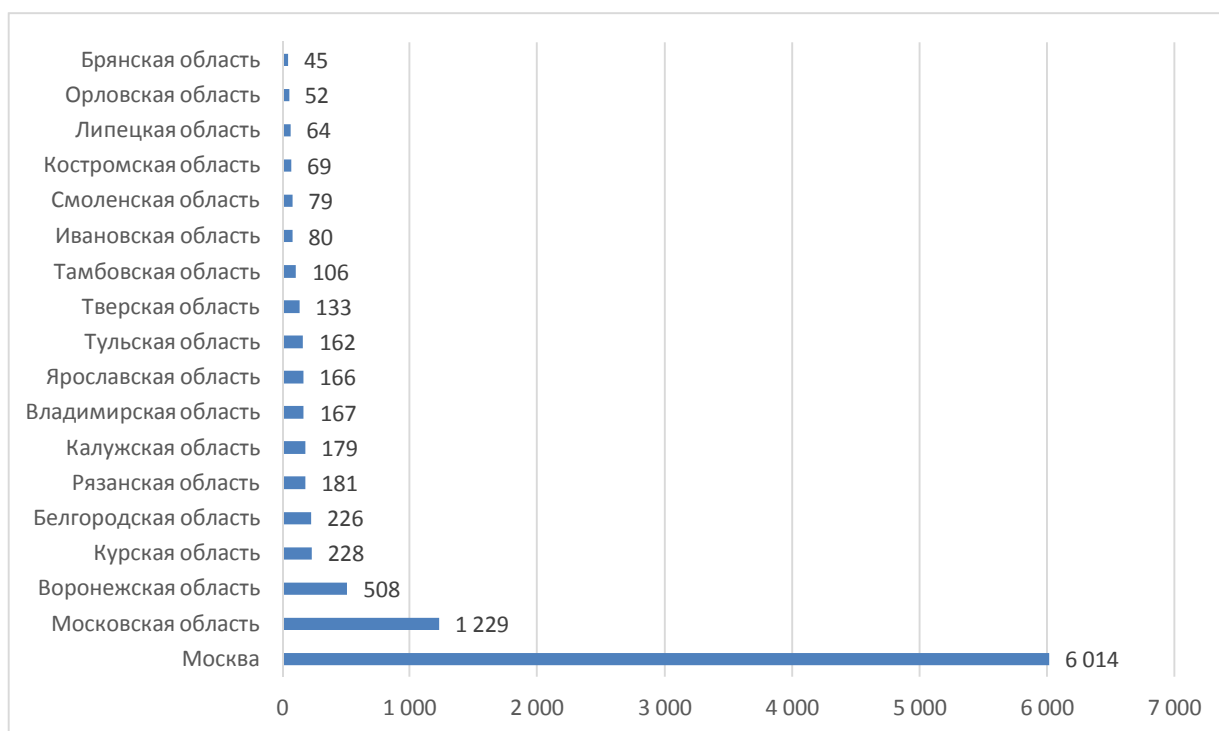

Рис. 1. Распределение заявок на изобретения по регионам ЦФО в 2024 г.

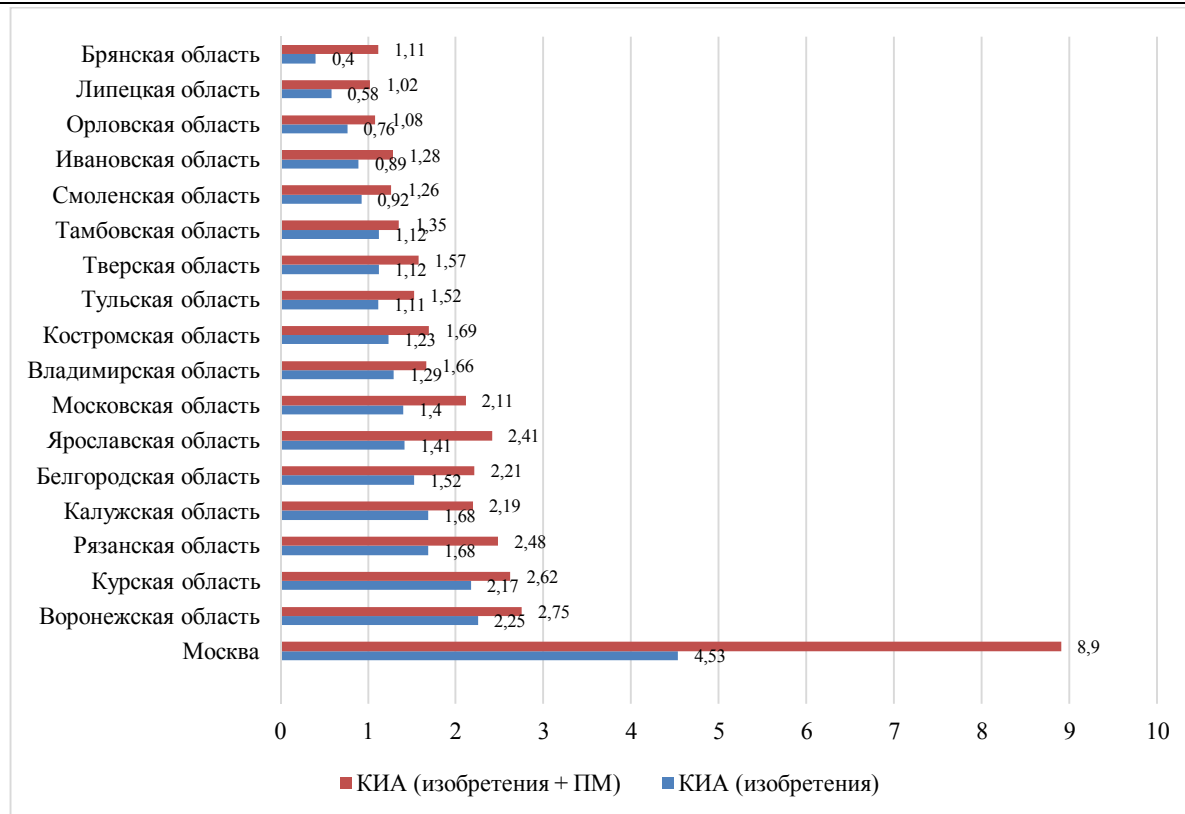

Рис. 2. Коэффициент изобретательской активности регионов ЦФО в 2024 г.

Такие выдающиеся результаты обусловлены уникальным сочетанием факторов: концентрацией в Москве ведущих университетов и академических институтов, штаб-квартир крупнейших российских и международных компаний, развитой венчурной экосистемой, высоким уровнем человеческого капитала.

По состоянию на 1 января 2025 г. в Москве действует 73942 патента на изобретения, что составляет 71% от всех действующих патентов на изобретения в ЦФО. Это свидетельствует о накопленном за многие годы мощном патентном портфеле столицы, который служит основой для технологического развития и коммерциализации инноваций.

Московская область занимает второе место в ЦФО по патентной активности, обеспечивая 12,7% заявок на изобретения от округа (1229 заявок в 2024 г.). Область демонстрирует умеренный, но устойчивый рост: количество заявок на изобре-

тения увеличилось на 6,1%, на полезные модели – на 14%, на товарные знаки – на 8%. Коэффициент изобретательской активности Московской области составляет 1,40 по изобретениям и 2,11 по изобретениям и полезным моделям, что приближается к среднероссийским значениям, но с учетом значительной численности населения региона (8,7 млн человек) общий вклад в патентную систему страны остается весьма существенным.

Воронежская область выделяется как один из наиболее динамично развивающихся регионов ЦФО в сфере интеллектуальной собственности. В 2024 г. область подала 508 заявок на изобретения, что на 26,1% больше показателя предыдущего года. Это позволило Воронежской области занять 8-е место среди всех субъектов Российской Федерации по данному показателю. Коэффициент изобретательской активности области (2,25) существенно превышает среднероссийский уровень, что сви-

детельствует об эффективности региональной инновационной системы.

Особенно впечатляющие результаты Воронежская область показала в сфере промышленных образцов: количество заявок выросло в 5,2 раза (с 51 до 290 заявок), что позволило региону занять 4-е место в стране по данному показателю. Такой резкий рост связан с развитием дизайн-индустрии и повышением внимания к эстетическим характеристикам промышленной продукции в регионе.

Курская область занимает 4-е место в ЦФО по количеству заявок на изобретения, подав в 2024 г. 228 заявок, что на 22,6% больше показателя предыдущего года. Коэффициент изобретательской активности области (2,17) значительно превышает среднероссийский уровень (1,47), что свидетельствует о высокой эффективности региональной инновационной системы относительно численности населения.

Значительный интерес представляют регионы ЦФО, демонстрирующие высокие темпы роста патентной активности. Смоленская область показала рекордный

рост заявок на изобретения на 43,6%, Тверская область – на 34,3%, что свидетельствует о формировании в этих регионах благоприятных условий для инновационной деятельности. Такие высокие темпы роста часто связаны с реализацией целевых региональных программ поддержки инноваций, активизацией деятельности местных университетов и научных центров, притоком инвестиций в высокотехнологичные проекты.

Анализ ведущих заявителей Центрального федерального округа позволяет выявить ключевых игроков инновационной экосистемы региона (табл. 3). Первое место по количеству заявок на изобретения и полезные модели за последние три года занимает НМИЦ «Микрохирургия глаза» имени академика С. Н. Фёдорова (466 заявок), что отражает высокий уровень инновационной активности в медицинской сфере. Государственная корпорация по атомной энергии «Росатом» (393 заявки) демонстрирует активность в развитии атомных технологий, что имеет стратегическое значение для технологического суверенитета страны.

Таблица 3. Топ-10 организаций-заявителей ЦФО за 2022-2024 гг.

Ранг	Организация	Регион	Количество заявок	Основная сфера деятельности
1	НМИЦ «Микрохирургия глаза» им. С. Н. Фёдорова	г. Москва	466	Медицина
2	Госкорпорация «Росатом»	г. Москва	393	Атомные технологии
3	Брянский ГАУ	Брянская обл.	322	Сельское хозяйство
4	РГАУ-МСХА им. К. А. Тимирязева	г. Москва	304	Сельское хозяйство
5	ВУНЦ ВВС «ВВА им. Жуковского и Гагарина»	Воронежская обл.	287	Военные технологии
6	Юго-Западный государственный университет	Курская обл.	269	Образование / наука
7	МГУ им. М. В. Ломоносова	г. Москва	245	Образование / наука
8	МГТУ им. Н. Э. Баумана	г. Москва	223	Технические науки
9	НИЦ «Курчатовский институт»	г. Москва	201	Ядерная физика
10	МИФИ	г. Москва	189	Ядерные технологии

Важную роль в патентной системе ЦФО играют высшие учебные заведения. Среди ключевых заявителей: Российский государственный аграрный университет – МСХА имени К. А. Тимирязева (304 заявки), Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова (245 заявок), Московский государственный технический университет имени Н. Э. Баумана (223 заявки). Высокая патентная активность университетов свидетельствует об эффективной интеграции образовательной и научно-исследовательской деятельности [12], что создает основу для подготовки высококвалифицированных кадров и трансфера технологий в экономику [13].

Международная патентная активность заявителей из ЦФО демонстрирует готовность региональных инноваторов к конкуренции на глобальных рынках высоких технологий. В 2024 г. по процедуре РСТ было подано 414 заявок, что на 10% больше показателя предыдущего года. Москва обеспечивает 80% международных заявок от ЦФО (331 заявка), Московская область – 12,6% (52 заявки). Остальные регионы округа демонстрируют более скромную, но постепенно растущую активность в международном патентовании.

Развитие инфраструктуры поддержки инновационной деятельности является критически важным фактором повышения патентной активности регионов [14]. В Центральном федеральном округе функционирует разветвленная сеть центров поддержки технологий и инноваций (ЦПТИ), которые способствуют повышению патентной грамотности, оказывают консультационные услуги по вопросам интеллектуальной собственности, помогают в подготовке и подаче заявок на выдачу охранных документов.

По состоянию на конец 2024 г. в ЦФО действует 40 ЦПТИ, из которых 8 центров находятся в Москве. Центры созданы практически во всех регионах округа, за исключением Смоленской и Владимирской областей. Деятельность ЦПТИ способствует вовлечению университетов, научно-исследовательских институтов и бизнеса в патентную систему, повышает качество подаваемых заявок, обеспечивает информационную поддержку инновационных проектов [15].

Результаты и их обсуждение

Регионам страны целесообразно заниматься совершенствованием инновационных аспектов социально-экономического развития путем стимулирования и усиления изобретательской и патентной активности [16]. Центральный федеральный округ подтвердил статус лидера по патентной активности в России, обеспечив в 2024 г. 45% заявок на изобретения и 55% заявок на полезные модели по стране.

На основе проведенного анализа могут быть сформулированы следующие практические рекомендации для органов регионального управления:

1. Для повышения эффективности коммерциализации необходимо внедрение системы эффективных контрактов на системообразующих предприятиях, стимулирующих создание и внедрение инноваций [17].

2. Требуется развитие инновационной инфраструктуры (в частности, расширение сети Центров поддержки технологий и инноваций, создание центров трансфера технологий при ведущих университетах) [18].

3. Целесообразно формирование региональных программ поддержки международного патентования для наиболее перспективных разработок, учитывая успешный опыт Москвы и Московской области.

4. Необходимо совершенствование нормативно-правовой базы региона в части налоговых льгот для предприятий, активно использующих результаты интеллектуальной деятельности.

5. Рекомендуется развитие системы региональных брендов через регистрацию географических указаний и наименований мест происхождения товаров, что будет способствовать развитию туризма и локальной экономики.

6. Целесообразно принятие специальных мер по стимулированию использования созданных объектов ИС в производстве, учитывая позитивный опыт Тамбовской области, сумевшей в 2020-2023 гг. преодолеть стагнацию и обеспечить наивысший в ЦЧЭР прирост использования ИС [19].

7. Необходима разработка отраслевых программ поддержки инноваций в приоритетных для региона направлениях: биотехнологии, медицинские технологии, агропромышленный комплекс.

Выводы

Интеллектуальная собственность выступает основой инновационной экономики. Для России (в особенности для её регионов) укрепление системы защиты ИС, развитие инновационной инфраструктуры и стимулирование коммерциализации результатов интеллектуальной деятельности являются критически важными задачами. Центральный федеральный округ (в частности, Москва) играет ведущую роль в формировании национального патентного портфеля России, демонстрируя высокие темпы роста по всем ключевым объектам ИС.

Для совершенствования системы защиты ИС в России необходимо усилить правоприменительную практику, повысить правовую грамотность, развивать сотрудничество с международными организациями и внедрять современные цифровые технологии фиксации и контроля прав.

Список литературы

1. Артамонова Е. В. Интеллектуальная собственность как ресурс развития // Современная библиотека. 2023. № 2(132). С. 8-13.
2. Жабина А. А., Ибрагимов А. Г. Защита интеллектуальной собственности в России // Агропромышленный комплекс: состояние, проблемы, перспективы: сборник статей XVII Международной научно-практической конференции, г. Пенза, 24-25 октября 2022 года. Пенза: Пензенский государственный аграрный университет, 2022. С. 697–700.
3. Аламова С. М. Правовые механизмы защиты интеллектуальной собственности в контексте цифровизации // Право и государство: теория и практика. 2024. № 9(237). С. 348–351.
4. Турсунов Б. Б. Нематериальный капитал и его влияние на рыночную стоимость компаний // Инновации. Наука. Образование. 2022. № 56. С. 125-130.
5. Никиташенко В. В. Стадия защиты и восстановления нарушенных прав гражданско-правового механизма защиты интеллектуальной собственности // Молодой ученый. 2023. № 22(469). С. 298–301.
6. Азжеурова К. Е., Коптева Ж. Ю., Щербаков Д. Б. Развитие и активация инновационного потенциала российской экономики: региональные особенности, структурные приоритеты, уровни реализации // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2024. Т. 14, № 4. С. 141-161.
7. Бакулина Е. А. Защита инноваций как объектов интеллектуальной собственности // Инновации. Наука. Образование. 2021. № 48. С. 876–879.
8. Аналитические исследования сферы интеллектуальной собственности 2024: Центральный федеральный округ / А. В. Александрова, А. В. Молодкин, О. Е. Бацокина, С. Ю. Ульяшина, В. А. Мельник. М.: Федеральный институт промышленной собственности (ФИПС), 2025. 132 с.

9. Ханкевич А. Г. Регулирование правоотношений, возникающих при создании и использовании программ для электронных вычислительных машин, баз данных и топологии интегральных микросхем // *Врач и информационные технологии*. 2005. № 3. С. 97–104.
10. Митяков С. Н., Митякова О. И., Мурашова Н. А. Инновационное развитие регионов России: методика рейтингования // *Инновации*. 2017. № 9 (227). С. 97–104.
11. Клыпин А. В., Вьюнов С. С. Патентный анализ и государственная научно-техническая политика в сфере интеллектуальной собственности // *Управление наукой и наукометрия*. 2020. Т. 15, № 2. С. 136–171.
12. Томакова И. А. Университет как интегратор инновационных образовательных процессов подготовки кадров для развития цифровой экономики региона // *Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент*. 2021. Т. 11, № 2. С. 163–179.
13. Степанов А. В. Интеллектуальная собственность образовательной организации высшего образования как источник привлечения инвестиций в регион // *Копирайт. Вестник Российской академии интеллектуальной собственности и Российского авторского общества*. 2020. № 3. С. 23–37.
14. Марков Д. А., Сысоева Е. А., Жахов Н. В. Влияние инновационной деятельности на развитие регионов: анализ на примере Курской области // *Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент*. 2023. Т. 13, № 5. С. 83–94.
15. Королева Е. В. Влияние центров поддержки технологий и инноваций на инновационное развитие регионов России // *Вестник СВФУ*. 2014. № 2. С. 70–80.
16. Сулиманов Р. Ш. Интеллектуальная собственность как драйвер инновационного развития // *Инновации и инвестиции*. 2023. № 9. С. 25–28.
17. Бывшев В. И., Писарев И. В., Губенко Д. В. Оценка развития сферы интеллектуальной собственности в регионах Российской Федерации и формирование методологических подходов // *Управление наукой и наукометрия*. 2023. Т. 18, № 1. С. 30–62.
18. Коптева Ж. Ю., Томакова И. А., Татаренкова К. О. Факторы развития и инструменты стимулирования инновационной активности предприятий высокотехнологичных отраслей промышленности России // *Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент*. 2025. Т. 15, № 4. С. 115–125.
19. Попов В. Г. Динамика использования объектов интеллектуальной собственности в регионах Южно-Российской экономической зоны // *Вопросы инновационной экономики*. 2024. Т. 14, № 4. С. 1247–1262.

References

1. Artamonova E. V. Intellectual property as a resource for development. *Sovremennaya biblioteka = A Modern Library*. 2023;(2):8–13. (In Russ.)
2. Zhabina A.A., Ibragimov A.G. Intellectual property protection in Russia. In: *Agropromyshlennyy kompleks: sostoyanie, problemy, perspektivy: sbornik statei XVII Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, g. Penza, 24–25 oktyabrya 2022 goda = Agro-industrial complex: status, problems, prospects: Collection of articles of the XVII International Scientific and Practical Conference, 24–25 October 2022, Penza*. Penza: Penzenskii gosudarstvennyi agrarnyi universitet; 2022. P. 697–700. (In Russ.)
3. Alamova S.M. Legal mechanisms for intellectual property protection in the context of digitalization. *Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika = Law and the State: Theory and Practice*. 2024;(9):348–351. (In Russ.)
4. Tursunov B.B. Intangible capital and its impact on the market value of companies. *Innovatsii. Nauka. Obrazovanie = Innovations. Science. Education*. 2022;(56):125–130. (In Russ.)
5. Nikitashenko V.V. The stage of protection and restoration of violated rights of the civil law mechanism of intellectual property protection. *Molodoi uchenyi = Young Scientist*. 2023;(22):298–301. (In Russ.)
6. Azzheurova K.E., Kopteva J.Y., Shcherbakov D.B. Development and activation of the innovative potential of the Russian economy: regional features, structural priorities, levels of implementation. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya*.

Menedzhment = Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management. 2024;14(4):141-161. (In Russ.)

7. Bakulina E.A. Protection of innovations as objects of intellectual property. *Innovatsii. Nauka. Obrazovanie = Innovations. Science. Education.* 2021;(48):876–879. (In Russ.)

8. Alexandrova A.V., Molodkin A.V., Batsokina O.E., Ulyashina S.Y., Melnik V.A. Analytical research in the field of intellectual property in 2024: The Central Federal District. Moscow: Federal'nyi institut promyshlennoi sobstvenno-sti (FIPS); 2025. 132 p. (In Russ.)

9. Khankevich A.G. Regulation of legal relations arising during the creation and use of programs for electronic computers, databases and topology of integrated circuits. *Vrach i informatsionnye tekhnologii = Doctor and Information Technologies.* 2005;(3):69–72. (In Russ.)

10. Mityakov S.N., Mityakova O.I., Murashova N.A. Innovative development of Russian regions: rating methodology. *Innovatsii = Innovation.* 2017;(9):97–104. (In Russ.)

11. Klypin A.V., Vyunov S.S. Patent analysis and state scientific and technical policy in the field of intellectual property. *Upravlenie naukoj i naukometriya = Management of Science and Scientometry.* 2020;15(2):136–171. (In Russ.)

12. Tomakova I.A. University as an integrator of innovative educational processes of personnel training for the development of the digital economy of the region. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment = Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management.* 2021;11(2):163-179. (In Russ.)

13. Stepanov A.V. Intellectual property of an educational organization of higher education as a source of attracting investments to the region *Kopirait. Vestnik Rossiiskoi akademii intellektual'noi sobstvennosti i Rossiiskogo avtorskogo obshchestva = Copyright. Bulletin of the Russian Academy of Intellectual Property and the Russian Copyright Society.* 2020;(3):23-37. (In Russ.)

14. Markov D.A., Sysoeva E.A., Zhakhov N.V. The impact of innovation activity on the development of regions: an analysis on the example of the Kursk region. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment = Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management.* 2023;13(5):83-94. (In Russ.)

15. Koroleva E.V. The influence of technology and innovation support centers on the innovative development of Russian regions. *Vestnik SVFU = NEFU Bulletin.* 2014;(2):70–80. (In Russ.)

16. Sulimanov R.S. Intellectual property as a driver of innovative development. *Innovatsii i investitsii = Innovations and Investments.* 2023;(9):25-28. (In Russ.)

17. Byvshev V.I., Pisarev I.V., Gubenko D.V. Assessment of the development of intellectual property in the regions of the Russian Federation and the formation of methodological approaches. *Upravlenie naukoj i naukometriya = Management of Science and Scientometry.* 2023;18(1):30-62. (In Russ.)

18. Kopteva J.Y., Tomakova I.A., Tatarenkova K.O. Factors of development and tools for stimulating innovative activity of enterprises of high-tech industries in Russia. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment = Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management.* 2025;15(4):115-125. (In Russ.)

19. Popov V.G. Dynamics of the use of intellectual property objects in the regions of the South Russian economic zone. *Voprosy innovatsionnoi ekonomiki = Issues of Innovative Economics.* 2024;14(4):1247-1262. (In Russ.)

Информация об авторах / Information about the Authors

Томакова Ирина Александровна, кандидат технических наук, доцент кафедры экономики, управления и аудита, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация,
e-mail: tomakova@mail.ru,
ORCID: 0000-0001-7419-1813

Irina A. Tomakova, Cand. Sci. (Engineering), Associate Professor at the Department of Economics, Management and Audit, Southwest State University, Kursk, Russian Federation,
e-mail: tomakova@mail.ru
ORCID: 0000-0001-7419-1813

Коптева Жанна Юрьевна, кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики, управления и аудита, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация, e-mail: zhanna.kopteva@inbox.ru, ORCID: 0000-0003-1198-6357

Zhanna Yu. Kopteva, Cand. Sci. (Economics), Associate Professor at the Department of Economics, Management and Audit, Southwest State University, Kursk, Russian Federation, e-mail: zhanna.kopteva@inbox.ru, ORCID: 0000-0003-1198-6357

Жилиева Маргарита Сергеевна, магистрант, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация, e-mail: rishina617000@gmail.com

Margarita S. Zhilyaeva, Undergraduate, Southwest State University, Kursk, Russian Federation, e-mail: rishina617000@gmail.com

Салтынский Иван Сергеевич, магистрант, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация, e-mail: Sontsov.ivan@gmail.com

Ivan S. Saltynskiy, Undergraduate, Southwest State University, Kursk, Russian Federation, e-mail: Sontsov.ivan@gmail.com

Стебихов Даниил Александрович, магистрант, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация, e-mail: stebihow.danya@yandex.ru

Daniil A. Stebikhov, Undergraduate, Southwest State University, Kursk, Russian Federation, e-mail: stebihow.danya@yandex.ru

Оригинальная статья / Original article

УДК 338.2

<https://doi.org/10.21869/2223-1552-2026-16-3-116-126>**Системные барьеры внедрения корпоративной
социальной ответственности в регионах России:
многоуровневая модель****О. В. Муравьева¹✉, О. А. Крыжановская¹**

¹ Юго-Западный государственный университет
ул. 50 лет Октября, д. 94, г. Курск 305040, Российская Федерация

✉ e-mail: muravjevaov@yandex.ru

Резюме

Актуальность. Статья посвящена исследованию системных барьеров внедрения корпоративной социальной ответственности в регионах России. Актуальность данной работы определяется несоответствием между заявленными задачами устойчивого развития и фактической реализацией корпоративной социальной ответственности. Этот разрыв особенно заметен, когда федеральные и глобальные стратегии устанавливают высокие стандарты, а региональные субъекты в силу нехватки ресурсов, слабой координации и фрагментарности институтов не способны их реализовать.

Целью данной работы является создание иерархической схемы системных препятствий для интеграции принципов корпоративной социальной ответственности в российских регионах.

Задачи: провести анализ теоретических подходов к изучению барьеров внедрения корпоративной социальной ответственности в международной и российской научной литературе; выявить и классифицировать системные барьеры; разработать их многоуровневую модель; провести эмпирическое исследование проявления этих барьеров; разработать рекомендации для стейкхолдеров.

Методология исследования включает методы анализа и синтеза, группировки и сопоставления в контексте руководства принципами системного подхода, статистического и рангового анализа.

Результаты: был проведен анализ теоретических подходов к изучению барьеров внедрения корпоративной социальной ответственности в международной и российской научной литературе; выявлены и классифицированы системные барьеры; разработана их многоуровневая модель; проведено эмпирическое исследование проявления этих барьеров; разработаны рекомендации для стейкхолдеров.

Выводы. Выявленные системные барьеры внедрения корпоративной социальной ответственности в регионах России и разработанная релевантная многоуровневая модель их проявления позволили доказать, что устранение выявленных преград возможно лишь на основе системного подхода, что подразумевает отказ от унифицированных решений и переход к дифференцированным моделям развития, учитывающим специфику каждого субъекта Российской Федерации.

Ключевые слова: корпоративная социальная ответственность; региональное развитие; системные барьеры; многоуровневая модель; институциональная среда; стейкхолдеры.

Конфликт интересов: В представленной публикации отсутствует заимствованный материал без ссылок на автора и (или) источник заимствования, нет результатов научных работ, выполненных авторами публикации лично и (или) в соавторстве, без соответствующих ссылок. Авторы декларируют отсутствие конфликта интересов, связанных с публикацией данной статьи.

Для цитирования: Муравьева О. В., Крыжановская О. А. Системные барьеры внедрения корпоративной социальной ответственности в регионах России: многоуровневая модель // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2026. Т. 16, № 3. С. 116–126. <https://doi.org/10.21869/2223-1552-2026-16-3-116-126>.

Поступила в редакцию 30.04.2026

Принята к публикации 29.05.2026

Опубликована 30.06.2026

© Муравьева О. В., Крыжановская О. А., 2025

Systemic barriers to the implementation of corporate social responsibility in Russian regions: a multilevel model

Olga V. Muravyeva¹✉, Olga A. Kryzhanovskaya¹

¹ Southwest State University

50 Let Oktyabrya Str. 94, Kursk 305040, Russian Federation

✉ e-mail: muravjevaov@yandex.ru

Abstract

Relevance. The article is devoted to the study of systemic barriers to the introduction of corporate social responsibility in the regions of Russia. The relevance of this work is determined by the discrepancy between the stated objectives of sustainable development and the actual implementation of corporate social responsibility. This gap is especially noticeable when federal and global strategies set high standards, and regional actors, due to lack of resources, poor coordination, and fragmented institutions, are unable to implement them.

The purpose of this work is to create a hierarchical scheme of systemic obstacles to the integration of corporate social responsibility principles in Russian regions.

Objectives: to analyze theoretical approaches to the study of barriers to corporate social responsibility implementation in the international and Russian scientific literature; to identify and classify systemic barriers; to develop their multilevel model; to conduct an empirical study of the manifestation of these barriers; to develop recommendations for stakeholders.

Methodology. The research methodology includes methods of analysis and synthesis, grouping and comparison in the context of guiding the principles of a systematic approach, statistical and rank analysis.

Results: an analysis of theoretical approaches to the study of barriers to corporate social responsibility implementation in the international and Russian scientific literature was carried out; systemic barriers were identified and classified; their multilevel model was developed; an empirical study of the manifestation of these barriers was conducted; recommendations for stakeholders were developed.

Conclusions. The identified systemic barriers to the introduction of corporate social responsibility in the regions of Russia and the developed relevant multilevel model of their manifestation have made it possible to prove that the elimination of the identified barriers is possible only on the basis of a systematic approach, which implies the rejection of unified solutions and the transition to differentiated development models that take into account the specifics of each subject of the Russian Federation.

Keywords: corporate social responsibility; regional development; systemic barriers; multilevel model; institutional environment; stakeholders.

Conflict of interest: In the presented publication there is no borrowed material without references to the author and (or) source of borrowing, there are no results of scientific works performed by the authors of the publication, personally and (or) in co-authorship, without relevant links. The authors declare no conflict of interest related to the publication of this article.

For citation: Muravyeva O.V., Kryzhanovskaya O.A. Systemic barriers to the implementation of corporate social responsibility in Russian regions: a multilevel model. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment* = *Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management*. 2026;16(3):116–126. (In Russ.) <https://doi.org/10.21869/2223-1552-2026-16-3-116-126>.

Received 30.04.2026

Accepted 29.05.2026

Published 30.06.2026

Введение

В современных условиях усиления глобальных вызовов и перехода к парадигме устойчивого развития корпоративная социальная ответственность (КСО) становится ключевым элементом стратегической конкурентоспособности бизнеса и важным фактором сбалансированного развития регионов. Однако в российских регионах процесс внедрения и институци-

онализации КСО сталкивается с комплексом системных барьеров, препятствующих эффективной реализации концепции социальной ответственности на территориальном уровне. Эти барьеры носят многоуровневый характер, охватывая макроэкономические, институциональные, организационные и социокультурные аспекты, что требует разработки комплексной модели их анализа и преодоления.

Новизна настоящего исследования заключается в разработке комплексной многоуровневой модели системных барьеров внедрения КСО в российских регионах и обосновании путей ее трансформации, что позволяет преодолеть существующий разрыв между теорией КСО и практикой ее реализации в территориальном конспекте.

Материалы и методы

В ходе научной работы применялся современный методологический аппарат. Исследование базировалось на общепринятых научных приемах: анализе и синтезе, группировке и сопоставлении, а также на принципах системного подхода. Эмпирическая информация обрабатывалась с привлечением специализированных методов, в т. ч. средств экономиче-

ского и рангового анализа. Статистическая оценка результатов осуществлялась посредством параметрических и непараметрических критериев. Каждый этап изыскания выполнялся последовательно при строгом соблюдении требования репрезентативности и достоверности. Для наглядного представления итоговой информации были использованы актуальные программные средства.

Результаты и их обсуждение

В академической литературе исследование барьеров и препятствий, связанных с корпоративной социальной ответственностью, представлено с различных точек зрения [1]. Множество таких теоретических позиций можно организовать в систему нескольких теоретических подходов (рис. 1).

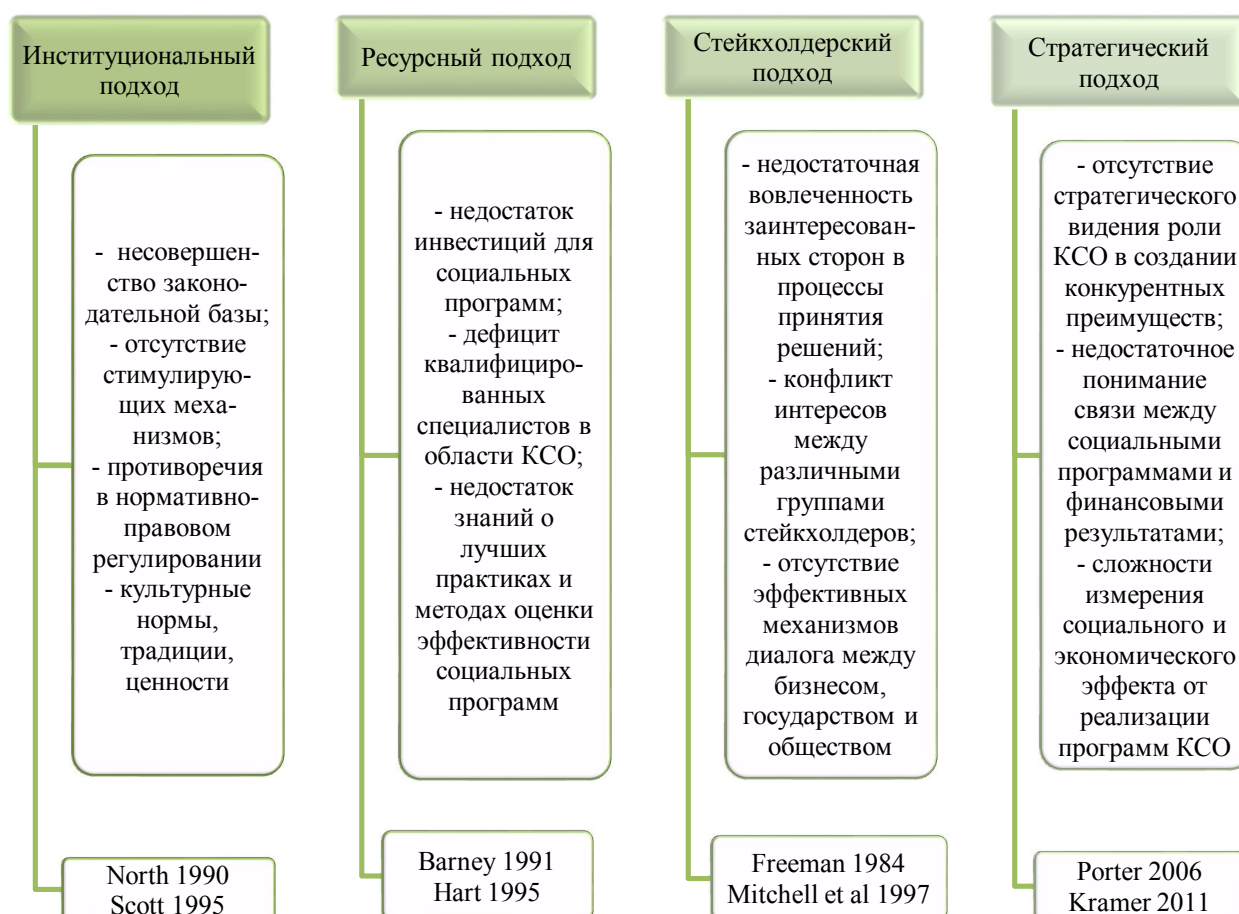

Рис. 1. Теоретические барьеры КСО

Одним из ключевых теоретических подходов является концепция институциональных барьеров. Данная концепция рассматривает барьеры КСО через призму формальных и неформальных институтов [2].

Ресурсный подход акцентирует внимание на ограниченности ресурсов как ключевом барьере для реализации социальных программ. Данная теория трактует барьеры через призму дефицита финансовых, человеческих и информационных активов [3].

Следующим ключевым столпом является теория стейкхолдеров, которая фокусируется на барьерах, возникающих из-за конфликта интересов различных групп влияния, таких как акционеры, сотрудники и общество [4]. Приоритезация краткосрочных финансовых требований доминирующих стейкхолдеров нередко приводит к отказу от долгосрочных вложений в социальную сферу и охрану окружающей среды [5].

Стратегический подход фокусируется на барьерах, связанных с интеграцией КСО в корпоративную стратегию.

Переходя от теоретических основ к практике, важно рассмотреть, как выявленные барьеры формируют системную модель препятствий для внедрения КСО в российских регионах. В этом контексте ключевым становится не простое перечисление факторов, а анализ их взаимного усиления и специфического проявления в условиях конкретных территорий [6].

Рассмотрим, какие сложности и препятствия мешают реализации КСО на региональном уровне (рис. 2).

Рисунок 2 иллюстрирует три уровня блокировки внедрения КСО в регионы России: фундаментальный, контекстуальный и системный уровень. Фундаментальный уровень (общие проблемы) создает негативную среду внедрения КСО в регионы России, формируя базовое нежелание и неумение бизнеса заниматься стратегической КСО. Контекстуальный

уровень (частные проблемы) выступает как мощный усилитель, где конкретные условия региона (слабая инфраструктура, риски) превращают общие проблемы в неразрешимые на местном уровне. Долгосрочность целей КСО вступает в прямое противоречие с краткосрочными вызовами бизнеса в таких условиях [7]. Системный уровень (региональные диспропорции, низкая координация усилий, методологические ограничения) обеспечивает «замкнутый круг» и блокирует выход из него [8].

Данное несоответствие между стратегической природой КСО и оперативными целями бизнеса особенно проявляется на региональном уровне. Рассмотрим статистическое выражение данного противоречия на примере Курской области.

Курская область расположена в Центральном федеральном округе, имеет границы с шестью регионами: Брянской, Орловской, Липецкой, Воронежской, Белгородской областями, а также с Сумской областью Украины. Курская область представляет собой регион с аграрно-индустриальной специализацией и обладает стратегически важным приграничным статусом. Долгосрочные инвестиции в социальные инициативы, экологию и развитие человеческого капитала на практике конкурируют с необходимостью поддерживать текущую работу компании и защищать ее от внешних угроз.

Рассмотрим динамику ключевых показателей Курской области за последние 5 лет в разрезе барьеров для внедрения КСО, которые напрямую координируются с тремя уровнями блокировки КСО.

Проанализируем фундаментальный уровень блокировки внедрения КСО в Курской области на примере двух показателей: валового регионального продукта (ВРП) и среднемесячной номинальной заработной платы (рис. 3).

Из рисунка 3 наглядно видно номинальный рост ВРП Курской области с 680,5 млрд руб. в 2021 г. до 765 млрд руб.

в 2025 г. Однако данный показатель не учитывает инфляционное обесценивание. При этом среднемесячная номинальная заработная плата выросла с 42,1 до 58 тыс. руб. за тот же период. Такая диспропорция говорит о том, что бизнес вынужден направлять основную часть своей операционной прибыли на удержание и привлечение кадров, а не на инновации и стратегическое планирование. В результате у компаний не остается свободных средств

для финансирования долгосрочных проектов в области КСО – экологических программ, образовательных проектов, социальной инфраструктуры.

Исследуем следующий контекстуальный уровень блокировки внедрения КСО в Курской области на примере таких показателей, как уровень безработицы и индекс физического объема инвестиций в основной капитал к предыдущему году (рис. 4).

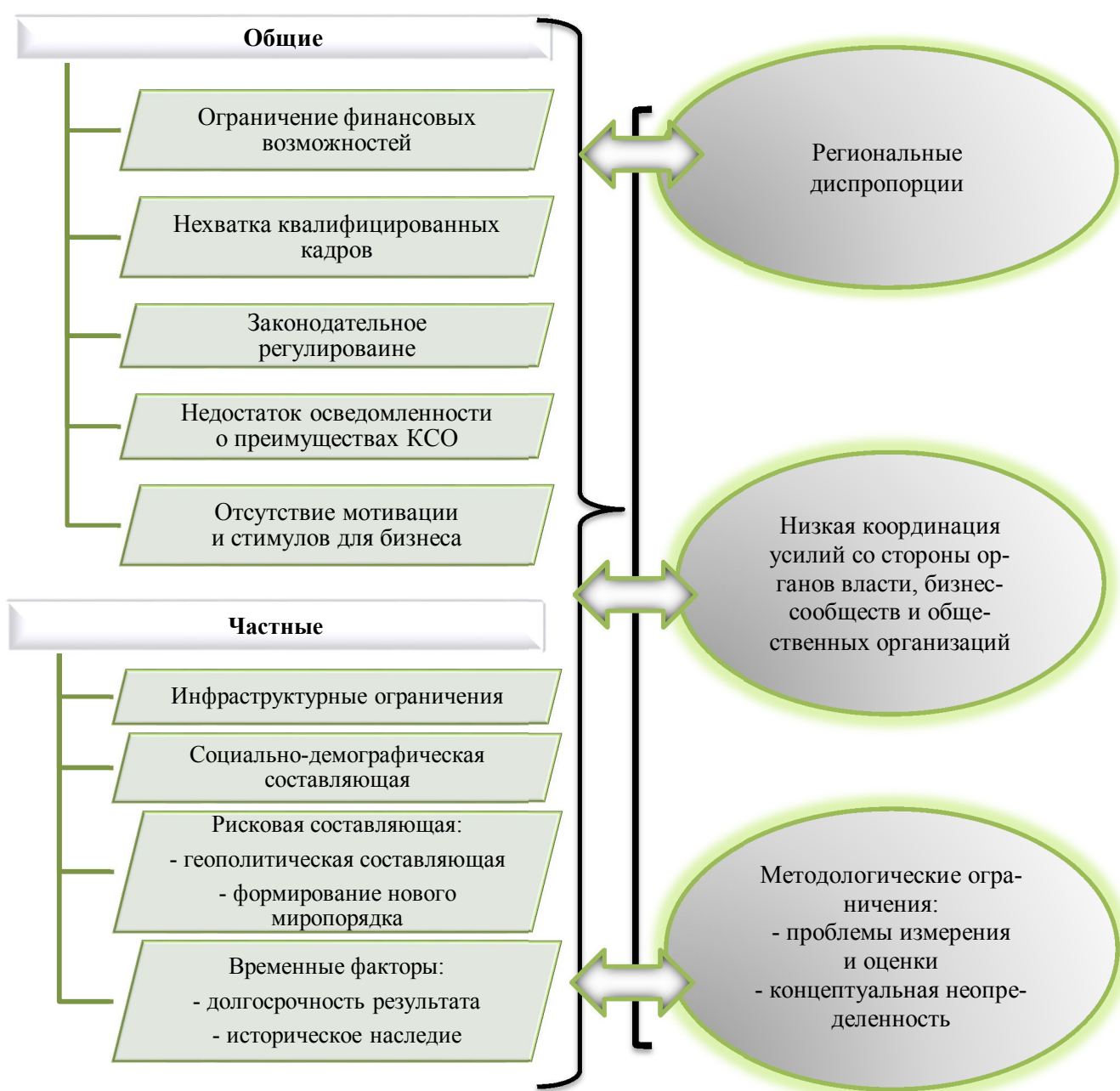

Рис. 2. Препятствия внедрения КСО в российских регионах

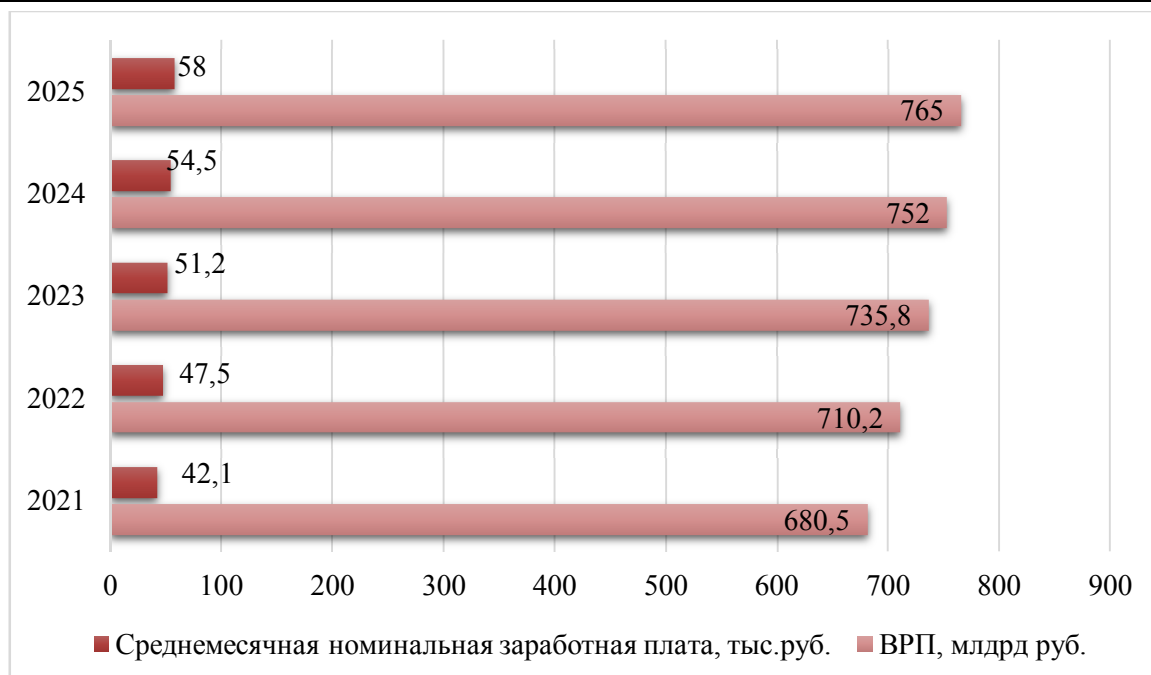

Рис. 3. Динамика ключевых показателей Курской области (2021-2025 гг.) в разрезе фундаментальных барьеров для внедрения КСО¹

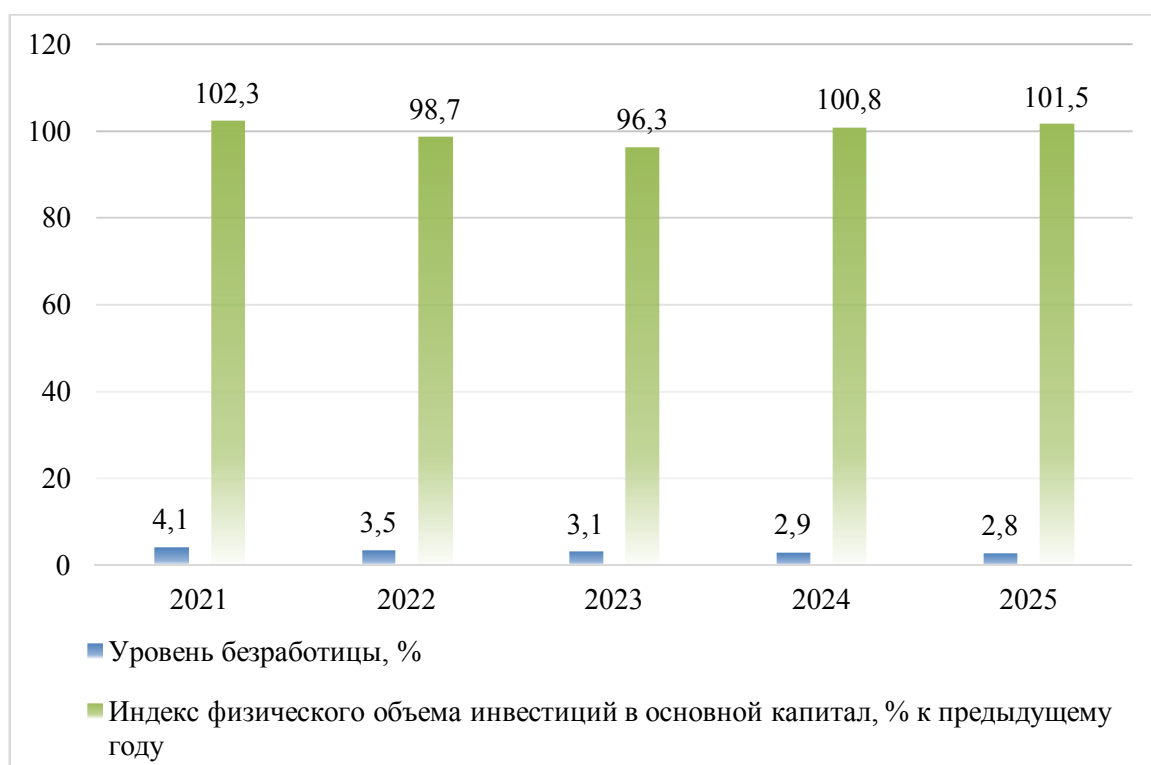

Рис. 4. Динамика ключевых показателей Курской области (2021-2025 гг.) в разрезе контекстуальных барьеров для внедрения КСО¹

¹ Федеральная служба государственной статистики (Росстат). URL: <https://rosstat.gov.ru/> (дата обращения: 10.03.2026); Российский союз промышленников и предпринимателей (РСПП). URL: <https://rspp.ru/> (дата обращения: 10.03.2026); Министерство экономического развития Российской Федерации (Минэкономразвития России). URL: <https://www.economy.gov.ru/> (дата обращения: 10.03.2026).

Согласно рисунку 4, уровень безработицы в регионе снизился до 2,8–2,9 % по состоянию на 2024 – 2025 гг. На первый взгляд это выглядит как позитивная динамика, однако в действительности сигнализирует о нехватке трудовых ресурсов. В данном случае компании вынуждены направлять часть операционного бюджета на рекрутинг, повышение заработной платы, что сокращает финансовые возможности в сфере КСО.

Одновременно с этим индекс физического объема инвестиций в основной капитал продемонстрировал снижение: со 102,3% в 2021 г. до 101,5% в 2025 г. Особенно резкий спад инвестиций в основной капитал произошел в 2022–2023 гг. (98,7–96,3 % соответственно). К

снижению инвестиционной активности привели приграничные риски, санкционные ограничения и общая экономическая неопределенность. Без вложений в основное производство бизнес лишается экономических стимулов и ресурсной базы для вложения в социальную инфраструктуру. Таким образом, кадровый голод и инвестиционный спад формируют среду для бизнеса, где стратегическая КСО становится экономически нецелесообразной или вовсе недопустимой.

На системном уровне блокировки внедрения КСО прослеживается ряд неблагоприятных тенденций, связанных между собой. Данные тенденции в своей совокупности ослабевают институциональную основу для КСО в регионе (рис. 5).

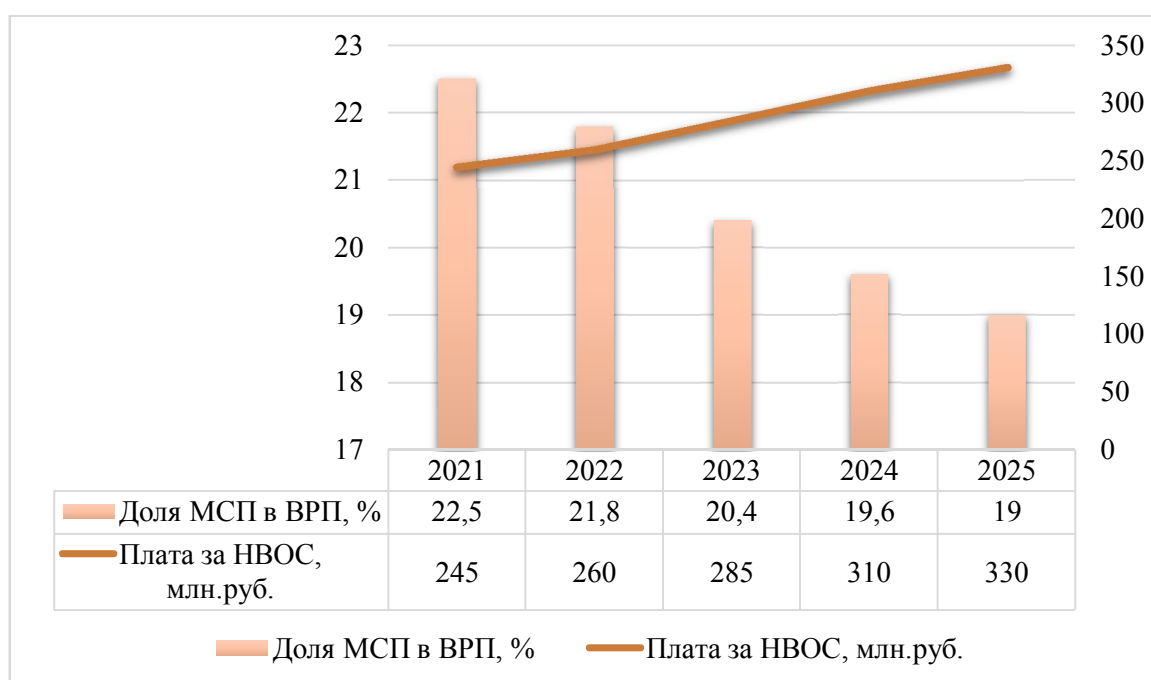

Рис. 5. Динамика ключевых показателей Курской области (2021–2025 гг.) в разрезе системных барьеров для внедрения КСО¹

¹ Федеральная служба государственной статистики (Росстат). URL: <https://rosstat.gov.ru/> (дата обращения: 10.03.2026); Российский союз промышленников и предпринимателей (РСПП). URL: <https://rspp.ru/> (дата обращения: 10.03.2026); Министерство экономического развития Российской Федерации (Минэкономразвития России). URL: <https://www.economy.gov.ru/> (дата обращения: 10.03.2026).

Во-первых, доля МСП в структуре ВРП Курской области сократилась с 22,5 % в 2021 г. до 19 % в 2025 г. Именно МСП традиционно выступали драйвером КСО на местном уровне. Сжатие данного сегмента разрушает структуру повседневной социальной поддержки, основанную на личных взаимоотношениях предпринимателя с местным населением. Во-вторых, плата за негативное воздействие на окружающую среду (НВОС) демонстрирует устойчивый рост: с 245 млн руб. в 2021 г. до 330 млн руб. в 2025 г. Ужесточая экологический нормы и увеличивая размер платежей за загрязнение, государство превращает добровольные инициативы в рамках КСО в обязательные операционные затраты. В результате возникает «замкнутый круг»: слабые институты не дают возможности успешно реализовывать инициативы, а отсутствие конкретных результатов демотивирует бизнес к социальной ответственности.

Таким образом, проведенный анализ позволяет утверждать, что проблемы внедрения КСО в регионы России формируют сложную систему, где общие, частные проблемы и препятствия усиливают друг друга, создавая кумулятивный эффект. Особую остроту имеют взаимосвязи между финансовыми ограничениями, кадровым дефицитом и региональными диспропорциями, а также между недостаточной осведомленностью, отсутствием мотивации и низкой координацией усилий.

Финансовые ограничения выступают катализатором кадрового дефицита и региональных диспропорций. Нехватка средств в большинстве субъектов РФ не позволяет создать привлекательные условия для квалифицированных специалистов в сфере устойчивого развития¹.

¹ Корпоративная социальная ответственность: учебник и практикум для вузов / под редакцией Э. М. Короткова. 3-е изд. М.: Юрайт, 2026. 404 с.

Это приводит к закреплению отставания определенных регионов России, где, несмотря на возможное местное стремление, отсутствуют возможности для привлечения квалифицированных специалистов. Это, в свою очередь, не позволяет эффективно привлекать финансирование и выстраивать системную работу по КСО [9].

Недостаточная осведомленность местного бизнеса и власти о сути и выгодах КСО ведет к отсутствию устойчивой мотивации для ее внедрения. Воспринимая социальную ответственность бизнеса как затратную статью и формальное требование, компании, особенно малые и средние, не включают ее в стратегию развития, что сводит на нет успешное партнерство между бизнесом, властью и обществом [10].

Особенность России в том, что все эти проблемы наслаиваются на структурные диспропорции между регионами, делая невозможным применения единых рецептов². Необходима не просто популяризация КСО, а разработка дифференцированных моделей адаптации ее принципов к конкретным социально-экономическим, культурным институциональным контекстам каждого региона РФ (рис. 6).

Важным элементом системного подхода является внедрение стандартов мониторинга и оценки эффективности КСО-программ на региональном уровне. Прозрачная отчетность, верифицируемая независимыми экспертами или общественными советами, повысит доверие всех стейкхолдеров и поможет бизнесу точно корректировать свои социальные инвестиции, основываясь на измеримых результатах [11].

² Корпоративная социальная ответственность: учебник для вузов / В. Я. Горфинкель [и др.]; под редакцией В. Я. Горфинкеля, Н. В. Родионовой. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2025. 490 с.

Системный подход	Дифференцированный подход	Стимулирующий подход
• Разработка комплексных региональных стратегий • Создание межведомственных координационных советов • Внедрение интегрированных систем мониторинга и оценки	• Учет специфики различных регионов • Адаптация инструментов КСО к местным условиям • Разработка целевых программ для депрессивных территорий	• Создание системы налоговых и неналоговых стимулов • Развитие государственно-частного партнерства • Поддержка лучших практик и их тиражирование

Рис. 6. Рекомендации по преодолению проблем внедрения КСО в регионы России

Эффективное внедрение КСО достигается не точечным устранением отдельных проблем, а через комплексный системный подход. Ключевое значение имеют формирование институциональных условий для согласования действий всех стейкхолдеров и разработка дифференцированных программ с учетом специфики различных типов российских регионов¹. Дифференциация стратегий для регионов предполагает отказ от шаблонных практик в пользу глубокого анализа территориальной специфики.

Итогом внедрения системного подхода является формирование экосистемы устойчивого развития региона, в которой бизнес, государство и общество выступают не как донор и реципиенты, а как равноправные соучастники долгосрочной ценности [12]. Роль компаний в этой модели эволюционирует от благотворительности и спонсорства к стратегическому партнерству. Это требует от компаний более высокого уровня зрелости в вопросах КСО, а от региональных властей – готовности к конструктивному диалогу и созданию предсказуемых, стимулирующих норм взаимодействия [13]. Только такой симбиоз позволяет перевести взаимодействие из плоскости разовых акций в режим непрерывного совместного развития [14].

¹ Тульчинский Г. Л. Корпоративная социальная ответственность: технологии и оценка эффективности: учебник для вузов. М.: Юрайт, 2025. 273 с.

Переход к стратегическому партнерству предполагает глубокую интеграцию целей бизнеса и задач регионов. Компании начинают рассматривать устойчивость региона как критически важный элемент собственной стратегической устойчивости, инвестируя не только в инфраструктуру, но и в человеческий капитал, инновационную среду и социальную стабильность. Это выходит далеко за рамки традиционных отчетов по КСО, требуя пересмотра бизнес-моделей и систем управления [15].

Выводы

Проведенное исследование показывает, что внедрение КСО в российских регионах сталкивается с целым рядом многоуровневых системных препятствий. Среди них выделяются фундаментальные факторы, связанные с неготовностью бизнеса к внедрению подобных практик, контекстуальные трудности, обусловленные неблагоприятными условиями конкретных территорий, а также системные проблемы, вызванные региональными диспропорциями и слабой координацией между участниками.

Авторами доказано, что данные препятствия обладают накопительным эффектом. Нехватка ресурсов, острый дефицит квалифицированных кадров и недостаточная институциональная поддержка формируют замкнутый круг, который существенно осложняет реализацию стратегий устойчивого развития.

Устранение выявленных преград возможно лишь на основе системного подхода. Это подразумевает отказ от унифицированных решений и переход к дифференцированным моделям развития, учитывающим специфику каждого субъекта Российской Федерации. Главными инструментами для изменений служат внедрение прозрачных стандартов отчетности, формирование институциональной среды для взаимодействия заинтересованных сторон, а также стратегическое

партнерство между бизнесом, государством и обществом.

Устойчивое развитие территорий возможно только при условии, когда социальные обязанности становятся неотъемлемой частью корпоративных стратегий предприятий. Лишь органичное включение общественных обязательств в операционные процессы позволяет регионам достигать долгосрочного прогресса.

Список литературы

1. Managing corporate social responsibility / ed. by Archie B. Carroll. Boston: Little, Brown and Company, 1977. 351 p.
2. Carroll A. B. Corporate social responsibility: evolution of a definitional construct // *Business and Society*. 1999. N 38(3). P. 268–295. <https://doi.org/10.1177/000765039903800303>.
3. Минервин И. Г. Портер М. Е., Крамер М. Р. Стратегия и общество: связь между конкурентным преимуществом и социальной ответственностью корпораций // *Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 2: Экономика. Реферативный журнал*. 2007. № 4. С. 119–126.
4. Porter M. E., Kramer M. R. Creating Shared Value // *Harvard Business Review*. 2011. N 89. P. 62–77.
5. Freeman R. E. Strategic management: a stakeholder approach. Boston: Pitman, 1984. 275 p.
6. Корпоративная социальная ответственность: управленческий аспект = Corporate social responsibility. Management dimension: Corporate social responsibility. Management dimension: монография / М. А. Эскиндаров [и др.]; под общ. ред. И. Ю. Беляевой, М. А. Эскиндарова. М.: КноРус, 2008. 503 с.
7. Благоев Ю. Е. Эволюция концепции КСО и теория стратегического управления // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Менеджмент*. 2011. № 1. С. 3–26.
8. Канаева О. А. 60 лет дискуссии о корпоративной социальной ответственности: Основные направления и результаты // *Oikonomos: Journal of Social Market Economy*. 2015. № 2(3). С. 92–110.
9. Воробей Е. К. Концепция устойчивого развития в условиях новой реальности XXI века: международные и российские тенденции // *Sochi Journal of Economy*. 2023. Т. 17, № 1. С. 69–78.
10. Власова Н. С., Полонкоева Ф. Я., Ефимцева А. И. Основные этапы развития и становления ESG-принципов // *Вестник Академии знаний*. 2025. № 2(67). С. 954–958.
11. Ибрагимов З. А. Оценка развития региональных экономических систем // *Финансовые исследования*. 2024. Т. 25, № 1. С. 165–173.
12. Травкина Е. А. Устойчивое развитие в корпоративной практике: исследование современных моделей корпоративной социальной ответственности // *Вектор экономики*. 2024. № 1(91). С. 15.
13. Миронова А. А. Критический обзор концепции социального инвестирования // *Журнал исследований социальной политики*. 2024. Т. 22, № 1. С. 171–181.
14. Позднякова Ж. С. Российская специфика КСО: проблемы и перспективы // *Экономика, социология и право*. 2019. № 2. С. 8–12.
15. Кулагина, М. Е. Проблемы российской модели корпоративного управления // *Экономическое развитие региона: управление, инновации, подготовка кадров*. 2019. № 6. С. 232–243.

References

1. Archie B. Carroll. (ed.) Managing corporate social responsibility. Boston: Little, Brown and Company; 1977. 351 p.

2. Carroll A.B. Corporate social responsibility: evolution of a definitional construct. *Business and Society*. 1999;(38):268–295. <https://doi.org/10.1177/000765039903800303>.
3. Minervin I.G., Porter M.E., Kramer M.R. Strategy and society: the relationship between competitive advantage and corporate social responsibility. *Sotsial'nye i gumanitarnye nauki. otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Seriya 2: ekonomika. referativnyi zhurnal = Social Sciences and Humanities. Russian and Foreign Literature. Series 2: Economics. Abstract Journal*. 2007;(4):119-126. (In Russ.)
4. Porter M.E., Kramer M.R. Creating Shared Value. *Harvard Business Review*. 2011;(89):62–77.
5. Freeman R.E. Strategic management: a stakeholder approach. Boston: Pitman; 1984. 275 p.
6. Eskindarov M.A. [et al.] Corporate social responsibility: managerial aspect = Corporate social responsibility. Management dimension: Corporate social responsibility. Management dimension. Moscow: KnoRus; 2008. 503 p. (In Russ.)
7. Blagov Yu.E. The evolution of the CSR concept and the theory of strategic management. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Menedzhment = Bulletin of Saint Petersburg University. Management*. 2011;(1):3-26. (In Russ.)
8. Kanaeva O.A. 60 years of discussion on corporate social responsibility: Main directions and results. *Oikonomos: Journal of Social Market Economy = Oikonomos: Journal of Social Market Economy*. 2015;(2):92-110. (In Russ.)
9. Vorobey E.K. The concept of sustainable development in the new reality of the 21st century: international and Russian trends. *Sochi Journal of Economy*. 2023;17(1):69-78. (In Russ.)
10. Vlasova N.S., Polonkoeva F.Ya., Efimtseva A.I. The main stages of the development and formation of ESG principles. *Vestnik Akademii znaniy = Bulletin of the Academy of Knowledge*. 2025;(2):954-958. (In Russ.)
11. Ibragimova Z.A. Assessment of the development of regional economic systems. *Finansovye issledovaniya = Financial Research*. 2024;25(1):165-173. (In Russ.)
12. Travkina E.A. Sustainable development in corporate practice: a study of modern models of corporate social responsibility. *Vektor ekonomiki = Vector of Economics*. 2024;(1):15. (In Russ.)
13. Mironova A.A. A critical review of the concept of social investment. *Zhurnal issledovaniy sotsial'noi politiki = Journal of Social Policy Research*. 2024;22(1):171-181. (In Russ.)
14. Pozdnyakova J.S. the Russian specifics of CSR: problems and prospects. *Ekonomika, sotsiologiya i pravo = Economics, Sociology and Law*. 2019;(2):8-12. (In Russ.)
15. Kulagina M.E. Problems of the Russian model of corporate governance. *Ekonomicheskoe razvitiye regiona: upravlenie, innovatsii, podgotovka kadrov = Economic Development of the Region: Management, Innovation, Personnel Training*. 2019;(6):232-243. (In Russ.)

Информация об авторах / Information about the Authors

Муравьева Ольга Владимировна, преподаватель кафедры региональной экономики и менеджмента, аспирант, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация,
e-mail: muravjevaov@yandex.ru

Крыжановская Ольга Александровна, кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры региональной экономики и менеджмента, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация,
e-mail: morozikolya2008@yandex.ru,
SPIN: 6611-7847,
Researcher ID: N-3589-2016,
ORCID: 0000-0003-0763-2214,
Author ID: 629481

Olga V. Muravyeva, Lecturer at the Department of Regional Economics and Management, Postgraduate, Southwest State University, Kursk, Russian Federation,
e-mail: muravjevaov@yandex.ru

Olga A. Kryzhanovskaya, Cand. Sci. (Economics), Assistant Professor, Associate Professor at the Department of Regional Economics and Management, Southwest State University, Kursk, Russian Federation,
e-mail: morozikolya2008@yandex.ru,
SPIN: 6611-7847,
Researcher ID: N-3589-2016,
ORCID: 0000-0003-0763-2214,
Author ID: 629481

Оригинальная статья / Original article

УДК 332.14

<https://doi.org/10.21869/2223-1552-2026-16-3-127-142>

Региональные институционально-стратегические особенности трансформации административно-территориального деления и регулирования пространственного развития муниципальных районов

Е. С. Симоненко¹✉, Г. А. Есенкова², А. В. Евченко

¹ Юго-Западный государственный университет
ул. 50 лет Октября, д. 94, г. Курск 305040, Российская Федерация

² Курский филиал Финансового университета при Правительстве Российской Федерации
ул. Ломоносова, д. 3, г. Курск 305016, Российская Федерация

✉ e-mail: simonenkol@mail.ru

Резюме

Актуальность. В условиях происходящих институциональных трансформаций для повышения управляемости и сокращения внутрирегиональных социально-экономических диспропорций в Курской области наиболее практически эффективным инструментом регулирования пространственного развития становится обновление структуры административно-территориального деления.

Цель настоящего исследования заключается в модернизации концептуальных основ и научно-практического аппарата определения стратегических направлений и траекторий развития муниципальных районов Курской области на основе комплексного институционально-стратегического анализа их положения с экспликацией целевых ориентиров и ключевых векторов роста, а также в формулировании прикладных рекомендаций по совершенствованию региональной административно-территориальной структуры.

Задачи: углубить представления о необходимости и детерминантах государственного регулирования развития регионов и составляющих их муниципальных территорий; разработать инновационный инструментальный многомерной классификации и пространственного позиционирования территориальных единиц по результатам комплексной оценки их социально-экономического статуса для определения оптимальных траекторий и темпов стратегического развития; предложить концептуальную модель реконфигурации административно-территориального устройства районов Курской области, основанную на целевом управлении и социально-экономической симметрии.

Методология. Пространственное развитие районов исследуется с применением общенаучной методологии и системного подхода, обеспечивая его многомерное диагностирование и перепроектирование. Применяются универсальные приемы анализа и синтеза, топологические методы, специализированные аналитические техники монографического, абстрактно-логического, экономико-статистического и кластерного анализа.

Результаты. Сформировано научно обоснованное целостное видение перспектив социально-экономического развития и совершенствования административно-территориального устройства Курской области, что имеет прикладное значение для стратегического планирования и управления. При пересмотре границ предполагается укрупнение и консолидирование муниципальных районов.

Выводы. Региональные и местные власти должны быть готовы к внедрению новшеств, способствующих сбалансированному развитию территорий муниципалитетов. Научно-педагогические работники Юго-Западного государственного университета и Финансового университета могут обеспечить формирование адекватной научной базы, необходимой для обоснования решений и разработки рекомендаций по модернизации административно-территориального деления Курской области и преодолению внутрирегиональной социально-экономической асимметрии.

Ключевые слова: территориальное управление; региональная экономика; пространственное развитие; административно-территориальное деление; социально-экономическое районирование.

Конфликт интересов: В представленной публикации отсутствует заимствованный материал без ссылок на автора и (или) источник заимствования, нет результатов научных работ, выполненных авторами публикации лично и (или) в соавторстве, без соответствующих ссылок. Авторы декларируют отсутствие конфликта интересов, связанных с публикацией данной статьи.

Для цитирования: Симоненко Е. С., Есенкова Г. А., Евченко А. В. Региональные институционально-стратегические особенности трансформации административно-территориального деления и регулирования пространственного развития муниципальных районов // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2026. Т. 16, № 3. С. 127–142. <https://doi.org/10.21869/2223-1552-2026-16-3-127-142>.

Поступила в редакцию 23.04.2026

Принята к публикации 20.05.2026

Опубликована 30.06.2026

Regional institutional and strategic features of the transformation of administrative-territorial division and regulation of spatial development of municipal districts

Elena S. Simonenko¹✉, Galina A. Esenkova², Andrey V. Evchenko

¹ Southwest State University
50 Let Oktyabrya Str. 94, Kursk 305040, Russian Federation

² Kursk Branch of the Financial University under the Government of the Russian Federation
3 Lomonosov Str., Kursk 305016, Russian Federation

✉ e-mail: simonenkol@mail.ru

Abstract

Relevance. In the context of ongoing institutional transformations to improve governance and reduce intra-regional socio-economic disparities in the Kursk region, the most practically effective instrument for regulating spatial development is the renewal of the structure of administrative-territorial divisions.

The purpose of the study is to modernize the conceptual foundations and scientific and practical apparatus for determining strategic directions and development trajectories of municipal districts of the Kursk region based on a comprehensive institutional and strategic analysis of their situation with an explication of target guidelines and key growth vectors, as well as in formulating applied recommendations for improving the regional administrative-territorial structure

Objectives: to deepen understanding of the need for and determinants of state regulation of regional development and the municipal territories that comprise them; to develop innovative tools for multidimensional classification and spatial positioning of territorial units based on the results of a comprehensive assessment of their socio-economic status to determine optimal trajectories and rates of strategic development; to propose a conceptual model for reconfiguring the administrative-territorial structure of districts in Kursk Oblast based on target management and socio-economic symmetry.

Methodology. The spatial development of regions is studied using general scientific methodology and a systems approach, ensuring its multidimensional diagnosis and redesign. Universal analysis and synthesis techniques, topological methods, and specialized analytical techniques of monographic, abstract-logical, economic-statistical, and cluster analysis are employed.

Results. A scientifically based, comprehensive vision for the prospects for socioeconomic development and improvement of the administrative-territorial structure of the Kursk Region has been developed, which has practical implications for strategic planning and management. The revised boundaries envisage the consolidation and enlargement of municipal districts.

Conclusions. Regional and local authorities must be prepared to implement innovations that promote balanced development within municipalities. Research and teaching staff at Southwest State University and the Financial University can ensure the development of an adequate scientific base to support decisions and develop recommendations for modernizing the administrative-territorial division of the Kursk Region and overcoming intraregional socioeconomic asymmetries.

Keywords: *territorial management; regional economy; spatial development; administrative and territorial division; socio-economic zoning.*

Conflict of interest: *In the presented publication there is no borrowed material without references to the author and (or) source of borrowing, there are no results of scientific works performed by the authors of the publication, personally and (or) in co-authorship, without relevant links. The authors declares no conflict of interest related to the publication of this article.*

For citation: Simonenko E.S., Esenkova G.A., Evchenko A.V. Regional institutional and strategic features of the transformation of administrative-territorial division and regulation of spatial development of municipal districts. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment = Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management.* 2026;16(3):127–142. (In Russ.) <https://doi.org/10.21869/2223-1552-2026-16-3-127-142>.

Received 23.04.2026

Accepted 20.05.2026

Published 30.06.2026

Введение

В настоящее время для большинства субъектов Российской Федерации характерна ситуация пространственной неравномерности развития составляющих их муниципальных районов и образований. Продолжение такого асимметричного функционирования, приводящего к увеличению различий между территориями, неприемлемо. Аналогичным образом не может быть признана стратегически оптимальной и политика абсолютного нивелирования уровней и динамики их развития. В рамках предварительного выбора и характеристики ключевых исследовательских вопросов, касающихся оценки справедливости социально-экономической организации общества с точки зрения его территориального устройства, следует принимать во внимание следующие детерминанты: во-первых, общий масштаб территориальных дисбалансов (как слишком большое неравенство, так и его полное отсутствие могут быть интерпретированы как проявления несправедливости); во-вторых, степень соответствия уровня и темпов социально-экономического развития имеющемуся территориальному потенциалу и интенсивности его реализации (расхождение этих параметров также свидетельствует о несправедливости, поскольку территории с более высокими темпами экономического роста должны иметь доступ к большему объему социальных благ) [1, с. 62].

Несмотря на актуальность и значимость данного научно-прикладного направления, его развитие в известной мере сдерживается недостатком концептуальных, стратегических, регламентирующих, методических и прикладных разработок, соответствующих требованиям современной региональной практики. В частности, не хватает исследований, которые позволили бы обеспечить эффективную адаптацию регионов к меняющимся условиям хозяйственной деятельности в эпоху масштабных институциональных преобразований, способствовали бы устойчивому повышению их конкурентоспособности и производительности, а также совершенствованию систем управления социально-экономическим развитием на всех уровнях территориальной организации. В связи с этим государству необходимо, создавая условия для позитивных структурных изменений и экономического роста, учитывать региональные (социальные, экономические, политические, экологические) особенности и обеспечивать в регионах определенный уровень пространственной социально-экономической однородности территорий [2, с. 113].

Приоритетным направлением перестройки системы управления регионом может стать формирование новой структуры его административно-территориального деления. Это процесс, требующий комплексного анализа и вовле-

чения всех заинтересованных сторон и включающий в себя детальное изучение текущих экономических, производственных, управленческих, социальных, культурных и ресурсных особенностей каждого муниципального района и/или образования, что позволяет вырабатывать оптимальные модели взаимодействия между ними [3, с. 74]. Этот процесс должен быть основан на надежных данных о потребностях местного населения, экономических возможностях и потенциале каждой территории на всех уровнях регионального взаимодействия и управления.

Материалы и методы

С территориальной точки зрения проведение исследования, диагностирования и регулирования общественного расслоения выявляет необходимость создания эффективной системы управле-

ния неравенством в регионе. Такая система должна, с одной стороны, обеспечивать предотвращение и минимизацию потенциальных социальных конфликтов, что, в свою очередь, будет способствовать комплексной реализации принципов социальной справедливости. В то же время она должна имплементировать стимулы и мотиваторы, препятствующие деструктивным эффектам упрощенческой политики «уравниловки». Ключевым условием эффективности внутрирегионального регулирования территориальных диспропорций становится опора на новую организационно-методологическую парадигму, адекватно отображающую и позволяющую прогнозировать на уровне региона объективные тренды развития его хозяйственно-экономической и социально-политической сфер (рис. 1).

Рис. 1. Система базовых принципов эффективного управления, обеспечивающих снижение внутрирегионального социально-экономического неравенства муниципальных территорий [4]

В региональном пространстве рассматриваемой в настоящем научно-прикладном исследовании Курской области территориальные образования – как административно выделенные муниципальные районы (рис. 2), так и городские и сельские муниципалитеты округов и поселений – демонстрируют значительную неравномерность в социальном, экономическом и хозяйственном развитии.

Это приводит к возникновению множества проблем, связанных с экономическими, социальными, управленческими, организационными, технологическими, экологическими, бюджетными и другими аспектами регулирования и преодоления внутрорегиональной дифференциации муниципальных территорий, что в целом характерно для многих субъектов Российской Федерации [5, с. 206].

Рис. 2. Действующая административно-территориальная структура Курской области: пространственное расположение 28 муниципальных районов в 2026 г.

Согласно данным и результатам практически всех проводимых в рассматриваемой сфере научно-прикладных исследований, степень внутрорегионального неравенства административных территорий муниципальных районов по большинству анализируемых показателей присутствует на весьма значительном уровне и измеряется не в процентах, а в кратных значениях – от нескольких раз до десятков и сотен раз [6, с. 85].

Различия между анализируемыми районами Курской области обусловлены рядом ключевых факторов, включая: а) неравномерное распределение и использование природных ресурсов (различия в про-

дуктивности районов, связанные с качеством и направлением использования природных ресурсов, напрямую влияют на развитие сельского хозяйства и промышленности, условия и уровень жизни населения, обуславливая «разброс» практически всех экономических и социальных показателей); б) развитие инфраструктуры (недостаточное развитие транспортной, энергетической и социальной инфраструктуры в ряде отдаленных районов увеличивает транспортные расходы, ограничивает доступ к рынкам сбыта и снижает качество жизни) [7, с. 568]; в) устаревшая производственная структура и нехватка инноваций (преобладание устаревших (физически и

морально) технологий тормозит экономический рост и конкурентоспособность ряда муниципальных районов) [8, с. 145]; г) социально-культурные факторы (различия в уровне социально-культурного развития, традициях и менталитете населения также влияют на неравномерное развитие) [9, с. 87]; д) исторический контекст и институциональные факторы (формирование текущего неравенства тесно связано с особенностями историко-культурного развития районов и работы их общественных структур) [10, с. 24].

Действенным средством сокращения пространственной неравномерности в Курской области путем гармонизации и синхронизации социально-экономического развития муниципальных единиц может стать административно-территориальное переустройство [11, с. 34]. Для успешного решения поставленной задачи необходимо совместное применение как устоявшихся, апробированных, так и новаторских исследовательских и практических методических инструментов [12, с. 176].

В контексте действующей в настоящее время Стратегии социально-экономического развития Курской области на период до 2030 года (далее – Стратегия-2030): «в целях реализации пространственного потенциала и формирования современной политики, направленной на формирование умной специализации отдельных территорий»¹ – в качестве наиболее перспективных для практической реализации определены три альтернативные модели стратегического районирования и соответствующего пространственно-экономического планирования в регионе.

В качестве базового подхода Стратегией предлагается устоявшаяся в эконо-

мико-управленческой практике модель экономического районирования по принципу выделения ключевых функциональных узлов (рис. 3, а). В этой модели крупные узловые центры расселения и экономической активности, характеризующиеся конкурентоспособностью и потенциалом для привлечения инвестиций, выступают точками роста [13, с. 142]. Районы опережающего развития, локализованные в непосредственной близости к основным узлам экономического воздействия, обладают потенциалом для быстрого прогресса, углубленного взаимодействия предприятий и организаций, установления прочных производственно-хозяйственных связей и создания интегрированных бизнес-структур. Что касается поясов роста, то они охватывают существенно более широкие пространства Курской области, выступая факторами территориальной консолидации, что достигается за счет функционирования развитой транспортной и логистической инфраструктуры [14, с. 118].

В дополнение к основному варианту Стратегия-2030 предусматривает возможность частичной или полной реализации в Курской области двух альтернативных конфигураций экономического районирования: конурбационной (рис. 3, б), или ориентированной на перспективы расселения, и гравитационно-функциональной (рис. 3, в).

В пространственном контексте социально-экономического и организационно-управленческого развития региона Стратегия выделяет несколько ключевых характеристик. По численности населения, в частности, заметно выделяются два центральных полюса роста: Курская городская агломерация и город Железногорск. Стратегия также уделяет особое внимание юго-западным и южным периферийным приграничным районам, где плотность населения области также достаточно высока.

¹ О Стратегии социально-экономического развития Курской области на период до 2030 года: закон Курской области от 14 декабря 2020 г. № 100-ЗКО. URL: <https://docs.cntd.ru/document/571044826> (дата обращения: 10.03.2026).

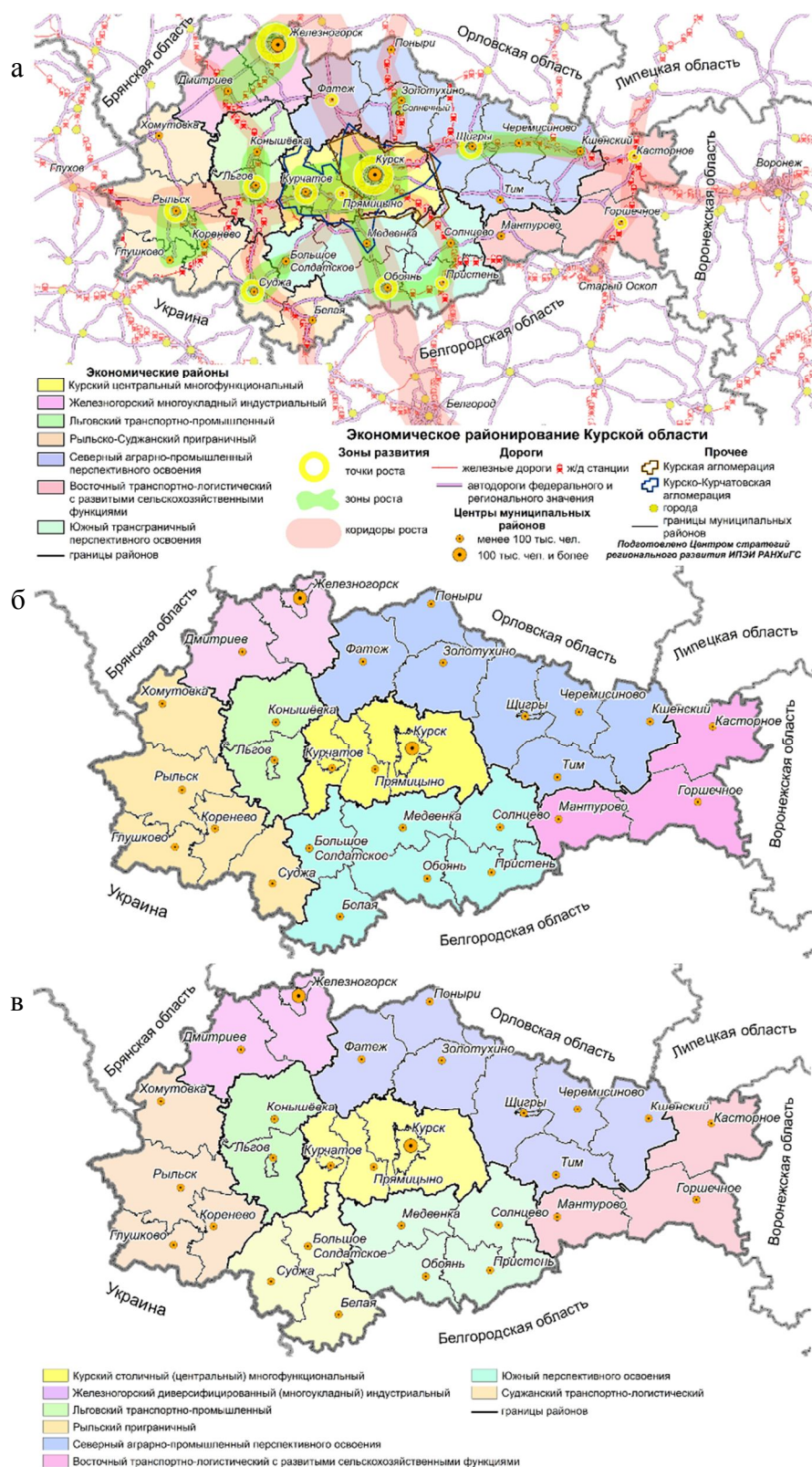

Рис. 3. Предлагаемые Стратегией-2030 варианты экономического районирования Курской области в сопоставлении с действующей структурой: а – основной вариант – классический (функционально-узловой); б – дополнительный вариант 1 – современный конурбационный (перспективного расселения); в – дополнительный вариант 2 – гравитационно-функциональный (составлено Центром стратегий регионального развития РАНХиГС (Стратегия социально-экономического развития Курской области на период до 2030 г.)

В производственной структуре регионального хозяйственного комплекса отчетливо выделяются три основных центра промышленного роста: Курск, Курчатова и Железнодорожск. На фоне динамики инвестиционной активности за последний период наблюдается сфокусированное расширение территорий притяжения капиталовложений, включающее Курчатовский район в центре Курской области и совокупность ее северо-восточных административных единиц (Дмитриевский, Железнодорожский и Коньшевский районы). В результате этого внутрирегиональное перераспределение инвестиционных потоков демонстрирует существенный диспропорциональный характер.

Результаты и их обсуждение

Согласно Стратегии-2030, Курская область характеризуется наличием ряда перспективных территорий развития приоритетного характера – прежде всего ключевых точек роста первого уровня: это города Курск и Курчатова, составляющие Курско-Курчатовскую агломерацию – основной полюс потенциального экономического роста, а также территория города Железнодорожска и смежного с ним Железнодорожского района, которые формируют еще один базовый индустриально-производственный узел, определяющий развитие хозяйственной деятельности в регионе.

Также в рамках представленной Стратегии постулируется ряд вторичных полюсов роста, дифференцированных по их геоэкономическому потенциалу. К ним относятся Льгов и Рыльск, чье развитие обусловлено их проксимальным расположением к центральному региональному хабу и высокой транспортной коннективностью; Щигры, выступающие в роли регионального коммуникационного шлюза для западных территорий области, Обоянь, чье стратегическое позиционирование в эпицентре транспортного коридора Курск – Белгород предопределяет ее

интеграцию в формирующийся трансрегиональный пояс ускоренного развития и интенсификацию синергетических эффектов с Белгородской областью. Помимо этого, Стратегия выделяет Касторное и Горшечное как перспективные вторичные узлы роста, формирующие восточный вектор развития. Их динамика напрямую зависит от реализации транзитного потенциала и углубления кооперационных связей с агломерацией Старый Оскол – Губкин в соседнем регионе. Завершающий кластер, рыльский пояс роста, будет стимулироваться преимущественно посредством ревитализации трансграничных и межрегиональных взаимодействий.

Использование сценарного анализа предоставляет возможность выделить основные детерминанты изменений в региональной экономике и социосфере и установить предпосылки для надежного прогнозирования различных путей развития в перспективе. При этом процесс формирования целевых комплексных программ мероприятий, сопровождаемый выбором наиболее реалистичных и продуктивных сценариев и вариантов, направленных на масштабирование и максимальное использование социально-экономического потенциала территорий, допускает формализованное описание в рамках регламентированного алгоритма (рис. 4).

Следует подчеркнуть, что вопросы укрупнения и объединения муниципальных районов и образований сохраняют свою актуальность и остаются предметом оживленных дискуссий на всех уровнях административно-территориального устройства в различных субъектах Российской Федерации. И благодаря накопленному опыту в данной сфере, Курская область демонстрирует высокую заинтересованность в участии в проведении соответствующих обсуждений. Ключевыми задачами, требующими решения, являются трансформации управленческих механизмов, актуализация административно-терри-

ториальной системы, целевое объединение и координация деятельности муниципальных образований.

При этом научные и образовательные центры, функционирующие в регионах, располагают существенным потенциалом для разработки и реализации комплекса методологических подходов и прикладных инструментов, направленных

на анализ, кластеризацию, стратификацию, проектирование стратегий, программирование и управление развитием муниципальных территорий [16, с. 107]. Эти усилия направлены на рост эффективности управления, выравнивание социально-экономических условий и минимизацию территориальной асимметрии на региональном уровне.

Рис. 4. Региональный алгоритм формирования вариантов развития для уменьшения пространственного социально-экономического неравенства муниципальных территорий [15]

Так, например, в рамках реализации актуальной повестки федеральных, отраслевых и региональных грантовых программ научно-педагогические работники Юго-Западного государственного университета и Финансового университета

(Курского филиала) в тесном сотрудничестве с независимыми аналитиками-экономистами и консультантами по вопросам управления проводили масштабные прикладные научные исследования в разные периоды с 2005 по 2025 гг. Дан-

ные исследования были сосредоточены на всестороннем изучении уровней и темпов социально-экономического развития отдельных регионов, их административных районов и муниципальных образований с позиций межтерриториального сравнительного сопоставления и анализа.

В расчет принимались не только уровень развитости, но и характерные особенности отдельных территориаль-

но-административных образований (рис. 5), что обеспечило возможность формирования комплексных сценарных прогнозов и создания программно-стратегических документов, нацеленных на установление курса и коррекцию траекторий социально-экономической динамики на различных уровнях регионального взаимодействия и управления [17, с. 137].

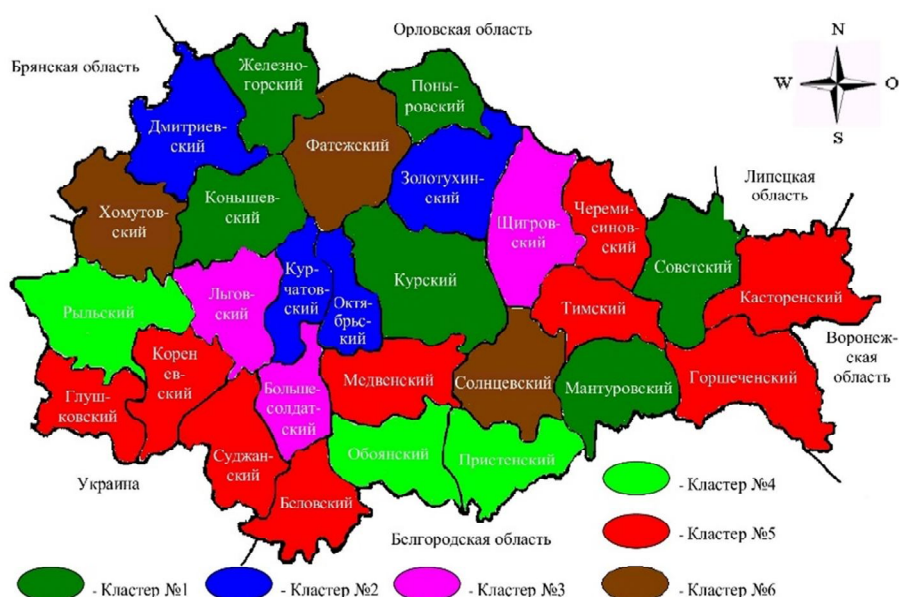

Рис 5. Кластеризация муниципальных районов по достигнутому уровню развития в действующей территориально-административной структуре Курской области

В этой связи для уменьшения социально-экономической асимметрии между муниципальными районами Курской области и в рамках анализа проектных возможностей разрабатываются альтернативные версии обновленной реорганизации административно-территориального деления. Это может выполняться с использованием различных технологий и критериев для объединения (консолидирования) муниципалитетов, таких как эконометрические расчеты «минимальных дистанционных коэффициентов» (рис. 6, а) или экспертно-аналитические обоснования «сильный район + отстающий» (рис. 6, б), а также других подходов, что позволяет сформировать готовую к реализации модель компромиссного характера, представ-

ляющую собой конечный результат модернизации административно-территориального устройства региона (рис. 6, в).

Заметим, что достижение высокой результативности в рамках новой региональной политики возможно исключительно при четкой согласованности всех составляющих и их интеграции в единую системную структуру, формируемую на основе программно-целевого управления. В таких условиях только реализация комплексных стратегий, программ и проектов социально-экономического развития территорий (включая как муниципальные районы и образования, так и регион в целом) может выступать ключевым основанием для привлечения значимой финансовой поддержки со стороны областного (а также федерального) бюджета.

Рис. 6. Варианты социально-экономического районирования Курской области по результатам кластеризации муниципальных районов по достигнутым уровням развития: а – вариант социально-экономического районирования Курской области на основе эконометрических расчетов «дистанционных коэффициентов» между районами; б – вариант социально-экономического районирования Курской области на основе экспертно-аналитических обоснований «сильный район + отстающий район»; в – результирующий проект социально-экономического районирования Курской области на основе компромиссного объединения результатов альтернативных подходов [20]

Однако необходимо учитывать, что в условиях посткризисного восстановления и институциональной трансформации общества, экономики и управления возможности областных властей, особенно финансовые, в реализации выравнивающей региональной политики ограничены [18, с. 123]. Стратегическое распределение государственных финансов должно таргетироваться на системную трансформацию экономической структуры на всех административно-территориальных уровнях, отказываясь от искусственного сохранения функционирования утративших эффективность или устаревших производственных мощностей [19, с. 823].

Обеспечение максимальной эффективности бюджетных расходов и соблюдение принципа целевого использования средств предполагает необходимость сосредоточения финансовых потоков на ключевых направлениях региональной политики при условии высокого уровня координации между различными ведомствами и учреждениями. Финансовые ресурсы, выделяемые на реализацию приоритетных программ и проектов, должны быть институционально обособлены и точно зафиксированы в бюджетах различных уровней. Для обеспечения эффективности политики территориального выравнивания и развития доступ к федеральному финансированию должен быть сопряжен с обязательным вовлечением местных и региональных властей в софинансирование (или поиск соинвесторов) масштабных социально-экономических инициатив. Это не только повышает управленческую ответственность за результаты, но и укрепляет устойчивость реализуемых проектов в долгосрочной перспективе.

Выводы

Представляется, что внедрение предложенных мер по обновлению и реформированию административно-территориального деления Курской области позволит: обеспечить региональную социально-экономическую целостность путем

укрепления внутрирегиональных социально-экономических связей между различными муниципальными территориями; стимулировать развитие муниципальных образований с обеспечением перспектив для их устойчивого сбалансированного развития; повысить эффективность региональной экономики, содействуя комплексному развитию производительных сил; улучшить инфраструктуру и социальную сферу с приоритетами предоставления качественных социальных услуг и развития непроизводственной инфраструктуры; укрепить взаимодействие власти и населения путем повышения прозрачности и эффективности коммуникаций органов публичного управления (как областной власти, так и местного самоуправления) с общественностью; обеспечить экономическую самостоятельность муниципальных территорий с формированием «завершенных» районов с устойчивыми хозяйственно-экономическими связями; повысить управляемость территориях посредством обеспечения преемственности в трансформациях административно-территориальной структуры и повышения эффективности управления на местах; оптимизировать бюджетные расходы со снижением затрат на внутрирегиональную политику и управление.

Подводя итоги, важно отметить, что как государственные, так и местные органы власти должны придерживаться взвешенного подхода к процессам объединения и укрупнения муниципальных территорий в практической деятельности. В частности, это не может носить стихийный характер, что случалось ранее, а должно основываться на результатах тщательного научного анализа состава, структуры и взаимодействия экономических, социальных, организационных, демографических, экологических, инфраструктурных и др. факторов. Кроме того, важно учитывать мнения граждан, проживающих на укрупняемых и/или объединяемых территориях. Реализация та-

кого подхода позволит ожидать: повышения ресурсных возможностей и финансовой независимости муниципалитетов; сбалансированного и устойчивого развития муниципальных районов и образований; снижения бюджетной зависимости от региональных властей вышестоящих уровней; повышения качества предоставляемых населению социальных услуг. В конечном итоге это должно привести к улучшению условий и росту качества жизни населения Курской области на всех муниципальных территориях.

Полученные результаты исследования концептуальных институционально-стратегических аспектов и прикладных проектно-аналитических работ по пересмотру и реформированию административно-территориального деления Курской области с укрупнением и объединением муниципальных районов позволили сформулировать следующие положения. Представляется установленным, что успешная реализация инициатив по изменению территориально-административной структуры региона и объединению входящих в его состав муниципальных единиц требует комплексного подхода, включающего: а) формирование и активацию региональных центров (а также зон и поясов) роста по результатам кластеризации экономики области и

стратификации ее социальной сферы; б) сокращение внутрорегиональных социально-экономических диспропорций посредством выравнивания темпов и уровней развития различных муниципальных территорий. В этой связи целесообразно выполнение системно-аналитической экспертной научно-исследовательской работы, направленной на обоснование новой структуры укрупненных (консолидированных) муниципальных районов и/или образований области. Учитывая существующий опыт и накопленные знания, для проведения такого исследования могут быть привлечены специалисты научно-проектных групп Юго-Западного государственного университета, Курского филиала Финансового университета и независимые экономисты-исследователи.

Таким образом, интеграция и консолидирование административных территорий муниципальных районов и образований представляют собой не только практическую необходимость, но и стратегический шаг к созданию более устойчивой, сбалансированной и адаптивной структуры управления, способной эффективно реагировать на вызовы современности и обеспечивать гармоничное социально-экономическое развитие Курской области.

Список литературы

1. Батракова Л. Г. Региональное неравенство в социально-экономическом развитии России // Социально-политические исследования. 2021. № 4(13). С. 61-84.
2. Мухаметова А. Д. Региональное экономическое развитие в условиях современных вызовов // Beneficium. 2025. № 2(55). С. 111-118.
3. Григорьева А. В. Эволюция концепции устойчивого развития: предпосылки становления и значимость на современном этапе // Современная экономика: проблемы и решения. 2023. № 12(168). С. 73-90.
4. Вертакова Ю. В., Евченко А. В., Есенкова Г. А. Инновационные подходы к пересмотру административно-территориальной структуры и укрупнению муниципальных образований региона // Вестник научно-исследовательского центра корпоративного права, управления и венчурного инвестирования Сыктывкарского государственного университета. 2019. № 4. С. 126-137.
5. Карсунцева О. В., Ашмарина Н. А. Региональная экономическая система: эволюция, инновации и инвестиционные процессы // Вестник Курской государственной сельскохозяйственной академии. 2025. № 9. С. 205-211.

6. Басова Е. А. Региональное неравенство в контексте доступности социально значимых благ: компаративная оценка // Журнал исследований социальной политики. 2022. Т. 20, № 1. С. 83-98.
7. Tinkov S. A., Tinkova E. V. Indicator to Assess the Level of Development of Productive Capacity and Quality of Life // Smart Innovation, Systems and Technologies. 2019. Vol. 139. P. 567-576.
8. Филиппова Ю. А. Концепция стратегического планирования в Республике Саха (Якутия): пространственное развитие муниципальных районов как фактор устойчивого развития // Проблемы современной экономики. 2022. № 1(81). С. 144-148.
9. Келеш Ю. В., Бессонова Е. А. Социально-экономическая система региона: структурные особенности и структурное управление // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2017. Т. 7, № 4(25). С. 83-90.
10. Clusters in the system of interindustry regional integration / I. V. Chizhankova, E. V. Povorina, N. V. Novikova [et al.] // International Journal of Applied Business and Economic Research. 2017. Vol. 15, N 13. P. 23-30.
11. Бессонова Е. А., Бабищев А. О. Ключевые аспекты управления цифровой инновационной экосистемой экономики региона // Современная экономика: проблемы и решения. 2024. № 6(174). С. 33-47.
12. Ершова И. Г., Гусельникова Л. Н. Оценка инновационного потенциала региона в условиях цифровой экономики // Естественно-гуманитарные исследования. 2020. № 32(6). С. 175-180.
13. Азжеурова К. Е., Коптева Ж. Ю., Щербаков Д. Б. Развитие и активация инновационного потенциала российской экономики: региональные особенности, структурные приоритеты, уровни реализации // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2024. Т. 14, № 4. С. 141-161.
14. Симоненко Е. С., Кононов А. А. Сущность и возможный отраслевой состав многоотраслевых комплексов региона // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2013. № 7-2. С. 117-120.
15. Евченко А. В., Железняков С. С. Регулирование территориальной социально-экономической асимметрии в регионе: монография. Курск: Курский государственный технический университет, 2004. 253 с.
16. Козьева И. А., Смирнов А. В. Региональное развитие в условиях структурной трансформации экономики // Экономические науки. 2025. № 251. С. 106-115.
17. Положенцева Ю. С., Андросова И. В. Перспективы развития бизнес-демографии хозяйствующих субъектов // ЦИТИСЭ. 2019. № 4(21). С. 136-145.
18. Щербаков Д. Б., Занина О. В., Ямина А. А. Свободная экономическая зона на территории Курской области: перспективы через призму региональных интересов // Государственное управление и право. 2025. № 3(7). С. 120-135.
19. Plotnikov V., Vertakova Y., Polozhentseva Y. Methods of detecting imbalances in the structure and dynamics of socio-economic system // International Multidisciplinary Scientific Conference On Social Sciences And Arts SGEM 2015: Conference Proceedings, Albena, Bulgaria. Sofia, Bulgaria: STEF92 Technology Limited Liability Company, 2015. Vol. II, book 2. P. 821-828.
20. Евченко А. В., Демченко А. А., Есенкова Г. А. Переформатирование территориально-административной структуры региона в целях снижения пространственной социально-экономической асимметрии // Вестник Академии знаний. 2020. № 37(2). С. 108-117.

References

1. Batrakova L.G. Regional Inequality in the Socio-Economic Development of Russia. *Sotsial'no-politicheskie issledovaniya = Socio-Political Studies*. 2021;(4):61-84. (In Russ.)
2. Mukhametova A.D. Regional Economic Development in the Context of Modern Challenges. *Beneficium*. 2025;(2):111-118. (In Russ.)
3. Grigorieva A.V. Evolution of the Concept of Sustainable Development: Prerequisites for Formation and Significance at the Present Stage. *Sovremennaya ekonomika: problemy i resheniya = Modern Economy: Problems and Solutions*. 2023;(12):73-90. (In Russ.)

4. Vertakova Yu.V., Evchenko A.V., Yesenkova G.A. Innovative approaches to revising the administrative-territorial structure and consolidating municipalities in the region. *Vestnik nauchno-issledovatel'skogo tsentra korporativnogo prava, upravleniya i venchurnogo investirovaniya Syktyrkarskogo gosudarstvennogo universiteta* = *Bulletin of the Research Center for Corporate Law, Management and Venture Investment of Syktyvkar State University*. 2019;(4):126-137. (In Russ.)
5. Karsuntseva O.V., Ashmarina N.A. Regional Economic System: Evolution, Innovation, and Investment Processes. *Vestnik Kurskoi gosudarstvennoi sel'skokhozyaistvennoi akademii* = *Bulletin of the Kursk State Agricultural Academy*. 2025;(9):205-211. (In Russ.)
6. Basova E.A. Regional Inequality in the Context of Availability of Socially Significant Benefits: A Comparative Assessment. *Zhurnal issledovaniy sotsial'noi politiki* = *Journal of Social Policy Studies*. 2022;20(1):83-98. (In Russ.)
7. Tinkov S.A., Tinkova E.V. Indicator to Assess the Level of Development of Productive Capacity and Quality of Life. *Smart Innovation, Systems and Technologies*. 2019;139:567-576.
8. Filippova Yu.A. The concept of strategic planning in the Republic of Sakha (Yakutia): spatial development of municipal districts as a factor in sustainable development. *Problemy sovremennoi ekonomiki* = *Problems of Modern Economics*. 2022;(1):144-148. (In Russ.)
9. Kelesh Yu.V., Bessonova E.A. Socio-economic system of the region: structural features and structural management. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment* = *Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management*. 2017;7(4):83-90. (In Russ.)
10. Chizhankova I.V., Povorina E.V., Novikova N.V., et al. Clusters in the system of interindustry regional integration. *International Journal of Applied Business and Economic Research*. 2017;15(13):23-30.
11. Bessonova E.A., Babichev A.O. Key aspects of managing the digital innovation ecosystem of the regional economy. *Sovremennaya ekonomika: problemy i resheniya* = *Modern Economy: Problems and solutions*. 2024;(6):33-47. (In Russ.)
12. Ershova I.G., Guselnikova L.N. Assessing the innovative potential of a region in the context of the digital economy. *Estestvenno-gumanitarnye issledovaniya* = *Natural Sciences and Humanities Research*. 2020;(32):175-180. (In Russ.)
13. Azzheurova K.E., Kopteva Zh.Yu., Shcherbakov D.B. Development and activation of the innovative potential of the Russian economy: regional features, structural priorities, levels of implementation. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment* = *Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management*. 2024;14(4):141-161. (In Russ.)
14. Simonenko E.S., Kononov A.A. The essence and possible sectoral composition of multi-industry complexes of the region. *Gumanitarnye, sotsial'no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki* = *Humanitarian, Socio-Economic and Social Sciences*. 2013;(7-2):117-120. (In Russ.)
15. Evchenko A.V., Zheleznyakov S.S. Regulation of territorial socio-economic asymmetry in the region. *Kursk: Kurskii gosudarstvennyi tekhnicheskii universitet*; 2004. 253 p. (In Russ.)
16. Kozyeva I.A., Smirnov A.V. Regional development in the context of structural transformation of the economy. *Ekonomicheskie nauki* = *Economic Sciences*. 2025;(251):106-115. (In Russ.)
17. Polozhentseva Yu.S., Androsova I.V. Prospects for the Development of Business Demography of Economic Entities. *TsITISE* = *CITISE*. 2019;(4):136-145. (In Russ.)
18. Shcherbakov D.B., Zanina O.V., Yamina A.A. Free Economic Zone in the Kursk Region: Prospects through the Prism of Regional Interests. *Gosudarstvennoe upravlenie i pravo* = *Public Administration and Law*. 2025;(3):120-135. (In Russ.)
19. Plotnikov V., Vertakova Y., Polozhentseva Y. Methods of detecting imbalances in the structure and dynamics of socio-economic system. In: *International Multidisciplinary Scientific Conference On Social Sciences And Arts SGEM 2015: Conference Proceedings, Albena, Bulgaria*. Vol. II, book 2. Sofia, Bulgaria: STEF92 Technology Limited Liability Company; 2015. P. 821-828.
20. Evchenko A.V., Demchenko A.A., Yesenkova G.A. Reformatting the territorial-administrative structure of the region in order to reduce spatial socio-economic asymmetry. *Vestnik Akademii znaniy* = *Bulletin of the Academy of Knowledge*. 2020;(37):108-117. (In Russ.)

Информация об авторах / Information about the Authors

Симоненко Елена Сергеевна, кандидат экономических наук, доцент кафедры региональной экономики и менеджмента, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация, e-mail: simonenkol@mail.ru, ORCID: 0000-0003-0442-8605

Elena S. Simonenko, Cand. Sci. (Economics), Associate Professor at the Department of Regional Economics and Management, Southwest State University, Kursk, Russian Federation, e-mail: simonenkol@mail.ru, ORCID: 0000-0003-0442-8605

Есенкова Галина Александровна, старший преподаватель кафедры менеджмента и информационных технологий, Курский филиал Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, г. Курск, Российская Федерация, e-mail: GalAEsenkova@fa.ru, Author ID: 524205

Galina A. Esenkova, Senior Lecturer at the Department of Management and Information Technology, Kursk Branch of the Financial University under the Government of the Russian Federation, Kursk, Russian Federation, e-mail: GalAEsenkova@fa.ru, Author ID: 524205

Евченко Андрей Васильевич, кандидат экономических наук, доцент, независимый исследователь, консультант по системным экономическим исследованиям и рационализации управления, г. Курск, Российская Федерация, e-mail: a.v.evchenko@gmail.com, ORCID: 0009-0002-8394-0366

Andrey V. Evchenko, Cand. Sci. (Economics), Associate Professor, Independent Researcher, Consultant on Systems Economic Research and Management Rationalization, Kursk, Russian Federation, e-mail: a.v.evchenko@gmail.com, ORCID: 0009-0002-8394-0366

ЭКОНОМИКА И ОРГАНИЗАЦИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРЕДПРИЯТИЙ, ОТРАСЛЕЙ, КОМПЛЕКСОВ

ECONOMICS AND ORGANIZATION OF ENTERPRISES, INDUSTRIES, COMPLEXES

Оригинальная статья / Original article

УДК 338.48: 338.2

<https://doi.org/10.21869/2223-1552-2026-16-3-143-158>

Диагностика инновационного развития предприятий туриндустрии в системе региональной экономики

Н. В. Жахов¹✉, И. Ш. Дзахмишева², М. В. Решетникова³

¹ Юго-Западный государственный университет
ул. 50 лет Октября, д. 94, г. Курск 305040, Российская Федерация

² Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х. М. Бербекова
ул. Чернышевского, д. 173, г. Нальчик 360004, Российская Федерация

³ Воронежский государственный университет инженерных технологий
пр-т Революции, д. 19, г. Воронеж 394036, Российская Федерация

✉ e-mail: zhakhov@mail.ru

Резюме

Актуальность. Туриндустрия, являясь одним из динамичных и конкурентных отраслей мировой экономики, сталкивается с необходимостью постоянного обновления в условиях цифровой трансформации, изменяющихся потребительских предпочтений и обострения глобальной конкуренции. В этой связи способность к инновациям становится ключевым фактором конкурентоспособности и устойчивого развития туристских предприятий.

Цель исследования – разработка научно обоснованной модели комплексной диагностики инновационного развития туристских фирм Кабардино-Балкарской Республики.

Задачи: проанализировать существующие трактовки понятий «информационные технологии» и «инновационная деятельность» применительно к сфере туризма; провести анализ современного состояния и динамики развития туристской инфраструктуры и рынка в Кабардино-Балкарской Республике; определить систему критериев, разработать и апробировать методику комплексной оценки инновационной деятельности туристских предприятий; проанализировать объемы, структуру затрат на инновации в туризме республики; разработать практические предложения по активизации инновационной деятельности для повышения конкурентоспособности туристических предприятий региона.

Методология. Методологический базис исследования конституируется синтезом системно-структурного, институционально-эволюционного и эмпирико-диагностического подходов, образующих основу мультипарадигмальной исследовательской платформы, адаптированной к специфике туристско-рекреационного комплекса региона.

Результаты. Предложена модель комплексной диагностики инновационного развития на примере пяти турфирм Кабардино-Балкарской Республики. Для этого определены система из 10 критериев, коэффициенты весомости, словесное описание и балльная шкала критериев. Для активизации инновационной деятельности и повышения конкурентоспособности туристических предприятий предлагаются разработка уникальных турпродуктов; создание единого регионального информационного туристского пространства; стимулирование внедрения ресурсосберегающих технологий; активное внедрение нового инструментария маркетинга и менеджмента и автоматизированных систем управления.

© Жахов Н. В., Дзахмишева И. Ш., Решетникова М. В., 2026

Выводы. Результаты исследования свидетельствуют о релевантности разработанных концептуальных основ для диагностики инновационного развития предприятий туристической индустрии в системе региональной экономики. Выявленные закономерности динамики туристской инфраструктуры и структуры инновационных затрат создают эмпирические и теоретические предпосылки для совершенствования методического аппарата оценки инновационной активности отраслевых систем.

Ключевые слова: инновационная деятельность; информационные технологии; туристическая индустрия; конкурентоспособность; диагностика; управление.

Финансирование: Публикация выполнена в рамках государственного задания на 2026 год № 075-03-2026-489.

Благодарности: Авторы выражают искреннюю благодарность нашим коллегам института менеджмента, туризма и индустрии гостеприимства за продуктивное обсуждение методологии исследования и конструктивную критику. Отдельная благодарность выражается коллективу Кабардино-Балкарского государственного университета им. Х. М. Бербекова за поддержку в проведении исследования.

Также авторы благодарят руководителей и сотрудников предприятий туристической индустрии Кабардино-Балкарской Республики («Автоликон Плюс», «КавказСкиТур», «Нартиада Тур», «Нур-Тур», «Пеликан-Тур»), предоставивших данные для апробации методики.

Особая благодарность – экспертам, принявшим участие в верификации разработанной диагностической модели, а также представителям Министерства курортов и туризма Кабардино-Балкарской Республики за содействие в организации прикладной части исследования.

Конфликт интересов: В представленной публикации отсутствует заимствованный материал без ссылок на автора и (или) источник заимствования, нет результатов научных работ, выполненных авторами публикации лично и (или) в соавторстве, без соответствующих ссылок. Авторы декларируют отсутствие конфликта интересов, связанных с публикацией данной статьи.

Для цитирования: Жахов Н. В., Дзахмишева И. Ш., Решетникова М. В. Диагностика инновационного развития предприятий туристической индустрии в системе региональной экономики // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2026. Т. 16, № 3. С. 143–158. <https://doi.org/10.21869/2223-1552-2026-16-3-143-158>.

Поступила в редакцию 06.04.2026

Принята к публикации 05.05.2026

Опубликована 30.06.2026

Diagnostics of innovative development of tourism industry enterprises in the regional economy

Nikolay V. Zhakhov ¹✉, Irina Sh. Dzakhmisheva ², Marina V. Reshetnikova ³

¹ Southwest State University
50 Let Oktyabrya Str. 94, Kursk 305040, Russian Federation

² Kabardino-Balkarian State University named after H. M. Berbekov
173 Chernyshevsky Str., Nalchik 360004, Russian Federation

³ Voronezh State University of Engineering Technologies
19 Revolution Ave., Voronezh 394036, Russian Federation

✉ e-mail: zhakhov@mail.ru

Abstract

Relevance. The travel industry, being one of the dynamic and competitive sectors of the global economy, faces the need for constant updating in the context of digital transformation, changing consumer preferences and increasing global competition. In this regard, the ability to innovate is becoming a key factor in the competitiveness and sustainable development of tourism enterprises.

The purpose of the study is to develop a scientifically based model of integrated diagnostics of innovative development of tourism companies in the Kabardino-Balkarian Republic.

Objectives: to analyze the existing interpretations of the concepts of "information technology" and "innovation activity" in relation to the field of tourism; to analyze the current state and dynamics of the development of tourism

infrastructure and market in the Kabardino-Balkarian Republic; to determine a system of criteria, develop and test a methodology for the comprehensive assessment of innovative activities of tourism enterprises; to analyze the volume, cost structure of innovation in tourism of the Republic; to develop practical proposals for enhancing innovation activities to increase the competitiveness of tourism enterprises in the region.

Methodology. The methodological basis of the research is constituted by the synthesis of systemic-structural, institutional-evolutionary and empirical-diagnostic approaches that form the basis of a multi-paradigm research platform adapted to the specifics of the tourist and recreational complex of the region.

Results. A model of complex diagnostics of innovative development is proposed using the example of five travel agencies of the Kabardino-Balkarian Republic. For this purpose, a system of 10 criteria, weighting coefficients, a verbal description and a point scale of criteria are defined. To enhance innovation and increase the competitiveness of tourism enterprises, the development of unique tourism products, the creation of a unified regional tourist information space, and the promotion of the introduction of resource-saving technologies are proposed.; active implementation of new marketing and management tools and automated management systems.

Conclusions. The results of the study indicate the relevance of the developed conceptual framework for the diagnosis of innovative development of tourism industry enterprises in the regional economic system. The revealed patterns of the dynamics of the tourism infrastructure and the structure of innovation costs create empirical and theoretical prerequisites for improving the methodological framework for assessing the innovation activity of industry systems.

Keywords: innovation; information technology; tourism industry; competitiveness; diagnostics; management.

Funding: The publication was completed within the framework of the state assignment for 2026 No. 075-03-2026-489.

Acknowledgement: The authors would like to express their sincere gratitude to our colleagues at the Institute of Management, Tourism and the Hospitality Industry for a productive discussion of the research methodology and constructive criticism. Special thanks are expressed to the staff of Kabardino-Balkarian State University named after H. M. Berbekov for their support in conducting the research.

The authors also thank the heads and employees of the tourism industry enterprises of the Kabardino-Balkarian Republic (AvtoLykon Plus, KavkazSkiTur, Nartiada Tour, Nur-Tour, Pelikan-Tour), who provided data for testing the methodology.

Special thanks to the experts who participated in the verification of the developed diagnostic model, as well as representatives of the Ministry of Resorts and Tourism of the Kabardino-Balkarian Republic for their assistance in organizing the applied part of the study.

Conflict of interest: In the presented publication there is no borrowed material without references to the author and (or) source of borrowing, there are no results of scientific works performed by the authors of the publication, personally and (or) in co-authorship, without relevant links. The authors declares no conflict of interest related to the publication of this article.

For citation: Zhakhov N.V., Dzakhmisheva I.Sh., Reshetnikova M.V. Diagnostics of innovative development of tourism industry enterprises in the regional economy. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment* = *Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management*. 2026;16(3):143–158. (In Russ.) <https://doi.org/10.21869/2223-1552-2026-16-3-143-158>.

Received 06.04.2026

Accepted 05.05.2026

Published 30.06.2026

Введение

Туриндустрия является одной из наиболее динамичных и значимых отраслей мировой экономики, чье развитие напрямую влияет на социально-экономическое состояние регионов. В условиях цифровой трансформации, изменяющихся потребительских предпочтений и обострения глобальной конкуренции способность к системным инновациям становится ключевым детерминантом конкурентоспособности и устойчивого роста не только отдельных предприятий, но и туристско-рекреационного комплекса региона в целом [1].

Специфика туристского продукта: его нематериальный характер, синергетическая природа, формируемая взаимодействием множества служб, и высокая зависимость от внешней среды – обуславливает необходимость комплексного подхода к управлению инновациями. Однако существующие методики диагностики инновационного развития часто носят фрагментарный характер и не учитывают полную цепочку создания стоимости в туризме, а также его роль в системе региональной экономики. Это создает объективную потребность в разработке специализированного диагностического инструментария.

В связи с вышеизложенным создание комплексной модели оценки инновационной деятельности является своевременным и востребованным инструментом для управления развитием предприятий туриндустрии.

Несмотря на осознание важности инноваций, существует фундаментальное противоречие между объективной потребностью туристических предприятий в комплексном управлении инновационной деятельностью.

Центральной проблемой, исследуемой в статье, является отсутствие научно обоснованного и адаптированного к специфике туриндустрии инструментария для комплексной диагностики инновационного развития предприятий. Существует фундаментальное противоречие между объективной потребностью регионов в устойчивом развитии туристского кластера и отсутствием методик, позволяющих оценивать вклад инновационной деятельности предприятий в экономику территории. Это затрудняет эффективное управление развитием, снижает отдачу от инновационных инвестиций и не позволяет органам власти формировать адресную инновационную политику.

Особую актуальность эта проблема приобретает для регионов с формирующимся туристским рынком, таких как Кабардино-Балкарская Республика, где нарастающая конкуренция и императив технологического развития требуют эффективных инструментов для оценки текущего состояния и потенциала роста.

Цель научного исследования – разработка научно обоснованной модели комплексной диагностики инновационного развития предприятий туриндустрии, интегрированной в систему региональной экономики, и ее апробация на примере туристских фирм Кабардино-Балкарской Республики.

Задачи исследования:

– проанализировать существующие в научной литературе трактовки понятий «информационные технологии» и «инно-

вационная деятельность» применительно к сфере туризма;

– провести анализ современного состояния и динамики развития туристской инфраструктуры и рынка в Кабардино-Балкарской Республике;

– определить систему критериев и разработать методику комплексной оценки инновационной деятельности туристских предприятий;

– апробировать предложенную модель на примере пяти туристских фирм Кабардино-Балкарской Республики;

– проанализировать объемы и структуру затрат на инновации в туризме Кабардино-Балкарской Республики;

– разработать практические предложения по активизации инновационной деятельности для повышения конкурентоспособности туристических предприятий региона.

Объект исследования – предприятия сферы туризма, в частности, туристские фирмы Кабардино-Балкарской Республики.

Предмет исследования – организационно-экономические отношения, возникающие в процессе оценки и управления инновационной деятельностью в туристской индустрии.

Материалы и методы

Методы исследования: теоретические – для анализа научной литературы, систематизации и обобщения; эмпирические – для статистического анализа данных, экспертных оценок (определения коэффициента весомости), выборочного наблюдения при исследовании пяти турфирм методом случайного отбора; математические – для балльно-весовой оценки, расчета обобщенного критерия инновационной деятельности; графические – для визуализации данных с помощью рисунков.

В качестве информационной базы использованы официальные статистические данные Росстата, в т. ч. публикация «Регионы России. Социально-экономические показатели», а также региональ-

ная статистика и аналитические обзоры; данные официального сайта Министерства курортов и туризма Кабардино-Балкарской Республики; труды отечественных и зарубежных учёных в области инновационной деятельности, авторские и другие источники.

В сфере туризма, которая стремительно меняется под влиянием технологий, важно определить трактовку понятий «информационные технологии» и «инновационная деятельность» с тем, чтобы исследование не оказалось поверхностной, противоречивой и нерелевантной.

S. A. Imnaev, A. I. Osadchy, A. P. Babchenko [2], E. P. Политикова [3] рассматривают ИТ преимущественно с позиции внутренней эффективности как инструмент для решения текущих управленческих задач. Т. В. Магомедова, А. Т. Сахаватов, С. Х. Муталимова [4] считают ИТ ключевым драйвером, определяющим новые модели ведения бизнеса и конкурентные преимущества. Следовательно, информационные технологии представляют собой инновационный ресурс для оптимизации управленческих и аналитических систем, способствующий повышению операционной эффективности на всех уровнях.

Х. Л. Боготов, А. В. Нырова [5], Р. А. Alabi [6] прямо объединяют понятия, говоря об «информационно-коммуникационных, инновационных цифровых технологиях», подчеркивая их неразрывную связь и рассматривая их как синонимичные и взаимодополняющие элементы модернизации.

A. N. Kazak, E. A. Sergeeva, Z. V. Kushkhova [7], V. Pavlenko, A. Sobchak, O. Morozova et al. [8] расширяют это определение, включая в него технические средства, методы передачи информации (канал связи, компьютерная сеть), вычислительную технику, программное обеспечение, сети интернета, системы искусственного интеллекта, а также системы автоматизированного

управления. Еще несколько лет тому назад ИТ выполняли только коммуникативную функцию. Таким образом, ИТ трансформировались из простого коммуникативного инструмента в комплексную экосистему, обеспечивающую взаимодействие между туроператорами, турагентствами, потребителями, предприятиями гостеприимства, общественного питания, транспортными организациями, страховыми компаниями и иными предприятиями.

Что касается инновационной деятельности, такие исследователи, как И. М. Голова [9], С. В. Гордиенко [10], определяют ее не просто как внедрение нового, а как целенаправленную систему мероприятий по использованию результатов интеллектуальной деятельности для повышения конкурентоспособности. Этот подход связывает инновации со стратегическим управлением.

Подчеркивается, что в туризме инновации часто носят нематериальный, сервисный характер. Это новые услуги, методы организации, маркетинговые и управленческие технологии [11].

Согласно определению А. Н. Калугиной, Ю. В. Макшановой, И. А. Роговой [12], С. К. Кочиной, Е. В. Осыченко, А. Н. Брежнева [13], инновационная деятельность представляет собой комплекс процессов, ориентированных на практическую реализацию и последующую коммерциализацию результатов научных исследований. Это наиболее фундаментальный подход, задающий структуру понятия.

На отраслевом уровне инновационная деятельность рассматривается как ключевой элемент управления туристическим бизнесом [14].

V. V. Selivanov, L. N. Selivanova [15], L. Ilieva, M. Petrova, L. Todorova [16] также выделяют ее специфические формы, такие как кластеризация для создания комплексных турпродуктов, позволяющая малым предприятиям объединить ресурсы для создания комплексных

инновационных турпродуктов. V. N. Sharafutdinov, E. V. Onishchenko, A. I. Nakonechnyi [17], A. N. Kazak [7] делают акцент на развитии малых коллективных средств размещения в качестве инновационного сегмента и создания тематических туристических кафе как инновационных объектов. Важную роль в продвижении новых продуктов играет маркетинг инноваций [18].

На основе анализа можно заключить, что информационные технологии трактуются одновременно как объект инновационной деятельности и как ключевой инструмент, порождающий инновации в туризме и других отраслях. Инновационная деятельность представляет собой многогранное понятие, сущность которого варьируется от фундаментальных экономических процессов до конкретных отраслевых применений, неразрывно связанных с развитием и внедрением информационных технологий.

А. А. Мустафина [19] и М. С. Оборин [20] подчёркивают, что активная интеграция современных информационно-коммуникационных технологий в туристическую индустрию выступает ключевым фактором обеспечения конкурентоспособности предприятий.

Результаты и их обсуждение

По данным статистического ежегодника в 2024 г. в Кабардино-Балкарской Республике насчитывается 24 туристских фирмы (рис. 1) и 275 коллективных средств размещения (рис. 1), в т. ч. 18 санаторно-курортных организаций (7 %), 154 гостиницы (56 % от общего числа коллективных средств размещения), 42 организации отдыха (15 %) и 61 иная организация (22 %)¹. В 2024 г. (по сравнению с 2020 г.) число туристских фирм

увеличилось в 2 раза, число коллективных средств размещения – в 1,83 раза. По сравнению с 2023 г. число туристских фирм также увеличилось на 2 единицы, число коллективных средств размещения – на 51 единицу. Удвоение числа турфирм говорит о росте конкуренции и расширении рынка туристических услуг в республике.

Темп роста коллективных средств размещения за весь период составил 183 %. Это очень высокий темп роста – около 23 % за один год. Ежегодная динамика была положительной каждый год, причем самый значительный произошел в 2024 г.: + 22,7% к уровню 2023 г. (табл. 1).

Опережающий рост числа коллективных средств размещения, особенно в 2024 г., указывает на высокую инвестиционную активность в секторе. Это свидетельствует о введении в эксплуатацию новых гостиниц, гостевых домов и других объектов, что может быть связано с реализацией государственных программ поддержки, улучшением инвестиционного климата или резким увеличением туристского потока.

Однако рост числа коллективных средств размещения за период с 2020 по 2024 гг. был неравномерным и обеспечивался в основном за счет гостиниц и организаций отдыха. Наблюдается увеличение количества мест в гостиницах с 66 тыс. мест в 2020 г. до 154 тыс. мест в 2024 г. (см. табл. 1). Прирост составил 88 тыс. мест, рост в 2024 г. составил +50,9%, что говорит о резком ускорении инвестиций в гостиничный бизнес. В организациях отдыха также наблюдается рост с 18 тыс. мест в 2020 г. до 42 тыс. мест в 2024 г. (+82,6 %), что указывает на растущий спрос в краткосрочной перспективе на рекреационный отдых. По иным организациям динамика нестабильная: после падения в 2022 г. был скачок в 2023 г. и спад в 2024 г. (-24,6 %). Санаторно-курортные организации не показали роста за пятилетний период. Более то-

¹ Регионы России. Социально-экономические показатели. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204> (дата обращения: 16.03.2026).

го, после небольшого увеличения в 2022-2023 гг., в 2024 г. произошел спад (-21,7 %).

Таким образом, период 2020-2024 гг. стал фазой интенсивного роста для туриндустрии Кабардино-Балкарской Республики. Удвоение числа турфирм и почти двукратный рост числа средств размещения указывает на то, что туризм стал одним из приоритетных направлений экономики республики. Это говорит о том, что рынок воспринимается предпринимателями как привлекательный и растущий. Также интересно отметить, что первоначально наблюдался рост предложений туруслуг, а сейчас происходит опережающее наращивание мате-

риальной базы (мест размещения). В краткосрочной перспективе это может создать некоторый дисбаланс между спросом и предложением, но в стратегическом плане является правильным шагом для приема большего числа туристов в будущем.

По итогам 2024 г. населению Кабардино-Балкарской Республики было реализовано 6400 турпакетов, данный показатель демонстрирует уверенный рост туриндустрии региона. По сравнению с 2020 г., когда было продано 700 турпакетов, объем продаж вырос в 9 раз. По сравнению с 2023 г. (5200 пакетов) наблюдается рост на 20 % (или в 1,2 раза) (рис. 2).

Рис. 1. Динамика развития туристской инфраструктуры в Кабардино-Балкарской Республике

Таблица 1. Динамика развития числа коллективных средств размещения по категориям в Кабардино-Балкарской Республике с 2020 по 2024 гг.¹

Наименование показателя	2020	2021	2022	2023	2024	Темп роста, % 2024/2023	Динамика, ↑↓ 2024/2020
Число коллективных средств размещения, тыс. мест	150	167	188	224	275	+22,7	↑1,83 раза
В том числе в:							
– санаторно-курортных организациях	17	17	22	23	18	-21,7	
– гостиницах	66	78	98	102	154	+50,9	↑2,3 раза
– организациях отдыха	18	22	22	23	42	+82,6	↑2,3 раза
– иных организациях	49	50	46	76	61	-24,6	↑1,2 раза

¹ Регионы России. Социально-экономические показатели. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204> (дата обращения: 16.03.2026); Кабардино-Балкария в цифрах. 2024: статистический сборник К12 /ОП Северо-Кавказстата по КБР. Нальчик, 2024. 96 с.

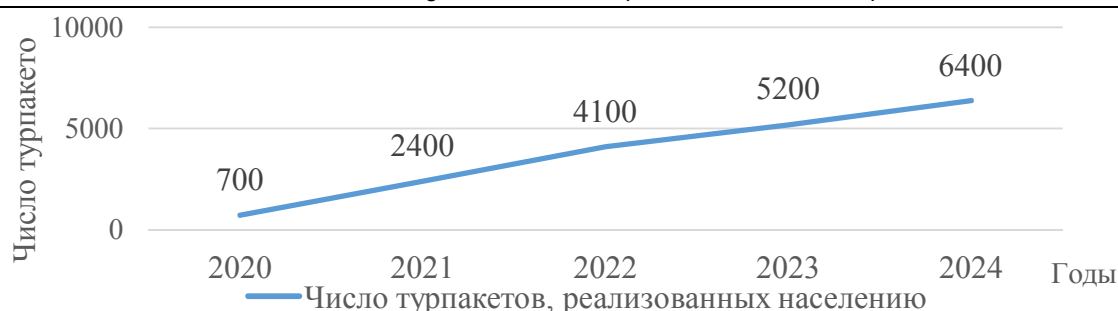

Рис. 2. Динамика числа турпакетов, реализованных населению в Кабардино-Балкарской Республике

Одним из факторов, способствующих увеличению продаж, стало увеличение числа турфирм в регионе. Это исключительно высокий темп, свидетельствующий о растущем интересе к туризму в Кабардино-Балкарской Республике и эффективной работе турбизнеса. Уверенный рост продаж на 20 % с 2023 по 2024 гг. показывает, что положительная динамика не просто сохраняется, а продолжает уверенно усиливаться.

Анализ динамики стоимости турпакетов показал увеличение стоимости реализованных турпакетов населению на 17,9 млн руб. к 2023 г. и в 4,2 раза к 2020 г. (рис. 3). Это указывает на то, что общая выручка туроператоров и агентов растет, это признак здоровья и коммерческой успешности отрасли.

Увеличение стоимости турпакетов в 2024 г. по сравнению с 2023 г. привело к росту продаж на 20%. Однако рост цен может в будущем привести к снижению продаж, а опережение роста стоимости (выручки) турпакетов по отношению к росту количества турпакетов, реализо-

ванных населению, может привести к удорожанию среднего чека.

В 2024 г. в коллективных средствах размещения было зарегистрировано 293 тыс. размещенных лиц. Распределение по типам учреждений характеризуется следующими показателями: в санаторно-курортных организациях размещено 58,9 тыс. чел. (20,1 % от общего числа), в гостиницах – 139 тыс. чел. (47,4 %), в организациях отдыха – 33,7 тыс. чел. (11,5 %), в прочих средствах размещения – 61,4 тыс. чел. (21 %) (рис. 4).

Анализ динамики показывает, что общий рост численности размещенных лиц в 2024 г. был обеспечен преимущественно за счет увеличения показателей в санаторно-курортных организациях и организациях отдыха. Несмотря на наблюдаемое снижение в одном из сегментов, совокупный показатель продемонстрировал положительную тенденцию, что свидетельствует об устойчивом развитии сектора коллективных средств размещения в отчетном периоде.

Рис. 3. Динамика стоимости турпакетов, реализованных населению в Кабардино-Балкарской Республике

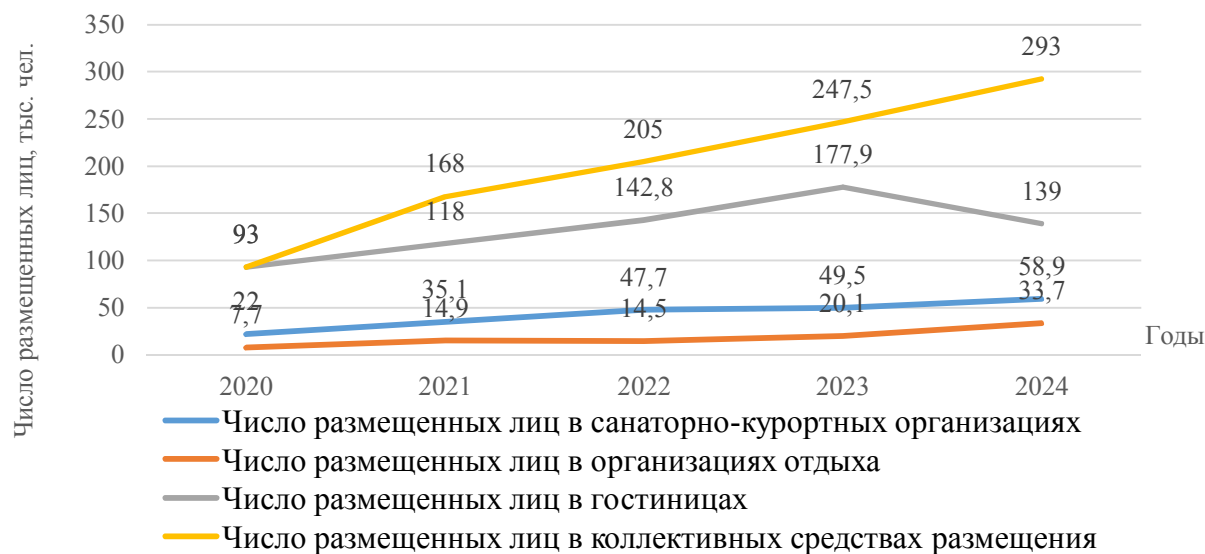

Рис. 4. Динамика численности размещенных лиц в коллективных средствах размещения в Кабардино-Балкарской Республике

Рост общего показателя обеспечен санаторно-курортными организациями и организациями отдыха, что говорит о повышении популярности оздоровительного и рекреационного туризма в Кабардино-Балкарской Республике.

Резкое снижение (21,9 %) числа размещенных лиц в гостиничном сегменте (139 тыс. чел. в 2024 г. против 177,9 тыс. чел. в 2023 г.) связано с проведением строительно-ремонтных работ в гостиницах (часть гостиниц была закрыта или работала в неполном объеме). Факт проведения ремонтных работ в гостиницах свидетельствует о том, что владельцы гостиниц инвестируют в модернизацию и улучшение качества услуг, что в среднесрочной перспективе повысит привлекательность и конкурентоспособность этого сегмента.

Очевидно, туристы, которые не смогли остановиться в гостиницах из-за ремонта, частично перераспределились в другие сегменты (санатории, организации отдыха), что способствовало их росту. Такая диверсификация туристического потока показывает гибкость туристической инфраструктуры Кабардино-Балкарской Республики.

Можно спрогнозировать, что после завершения ремонтных работ гостинич-

ный сегмент не только восстановится, но покажет рост благодаря обновленной материальной базе. А в сочетании с растущим спросом на санаторно-курортный и рекреационный отдых общее число размещенных лиц может достичь новых рекордных значений для всего туристического рынка Кабардино-Балкарской Республики. Рост популярности оздоровительного и организованного отдыха является общим трендом для всего туристического рынка России.

Для оценки инновационной деятельности предприятий туристической отрасли определены критерии и их коэффициенты весомости, словесное описание и балльная шкала критериев оценки инновационной деятельности туристических фирм.

Коэффициент весомости K_i i -го критерия инновационной деятельности туристических фирм рассчитывается следующим образом:

$$K_i = \sum M_{ij} / \sum B, \quad (1)$$

где i – критерий инновационной деятельности туристических фирм; $\sum M_{ij}$ – сумма рангов каждого взвешенного i -го критерия j -м экспертом; $\sum$ – общее количество экспертов ($\sum = 5$ чел.); B – общее количество баллов ($B = 10$).

Обобщенный критерий инновационной деятельности туристских фирм $K_{и}$ рассчитывается как

$$K_{и} = \sum P_i \cdot K_i, \quad (2)$$

где P_i – балльная оценка i -го критерия инновационной деятельности туристских фирм; K_i – коэффициент весомости i -го критерия инновационной деятельности туристских фирм.

Результаты сравнительной оценки инновационной деятельности туристских фирм в Кабардино-Балкарской Республике представлены ниже (табл. 2).

Сравнительный анализ инновационной деятельности туристских предприятий

Кабардино-Балкарской Республики позволяет констатировать, что туристская фирма «Нартиада Тур» наиболее активно применяет инновационные технологии ($K_{и. общ} = 4,11$), а именно использует инновационные информационно-коммуникативные технологии, организует питание туристов в пунктах общественного питания с инновационными технологиями, организует комфорт и безопасность туристов с применением новых технологий. Фирмы «Автоликон Плюс» ($K_{и. общ} = 3,97$) и «Пеликан Тур» ($K_{и. общ} = 3,96$) – близкие конкуренты, занимают вторые позиции. «КавкаСкиТур» ($K_{и. общ} = 3,96$) проигрывает своим конкурентам.

Таблица 2. Результаты сравнительной оценки инновационной деятельности туристских фирм в Кабардино-Балкарской Республике

Наименование критерия	Обобщенный критерий инновационной деятельности туристских фирм, $K_{и} = \sum P_i \cdot K_i$				
	«Автоликон Плюс»	«Кавказ-СкиТур»	«Нартиада Тур»	«Нур-Тур»	«Пеликан Тур»
1. Имидж (известность среди туристов)	0,52	0,65	0,52	0,39	0,65
2. Использование турфирмами инновационных информационно-коммуникативных технологий	1,75	1,4	1,75	1,05	1,4
3. Организация размещения туристов в коллективных средствах размещения с инновационными технологиями	0,45	0,45	0,45	0,45	0,45
4. Организация питания туристов в пунктах общественного питания с инновационными технологиями	0,36	0,45	0,45	0,36	0,45
5. Организация экскурсии по новым природно-климатическим объектам	0,21	0,21	0,21	0,21	0,21
6. Организация экскурсии по новым культурно-познавательным объектам	0,12	0,12	0,12	0,12	0,12
7. Организация комфорта и безопасности туристов с применением новых технологий	0,2	0,2	0,25	0,2	0,25
8. Организация трансфера туристов с использованием инновационных транспортных средств	0,12	0,16	0,12	0,12	0,16
9. Использование нового маркетинга и менеджмента	0,09	0,09	0,09	0,09	0,12
10. Использование автоматизированных систем управления	0,15	0,15	0,15	0,15	0,15
$K_{и. общ}$	3,97	3,88	4,11	3,14	3,96

Слабыми сторонами функционирования туристских фирм в Кабардино-Балкарской Республике являются недостаточный уровень организации размещения туристов в коллективных средствах размещения с инновационными технологиями, организации экскурсии по новым культурно-познавательным объектам, организации трансфера туристов с использованием инновационных транспортных средств; не уделяется должного внимания использованию нового маркетинга и менеджмента, автоматизированных систем управления.

По данным официального сайта Министерства курортов и туризма Кабардино-Балкарской Республики, уровень инновационной активности предприятий всех видов экономической деятельности в 2024 г. составил 2% и занимает 45 место в рейтинге субъектов Российской Федерации¹. Крайне низкий уровень инновационной активности свидетельствует о том, что инновации не являются приоритетным для абсолютного большинства предприятий республики, что создает риски для долгосрочной конкурентоспособности всей экономики Кабардино-Балкарской Республики. 45 место в рейтинге субъектов Российской Федерации ставит Кабардино-Балкарскую Республику в позицию догоняющего на высококонкурентном туристическом рынке России (особенно с соседними регионами СКФО и Краснодарским краем).

Затраты из внебюджетных средств на технологические инновации в туризме и индустрии гостеприимства в Кабардино-Балкарской Республике в 2024 г. составили 756 млн руб. (рис. 5) на 51 объект на возведение кемпингов, гостиничных комплексов, гостевых дворов, экопарков, баз отдыха общей мощностью 582 номера. Объем валового регионального про-

дукта в Кабардино-Балкарской Республике по итогам 2024 г. составил 325,5 млрд руб. Затраты на технологические инновации в туризме составили 0,23 % от валового регионального продукта.

Затраты из внебюджетных средств на продуктовые инновации в туризме и индустрии гостеприимства в Кабардино-Балкарской Республике (экскурсии по нестандартным маршрутам, разработка сельских, экологических, событийных туров, создание новых типов номеров и концепций проживания, создание новых форматов питания и баров, улучшение удобства, улучшение развлекательных концепций и др.) в 2024 г. составили 45,7 млн руб. (см. рис. 5).

Затраты из внебюджетных средств на процессные инновации в туризме и индустрии гостеприимства в Кабардино-Балкарской Республике (на автоматизацию систем управления, интеллектуальные устройства, мобильные приложения, сервисы с QR-кодами, создание интерактивных туров, оптимизацию процесса заезда и выезда туристов, оптимизацию в управлении персоналом, управлении цепочкой поставок и запасами, инновациями в уборке и обслуживании, управлении качеством обслуживания и др.) в 2024 г. составили 15,2 млн руб. (рис. 5).

Общий объем внебюджетных инвестиций в инновации туристической индустрии составил 816,9 млн руб.

Таким образом, наблюдается перекос в сторону технологических инноваций. Более 90% средств направлено на строительство и модернизацию материальной базы.

Продуктовые инновации финансируются по остаточному принципу, всего 5,6% затрат направлено на создание нового, уникального турпродукта, который является основным драйвером привлекательности для туристов.

Процессные инновации почти отсутствуют. Доля в 1,9 % (15,2 млн руб.) критически мала, что указывает на серьезное отставание в цифровизации, внедрении современных технологий

¹ Кабардино-Балкарская Республика. Министерство курортов и туризма. URL: <https://minturizm.kbr.ru/?ysclid=mr23egfttl255249773> (дата обращения: 16.03.2026).

управления и повышении качества обслуживания. Без процессных инноваций

эффективность дорогостоящей материальной базы будет низкой.

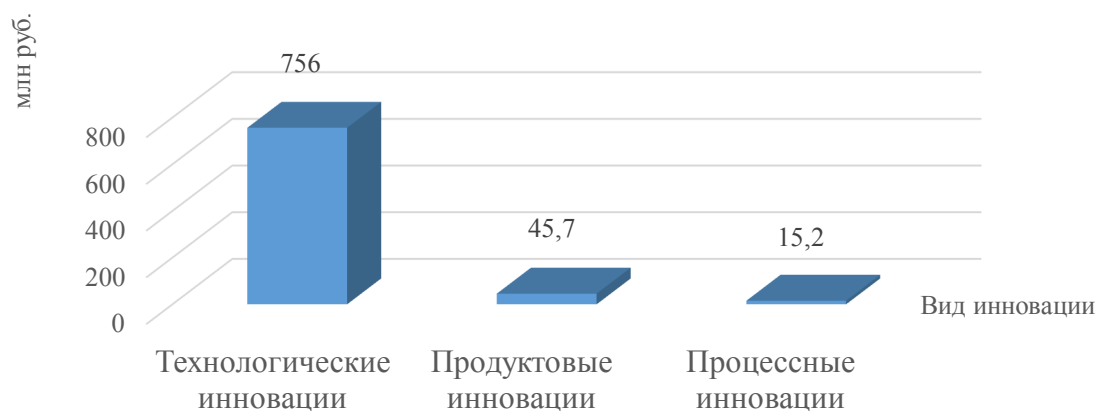

Рис. 5. Затраты на инновации в туризме в Кабардино-Балкарской Республике по итогам 2024 г.

Оценка масштаба инвестиций в ВРП показала, что затраты на технологические инновации в туризме составляют скромные 0,23% от ВРП (325,5 млрд руб.), в то же время это целевой вклад в развитие туризма.

Оценка эффективности капиталовложений показала, что на сумму 756 млн руб. было создано 582 номера с удельными затратами примерно 1,3 млн руб. на один номер.

SWOT-анализ состояния и перспектив туристической отрасли Кабардино-Балкарской Республики показал, что туристическая отрасль находится на стадии интенсивного роста, демонстрируя впечатляющие количественные показатели. Однако качественная сторона развития инновационной активности оставляет желать лучшего. В связи с этим необходимо вести работу по стимулированию продуктовых и процессных инноваций, повышать квалификацию кадров в направлении обучения современным технологиям маркетинга, менеджмента и клиентского сервиса, а также разработать сбалансированную инвестиционную политику (привлекать инвестиции не только в строительство и модернизацию, но и в создание уникального контента и цифровую инфраструктуру).

На основе анализа литературы уточнены и систематизированы понятия «ин-

формационные технологии» и «инновационная деятельность» в контексте туристской отрасли.

Выявлена положительная динамика развития туристской инфраструктуры Кабардино-Балкарской Республики (рост числа фирм и средств размещения), однако отмечены негативные тенденции, такие как снижение продаж из-за роста цен и низкий уровень инновационной активности в сравнении с другими регионами РФ.

Разработана и апробирована модель комплексной оценки, включающей 10 критериев. Наибольший вес (0,35) присвоен критерию «использование инновационных информационно-коммуникативных технологий».

Апробация модели на пяти турфирмах КБР показала, что наивысший уровень инновационной деятельности у фирмы «Нартиада Тур» ($K_{н. общ} = 4,11$). Выявлены общие для региона слабые стороны: недостаточный уровень инноваций в организации размещения, транспорта, автоматизированных систем управления, маркетинга и менеджмента.

Установлено, что основная доля затрат на инновации в туризме Кабардино-Балкарской Республики приходится на технологические инновации (756 млн руб.), в то время как затраты на процессные инновации (15,2 млн руб.) крайне

малы, что коррелирует с результатами оценки турфирм.

Перспективы повышения эффективности функционирования и конкурентоспособности туриндустрии в Кабардино-Балкарской Республике видятся в активизации инновационной деятельности по следующим направлениям:

- разработка новых уникальных турпродуктов и туристических направлений (сельские, экологические, событийные туры) [21];
- создание единого регионального информационного туристского пространства [11];
- стимулирование внедрения ресурсосберегающих и иных передовых технологий в средствах размещения с национальным колоритом [21];
- развитие инноваций в сфере общественного питания (авторские блюда, нестандартные локации) [22];
- освоение новых экскурсионных маршрутов и объектов;
- активное внедрение нового инструментария маркетинга и менеджмента и автоматизированных систем управления [23].

Выводы

Туризм является сферой растущего применения инновационных технологий. Для перехода к интенсивному, конкурентоспособному росту необходима сбалансированная инновационная стратегия, делающая акцент на создании уникального турпродукта, активной цифровизации всех процессов обслуживания туристов, а именно инновационной трансформации индустрии

туризма за счет вовлечения сферы туризма в новое информационное пространство и реализации научно-технических и технологических достижений.

Использование персональных компьютеров и офисного программного обеспечения позволяет предприятиям туристической отрасли решать целый ряд задач в следующих областях: разработка проектной документации; управление документооборотом; подготовка договоров и соглашений; расчет результатов хозяйственной деятельности; анализ результатов хозяйственной деятельности, маркетинговые исследования внешней и внутренней среды; ведение баз данных по клиентам, поставщикам, продажам, сотрудникам и т. д. Создание единого регионального информационного туристского пространства способствует повышению туристической привлекательности региона. Развитие инновационных, информационных цифровых технологий, систем искусственного интеллекта, распространение скоростного интернета и их активное вовлечение в воспроизводственные процессы позволит предприятиям сферы туризма повысить экономическую, социальную и экологическую эффективность.

Максимальный положительный эффект для индустрии туризма может быть достигнут за счет активной интеграции в новое информационное пространство и широкого внедрения научно-технических достижений, что в конечном итоге повысит экономическую, социальную и экологическую эффективность предприятий отрасли.

Список литературы

1. Арефьев А. С. «Платформизация» как инструмент управления цифровой трансформацией в сфере туризма // Теоретическая и прикладная экономика. 2020. № 3. С. 22-34.
2. Imnaev S. A., Osadchy A. I., Babchenko A. P. Information and Communication Technologies as a Factor of Tourist Product Promotion // Perspectives on the Use of New Information and Communication Technology (ICT) in the Modern Economy. Cham: Springer Nature Switzerland AG, 2019. Vol. 726. P. 709-715.
3. Политикова Е. Р. Информационные технологии в управлении // Молодой ученый. 2023. № 51 (498). С. 18-21.

4. Магомедова Т. В., Сахаватов А. Т., Муталимова С. Х. Стратегические инновации в туризме // Механизм реализации стратегии социально-экономического развития государства: сборник материалов XIV Международной научно-практической конференции, Махачкала, 21–22 сентября 2022 года / под редакцией А. М. Эсетовой. Махачкала: Информационно-полиграфический центр ДГТУ, 2022. С. 165-169.
5. Боготов Х. Л., Нырова А. В. Информационно-коммуникационные, инновационные и цифровые технологии на предприятиях торговли и туризма // Актуальные проблемы технологии продуктов питания, туризма и торговли: материалы IV Всероссийской (национальной) научно-практической конференции, г. Нальчик, 30 сентября 2022 года. Нальчик: Кабардино-Балкарский государственный аграрный университет имени В. М. Кокова, 2022. С. 89-92.
6. Alabi P. A. Trends in information technology management // International Journal for Innovation Education and Research. 2021. N 9(2). P. 405-419.
7. Information technologies and e-commerce in education in the field of tourism and hospitality / A. N. Kazak, E. A. Sergeeva, Z. V. Kushkhova [et al.] // E3S Web conferences: International Scientific Conference «Fundamental and applied scientific research in the development of agriculture in the Far East». (AFE-2022), Tashkent, Uzbekistan, January 25-28, 2023. Tashkent, Uzbekistan: EDP Sciences, 2023. Vol. 371. P. 05009.
8. The concept of virtual manufacturing enterprise operation as a green complex system / V. Pavlenko, A. Sobchak, O. Morozova [et al.] // Studies in Systems, Decision and Control. 2017. Vol. 105. P. 265-285.
9. Голова И. М. Согласование региональных инновационных процессов с приоритетом обеспечения технико-технологической конкурентоспособности РФ // Экономика региона. 2024. Т. 20, № 1. С. 63-75.
10. Гордиенко С. В. Инновации в технологиях управления туристских технологических платформ // Вопросы инновационной экономики. 2022. Т. 12, № 1. С. 411-424.
11. Калитвинцева М. В. Формирование методических основ механизма комплексного обеспечения экономической информацией участников инновационной деятельности в туризме // Российское предпринимательство. 2011. Т. 12, № 9. С. 119-122.
12. Калугина А. Н., Макшанова Ю. В., Рогова И. А. Перспективы развития инновационных компьютерных технологий в гостиничной индустрии // Вестник университета. 2018. № 5. С. 33-36.
13. Кочина С. К., Осыченко Е. В., Брежнев А. Н. Функционально-целевая архитектура инновационной политики предприятия // Лидерство и менеджмент. 2025. Т. 12, № 6. С. 1347-1362.
14. Смоленцева Л. В. Особенности информационных систем в индустрии туризма // Проблемы и перспективы развития туризма в Южном федеральном округе: сборник научных трудов, Севастополь, 24–28 октября 2018 г. Севастополь: Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, 2018. С. 49-53.
15. Селиванов В. В., Селиванова Л. Н. Влияние работы в виртуальной реальности на познавательные процессы и личностные особенности субъекта // Психология когнитивных процессов. 2017. № 6. С. 64-76.
16. Ilieva L., Petrova M., Todorova L. Application of technological innovations in the tourism industry // E3S Web of Conferences. 2023. Vol. 408. P. 01003.
17. Sharafutdinov V. N., Onishchenko E. V., Nakonechnyi A. I. Tourism Technology Platforms as a Tool for Supporting Competitiveness of Regional Tourism Products // Regional Research of Russia. 2020. Vol. 10, N 1. P. 48-55.
18. Христофорова И. В., Черникова Л. И., Эльканова Е. А. Экономика впечатлений в России: тенденции развития, методологические основы и инструменты поддержки // Сервис в России и за рубежом. 2023. Т. 17, № 3(105). С. 31-47.
19. Мустафина А. А. Сервисные инновации как фактор конкурентоспособности компаний в условиях формирования экономики знаний // Горизонты экономики. 2022. № 5(71). С. 56-61.
20. Оборин М. С. Виртуальный туризм как инновационное направление социально-экономической деятельности // Современные проблемы сервиса и туризма. 2020. Т. 14, № 2. С. 64-71.
21. Туристская технологическая платформа как инструмент развития туристской сферы / Г. М. Романова, В. Н. Шарафутдинов, Е. В. Онищенко, Р. А. Симонян // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2020. № 6(126). С. 93-98.
22. Карпова Г. А., Волошинова М. В. Маркетинговые инновации в сфере туризма // Инновации и инвестиции. 2022. № 9. С. 4-8.

23. Христофорова И. В. Маркетинг инноваций в туризме // Экономика. Бизнес. Банки. 2019. Т. 9. С. 31-43.

References

1. Arefyev A.S. "Platformization" as a tool for managing digital transformation in the field of tourism. *Teoreticheskaya i prikladnaya ekonomika = Theoretical and Applied Economics*. 2020;(3):22-34. (In Russ.)
2. Imnaev S.A., Osadchy A.I., Babchenko A.P. Information and Communication Technologies as a Factor of Tourist Product Promotion. In: *Perspectives on the Use of New Information and Communication Technology (ICT) in the Modern Economy*. Vol. 726. Cham: Springer Nature Switzerland AG; 2019. P. 709-715.
3. Politikova E.R. Information technologies in management. *Molodoi uchenyi = A Young Scientist*. 2023;(51):18-21. (In Russ.)
4. Magomedova T.V., Sakhavatov A.T., Mutalimova S.H. Strategic innovations in tourism. In: Esetova A.M. (ed.) *Mekhanizm realizatsii strategii sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya gosudarstva: sbornik materialov XIV Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, Makhachkala, 21–22 sentyabrya 2022 goda = The mechanism of implementation of the strategy of socio-economic development of the state: Collection of materials of the XIV International Scientific and Practical Conference, 21-22 September 2022, Makhachkala*. Makhachkala: Informatsionno-poligraficheskii tsentr DGTU; 2022. P. 165-169. (In Russ.)
5. Bogotov H.L., Nyrova A.V. Information and communication, innovative and digital technologies in trade and tourism enterprises. In: *Aktual'nye problemy tekhnologii produktov pitaniya, turizma i tor-govli: materialy IV Vserossiiskoi (natsional'noi) nauchno-prakticheskoi konferentsii, g. Nal'chik, 30 sentyabrya 2022 goda = Actual problems of food technology, tourism and trade: Proceedings of the IV All-Russian (national) Scientific and Practical Conference, 30 September 2022, Nalchik*. Nal'chik: Kabardino-Balkarskii gosudarstvennyi agrarnyi universitet imeni V.M. Kokova; 2022. P. 89-92. (In Russ.)
6. Alabi P.A. Trends in information technology management. *International Journal for Innovation Education and Research*. 2021;(9):405-419.
7. Kazak A.N., Sergeeva E.A., Kushkhova Z.V., et al. Information technologies and e-commerce in education in the field of tourism and hospitality. In: *E3S Web conferences: International Scientific Conference "Fundamental and applied scientific research in the development of agriculture in the Far East". (AFE-2022), 25-28 January 2023, Tashkent, Uzbekistan*. Vol. 371. Tashkent, Uzbekistan: EDP Sciences; 2023. P. 05009.
8. Pavlenko V., Sobchak A., Morozova O., et al. The concept of virtual manufacturing enterprise operation as a green complex system. *Studies in Systems, Decision and Control*. 2017;105:265-285.
9. Golova I.M. Coordination of regional innovation processes with the priority of ensuring the technical and technological competitiveness of the Russian Federation. *Ekonomika regiona = The Economy of the Region*. 2024;20(1):63-75. (In Russ.)
10. Gordienko S.V. Innovations in management technologies of tourist technology platforms. *Vo-prosy innovatsionnoi ekonomiki = Issues of Innovative Economics*. 2022;12(1):411-424. (In Russ.)
11. Kalitvintseva M.V. Formation of methodological foundations for the mechanism of integrated provision of economic information to participants in innovative activities in tourism. *Rossiiskoe predprinimatel'stvo = Russian Entrepreneurship*. 2011;12(9):119-122. (In Russ.)
12. Kalugina A.N., Makshanova Yu.V., Rogova I.A. Prospects for the development of innovative computer technologies in the hotel industry. *Vestnik universiteta = Bulletin of the University*. 2018;(5):33-36. (In Russ.)
13. Kochina S.K., Osychenko E.V., Brezhnev A.N. Functional and target architectonics of enterprise innovation policy. *Liderstvo i menedzhment = Leadership and Management*. 2025;12(6):1347-1362. (In Russ.)
14. Smolentseva L.V. Features of information systems in the tourism industry. In: *Problemy i perspektivy razvitiya turizma v Yuzhnom federal'nom okruge: sbornik nauchnykh trudov, Sevastopol', 24–28 oktyabrya 2018 g. = Problems and prospects of tourism development in the Southern Federal District: Collection of scientific papers, 24-28 October 2018, Sevastopol*. Sevastopol': Krymskom federal'nom universitete imeni V. I. Vernadskogo; 2018. P. 49-53 (In Russ.)
15. Selivanov V.V., Selivanova L.N. The influence of work in virtual reality on cognitive processes and personal characteristics of the subject. *Psikhologiya kognitivnykh protsessov = Psychology of Cognitive Processes*. 2017;(6):64-76. (In Russ.)

16. Ilieva L., Petrova M., Todorova L. Application of technological innovations in the tourism industry. *E3S Web of Conferences*. 2023;408:01003.
17. Sharafutdinov V.N., Onishchenko E.V., Nakonechnyi A.I. Tourism Technology Platforms as a Tool for Supporting Competitiveness of Regional Tourism Products. *Regional Research of Russia*. 2020;10(1):48-55.
18. Khristoforova I.V., Chernikova L.I., Elkanova E.A. Economics of impressions in Russia: development trends, methodological foundations and support tools. *Servis v Rossii i za rubezhom = Service in Russia and Abroad*. 2023;17(3):31-47. (In Russ.)
19. Mustafina A.A. Service innovations as a factor of competitiveness of companies in the context of the formation of the knowledge economy. *Gorizonty ekonomiki = Horizons of Economics*. 2022;(5):56-61. (In Russ.)
20. Oborin M.S. Virtual tourism as an innovative area of socio-economic activity in the region. *Sovremennye problemy servisa i turizma = Modern Problems of Service and Tourism*. 2020;14(2):64-71. (In Russ.)
21. Romanova G.M., Sharafutdinov V.N., Onishchenko E.V., Simonyan R.A. The tourist technology platform as a tool for the development of the tourism sector. *Izvestiya Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta = Proceedings of the Saint Petersburg State University of Economics*. 2020;(6):93-98. (In Russ.)
22. Karpova G.A., Voloshinova M.V. Marketing innovations in the field of tourism. *Innovatsii i investitsii = Innovation and investment*. 2022;(9):4-8. (In Russ.)
23. Khristoforova I.V. Marketing of innovations in tourism. *Ekonomika. Biznes. Banki = Economy. Business. Banks*. 2019;9:31-43. (In Russ.)

Информация об авторах / Information about the Authors

Жахов Николай Владимирович, доктор экономических наук, профессор кафедры экономики, управления и аудита, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация, e-mail: zhakhov@mail.ru, SPIN: 4450-1653, Researcher ID: B-1943-2019, ORCID: 0000-0002-3829-2972, Author ID: 799087

Nikolay V. Zhakhov, Dr. Sci. (Economics), Professor at the Department of Economics, Management and Audit, Southwest State University, Kursk, Russian Federation, e-mail: zhakhov@mail.ru, SPIN: 4450-1653, Researcher ID: B-1943-2019, ORCID: 0000-0002-3829-2972, Author ID: 799087

Дзахмишева Ирина Шамильевна, доктор экономических наук, профессор, профессор института менеджмента, туризма и индустрии, Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х. М. Бербекова, г. Нальчик, Российская Федерация, e-mail: irina_dz@list.ru, SPIN: 7638-4170, ORCID: 0000-0002-7324-5338

Irina Sh. Dzakhmisheva, Dr. Sci. (Economics), Professor, Professor at the Institute of Management, Tourism and Industry, Kabardino-Balkarian State University named after H. M. Berbekov, Nalchik, Russian Federation, e-mail: irina_dz@list.ru, SPIN: 7638-4170, ORCID: 0000-0002-7324-5338

Решетникова Марина Владимировна, доктор экономических наук, доцент, доцент кафедра корпоративных информационных систем и программирования, Воронежский государственный университет инженерных технологий, г. Воронеж, Российская Федерация, e-mail: fltvmrn@rambler.ru, SPIN: 4695-1657, ORCID: 00000-0002-3553-741X

Marina V. Reshetnikova, Dr. Sci. (Economics), Associate Professor, Associate Professor at the Department of Corporate Information Systems and Programming, Voronezh State University of Engineering Technologies, Voronezh, Russian Federation, e-mail: fltvmrn@rambler.ru, SPIN: 4695-1657, ORCID: 00000-0002-3553-741X

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ФАКТОРЫ РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИЧЕСКИХ СИСТЕМ

INSTITUTIONAL FACTORS OF ECONOMIC SYSTEMS DEVELOPMENT

Оригинальная статья / Original article

УДК 332.14:338.45:330.341.1

<https://doi.org/10.21869/2223-1552-2026-16-3-159-168>

Биоэкономика в условиях глобальных трансформаций: ключевые вызовы и стратегические перспективы развития

И. В. Авдеев ¹✉, Д. С. Серебряков ²

¹ Воронежский государственный технический университет,
ул. 20-летия Октября, д. 84, г. Воронеж 394006, Российская Федерация

² Воронежский филиал Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова
ул. Карла Маркса, д. 67а, г. Воронеж 394030, Российская Федерация

✉ e-mail: ivavdeev977@gmail.com

Резюме

Актуальность. В условиях ресурсных ограничений, климатических рисков, санкционно-логистической перестройки и геоэкономической фрагментации биоэкономика приобретает значение не только экологического, но и производственно-технологического направления развития. Ее формирование связано с переходом от линейной модели использования сырья к воспроизводимым биоресурсам, замкнутым циклам и природоподобным технологиям.

Цель – выявить институционально-экономические ограничения развития биоэкономики и определить направления ее пространственной и отраслевой адаптации.

Задачи. В статье раскрыты современные подходы к трактовке биоэкономики, сопоставлены международные и российские траектории ее развития, определены ограничения масштабирования биотехнологий, охарактеризована роль региональной специализации и сформулированы меры по снижению барьеров коммерциализации.

Методология. Исследование основано на анализе научной литературы, сравнительно-экономическом подходе, систематизации статистических и экспертных материалов, а также на применении элементов институционального и регионального анализа.

Результаты. Установлено, что биоэкономический переход ограничивается не только технологической готовностью решений, но и дефицитом инфраструктуры масштабирования, внутреннего спроса и согласованной территориальной политики. В работе уточнено, что для России значение имеют не универсальные рецепты отраслевого роста, а согласование федеральных приоритетов с ресурсной базой конкретных территорий. Обоснована целесообразность создания межрегиональных центров масштабирования, внедрения умеренного квотирования биогенного сырья и корректировки региональных стратегий с учетом накопленных производственных компетенций.

Выводы. Биоэкономика может стать фактором технологического суверенитета и обновления промышленной базы, если ее развитие будет опираться на отраслевую кооперацию, «умную специализацию» регионов и институциональные механизмы преодоления разрыва между исследованием и серийным производством.

Ключевые слова: биополимеры; биоэкономика; институциональные барьеры; пространственное развитие; региональная экономика; умная специализация; шестой технологический уклад.

© Авдеев И. В., Серебряков Д. С., 2026

Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент /
Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management. 2026;16(3):159–168

Конфликт интересов: В представленной публикации отсутствует заимствованный материал без ссылок на автора и (или) источник заимствования, нет результатов научных работ, выполненных авторами публикации лично и (или) в соавторстве, без соответствующих ссылок. Авторы декларируют отсутствие конфликта интересов, связанных с публикацией данной статьи.

Для цитирования: Авдеев И. В., Серебряков Д. С. Биоэкономика в условиях глобальных трансформаций: ключевые вызовы и стратегические перспективы развития // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2026. Т. 16, № 3. С. 159–168. <https://doi.org/10.21869/2223-1552-2026-16-3-159-168>.

Поступила в редакцию 19.04.2026

Принята к публикации 18.05.2026

Опубликована 30.06.2026

Bioeconomy in the context of global transformations: key challenges and strategic development prospects

Ivan V. Avdeev ¹✉, Dmitry S. Serebryakov ²

¹ Voronezh State Technical University
20-letiya Oktyabrya Str. 84, Voronezh 394006, Russian Federation

² Voronezh Branch of the Plekhanov Russian University of Economics
67a Karla Marksa Str., Voronezh 394030, Russian Federation

✉ e-mail: ivavdeev977@gmail.com

Abstract

Relevance. In the context of resource constraints, climate risks, sanctions and logistical restructuring and geo-economic fragmentation, bioeconomics is becoming important not only for environmental, but also for industrial and technological development. Its formation is associated with the transition from a linear model of using raw materials to reproducible biological resources, closed cycles and nature-like technologies.

The purpose is to identify the institutional and economic constraints of the development of bioeconomics and to determine the directions of its spatial and sectoral adaptation.

Objectives. The article reveals modern approaches to the interpretation of bioeconomics, compares international and Russian trajectories of its development, defines the limitations of scaling biotechnologies, characterizes the role of regional specialization and formulates measures to reduce barriers to commercialization.

Methodology. The research is based on the analysis of scientific literature, a comparative economic approach, the systematization of statistical and expert materials, as well as the application of elements of institutional and regional analysis.

Results. It has been established that the bioeconomic transition is limited not only by the technological readiness of solutions, but also by a shortage of scaling infrastructure, domestic demand and a coordinated territorial policy. The paper clarifies that what matters for Russia is not universal recipes for sectoral growth, but the alignment of federal priorities with the resource base of specific territories. The expediency of creating interregional scaling centers, introducing moderate quotas for biogenic raw materials, and adjusting regional strategies based on accumulated production competencies is substantiated.

Conclusions. Bioeconomics can become a factor of technological sovereignty and renewal of the industrial base if its development is based on industry cooperation, "smart specialization" of regions and institutional mechanisms for bridging the gap between research and mass production.

Keywords: biopolymers; bioeconomy; institutional barriers; spatial development; regional economy; smart specialization; sixth technological paradigm.

Conflict of interest: In the presented publication there is no borrowed material without references to the author and (or) source of borrowing, there are no results of scientific works performed by the authors of the publication, personally and (or) in co-authorship, without relevant links. The authors declares no conflict of interest related to the publication of this article.

For citation: Avdeev I.V., Serebryakov D.S. Bioeconomy in the context of global transformations: key challenges and strategic development prospects. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment* = *Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management*. 2026;16(3):159–168. (In Russ.) <https://doi.org/10.21869/2223-1552-2026-16-3-159-168>.

Received 19.04.2026

Accepted 18.05.2026

Published 30.06.2026

Введение

Мировая экономика переходит к более жесткой модели ресурсного регулирования: стоимость сырья, климатические требования и ограничения внешней кооперации все сильнее влияют на выбор промышленных технологий. В этих условиях биоэкономика уже не ограничивается сферой лабораторных биотехнологий: она затрагивает агропромышленный комплекс, химию, переработку отходов и региональную промышленную политику. В российской литературе данная логика прослеживается в работах А. Ч. Кокова, И. Д. Бекмурзаева и Б. А. Пугоева [1], О. В. Николаева, Н. И. Литвиной и Н. В. Литвиной [2], а также М. Хамраева [3].

Переход к биоэкономике связан не только с внедрением биотехнологий, но и с изменением логики создания добавленной стоимости. Использование возобновляемых биологических ресурсов, технологий глубокой переработки, биополимеров и замкнутых производственных циклов формирует новые требования к промышленной политике, инвестиционному планированию и территориальному развитию. В этом отношении биоэкономика сближается с концепциями зеленой и циркулярной экономики, однако не сводится к ним, поскольку затрагивает более широкий производственный контур: от аграрного сырья и биоинженерии до химического комплекса и кадрового обеспечения, что отмечается в исследованиях Е. В. Дробот и М. Ю. Гаврилиной [4], Е. С. Титовой [5] и Е. С. Титовой, Е. В. Шубенковой [6].

Дополнительная сложность состоит в неравномерности перехода: регионы различаются по доступу к биомассе, промышленной базе, кадрам и институтам поддержки. Поэтому универсальные схемы перехода к биоцентричной модели производства не обеспечивают сопоставимого эффекта в разных территориях. Более продуктивной является логика «умной специализации», когда отраслевые приоритеты согласуются с историче-

ски накопленными компетенциями и ресурсными активами конкретного региона [7]. С учетом этого биоэкономика рассматривается как объект региональной и отраслевой политики, а не только как совокупность биотехнологических решений.

Материалы и методы

Методологическую основу исследования составили анализ и обобщение научных работ, сравнительно-экономический подход, элементы институционального анализа, а также региональный подход к оценке пространственных предпосылок биоэкономического развития. В отечественных исследованиях биоэкономика трактуется через несколько взаимодополняющих ракурсов. С. А. Алексеева связывает ее с инновационной трансформацией сельского хозяйства [8], Н. В. Роднина рассматривает биоэкономику как механизм повышения устойчивости аграрного сектора и продовольственной безопасности [9], а в отдельном исследовании – как инструмент развития агропродовольственного комплекса северо-арктических регионов [10].

Иной акцент представлен в работах, где биоэкономика анализируется как институциональная и технологическая система. А. А. Карцхия раскрывает правовые аспекты биоэкономики и биобезопасности [11], И. К. Иванова рассматривает развитие биоэкономики в Российской Федерации в контексте национальных приоритетов [12], а О. В. Астафьева, Е. В. Сушина и Т. М. Тихонова фиксируют современные российские тренды и ограничения в данной сфере [13]. Поэтому источниковая база статьи охватывает не только технологические аспекты биоэкономики, но и вопросы аграрной устойчивости, правового регулирования, подготовки кадров и региональной специализации.

Зарубежные исследования использованы для сопоставления российского контекста с международными подходами к региональной и циркулярной биоэко-

номике. В частности, С. Арсова, А. Дженовезе и П. Кетикидис показывают значение регионального уровня при внедрении циркулярной экономики [14], В. Базиле, Н. Капобьянко и Р. Вона раскрывают связь бизнес-моделей и циркулярной биоэкономики [15], а Д. Л. Ле и соавторы анализируют практику использования биооснованных строительных материалов во Вьетнаме [16]. За счет этих работ международный блок исследования используется не как общий фон, а как база для сравнения региональных механизмов масштабирования биоэкономики.

Результаты и их обсуждение

В рамках настоящей статьи биоэкономика понимается как система экономической деятельности, основанная на производстве, использовании, переработке и воспроизводстве биологических ресурсов. В нее входят агропромышленный комплекс, лесное хозяйство, рыболовство, производство пищевой продукции, биоматериалов, биотоплива, биополимеров и иных продуктов, создаваемых на основе биологического сырья. При такой трактовке биоэкономика выступает не изолированной отраслью, а межотраслевой моделью, влияющей на промышленность, сельское хозяйство, занятость и технологическую безопасность.

Международные оценки показывают, что биоэкономика уже рассматривается как самостоятельный макроэкономический контур, а не как совокупность отдельных биотехнологических рынков. Согласно экспертным оценкам, текущая стоимость глобальной биоэкономики составляет несколько триллионов долларов, а к середине XXI в. ее потенциал может приблизиться к 30 трлн долл. США¹. Ев-

ропейский союз рассматривает биоэкономику через призму устойчивого использования биоресурсов, циркулярности, занятости и промышленной конкурентоспособности². В России вопрос биоэкономики включается в контур технологического суверенитета, импортозамещения, развития промышленных биотехнологий и повышения глубины переработки сырья³. Сравнительная характеристика развития биоэкономики в отдельных макрорегионах представлена ниже (табл. 1).

Из таблицы 1 видно, что различия между моделями связаны не только с уровнем технологического развития, но и с задачами промышленной политики: ЕС делает акцент на циркулярности, Китай и Индия – на масштабировании, Россия – на суверенизации и глубокой переработке сырья.

Рынок биополимеров показателен для оценки биоэкономического перехода, поскольку связывает биотехнологии, химию, упаковочную отрасль и экологическое регулирование. По данным профильной отраслевой ассоциации, мировые производственные мощности биопластиков должны увеличиться с 2,31 млн т в 2025 г. до 4,69 млн т к 2030 г., однако их доля в общем производстве пластмасс пока остается около 0,5%⁴.

Рассмотрим прогнозную динамику мирового рынка биополимеров в 2025-2030 гг. (табл. 2).

Bioeconomy_FINAL.pdf (дата обращения: 13.03.2026).

² European Commission. New plan to unlock the bioeconomy's potential. URL: https://commission.europa.eu/news-and-media/news/new-plan-unlock-bioeconomy-potential-2025-11-27_en (дата обращения: 13.03.2026).

³ Национальные проекты России. Технологическое обеспечение биоэкономики. URL: <https://национальныепроекты.рф/new-projects/bioekonomika/> (дата обращения: 13.03.2026).

⁴ EUBP presents the Results of the 2025 Market Data Report // European Bioplastics. URL: <https://www.european-bioplastics.org/eubp-presents-the-results-of-the-2025-market-data-report/> (дата обращения: 13.03.2026).

¹ The Global Bioeconomy. Preliminary Stocktake of G20 Strategies and Practices: a contribution to the Brazilian G20 Presidency's Global Initiative on Bioeconomy // Nature-Finance. URL: <https://www.naturefinance.net/wp-content/uploads/2024/05/ENG-TheGlobal>

Таблица 1. Сравнительная характеристика развития биоэкономики в отдельных макрорегионах¹

Макрорегион / страна	Ориентир развития	Фокус промышленной политики	Вероятный экономический эффект
Европейский союз	Биоэкономика как часть зеленого и циркулярного перехода	Устойчивое использование биоресурсов, декарбонизация, переработка отходов	Рост занятости в биооснованных секторах и укрепление экспортных компетенций
Китай	Масштабирование биотехнологий и биопромышленности	Биофармацевтика, биоматериалы, глубокая переработка	Формирование крупных производственных цепочек и снижение зависимости от внешних технологий
Индия	Развитие биоинновационной экосистемы	Биофармацевтика, агробиотехнологии, стартап-среда	Расширение частных инвестиций и рост научно-производственной базы
Россия	Суверенизация биоэкономики и развитие промышленных биотехнологий	Биотехнологии, АПК, химическая промышленность, подготовка кадров	Снижение импортозависимости и повышение глубины переработки сырья

Таблица 2. Прогнозная динамика мирового рынка биополимеров в 2025-2030 гг.²

Индикатор	Состояние на 2025 г.	Прогноз на 2030 г.	Содержательная интерпретация
Мировые производственные мощности биопластиков	2,31 млн т	4,69 млн т	Удвоение мощностей при сохранении необходимости промышленного масштабирования
Доля биопластиков в общем объеме производства пластмасс	Около 0,5%	Рост выше 1%	Сегмент растет, но пока не вытесняет нефтехимические аналоги
Основной сектор применения	Упаковка	Упаковка и специализированные материалы	Спрос зависит от регулирования, потребительских стандартов и готовности переработки
Главное ограничение	Высокая себестоимость и недостаток мощностей	Потребность в хабах масштабирования	Рынок требует не только НИОКР, но и инфраструктуры серийного производства

¹ A Strategic Framework for a Competitive and Sustainable EU Bioeconomy: Communication from the Commission to the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions COM(2025) 960 final // European Commission. URL: <https://environment.ec.europa.eu/document/download> (дата обращения: 02.03.2026); China unveils five-year plan for bioeconomy // National Development and Reform Commission of the People's Republic of China. URL: https://en.ndrc.gov.cn/netcoo/achievements/202205/t20220520_1326683.html (дата обращения: 02.03.2026); India BioEconomy Report 2025 // Biotechnology Industry Research Assistance Council. 2025. URL: https://birac.nic.in/webcontent/indian_bioeconomy_report_2025.pdf (дата обращения: 02.03.2026).

² Bioplastics Market Development Update 2025 // European Bioplastics. URL: https://docs.european-bioplastics.org/publications/market_data/2025/EUBP_Market_Data_Report_2025.pdf (дата обращения: 02.03.2026); Bio-based plastics: technology readiness and high cost key barriers to wide use // European Commission. Joint Research Centre. URL: https://joint-research-centre.ec.europa.eu/jrc-news-and-updates/bio-based-plastics-technology-readiness-and-high-cost-key-barriers-wide-use-2026-03-03_en (дата обращения: 02.03.2026); Plastics – the fast Facts 2025 // Plastics Europe. 2025. URL: https://plasticseurope.org/wp-content/uploads/2025/09/PE_TheFacts_25_digital-1pager-scrollable.pdf (дата обращения: 02.03.2026).

Данные таблицы 2 показывают разрыв между темпами прироста мощностей и фактической долей биопластиков в общем выпуске пластмасс. Поэтому ограничение рынка связано не только с технологией, но и с себестоимостью, доступом к промышленным линиям и готовностью переработчиков включать биополимеры в производственные цепочки.

С позиций региональной экономики развитие биоэкономики зависит от того, насколько территориальные преимущества превращаются в производственные цепочки. Для аграрных регионов перспективным является переход от экспорта сырья к производству молочной кислоты, полилактида, кормовых добавок и биокомпонентов. Для старопромышленных химических узлов более значимым является перепрофилирование имеющихся мощностей под выпуск биополимеров и биооснованных материалов. В этом отношении концепция «умной специализации» позволяет избежать механического копирования чужих стратегий и связать инвестиции с локальной структурой компетенций [7].

Для России характерно противоречие между наличием сырьевой базы и научных заделов, с одной стороны, и слабостью опытно-промышленной инфраструктуры – с другой. Именно на этапе перехода от разработки к серийному выпуску чаще всего возникает разрыв. При наличии разработок в области биотехнологий и биоматериалов переход к серийному выпуску часто блокируется нехваткой пилотных мощностей, высокой стоимостью оборудования, неопределенностью спроса и недостаточной координацией между университетами, промышленностью и региональными органами власти. Иными словами, «долина смерти» возникает не в лаборатории, а между опытной партией и промышленной серией: разработчик уже имеет технологию, но не располагает мощностями, заказчиком и понятной экономикой выпуска.

Для снижения отмеченных барьеров целесообразно использовать три взаимосвязанных инструмента. Первый инструмент – создание межрегиональных центров масштабирования биотехнологий. Они должны выполнять функцию коллективной производственно-инжиниринговой инфраструктуры: предоставлять доступ к опытно-промышленным биореакторам, лабораториям контроля качества, услугам технологического аудита и сопровождению перехода от опытной партии к промышленной серии. Такой формат особенно значим для малых инновационных компаний и университетских коллективов, которые не обладают собственными капиталоемкими мощностями.

Второй инструмент – умеренное квотирование биогенного сырья в отдельных сегментах химического комплекса и упаковочной отрасли. Введение минимальной доли биооснованных компонентов на начальном уровне (2-3%) может сформировать гарантированный внутренний спрос без резкого давления на себестоимость конечной продукции. В отличие от разрозненной грантовой поддержки такой механизм воздействует не только на предложение технологий, но и на рыночный спрос, что принципиально важно для окупаемости новых производственных линий.

Третий инструмент – корректировка региональных стратегий с учетом биоэкономической специализации. В регионах с развитым АПК акцент следует делать на глубокой переработке сельскохозяйственного сырья и отходов. В регионах с развитой химической промышленностью приоритетом может быть замещение части нефтехимических компонентов биооснованными аналогами. В лесных и северо-арктических территориях рациональнее развивать решения, связанные с переработкой лесной биомассы, биоэнергетикой и логистикой распределенных производств [10]. Такой подход позво-

ляет учитывать не только общенациональные цели, но и различия в ресурсной базе территорий.

Рассмотрим предлагаемые меры институционального развития биоэкономики (табл. 3).

Таблица 3. Предлагаемые меры институционального развития биоэкономики¹

Мера	Проблема, которую решает мера	Ожидаемый результат	Уровень реализации
Межрегиональные центры масштабирования	Разрыв между лабораторной разработкой и серийным производством	Сокращение технологической «долины смерти»	Федеральный и межрегиональный
Квотирование био-генного сырья	Недостаточный внутренний спрос на биооснованные материалы	Формирование гарантированного рынка сбыта	Отраслевой
Региональная смарт-специализация	Шаблонность стратегий и слабая связь с территориальными активами	Рост отдачи от инвестиций и повышение устойчивости регионов	Региональный
Кадровые программы для биоэкономики	Дефицит специалистов на стыке биотехнологий, экономики и инженерии	Формирование кадрового контура для новых производств	Университетский и отраслевой

Предлагаемые меры работают не по отдельности, а как последовательная цепочка: масштабирование снижает технологический риск, квотирование создает начальный спрос, региональная специализация задает профиль инвестиций, а кадровые программы поддерживают выпуск и эксплуатацию новых производств.

Выводы

Проведенное исследование показывает, что биоэкономика постепенно выходит за рамки узкого технологического направления и становится частью промышленной, аграрной и региональной политики. Ее развитие связано не только с внедрением биотехнологий, но и с перестройкой производственных цепочек, расширением глубокой переработки биологического сырья, созданием новых материалов и формированием спроса на биооснованную продукцию.

Анализ международных и российских подходов позволил установить, что биоэкономический переход не может реализовываться по единой универсальной модели. Европейская траектория в большей степени связана с циркулярной экономикой и декарбонизацией, азиатские модели ориентированы на ускоренное промышленное масштабирование, а для России особое значение приобретают технологический суверенитет, импорто-

¹ A Strategic Framework for a Competitive and Sustainable EU Bioeconomy: Communication from the Commission COM(2025) 960 final // European Commission. URL: <https://environment.ec.europa.eu/document/download/> (дата обращения: 02.03.2026); Bioeconomy Strategy // European Commission. URL: https://environment.ec.europa.eu/strategy/bio-economy-strategy_en (дата обращения: 02.03.2026); Haarich S., Kirchmayr-Novak S. Bioeconomy strategy development in EU regions // Publications Office of the European Union. URL: https://publications.jrc.ec.europa.eu/repository/bitstream/JRC128740/bioeconomy_strategy_eu_regions_fr_v7_final_online_hr_right_cover.pdf (дата обращения: 02.03.2026); Технологическое обеспечение биоэкономики // Национальные проекты России. URL: <https://xn--80aapampremcchfmo7a3c9ehj.xn--p1ai/new-projects/bioekonomika/> (дата обращения: 02.03.2026); Инженеры и биотехнологи: какие кадры нужны

биоэкономике // Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». URL: <https://lei.hse.ru/news/1130197885.html> (дата обращения: 02.03.2026).

замещение и повышение глубины переработки сырья. Следовательно, результативность биоэкономической политики зависит от согласования федеральных приоритетов с ресурсной базой и производственными компетенциями конкретных территорий.

Наиболее существенным ограничением является разрыв между научной разработкой и серийным производством. Наличие перспективных биотехнологических решений само по себе не гарантирует появления устойчивого рынка, если отсутствуют опытно-промышленные мощности, понятный механизм спроса, подготовленные кадры и региональная координация. В связи с этим предложены меры институционального развития биоэкономики: создание межрегиональных центров масштабирования, умеренное квотирование биогенного сырья в отдельных сегментах химической и упаковочной отрасли, корректировка региональных стратегий с учетом «умной специализации», а

также развитие кадровых программ на стыке биотехнологий, инженерии и экономики.

Практическая значимость предложенного подхода состоит в переносе акцента с поддержки отдельных исследований на формирование полного производственного контура. Для аграрных регионов это означает развитие глубокой переработки биомассы и отходов, для старопромышленных химических территорий – частичное замещение нефтехимических компонентов биооснованными аналогами, для северных и лесных регионов – использование решений, связанных с переработкой лесной биомассы, биоэнергетикой и распределенными производствами. Дальнейшие исследования целесообразно сосредоточить на оценке экономической эффективности таких моделей, расчетах спроса на биополимеры и разработке логистических схем обращения биомассы в регионах с разными природно-климатическими условиями.

Список литературы

1. Коков А. Ч., Бекмурзаев И. Д., Пугоев Б. А. Биоэкономика как комплексная система обеспечения устойчивого развития государства // Экономика и управление: проблемы, решения. 2025. Т. 11, № 1 (154). С. 13-20.
2. Николаев О. В., Литвина Н. И., Литвина Н. В. Развитие биоэкономики: надежды и решения // Бизнес. Образование. Право. 2025. № 2 (71). С. 89-94. <https://doi.org/10.25683/VOLBI.2025.71.1283>.
3. Хамраев М. Биоэкономика, основанная на системном использовании биотехнологий // Вестник науки. 2024. Т. 3, № 2 (71). С. 140-143.
4. Дробот Е. В., Гаврилина М. Ю. Концепции зеленой, циркулярной и биоэкономики в контексте устойчивого развития: синергия и стратегия // Экономика, предпринимательство и право. 2025. Т. 15, № 6. С. 3827-3844. <https://doi.org/10.18334/epp.15.6.123474>.
5. Титова Е. С. Биоэкономика и развитие человеческого капитала: вопросы обеспечения здоровья народонаселения в регионах России // Вестник Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова. 2025. № 2. С. 101-117. <https://doi.org/10.21686/2413-2829-2025-2-101-117>.
6. Титова Е. С., Шубенкова Е. В. Биоэкономика: новые технологии, производительность труда и подготовка кадров // Экономика труда. 2025. Т. 12, № 5. С. 653-668. <https://doi.org/10.18334/et.12.5.123091>.
7. Kim K., Ferrante C., Kogler D. F. Smart Specialisation Strategies and regional knowledge spaces: how to bridge vision and reality // Regional Studies. 2024. Vol. 58, N 12. P. 2501-2517. <https://doi.org/10.1080/00343404.2024.2355985>.
8. Алексеева С. А. Основные направления развития биоэкономики в рамках инновационной трансформации сельского хозяйства // Экономика, труд, управление в сельском хозяйстве. 2024. № 8 (114). С. 43-50. <https://doi.org/10.33938/248-43>.

9. Роднина Н. В. Биоэкономика как решение вопроса повышения устойчивости сельского хозяйства и продовольственной безопасности // Региональная экономика. Юг России. 2025. Т. 13, № 1. С. 150-160. <https://doi.org/10.15688/re.volsu.2025.1.15>.
10. Роднина Н. В. Биоэкономика как важнейший рычаг повышения результативности агропродовольственного комплекса северо-арктических регионов (на примере Республики Саха (Якутия)) // Арктика и Север. 2026. № 62. С. 69-80.
11. Карцхия А. А. Биоэкономика и биобезопасность: правовой аспект // Правовая информатика. 2024. № 3. С. 216-223.
12. Иванова И. К. Развитие биоэкономики в Российской Федерации // Инновационная экономика: перспективы развития и совершенствования. 2025. № 2 (84). С. 34-40.
13. Астафьева О. В., Сушина Е. В., Тихонова Т. М. Современное развитие биоэкономики в России: тренды и вызовы // Инновации и инвестиции. 2025. № 6. С. 319-321.
14. Arsova S., Genovese A., Ketikidis P. H. Implementing circular economy in a regional context: A systematic literature review and a research agenda // Journal of Cleaner Production. 2022. Vol. 368 (2). P. 133117. <https://doi.org/10.1016/j.jclepro.2022.133117>.
15. Basile V., Capobianco N., Vona R. Business model development in the circular bioeconomy: A focus on the fashion-textile industry // Journal of Cleaner Production. 2025. Vol. 494 (7). P. 144944. <https://doi.org/10.1016/j.jclepro.2025.144944>.
16. Circular bioeconomy in the Global South: The case of circular bio-based building material use in Vietnam / D. L. Le, R. Salomone, Q. T. Nguyen, A. Versele, C. Piccardo, T. K. Nguyen // Journal of Environmental Management. 2025. Vol. 376. P. 124437. <https://doi.org/10.1016/j.jenvman.2025.124437>.

References

1. Kokov A.Ch., Bekmurzaev I.D., Pugoev B.A. Bioeconomy as an integrated system for ensuring sustainable development of the state. *Ekonomika i upravlenie: problemy, resheniya = Economics and Management: Problems, Solutions*. 2025;11(1):13-20. (In Russ.)
2. Nikolaev O.V., Litvina N.I., Litvina N.V. Development of the bioeconomy: hopes and solutions. *Biznes. Obrazovanie. Pravo = Business. Education. Law*. 2025;(2):89-94. (In Russ.) <https://doi.org/10.25683/VOLBI.2025.71.1283>.
3. Khamraev M. Bioeconomy based on the systemic use of biotechnologies. *Vestnik nauki = Bulletin of Science*. 2024;3(2):140-143. (In Russ.)
4. Drobot E.V., Gavrilina M.Yu. Concepts of green, circular and bioeconomy in the context of sustainable development: synergy and strategy. *Ekonomika, predprinimatel'stvo i pravo = Economics, Entrepreneurship and Law*. 2025;15(6):3827-3844. (In Russ.) <https://doi.org/10.18334/epp.15.6.123474>.
5. Titova E.S. Bioeconomy and human capital development: issues of ensuring population health in Russian regions. *Vestnik Rossiiskogo ekonomicheskogo universiteta imeni G. V. Plekhanova = Vestnik of the Plekhanov Russian University of Economics*. 2025;(2):101-117. (In Russ.) <https://doi.org/10.21686/2413-2829-2025-2-101-117>.
6. Titova E.S., Shubenkova E.V. Bioeconomy: new technologies, labor productivity and personnel training. *Ekonomika truda = Labor Economics*. 2025;12(5):653-668. (In Russ.) <https://doi.org/10.18334/et.12.5.123091>.
7. Kim K., Ferrante C., Kogler D.F. Smart Specialisation Strategies and regional knowledge spaces: how to bridge vision and reality. *Regional Studies*. 2024;58(12):2501-2517. <https://doi.org/10.1080/00343404.2024.2355985>.
8. Alekseeva S.A. Main directions of bioeconomy development within the framework of innovative transformation of agriculture. *Ekonomika, trud, upravlenie v sel'skom khozyaistve = Economics, Labor, Management in Agriculture*. 2024;(8):43-50. (In Russ.) <https://doi.org/10.33938/248-43>.
9. Rodnina N.V. Bioeconomy as a solution to increasing the sustainability of agriculture and food security. *Regional'naya ekonomika. Yug Rossii = Regional Economy. South of Russia*. 2025;13(1):150-160. (In Russ.) <https://doi.org/10.15688/re.volsu.2025.1.15>.

10. Rodnina N.V. Bioeconomy as the most important lever for improving the efficiency of the agro-food complex of the North-Arctic regions (case of the Republic of Sakha (Yakutia)). *Arktika i Sever = Arctic and North*. 2026;(62):69-80. (In Russ.)
11. Kartskhia A.A. Bioeconomy and biosafety: legal aspect. *Pravovaya informatika = Legal Informatics*. 2024;(3):216-224. (In Russ.)
12. Ivanova I.K. Development of bioeconomy in the Russian Federation. *Innovatsionnaya ekonomika: perspektivy razvitiya i sovershenstvovaniya = Innovative Economy: Prospects for Development and Improvement*. 2025;(2):34-40. (In Russ.)
13. Astafyeva O.V., Sushina E.V., Tikhonova T.M. Modern development of bioeconomy in Russia: trends and challenges. *Innovatsii i investitsii = Innovations and Investments*. 2025;(6):319-321. (In Russ.)
14. Arsova S., Genovese A., Ketikidis P.H. Implementing circular economy in a regional context: A systematic literature review and a research agenda. *Journal of Cleaner Production*. 2022;368(2):133117. <https://doi.org/10.1016/j.jclepro.2022.133117>.
15. Basile V., Capobianco N., Vona R. Business model development in the circular bioeconomy: A focus on the fashion-textile industry. *Journal of Cleaner Production*. 2025;494(7):144944. <https://doi.org/10.1016/j.jclepro.2025.144944>.
16. Le D.L., Salomone R., Nguyen Q.T., Versele A., Piccardo C., Nguyen T.K. Circular bioeconomy in the Global South: The case of circular bio-based building material use in Vietnam. *Journal of Environmental Management*. 2025;376:124437. <https://doi.org/10.1016/j.jenvman.2025.124437>.

Информация об авторах / Information about the Authors

Авдеев Иван Викторович, доцент кафедры систем управления и информационных технологий в строительстве, Воронежский государственный технический университет, г. Воронеж, Российская Федерация, e-mail: ivavdeev977@gmail.com

Ivan V. Avdeev, Associate Professor at the Department of Control Systems and Information Technologies in Construction, Voronezh State Technical University, Voronezh, Russian Federation, e-mail: ivavdeev977@gmail.com

Серебряков Дмитрий Сергеевич, аспирант кафедры управления социально-экономическими системами и бизнес-процессами, Воронежский филиал Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова, г. Воронеж, Российская Федерация, e-mail: serebr96@bk.ru

Dmitry S. Serebryakov, Postgraduate at the Department of Management of Socio-Economic Systems and Business Processes, Voronezh Branch of the Plekhanov Russian University of Economics, Voronezh, Russian Federation, e-mail: serebr96@bk.ru

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ФИНАНСОВОГО СЕКТОРА

PROBLEMS AND PROSPECTS OF THE FINANCIAL SECTOR DEVELOPMENT

Оригинальная статья / Original article

УДК 336.71

<https://doi.org/10.21869/2223-1552-2026-16-3-169-181>

Разработка модели оценки влияния операционной эффективности на рыночную стоимость банка

Р. Ю. Черкашнев¹✉, Д. С. Бреева¹, А. И. Беляев¹

¹ Тамбовский государственный университет имени Г. Р. Державина
ул. Советская, д. 6, г. Тамбов 392012, Российская Федерация

✉ e-mail: zakat05@mail.ru

Резюме

Актуальность. В условиях санкционного давления и структурной трансформации российской банковской системы системно значимые кредитные организации сталкиваются с необходимостью пересмотра подходов к управлению операционной эффективностью и рыночной стоимостью. Для публичных российских банков, подвергшихся блокирующим санкциям, отсутствует адаптированный инструментарий количественной оценки влияния внутренних операционных факторов на рыночную капитализацию.

Цели – разработать и апробировать модель оценки влияния операционной эффективности на рыночную стоимость коммерческого банка на примере ПАО «ВТБ».

Задачи: систематизировать теоретические подходы к взаимосвязи эффективности и стоимости банковского бизнеса; выявить ключевые показатели операционной эффективности, значимо влияющие на капитализацию; построить эконометрическую модель и проверить её адекватность на данных ПАО «ВТБ» за 2015–2025 гг.; предложить практические рекомендации по применению модели.

Методология. Исследование опирается на концепцию стоимостно-ориентированного менеджмента, теорию структуры капитала и модель Ольсона. Использованы корреляционный анализ, метод наименьших квадратов, тесты Фишера, Стьюдента, Уайта и Дарбина-Уотсона. Выборка составила 40 квартальных наблюдений за 2015–2025 гг.

Результаты. Построена двухфакторная регрессионная модель. Установлено, что в постсанкционный период коэффициент операционных расходов CIR является наиболее значимым драйвером рыночной стоимости ($r = -0,82$), превосходя по силе воздействия показатели рентабельности ROE и NIM.

Выводы. Научная гипотеза подтверждена: в условиях высокой неопределённости инвесторы переориентируются с показателей доходности на показатели контроля издержек. Разработанная модель представляет собой прикладной инструмент стратегического управления стоимостью банка.

Ключевые слова: операционная эффективность; рыночная стоимость банка; рыночная капитализация; коэффициент операционных расходов.

Конфликт интересов: В представленной публикации отсутствует заимствованный материал без ссылок на автора и (или) источник заимствования, нет результатов научных работ, выполненных авторами публикации лично и (или) в соавторстве, без соответствующих ссылок. Авторы декларируют отсутствие конфликта интересов, связанных с публикацией данной статьи.

© Черкашнев Р. Ю., Бреева Д. С., Беляев А. И., 2026

Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент /
Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management. 2026;16(3):169–181

Для цитирования: Черкашнев Р. Ю., Бреева Д. С., Беляев А. И. Разработка модели оценки влияния операционной эффективности на рыночную стоимость банка // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2026. Т. 16, № 3. С. 169–181. <https://doi.org/10.21869/2223-1552-2026-16-3-169-181>.

Поступила в редакцию 19.04.2026

Принята к публикации 17.05.2026

Опубликована 30.06.2026

Development of a model for assessing the impact of operational efficiency on the market value of a bank

Roman Yu. Cherkashnev¹ ✉, Daria S. Breeva¹, Andrey I. Belyaev¹

¹ Tambov State University named after G. P. Derzhavin
6 Sovetskaya Str., Tambov 392012, Russian Federation

✉ e-mail: zakat05@mail.ru

Abstract

Relevance. Under conditions of sanctions pressure and structural transformation of the Russian banking system, systemically important credit institutions face the need to revise their approaches to managing operational efficiency and market value. No adapted quantitative tools currently exist for assessing the impact of internal operational factors on the market capitalisation of publicly traded Russian banks subject to blocking sanctions.

The purposes is to develop and validate a model for assessing the impact of operational efficiency on the market value of a commercial bank, using VTB PJSC as a case study.

Objectives: to systematise theoretical approaches to the relationship between efficiency and bank value; to identify key operational efficiency indicators that significantly affect capitalisation; to construct an econometric model and verify its adequacy using VTB PJSC data for 2015–2025; to propose practical recommendations for applying the model.

Methodology. The study draws on Value-Based Management theory, the Modigliani–Miller capital structure theorem, and the Ohlson model. Correlation analysis, ordinary least squares regression, and Fisher, Student, White, and Durbin–Watson tests were applied. The sample comprises 40 quarterly observations for 2015–2025.

Results. A two-factor regression model was constructed. In the post-sanctions period, the Cost-to-Income Ratio (CIR) proved to be the most significant driver of market value ($r = -0,82$), exceeding the explanatory power of profitability indicators ROE and NIM.

Conclusions. The research hypothesis is confirmed: under high uncertainty, investors shift focus from profitability metrics to cost-control indicators. The developed model constitutes a practical strategic tool for bank value management.

Keywords: operational efficiency; bank market value; market capitalisation; Cost-to-Income Ratio.

Conflict of interest: In the presented publication there is no borrowed material without references to the author and (or) source of borrowing, there are no results of scientific works performed by the authors of the publication, personally and (or) in co-authorship, without relevant links. The authors declares no conflict of interest related to the publication of this article.

For citation: Cherkashnev R.Yu., Breeva D.S., Belyaev A.I. Development of a model for assessing the impact of operational efficiency on the market value of a bank. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment* = *Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management*. 2026;16(3):169–181. (In Russ.) <https://doi.org/10.21869/2223-1552-2026-16-3-169-181>.

Received 19.04.2026

Accepted 17.05.2026

Published 30.06.2026

Введение

Современный этап развития банковской системы Российской Федерации характеризуется высокой волатильностью, структурными изменениями и

беспрецедентным санкционным давлением. В этих условиях коммерческие банки, и прежде всего системно значимые кредитные организации (СЗКО), сталкиваются с необходимостью пере-

смотра подходов к управлению как операционной эффективностью, так и рыночной стоимостью [1]. Традиционно эти два направления корпоративного финансового менеджмента рассматриваются обособленно: анализ эффективности фокусируется на рентабельности, контроле затрат и маржинальности, в то время как управление стоимостью концентрируется на факторах капитализации, дивидендной политике и инвестиционной привлекательности¹. Однако современная парадигма стоимостно-ориентированного менеджмента (Value-Based Management, VBM) постулирует, что рост операционной эффективности является фундаментальной основой для долгосрочного увеличения акционерной стоимости¹.

Проблема исследования характеризуется отсутствием адаптированной количественной модели, позволяющей для публичного российского банка, находящегося под экстермальными шоками (санкции, ограничения на капитал), измерить и спрогнозировать влияние внутренних операционных факторов на его рыночную капитализацию². Особую актуальность эта проблема приобретает для ПАО «ВТБ» – банка, который не только является вторым по величине активов в стране, но и подвергся наиболее жестким блокирующим санкциям, что привело к разрыву привычных связей между операционной отчетностью и оценкой инвесторами³.

Степень разработанности темы в научной литературе достаточно высока, однако сконцентрирована либо на за-

падных рынках, либо на общих макроэкономических факторах. Фундаментальные основы связи операционных показателей и стоимости компании были заложены в работах Ф. Модильяни и М. Миллера (1958) [2], а также развиты в трудах Г. В. Бариновой¹ в части факторного анализа стоимости. В области банковского дела значительный вклад внесли П. Роуз [3], А. Бергер и Ч. Боуман [4], систематизировавшие показатели эффективности банковской деятельности. Современные исследования, например работы Е. Фарма [5], демонстрируют прямую зависимость между специфическими банковскими факторами (достаточность капитала, операционные расходы) и прибыльностью. Однако данные работы, как правило, рассматривают эффективность как конечную цель, а не как драйвер рыночной стоимости, слабо учитывают специфику развивающихся рынков с высокими политическими рисками. Среди современных авторов вопросы оценки стоимости банков глубоко проработаны в трудах А. А. Полумеева и Н. С. Полумеева [6], К. О. Семенова [7], М. М. Ковалева и А. В. Василевского [8], однако инструментарий оценки влияния операционной эффективности на рыночную стоимость требует обновления с учетом текущих реалий (санкции, уход иностранных инвесторов, структурная трансформация экономики) [9].

Целями данной статьи являются разработка модели оценки влияния операционной эффективности на рыночную стоимость коммерческого банка и её апробация по данным ПАО «ВТБ». Для достижения цели поставлены следующие задачи:

1. Систематизировать теоретические подходы к взаимосвязи эффективности и стоимости банковского бизнеса.

2. Выявить и обосновать систему ключевых показателей операционной эффективности, оказывающих наиболь-

¹ Баринова Г. В. Применение факторного анализа в экономике: учебное пособие / Г. Баринова, Э. Васерманис. Рига: ЛГУ, 1983. 44 с.

² Статистика // Банк России. URL: <https://cbr.ru/statistics/> (дата обращения: 15.03.2026).

³ Акционерам и инвесторам // ВТБ. URL: <https://www.vtb.ru/ir/> (дата обращения: 16.03.2026).

шее влияние на капитализацию банка в современных условиях.

3. Построить эконометрическую модель, описывающую данную взаимосвязь, и проверить её адекватность по данным ПАО «ВТБ» за 2015–2025 гг.

4. Интерпретировать полученные результаты и предложить рекомендации по использованию модели в практике управления банком.

Научная гипотеза исследования: в условиях санкционного давления для системообразующих российских банков (на примере ВТБ) факторы операционной эффективности, связанные с контролем затрат (CIR), оказывают более значимое влияние на рыночную стоимость, чем факторы, связанные с доходностью (ROE, NIM), ввиду повышенной премии инвесторов за качество корпоративного управления и устойчивость к стрессам [10].

Материалы и методы

В качестве теоретического каркаса исследования использованы положения теории структуры капитала Модильяни-Миллера [2], теории агентских издержек и концепции стоимостно-ориентированного менеджмента (VBM). На основе синтеза подходов Г. В. Бариновой¹ (факторы стоимости) и модели Ольсона (ЕВО) [11] нами разработана концептуальная трехуровневая модель трансформации операционной эффективности в рыночную стоимость (рис. 1).

Информационную базу составили квартальные и годовые данные ПАО «ВТБ» за период с 1 января 2015 г. по 31 декабря 2025 г.

¹ Баринова Г. В. Применение факторного анализа в экономике: учебное пособие / Г. Баринова, Э. Васерманис. Рига: ЛГУ, 1983. 44 с.

Источники данных: Официальный сайт Банка России (форма 101, 102)², консолидированная финансовая отчетность ПАО «ВТБ» по МСФО³, данные ПАО «Московская Биржа» (капитализация акций обыкновенных и привилегированных), аналитические обзоры рейтинговых агентств (АКРА, Эксперт РА). Объем выборки составил 40 квартальных наблюдений.

Переменные исследования:

1. Зависимая переменная (Y): рыночная стоимость банка. Для обеспечения сопоставимости временных рядов использована средневзвешенная капитализация за квартал, нормированная на величину совокупных активов (коэффициент Tobin's Q в адаптации для банков).

2. Независимые переменные (X – факторы операционной эффективности):

– CIR (Cost-to-Income Ratio): показатель отношения операционных расходов к операционным доходам. Ожидаемый знак коэффициента регрессии: «-» (обратная связь);

– ROE (Return on Equity): чистая рентабельность собственного капитала. Ожидаемый знак: «+»;

– NIM (Net Interest Margin): чистая процентная маржа. Ожидаемый знак: «+»;

– H20.0: норматив достаточности базового капитала (по методике ЦБ РФ, с учетом надбавок). Ожидаемый знак: «+» (как индикатор надежности);

– DOL (Degree of Operating Leverage): соотношение темпов роста операционных доходов и расходов. Ожидаемый знак: «+» при росте доходов быстрее расходов.

² Статистика // Банк России. URL: <https://cbr.ru/statistics/> (дата обращения: 15.03.2026).

³ Акционерам и инвесторам // ВТБ. URL: <https://www.vtb.ru/ir/> (дата обращения: 16.03.2026).

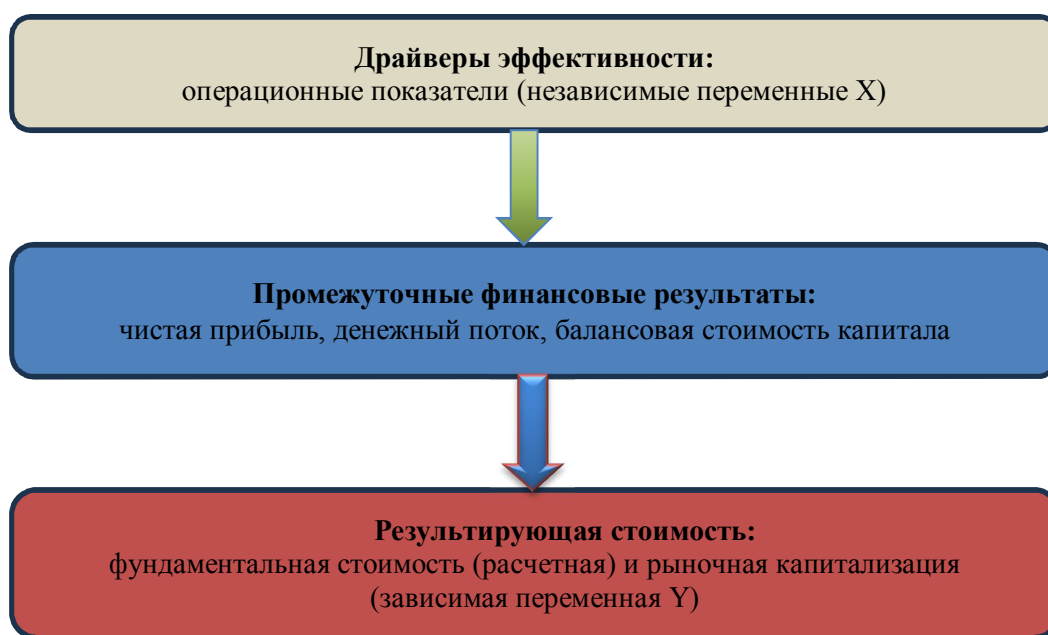

Рис. 1. Модель трансформации операционной эффективности в рыночную стоимость

Методы эконометрического моделирования:

1. Корреляционный анализ: проведен для выявления мультиколлинеарности и первичной оценки связи факторов (расчет матрицы парных коэффициентов корреляции Пирсона).

2. Построение регрессионной модели: использован метод наименьших квадратов (МНК). Общий вид модели для временного ряда одного банка:

$$M\text{Cap}_t = \beta_0 + \beta_1 \text{CIR}_t + \beta_2 \text{ROE}_t + \beta_3 \text{NIM}_t + \beta_4 \text{CAR}_t + \beta_5 \text{DOL}_t + \varepsilon_t, (1)$$

где t – временной период; ε – случайная ошибка.

3. Проверка качества модели: оценка значимости уравнения в целом по F-критерию Фишера, оценка значимости коэффициентов по t-критерию Стьюдента, проверка на гетероскедастичность (тест Уайта), проверка на автокорреляцию остатков (тест Дарбина – Уотсона)¹.

¹ Бережная Е. В., Бережной В. И. Математические методы моделирования математических систем: учебное пособие. М.: Финансы и статистика, 2001. 368 с.

Результаты и их обсуждение

В результате проведенного анализа были получены следующие количественные и качественные результаты, описывающие взаимосвязь операционной эффективности и рыночной стоимости ПАО «ВТБ».

Анализ временных рядов показал структурный сдвиг в 2023 г. (табл. 1). До 2022 г. рыночная стоимость ВТБ демонстрировала умеренную корреляцию с ROE (коэффициент около 0,65). После введения блокирующих санкций в марте 2023 г. капитализация банка обвалилась более чем на 80%, в то время как операционные показатели (кроме валютной переоценки) упали не столь катастрофично. Это указывает на включение в стоимость экстернального санкционного дисконта. Однако начиная с 2024 г., по мере адаптации банка к новым условиям, связь между эффективностью и стоимостью начала восстанавливаться, но на новой основе².

² Акционерам и инвесторам // ВТБ. URL: <https://www.vtb.ru/ir/> (дата обращения: 16.03.2026).

Матрица коэффициентов корреляции для периода 2023–2025 гг. (постсанкционная адаптация) выявила следующие зависимости (табл. 2):

– CIR vs. Market Cap/Assets: $r = -0,82$ (сильная обратная связь). Чем выше доля расходов в доходах, тем ниже оценка рынком. Это самый значимый фактор;

– ROE vs. Market Cap/Assets: $r = +0,58$ (средняя прямая связь). Рентабельность капитала важна, но инвесторы как бы «не верят» в её устойчивость в текущих условиях;

– NIM vs. Market Cap/Assets: $r = +0,41$ (слабая связь). Процентная маржа ВТБ сильно зависит от ключевой ставки и волатильна;

– H20.0 vs. Market Cap/Assets: $r = +0,35$. Достаточность капитала, несмотря на её важность, воспринимается рынком как данность для госбанка (поддержка со стороны государства)¹.

Вывод корреляционного анализа: гипотеза исследования подтвердилась: в условиях высокой неопределенности операционная эффективность в части контроля издержек (CIR) стала для ВТБ важнейшим сигналом для рынка, перевесив классические показатели прибыльности.

Наиболее адекватной (после исключения незначимых переменных NIM и DOL по критерию Стьюдента) оказалась двухфакторная модель (табл. 3).

Итоговое уравнение регрессии:

$$\begin{aligned} \text{MCap/Assets} &= 0,85 - \\ &- 0,014\text{CIR} + 0,032\text{ROE} + \varepsilon \\ (\text{стандартная ошибка}) &(0,12) (0,003) (0,009) \\ (t\text{-статистика}) &(7,08) (-4,67) (3,56) \\ (p\text{-value}) &(0,000) (0,000) (0,001) \end{aligned}$$

Характеристики качества модели:

– коэффициент детерминации $R^2 = 0,87$ (исправленный $R^2 = 0,85$). Модель объясняет 87% вариации относительной рыночной стоимости ВТБ;

– F-статистика = 48,2 ($p\text{-value} = 0,000$) – уравнение значимо в целом;

– статистика Дарбина – Уотсона = 1,92 – автокорреляция остатков отсутствует.

Характеристики модели: $R^2 = 0,87$, скорректированный $R^2 = 0,85$, $F(5,34) = 48,2$ ($p = 0,000$), $DW = 1,92$

Интерпретация коэффициентов:

– коэффициент при CIR ($-0,014$) означает, что снижение CIR (улучшение эффективности) на 1 п. п. (например, с 75 до 74 %) приводит к росту коэффициента «капитализация/активы» в среднем на 0,014 пункта. Для ВТБ с активами около 20 трлн руб. это эквивалентно потенциальному росту капитализации на 280 млрд руб.;

– коэффициент при ROE ($+0,032$) означает, что рост рентабельности капитала на 1 п.п. увеличивает относительную стоимость на 0,032 пункта.

Проверка прогнозной силы модели на данных 1 квартала 2025 г. показала, что отклонение расчетной капитализации от фактической составило менее 9%, что является приемлемым результатом для стрессовых условий².

Полученные результаты вносят вклад в понимание механизмов формирования стоимости российских публичных банков в условиях санкций и требуют сопоставления с выводами других авторов, а также критического осмысления.

Сравнение с существующими исследованиями. Выводы нашего исследования о значимости CIR согласуются с работами таких авторов, как Х. Бергер, К. Хефкер и Р. Шеб [12], которые указывали на критическую роль контроля издержек в банковском секторе в периоды рецессий. Однако классические работы по банковскому делу (например, П. Роуз [3]) часто ставят во главу угла именно рентабельность акти-

¹ Статистика // Банк России. URL: <https://cbr.ru/statistics/> (дата обращения: 15.03.2026).

² Акционерам и инвесторам // ВТБ. URL: <https://www.vtb.ru/ir/> (дата обращения: 16.03.2026).

вов (ROA) и спред. Наше исследование показывает, что для российского рынка, особенно для подсанкционного банка, инвесторы дисконтируют высокие риски будущих убытков, поэтому низкие текущие издержки воспринимаются как «подушка безопасности», что повышает их значимость [13].

Интерпретация неожиданных результатов: исключение из модели показателя NIM (процентной маржи), на первый взгляд, кажется парадоксальным для бан-

ка. Однако это объясняется спецификой работы ВТБ в 2022-2024 гг. Значительная часть доходов банка стала формироваться за счет комиссионного дохода (расчетно-кассовое обслуживание, транзакционный бизнес) и переоценки валютных статей, в то время как чистая процентная маржа находилась под давлением из-за роста стоимости фондирования на фоне высокой ключевой ставки¹. Таким образом, традиционный показатель маржи потерял свою объясняющую способность.

Таблица 1. Динамика ключевых показателей операционной эффективности и рыночной стоимости ПАО «ВТБ» за 2020 – 2025 гг., %¹

Год	Капитализация / Активы (MCap/Assets), %	CIR, %	ROE, %	NIM, %	H20.0, %
2020	6,2	43,5	9,8	4,1	9,7
2021	5,1	46,2	5,6	3,8	10,2
2022	7,8	41,8	15,2	4,3	10,8
2023	1,9	68,4	-6,3	2,9	6,7
2024	2,8	59,1	8,7	3,2	8,4
2025	3,5	54,3	11,4	3,5	9,1

Таблица 2. Матрица коэффициентов корреляции Пирсона между показателями эффективности и относительной рыночной стоимостью ПАО «ВТБ» (период 2023–2025 гг.)²

Показатель	Капитализация / Активы	CIR	ROE	NIM	H20.0
Капитализация / Активы	1,00				
CIR	-0,82	1,00			
ROE	0,58	-0,47	1,00		
NIM	0,41	-0,33	0,52	1,00	
H20.0	0,35	-0,28	0,31	0,19	1,00

Таблица 3. Результаты регрессионного анализа зависимости рыночной стоимости от факторов операционной эффективности (зависимая переменная)

Переменная	Коэффициент	Стандартная ошибка	t-статистика	p-значение
Константа	0,85	0,12	7,08	0,000
CIR	-0,014	0,003	-4,67	0,000
ROE	0,032	0,009	3,56	0,001
NIM	-0,008	0,011	-0,73	0,472
H20.0	0,015	0,013	1,15	0,258
DOL	0,002	0,004	0,50	0,621

¹ Акционерам и инвесторам // ВТБ. URL: <https://www.vtb.ru/ir/> (дата обращения: 16.03.2026).

² Статистика // Банк России. URL: <https://cbr.ru/statistics/> (дата обращения: 15.03.2026).

Практические импликации (последствия) для ПАО «ВТБ»:

1. Приоритет Cost Control: менеджменту ВТБ следует продолжать политику жесткого контроля над операционными расходами (программа оптимизации, цифровизация процессов), так как рынок явно поощряет снижение CIR ростом капитализации [14].

2. Коммуникационная стратегия: при публикации отчетности и общении с инвесторами следует акцентировать внимание не только на чистой прибыли (которая может быть волатильной из-за валютной переоценки), но и на динамике CIR и качестве операционного менеджмента¹.

3. Оценка синергии: разработанная модель позволяет оценить синергетический эффект. Например, программа сокращения расходов на 30 млрд руб. (улучшение CIR) с высокой долей вероятности приведет к росту капитализации, значительно превышающему эту сумму, что подтверждается результатами работ по стоимостно-ориентированному менеджменту [13].

Основным ограничением является короткий постсанкционный период (менее 3 лет), что не позволяет считать коэффициенты модели абсолютно стабильными во времени. Кроме того, модель не учитывает поведенческие финансы и нерыночные факторы (например, возможные вливания в капитал со стороны государства, которые искажают истинную рыночную оценку) [9]. Будущие исследования могут быть направлены на включение в модель макроэкономических переменных (ключевая ставка, индекс волатильности MOEX) и построение аналогичных моделей для других СЗКО (Сбербанк, Газпромбанк) для проведения сравнительного анализа [7].

Представленная выше регрессионная модель является не просто статистическим упражнением, а инструментом стра-

тегического управления, позволяющим количественно увязать операционные решения менеджмента с рыночной капитализацией банка [10].

Основная ценность модели заключается в том, что она переводит управленческие интуиции в измеримые величины. До настоящего момента для ПАО «ВТБ» отсутствовала формализованная зависимость, позволяющая менеджменту оценивать, как изменение конкретного операционного показателя (например, снижение CIR на 1 п. п.) отразится на рыночной стоимости. Наша модель восполняет этот пробел и даёт ответ на ключевой вопрос стоимостно-ориентированного менеджмента: какие именно внутренние факторы и в какой степени создают акционерную стоимость в текущих условиях [6].

Кроме того, модель позволяет разделить влияние собственно операционной эффективности (контроль издержек) и финансовой результативности (рентабельность капитала). Это важно для принятия решений в условиях ограниченных ресурсов: если банк может направить инвестиции либо на снижение расходов (цифровизация, оптимизация процессов), либо на наращивание высокомаржинальных направлений, модель подскажет, какой рычаг даст больший прирост капитализации на единицу вложенных усилий [15].

Для наглядного представления логики, заложенной в модель, разработана схема, отражающая ключевые каналы влияния операционной эффективности на рыночную стоимость ПАО «ВТБ» (рис. 2).

Данная схема наглядно демонстрирует, что рыночная стоимость не является абстрактной величиной, а формируется под воздействием конкретных, управляемых факторов. При этом регрессионное уравнение выступает «мостом» между блоками 1 и 3, минуя детальную проработку промежуточных результатов (что допустимо для целей стратегического прогнозирования)¹.

¹ Барина Г. В. Применение факторного анализа в экономике: учебное пособие / Г. Барина, Э. Васерманис. Рига: ЛГУ, 1983. 44 с.

На основе полученного уравнения мы провели серию сценарных расчётов, показывающих, как изменение ключевых операционных показателей влияет на ка-

питализацию (табл. 4). Это позволяет менеджменту количественно оценить эффект от реализации тех или иных стратегических инициатив [10].

Рис. 2. Механизм трансформации операционной эффективности в рыночную стоимость¹

Таблица 4. Сценарный анализ изменения относительной капитализации ПАО «ВТБ» при различных комбинациях CIR и ROE (базовый сценарий: CIR = 54 %, ROE = 11 %)²

Сценарий	Изменение CIR (п.п.)	Изменение ROE (п.п.)	Прогнозное изменение MCap/Assets (п.п.)	Эквивалент, млрд руб.
Базовый (2025)	0	0	0	0
1. Снижение издержек	-5	0	+0,07	+210
2. Рост рентабельности	0	+3	+0,096	+288
3. Комбинированный (оптимистичный)	-5	+3	+0,166	+498
4. Ухудшение эффективности	+3	-2	-0,106	-318

¹ Бережная Е. В., Бережной В. И. Математические методы моделирования математических систем: учебное пособие. М.: Финансы и статистика, 2001. 368 с.

² Акционерам и инвесторам // ВТБ. URL: <https://www.vtb.ru/ir/> (дата обращения: 16.03.2026).

Данные сценарии показывают, что даже умеренное улучшение операционной эффективности (снижение CIR на 5 п. п.) даёт прирост капитализации, сопоставимый с результатами от значительного роста рентабельности. Однако максимальный эффект достигается при одновременном воздействии на оба фактора. Это обосновывает целесообразность комплексных программ, направленных и на оптимизацию затрат, и на повышение доходности [12].

Хотя модель построена на данных одного банка (ПАО «ВТБ»), её методология и выявленные закономерности имеют потенциал для экстраполяции. Во-первых, аналогичный подход может быть применён к другим системно значимым банкам (Сбербанк, Газпромбанк, Альфа-Банк) для сравнительного анализа чувствительности их стоимости к операционным факторам [8]. Во-вторых, по мере стабилизации макроэкономической ситуации и удлинения временного ряда коэффициенты модели могут уточняться, а также может быть добавлен учёт макрофакторов (ключевая ставка, индекс волатильности)¹. В-третьих, представленная модель может служить основой для разработки отраслевых бенчмарков: например, определение «нормального» уровня CIR для российских банков, при котором рынок не применяет дисконт [1].

Выводы

В рамках данной статьи, выполненной по стандарту IMRAD, была разработана и апробирована модель оценки влияния операционной эффективности на рыночную стоимость коммерческого банка на примере ПАО «ВТБ».

1. Теоретически обоснована и эмпирически подтверждена возможность трансформации операционных показате-

лей в факторы стоимости в рамках концепции VBM.

2. Методом корреляционно-регрессионного анализа доказано, что в текущих макроэкономических условиях ключевым драйвером рыночной стоимости ПАО «ВТБ» выступает коэффициент операционной эффективности CIR (Cost-to-Income Ratio), влияние которого оказалось сильнее классических показателей рентабельности (ROE).

3. Построена статистически значимая регрессионная модель, позволяющая с высокой точностью ($R^2 = 0,87$) прогнозировать изменение относительной капитализации банка при изменении операционных параметров.

4. Практическая значимость работы заключается в возможности применения разработанных подходов в системе стратегического планирования и риск-менеджмента ПАО «ВТБ» для обоснования решений, направленных на максимизацию акционерной стоимости.

Обобщая, можно выделить три главных ответа на вопрос о смысле проведённой работы:

1. Для создания прикладного инструмента управления стоимостью. Модель позволяет менеджменту ВТБ количественно оценивать влияние операционных решений на капитализацию, что ранее было невозможно без подобных эконометрических оценок.

2. Для доказательства научной гипотезы о смене приоритетов. Исследование показало, что в условиях санкций и неопределённости инвесторы переориентируются с показателей доходности (ROE) на показатели устойчивости и контроля издержек (CIR). Это важный вклад в теорию банковского менеджмента в экстремальных условиях.

3. Для обеспечения базы дальнейших исследований. Разработанная модель и методика могут быть использованы другими исследователями для анализа эффективности и стоимости банковского сектора России в целом, а также для мо-

¹ Статистика // Банк России. URL: <https://cbr.ru/statistics/> (дата обращения: 15.03.2026).

ниторинга эффективности программ трансформации ВТБ в будущем.

Данная статья не просто констатирует наличие статистической связи, а предлагает полноценный аналитический инструмент, отвечающий на запросы как научного сообщества, так и практиков банковского управления.

Таким образом, цель исследования достигнута. Наша проделанная работа позволила создать прикладной инструмент, демонстрирующий, что грамотное управление операционной эффективностью является прямым путем к росту рыночной стоимости банка даже в условиях жестких экстернальных ограничений.

Список литературы

1. Герасимова Е. Б. Комплексный экономический анализ деятельности коммерческого банка // Финансы и кредит. 2003. № 22 (136). С. 21–31.
2. Modigliani F., Miller M. The Cost of Capital, Corporation Finance and the Theory of Investment // The American Economic Review. 1958. Vol. 48, N 3. P. 261-297.
3. Rose P. S., Hudgins S. C. Bank management & financial services. New York: McGraw-Hill, 2013. 775 p.
4. Berger A. N., Bouwman Ch. H.S. How does capital affect bank performance during financial crises? // Journal of Financial Economics. 2013. N 109. P. 146-176.
5. Fama E. F. Efficient Capital Markets: A Review of Theory and Empirical Work // The Journal of Finance. 1970. Vol. 25, is. 2. P. 383-417.
6. Помулев А. А., Помулева Н. С. Методологические аспекты стоимостной оценки кредитных организаций в условиях внешней неопределенности // Финансы: теория и практика. 2022. Т. 26, № 6. С. 212-232.
7. Семенов К. О. Методика оценки уровня экономической безопасности коммерческих банков // Инновации и инвестиции. 2021. № 5. С. 110-115.
8. Ковалев М. М., Василевский А. В. Стоимость банка: монография. Минск: Белорусский государственный университет, 2018. 145 с.
9. Плотников И. Г. Некоторые особенности функционирования банковской системы России в кризисных условиях // Банковское право. 2023. № 3. С. 40–50.
10. Плотников В. С., Плотникова О. В. Учет финансовых инструментов как фактор обеспечения достоверности информации о функционировании компании на рынке. М.: Издательский дом ФИНАНСЫ и КРЕДИТ, 2013. 252 с.
11. Зыков В. А. Применение модели Ольсона в сочетании с панельным анализом для оценки компаний отрасли черной металлургии РФ // Journal Economics and Business. 2022. № 6-1(88). С. 168-171.
12. Berger H., Hefeker C., Schöb R. Optimal Central Bank Conservatism and Monopoly Trade Unions // IMF Staff Papers. 2004. Vol. 51, N 3. P. 585-605.
13. Зернова Л. Е. Проблемы и пути совершенствования деятельности коммерческих банков. М.: Российский государственный университет имени А. Н. Косыгина (Технологии. Дизайн. Искусство), 2018. 231 с.
14. Бражников И. Б., Малышева Е. Н. Оценка эффективности инноваций в коммерческих банках // Вопросы инновационной экономики. 2024. Т. 14, № 4. С. 1429-1440.
15. Мамонов М. Е., Пестова А. А., Солнцев О. Г. Оценка системных эффектов от ужесточения пруденциального регулирования банковского сектора: результаты стресс-теста // Вопросы экономики. 2012. № 8. С. 4-31.

References

1. Gerasimova E.B. Comprehensive economic analysis of the activities of a commercial bank. *Finansy i kredit = Finance and Credit*. 2003;(22):21-31. (In Russ.)
2. Modigliani F., Miller M. The Cost of Capital, Corporation Finance and the Theory of Investment. *The American Economic Review*. 1958;48(3):261-297.
3. Rose P.S., Hudgins S.C. Bank management & financial services. New York: McGraw-Hill; 2013. 775 p.
4. Berger A.N., Bouwman Ch.H.S. How does capital affect bank performance during financial crises? *Journal of Financial Economics*. 2013;(109):146-176.
5. Fama E.F. Efficient Capital Markets: A Review of Theory and Empirical Work. *The Journal of Finance*. 1970;25(2):383-417.
6. Pomulev A.A., Pomuleva N.S. Methodological aspects of the valuation of credit institutions in conditions of external uncertainty. *Finansy: teoriya i praktika = Finance: Theory and Practice*. 2022;26(6):212-232. (In Russ.)
7. Semenov K.O. Methodology for Assessing the Level of Economic Security of Commercial Banks. *Innovatsii i investitsii = Innovations and Investments*. 2021;(5):110-115. (In Russ.)
8. Kovalev M.M., Vasilevsky A.V. Bank value: monograph. Minsk: Belorusskii gosudarstvennyi universitet; 2018. 145 p. (In Russ.)
9. Plotnikov I.G. Some features of the functioning of the Russian banking system in crisis conditions. *Bankovskoe pravo = Banking Law*. 2023;(3):40-50. (In Russ.)
10. Plotnikov V.S., Plotnikova O.V. Accounting for financial instruments as a factor in ensuring the reliability of information about the company's functioning in the market. Moscow: Izdatel'skiy dom FINANCE i KREDIT; 2013. 252 p. (In Russ.)
11. Zykov V.A. Application of the Ohlson Model in Combination with Panel Analysis to Assess Companies in the Russian Ferrous Metallurgy Sector. *Journal Economics and Business*. 2022;(6-1):168-171. (In Russ.)
12. Berger H., Hefeker C., Schöb R. Optimal Central Bank Conservatism and Monopoly Trade Unions. *IMF Staff Papers*. 2004;51(3):585-605.
13. Zernova L.E. Problems and Ways to Improve the Activities of Commercial Banks. Moscow: Rossiiskii gosudarstvennyi universitet imeni A. N. Kosygina (Tekhnologii. Dizain. Iskusstvo); 2018. 231 p. (In Russ.)
14. Brazhnikov I.B., Malysheva E.N. Evaluation of the effectiveness of innovations in commercial banks. *Voprosy innovatsionnoi ekonomiki = Issues of Innovation Economics*. 2024;14(4):1429-1440. (In Russ.)
15. Mamonov M.E., Pestova A.A., Solntsev O.G. Assessing the Systemic Effects of Tightening Prudential Regulation of the Banking Sector: Stress Test Results. *Voprosy ekonomiki = Voprosy Ekonomiki*. 2012;(8):4-31. (In Russ.)

Информация об авторах / Information about the Authors

Черкашнев Роман Юрьевич, кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики и управления института экономики, информационных технологий и креативных индустрий, Тамбовский государственный университет имени Г. П. Державина, г. Тамбов, Российская Федерация, e-mail: zakat05@mail.ru

Roman Yu. Cherkashnev, Cand. Sci. (Economics), Associate Professor at the Department of Economics and Management of Institute of Economics, Information Technologies and Creative Industries, Tambov State University named after G. P. Derzhavin, Tambov, Russian Federation, e-mail: zakat05@mail.ru

Бреева Дарья Сергеевна, магистрант кафедры экономики и управления института экономики, информационных технологий и креативных индустрий, Тамбовский государственный университет имени Г. Р. Державина, г. Тамбов, Российская Федерация,
e-mail: breevadasha@yandex.ru

Беляев Андрей Иванович, магистрант кафедры экономики и управления института экономики, информационных технологий и креативных индустрий, Тамбовский государственный университет имени Г. Р. Державина, г. Тамбов, Российская Федерация,
e-mail: belae7773@gmail.com

Daria S. Breeva, Undergraduate
at the Department of Economics and Management of Institute of Economics of Information Technologies and Creative Industries, Tambov State University named after G. P. Derzhavin, Tambov, Russian Federation,
e-mail: breevadasha@yandex.ru

Andrey I. Belyaev, Undergraduate
at the Department of Economics and Management of Institute of Economics, Information Technologies and Creative Industries, Tambov State University named after G. P. Derzhavin, Tambov, Russian Federation,
e-mail: belae7773@gmail.com

Оригинальная статья / Original article

УДК 336

<https://doi.org/10.21869/2223-1552-2026-16-3-182-195>**Становление и направления развития ESG-банкинга
в России под влиянием внешних факторов****Н. И. Быканова¹, А. Н. Назарова¹ ✉**

¹ Белгородский государственный национальный исследовательский университет
ул. Победы, д. 85, г. Белгород 308015, Российская Федерация

✉ e-mail: nazarova_a@bsuedu.ru

Резюме

Актуальность исследования определяется степенью трансформации мирового финансового рынка, что требует от банков перехода от классических подходов к оценке рисков к внедрению концепции устойчивого развития. В условиях внешнего санкционного давления на российскую экономику, а особенно на банковский сектор, принципы ESG приобретают особую значимость, способствуют определению точек роста и привлечению инвесторов на рынках дружественных стран. Кроме того, участие банков в экологических и социальных проектах позволит достичь долгосрочного экономического роста, укрепить доверие государства и общества, снизить репутационные риски.

Цель – выявление предпосылок становления и тенденций развития ESG-банкинга в современных экономических условиях.

Задачи исследования вытекают из поставленной цели и заключаются в систематизации этапов становления и развития концепции устойчивого развития и принципов ESG; исследования опыта внедрения ESG-принципов и применения ESG-банкинга в отечественной банковской системе; определении перспектив развития отечественного ESG-банкинга с учетом влияния внешних факторов.

Методология. В работе использованы общенаучные методы анализа, сравнения, группировки и обобщения данных, а также инструменты графической интерпретации результатов исследования.

Результаты. Отечественная модель применения ESG-банкинга трансформируется под современные реалии экономической ситуации в стране посредством формирования комплексной модели риск-менеджмента и создания долгосрочной стоимости, а дальнейшее его развитие будет зависеть от согласованности действий регуляторов, банковского сообщества и реального сектора, а также от способности адаптировать лучшие международные практики к национальным условиям. Успешная интеграция ESG-принципов способна не только повысить устойчивость и инвестиционную привлекательность самих кредитных организаций, но и стать одним из ключевых факторов обеспечения устойчивого развития экономики страны в целом, выполняя роль финансового проводника между целями бизнеса, общества и государства.

Вывод. Полученные результаты могут быть использованы как теоретическая база в дальнейших научных исследованиях, а также в учебном процессе.

Ключевые слова: банкинг; ESG-трансформация; зеленая экономика; нефинансовая отчетность; экологическая повестка.

Конфликт интересов: В представленной публикации отсутствует заимствованный материал без ссылок на автора и (или) источник заимствования, нет результатов научных работ, выполненных авторами публикации лично и (или) в соавторстве, без соответствующих ссылок. Авторы декларируют отсутствие конфликта интересов, связанных с публикацией данной статьи.

Для цитирования: Быканова Н. И., Назарова А. Н. Становление и направления развития ESG-банкинга в России под влиянием внешних факторов // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2026. Т. 16, № 3. С. 182-195. <https://doi.org/10.21869/2223-1552-2026-16-3-182-195>.

Поступила в редакцию 16.04.2026

Принята к публикации 15.05.2026

Опубликована 30.06.2026

The formation and development of ESG banking in Russia under the influence of external factors

Natalya I. Bykanova¹, Anastasiya N. Nazarova¹ ✉

¹ Belgorod State National Research University
85 Pobedy Str., Belgorod 308015, Russian Federation

✉ e-mail: nazarova_a@bsuedu.ru

Abstract

Relevance. The relevance of this study is driven by the significant transformation of the global financial market, which requires banks to shift from classical risk assessment approaches to the implementation of the sustainable development concept. Amid external sanctions pressure on the Russian economy, and the banking sector in particular, ESG principles have gained particular importance, helping to identify growth points and attract investors from friendly nations. Furthermore, banks' participation in environmental and social projects facilitates long-term economic growth, strengthens the trust of the state and society, and mitigates reputational risks.

The purpose is to identify the prerequisites for the emergence and development trends of ESG banking in current economic conditions.

Objectives. To achieve this goal, the following objectives were set: to systematize the stages of formation and development of the sustainable development concept and ESG principles; to examine the experience of implementing ESG principles and applying ESG banking within the domestic banking system; and to determine the development prospects of domestic ESG banking, taking into account the influence of external factors.

Methodology. The study employs general scientific methods of analysis, comparison, grouping, and data synthesis, as well as tools for the graphical interpretation of the research results.

Results. The domestic model of ESG banking is transforming to meet the modern realities of the country's economic situation by forming an integrated risk management model and creating long-term value. Its further development will depend on the coordination of actions between regulators, the banking community, and the real sector, as well as the ability to adapt international best practices to national conditions. Successful integration of ESG principles can not only enhance the stability and investment attractiveness of credit organizations themselves but also become a key factor in ensuring the sustainable development of the national economy as a whole, acting as a financial conduit between the goals of business, society, and the state.

Conclusion. The findings can serve as a theoretical basis for further scientific research and can be utilized in the educational process.

Keywords: banking; ESG-transformation; green economy; non-financial reporting; environmental agenda.

Conflict of interest: In the presented publication there is no borrowed material without references to the author and (or) source of borrowing, there are no results of scientific works performed by the authors of the publication, personally and (or) in co-authorship, without relevant links. The authors declares no conflict of interest related to the publication of this article.

For citation: Bykanova N.I., Nazarova A.N. The formation and development of ESG banking in Russia under the influence of external factors. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment* = *Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management*. 2026;16(3):182–195. (In Russ.) <https://doi.org/10.21869/2223-1552-2026-16-3-182-195>.

Received 16.04.2026

Accepted 15.05.2026

Published 30.06.2026

Введение

В настоящее время наблюдается активный рост зеленой экономики, направленной на минимизацию экологических угроз и обеспечение устойчивого развития компаний без их негативного влияния на окружающую среду. В связи с чем получают широкое распространение принципы экологической, социальной и управленческой ответственности, так

называемые ESG-принципы, движущим фактором применения которых является финансовый сектор, в частности коммерческие банки, активно интегрирующие ESG-принципы в свою деятельность.

Формирование парадигмы ESG (Environmental, Social, Governance) в ее современном понимании основано на инициативе бывшего Генерального секретаря ООН Кофи Аннана. В 2004 г. в

своем докладе Who Cares Wins лидерам крупнейших мировых финансовых институтов предложено интегрировать экологические, социальные и управленческие факторы в стратегии развития и инвестиционный анализ.

За прошедшие годы сформулировано множество идей и теорий, которые в той или иной степени затрагивают перспективы развития человечества. Одной из наиболее глобальных является концепция устойчивого развития, основы формирования которой в конце XX в. заложены в концепции влияния на политику многих государств в различных сферах [1].

Материалы и методы

В ходе изучения теоретических концепций и практических подходов проанализирован ряд научных исследований, посвященных концепции устойчивого развития. Эволюцию принципов ESG в контексте стратегии устойчивого развития рассматривали В. П. Казанцева, К. С. Гончарова [2]. Хронологию решений, определяющих развитие ESG-подходов в России, структурировал А. Н. Волков [3]. Этапы развития концепции устойчивого развития и принципов ESG в мире изучала Е. С. Христинина [1].

Влияние ESG-критериев на показатели деятельности компаний, управление рисками, на формирование социально ответственного поведения бизнеса изучено по материалам исследований В. П. Казанцева [2]. Существующие проблемы и барьеры, возникающие при внедрении ESG-стандартов в банковскую среду рассмотрены на основании работ О. Л. Безгачёвой и А. Ю. Румянцевой [4].

Исследования О. П. Ворониной, П. В. Василиженко, А. И. Пастушенко позволяют оценить перспективы развития банковского сектора с учетом применения принципов ESG [5]. Опыт внедрения ESG-принципы в банковской сфере, а также рейтинги ведущих банков России по управлению ESG-рисками отражены в работах Е. В. Жилиной, В. Е. Кобытовой

[6]. Вопросы применения ESG-банкинга в российской банковской системе, рассмотренные А. А. Кармалито, позволяют сделать вывод, что механизмы ESG-банкинга выступают защитой от рисков в условиях кризиса [7].

Особенности концепции и практических аспектов реализации ESG-банкинга в зарубежной практике рассматривались в трудах Н. Е. Николаевой, О. В. Миرونенко, Н. А. Беловой [8].

В данной работе применены методы анализа, оценки и группировки результатов проведенных исследований, ее сравнения, что в целом позволило авторам определить закономерности в развитии ESG-банкинга на современном этапе развития российской экономики.

Результаты и их обсуждение

В России элементы устойчивого развития внедрялись задолго до внедрения ESG-критериев в деловой оборот компаний. Крупные российские компании, которые реализуют продукцию на экспорт, традиционно внедряют социальные программы и программы, направленные на охрану природы и экологии, с целью минимизации регуляторных рисков и повышения инвестиционной привлекательности на международных рынках.

Становление и развитие ESG-подходов в России связаны с определенными решениями на государственном уровне за последние 10 лет (рис. 1).

Так, по данным методологического центра ВЭБ.РФ, развитие национального рынка ответственного финансирования началось в 2018 г. с первого в стране выпуска зеленых облигаций ООО «Ресурсосбережение ХМАО» на сумму 1,1 млрд руб. Последующая динамика демонстрирует кратный рост емкости рынка. В 2019 и 2020 гг. средние объемы выпусков зеленых облигаций составляли 12,2 млрд и 10,5 млрд руб. соответственно, а уже в 2021 г. показатель достиг 16,3 млрд руб. за счет выхода крупнейших эмитентов.

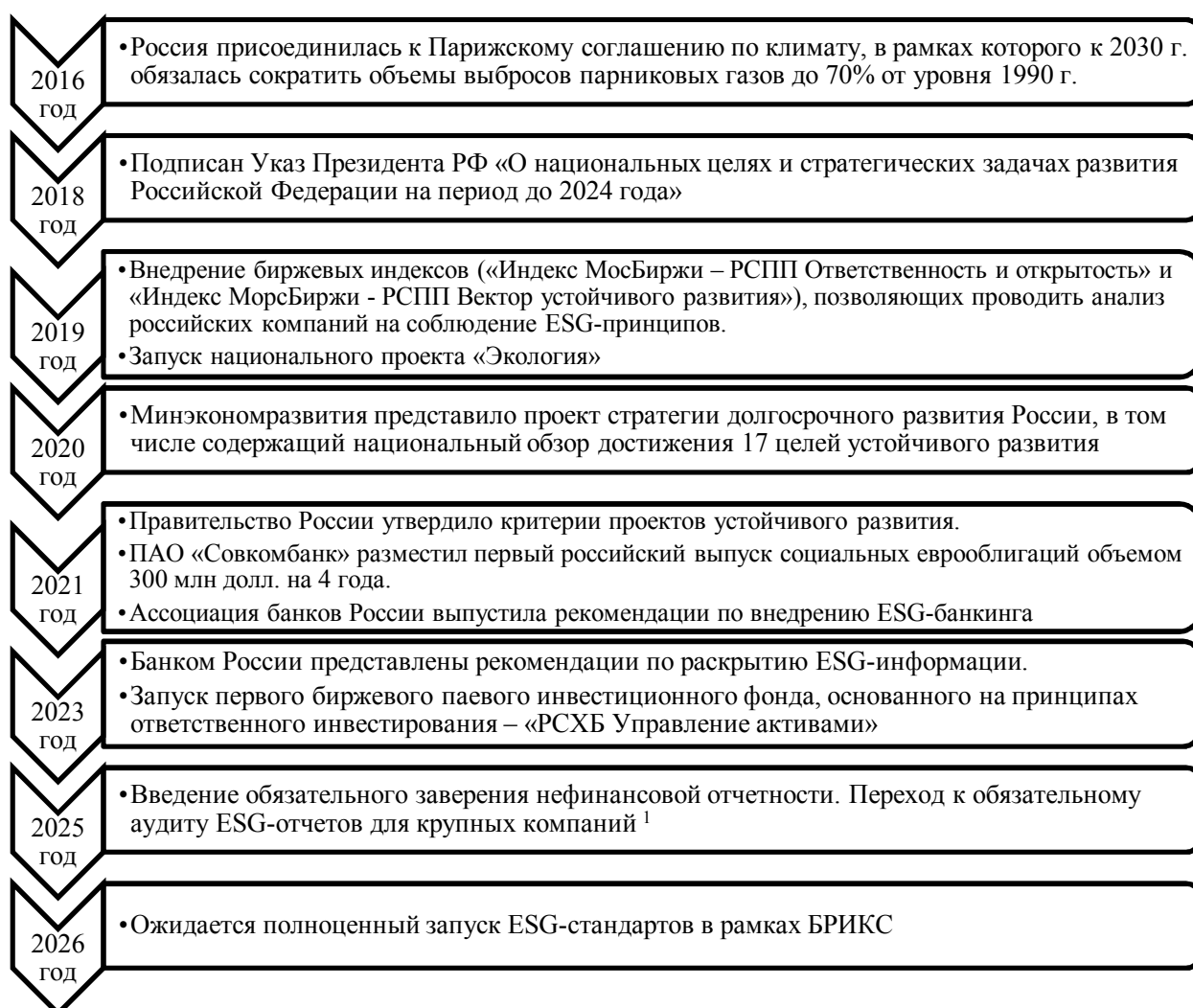

Рис. 1. События, определяющие дальнейшее развитие ESG-подходов в России²

¹ Ляховенко Т. Внимание регуляторов к внешнему заверению нефинансовой отчетности усиливается // Ведомости. Устойчивое развитие. 2025. 16 сент. URL: https://www.vedo-mosti.ru/esg/corporate_governance/columns/2025/09/16/1139673-vnimanie-regulyatorov-k-vneshnemu-zavereniyu-nefinansovoi-otchetnosti-usilivaetsya%3Ffrom=newsline_vedomosti?ysclid=mr3g2hudaf404641681 (дата обращения: 27.03.2026).

² О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года: Указ Президента РФ от 07.05.2018 г. № 204. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_297432/?ysclid=mr3h2uu3oz997419347 (дата обращения: 26.03.2026); Об утверждении критериев проектов устойчивого (в том числе зеленого) развития в Российской Федерации и требований к системе верификации инструментов финансирования устойчивого развития в Российской Федерации: Постановление Правительства РФ от 21.09.2021 г. № 1587. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_396203/?ysclid=mr3h3yt6w7691833956 (дата обращения: 26.03.2026); О развитии инвестиционной деятельности и привлечении внебюджетных средств в проекты развития в Российской Федерации: распоряжение Правительства РФ от 18.11.2020 г. № 3024-р. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/74829662/?ysclid=nowu96kprz9182242655> (дата обращения: 26.03.2026); О рекомендациях по учету советом директоров публичного акционерного общества ESG-факторов, а также вопросов устойчивого развития: информационное письмо Банка России от 16.12.2021 г. № ИН-06-28/96. URL: <https://www.consultant.ru/law/hotdocs/72643.html?ysclid=mr3h7i3egb130963936> (дата обращения: 26.03.2026).

Параллельно происходит формирование национальной структуры оценки: аккредитованы рейтинговые агентства и верификаторы, обладающие компетенциями для внешней оценки «зеленых» облигаций. Ключевым этапом становления можно считать принятие Правительством РФ постановления от 21 сентября 2021 г. № 1587 «Об утверждении критериев проектов устойчивого (в том числе зеленого) развития в Российской Федерации и требований к системе верификации инструментов финансирования устойчивого развития в Российской Федерации», а также выпуск рекомендаций Банка России по раскрытию нефинансовой отчетности, основанных на международных стандартах нефинансовой отчетности (TCFD, GRI).

На рисунке 2 представлена отраслевая структура рэнкинга за 2024 г. по материалам рейтингового агентства RAEX.

Согласно данным агрегированного рейтинга агентства RAEX за 2024 г., охватившего 144 участника (в том числе 128 компаний из России, 14 из Казахстана, 2 – из Монголии), лидирующие позиции по критериям качества управления устойчивым развитием заняли ПАО «ФосАгро», ПАО «ГМК «Норильский никель», ПАО «Сбербанк». Эти данные служат эмпирическим подтверждением гипотезы о стратегической интеграции повестки ESG в контур долгосрочной конкурентоспособности и эффективного риск-ориентированного менеджмента.

Роль банковского сектора в мировой повестке устойчивого развития заключается в том, что «именно банки становятся драйверами ESG-трансформации всей экономики, выступая посредниками, предоставляя консультации и различного рода поддержку компаниям в области применения ESG-стратегии» [9].

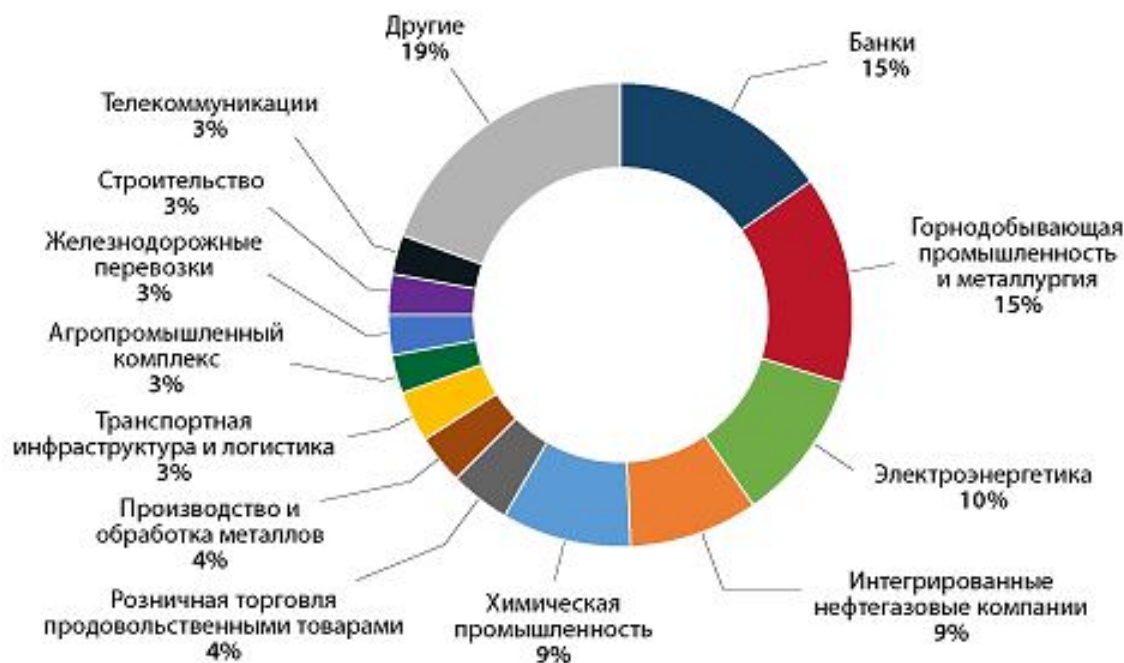

Рис. 2. Отраслевая структура компаний в ESG-рэнкинге RAEX за 2024 год¹

¹ ESG-показатели горнодобывающей промышленности и металлургии // RAEX. URL: https://raex-rr.com/ESG/ESG_companies/metallurgy_mining/2025/analytics/metallurgy_mining_analytics/ (дата обращения: 26.03.2026).

На сегодняшний день точное определение понятия ESG-банкинга не закреплено ни в международной, ни в отечественной практике, что обуславливает вариативность трактовок данной дефиниции среди участников рынка. Международной аудитконсалтинговой корпорацией Deloitte совместно с ассоциацией банков России в 2021 г. дано следующее определение ESG-банкингу: «...это концепция банковской деятельности, основанная на принципах экологической, социальной и корпоративной ответственности в интересах текущего и будущего поколений, а также на практической реализации инициатив для достижения целей устойчивого развития и других общественно значимых ценностей»¹.

ESG-банкинг рассматривают также как элемент ESG-трансформации мировой экономической системы, характеризующий реализацию ESG-принципов кредитными организациями [5].

В 2009 г. Глобальный альянс банковских ценностей объединил 62 банка с целью использования финансовых ресурсов в экономическом, социальном и экологическом развитии. В 2019 г. в альянс вступил первый российский банк ПАО «КБ «Центр-инвест» [4].

Формирование ESG-банкинга в стране происходит под воздействием общемировых тенденций в области устойчивого развития, а также национальных регуляторных мер, активно внедряемых с 2020 г. В текущих экономических реалиях, характеризующихся санкционным давлением и ориентацией на внутренний рынок, его эволюция осуществляется преимущественно посредством зеленого финансирования и учета ESG-рисков в системе управления банками. ESG-принципы в российском банкинге начали активно внедряться с принятием Феде-

рального закона от 02.07.2021 г. № 296-ФЗ «Об ограничении выбросов парниковых газов, который не только заложил правовые основы системы углеродного регулирования в России, но и сформировал предпосылки для трансформации кредитных политик коммерческих банков.

Крупные государственные банки, такие как Сбербанк, Банк ВТБ и Газпромбанк, первыми разработали стратегии устойчивого развития, интегрируя ESG в кредитование и отчетность. К 2023 г. 41% банков имел такие стратегии против 10% в 2022 г., что отражает ускорение трансформации.

Результаты исследования рейтингового агентства «Эксперт РА» с участием 70 кредитных организаций показали, что за период 2024-2025 гг. объем ESG-кредитов в портфелях банков вырос в 1,5 раза и составил 8 трлн руб. (рис. 3).

На сайте RAEX размещены результаты исследования компаний, реализующих принципы устойчивого развития. Для присвоения ESG-рейтингов и составления ESG-рэнкингов RAEX использует методику с учетом рекомендаций Банка России и Министерства экономического развития [10]. В таблице 1 представлена сравнительная характеристика российских банков, включенных в исследование, по трем ключевым компонентам устойчивого развития: экологическому (E), социальному (S), корпоративному управлению (G).

Сбербанк и Московский кредитный банк являются лидерами рэнкинга по всем трем факторам. Московский кредитный банк имеет достаточно развитую политику в области устойчивого развития, увеличив свой портфель ответственного финансирования в 2025 г. более чем на 15%. Кроме того, банк принимает активное участие в реализации образовательных программ вузов России. В своей нефинансовой отчетности банк представляет информацию в соответствии с принципами ответственной банковской деятельности Финансовой инициативы ЮНЕП, а также в соответствии с международным стандартом устойчивого развития ISSB.

¹ Орлова С. Банки зеленеют, ESG блещит // Финансовая сфера. Банковское обозрение. URL: <https://bosfera.ru/bo/banki-zeleneyut-esg-blestit> (дата обращения: 23.03.2026).

Банк ДОМ.РФ работает по направлению зеленого строительства, специализируется на социальном ипотечном кредитовании, входит в тройку лидеров по качеству ESG-стратегии в сфере недвижимости и строительства.

Банк «Центр-инвест» одним из первых российских банков начал развивать ESG-банкинг и на сегодняшний день успешно реализует стратегии устойчивого развития, программу энергоэффективности, внедряет зеленые про-

дукты, а также ведет оценку углеродного следа.

Банк ВТБ также занимает высокие позиции в рейтинге благодаря развитию социальных инициатив и прозрачности корпоративного управления.

Однако драйвером изменений в области устойчивого развития в нашей стране считается Сбербанк. В 2023 г. он удостоен награды «ESG-трансформация бизнеса». Рассмотрим задачи Сбера по развитию повестки ESG (рис. 4).

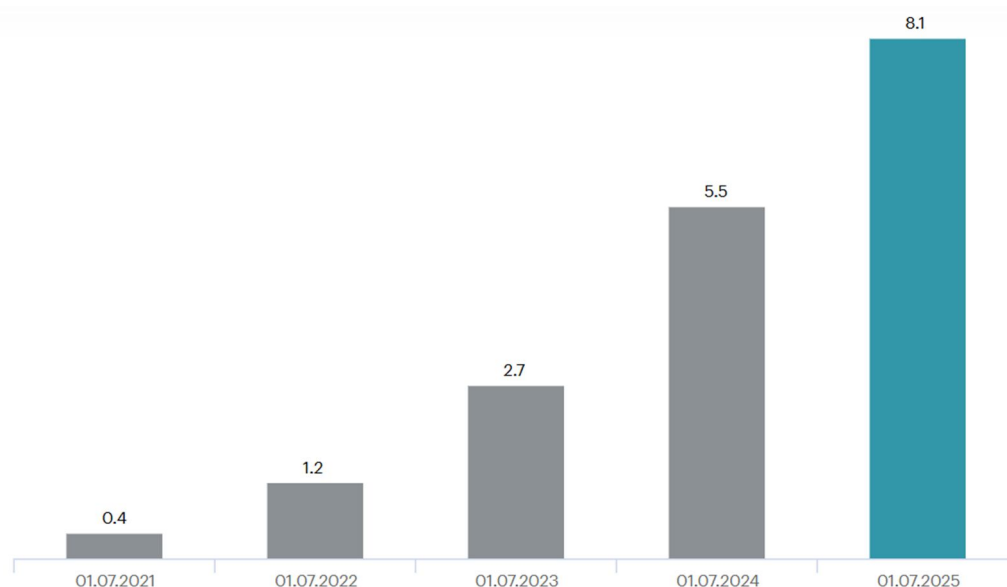

Рис. 3. Динамика объемов портфеля ESG-кредитов, трлн руб.¹

Таблица 1. ESG-рэнкинг российских банков в 2025 г. по данным RAEX²

Банки	Е-рэнк	S-рэнк	G-рэнк
Сбербанк	1	8	9
Московский кредитный банк	3	20	26
Банк ДОМ.РФ/Bank DOM.RF	69	85	60
Банк «Центр-инвест»	59	81	95
Банк ВТБ	53	108	81
Первоуральскбанк	116	105	50
Новикомбанк	41	141	114
Совкомбанк	86	112	105
Алмазэргиэнбанк	83	122	108
Альфа-Банк	73	125	122
Т-Банк	105	117	110
Банк «АК БАРС»	98	123	139

¹ Ширина Е., Жанахова Е. ESG-триллионы: как развивается ответственное финансирование в России // Эксперт РА. URL: https://raexpert.ru/researches/sus_dev/esg_fin_rus_2025/ (дата обращения: 21.03.2026).

² ESG-рэнкинг компаний // RAEX. URL: https://raex-rr.com/ESG/ESG_companies/ESG_rating_companies/2026.1/ (дата обращения: 21.03.2026).

Окончание табл. 1

Банки	Е-рэнк	S-рэнк	G-рэнк
Россельхозбанк	120	124	128
Банк «Санкт-Петербург»	129	131	131

Е — в области экологии

- 10 Достичь углеродной нейтральности по охватам 1 и 2 к 2030 году и содействовать национальному переходу к низкоуглеродному развитию. Для этого продолжать реализовывать «Климатическую стратегию», направленную на сокращение и компенсацию углеродного следа, включая след кредитного портфеля.
- 10 Увеличивать эффективность использования материалов, энергии и воды, а также внедрять систему рационального обращения с отходами.
- 10 Финансировать зелёные проекты, которые содействуют достижению целей в области охраны окружающей среды на национальном уровне.
- 10 Поддерживать проекты и мероприятия, призванные повысить популярность экологического мышления среди населения страны

S — в общественной сфере

- 10 Создавать достойные условия труда для сотрудников, заботиться об их здоровье и благополучии и прилагать все усилия к повышению качества их жизни.
- 10 Предоставлять своим сотрудникам широкие возможности для профессионального и личностного роста, а также активно развивать корпоративное волонтерство.
- 10 Поддерживать принципы гендерного равенства. Так, по итогам 2022 г., доля женщин на руководящих должностях в Сбере достигла 65%.
- 10 Соблюдать и защищать права человека в собственной деятельности и в цепочке поставок и предъявлять соответствующие требования к поставщикам и деловым партнёрам.
- 10 Поддерживать инклюзивность, развивать безбарьерную среду, повышать доступность социально значимых финансовых и нефинансовых продуктов и услуг для уязвимых групп населения. Например, 43 тысячи устройств самообслуживания банка (95% сети) оборудованы функцией аудио-помощника для людей с нарушением зрения.
- 10 Поддерживать социальные и благотворительные проекты, а также реализовывать социально значимые программы в сферах здравоохранения, образования, культуры, строительства и модернизации инфраструктуры. В 2022 г. Сбер направил 6,8 млрд руб. на благотворительность. Также компания работает в направлении поддержки устойчивого развития регионов присутствия

G — в сфере управления

- 10 Обеспечивать информационную безопасность и защиту данных клиентов, совершенствовать систему противодействия коррупции и предотвращения финансовых преступлений.
- 10 В 2022 г. больше 50 миллионов клиентов воспользовались сервисами кибербезопасности.
- 10 Обеспечивать высокие стандарты корпоративного управления и деловой этики всех компаний группы и содействовать их распространению среди поставщиков и подрядчиков.
- 10 В банке действует горячая линия комплаенс – системы внутреннего мониторинга операций. На неё могут анонимно и круглосуточно обратиться сотрудники Сбера и любые третьи лица.
- 10 В рамках общемировой практики наличие системы комплаенса является показателем ответственной и прозрачной деятельности компании.
- 10 Разрабатывать подходы и механизмы в области ответственного финансирования в России и содействовать формированию стандартов, стимулов и инструментов в этой области на национальном уровне.
- 10 Поддерживать клиентов в их ESG-трансформации, чтобы распространять лучшие практики на российском рынке и снижать воздействие кредитно-инвестиционного портфеля банка.
- 10 Предоставлять клиентам востребованные ESG-продукты и услуги во всех бизнес-сегментах и внедрять процедуры по оценке и управлению ESG-рисками.

Рис. 4. Задачи, поставленные Сбербанком в целях транслирования повестки ESG¹

¹ Принципы ESG: что это такое и как внедрить в бизнес // СберБизнес. URL: https://www.sberbank.com/ru/s_m_business/pro_business/principy-esg-cto-eto-takoe-i-kak-vnedrit-v-biznes (дата обращения: 22.03.2026).

ПАО «Сбербанк» активно внедряет принципы ESG-банкинга через разработку специализированных финансовых продуктов и интеграцию ESG-рисков в корпоративные процессы. Это проявляется в выдаче кредитов зеленым, адаптационным, социальным и ESG-категорий, а также в выпуске зеленых облигаций с регламентацией отбора проектов. Банком разработана политика ответственного финансирования, включающая подходы по управлению ESG-рисками при корпоративном кредитовании и инвестировании. Климатическая стратегия, разработанная банком в 2023 г., регулирует возможные риски, связанные с изменением климата. Кодексом корпоративной социальной ответственности банка в сфере закупок регулируются риски, возникающие при недостаточном учете экологических факторов при формировании цепочки поставок. Банком также разработаны ключевые показатели эффективности для управления рисками нерационального использования водных ресурсов, внедряется стандарт зеленого офиса по энерго- и водосбережению, а также реализуются региональные ESG-проекты в 19 субъектах РФ.

Одной из моделей банковской деятельности, создающей условия для снижения отрицательного влияния на окружающую среду человеком, являются зеленые банки, оказывающие непосредственное влияние на окружающий мир через финансовую поддержку экологических проектов [11]. Активно продвигает собственную концепцию зеленого банка Московский кредитный банк. Сбербанк наращивает компетенции в зеленом финансировании.

Однако «развитие отечественного ESG-банкинга не обходится без тормозящих факторов, таких как:

- недостаток информированности среди участников рынка;
- недостаточность финансовых и кадровых ресурсов;

– отсутствие единых стандартов выдачи зеленых кредитов;

– отсутствие комплексного государственного регулирования;

– отсутствие конкретных инструментов, разработанных Банком России, для снижения требований к банкам, соблюдающим ESG-принципы»¹.

Стоит отметить, что во время экономического кризиса финансовая система любых стран нестабильна, что влияет и на национальную экономическую безопасность [12]. Стагнация рынка устойчивого финансирования связана с отсутствием экономических стимулов у эмитентов и высокой стоимостью долгосрочного капитала [13]. Концепции ESG-банкинга оказывают прямое влияние на укрепление финансовой стабильности даже в условиях кризиса. Это проявляется в проводимых банком мероприятиях по минимизации рисков, привлечении капитала путем взаимодействия с инвесторами, повышении эффективности управления. ESG-подход позволяет повысить устойчивость портфеля банков, снизить регулятивный риск и укрепить социальный капитал финансовых организаций [14].

Для укрепления модели ESG-банкинга в России требуется поддержка со стороны государства, полное нормативное регулирование, унифицирующее терминологию, в т. ч. применяемую в банковском секторе [15]. Это поможет достичь разночтений в понимании понятий ESG-стратегии [16].

В условиях санкционного давления и усиления геополитической напряженности целесообразно провести SWOT-анализ использования коммерческими банками ESG подхода в России (рис. 5).

¹ Роль ESG-банкинга в устойчивом развитии российской экономики // Высшая школа экономики. URL: <https://buscom.hse.ru/news/1009129500.html> (дата обращения: 22.03.2026).

По прогнозам аналитиков, к 2030 г. стратегии ESG в России достигнут стадии зрелости [17]. Перспективы развития будут связаны с переходом от добровольного использования к системному национальному регулированию и стандартизации нефинансовой отчетности, а

интеграция принципов ESG в инвестиционные решения станет основой для долгосрочной устойчивости отечественной экономики [18]. Кроме того, возрастет потребность потребителей к товарам и услугам [19], соответствующим ESG-характеристикам¹.

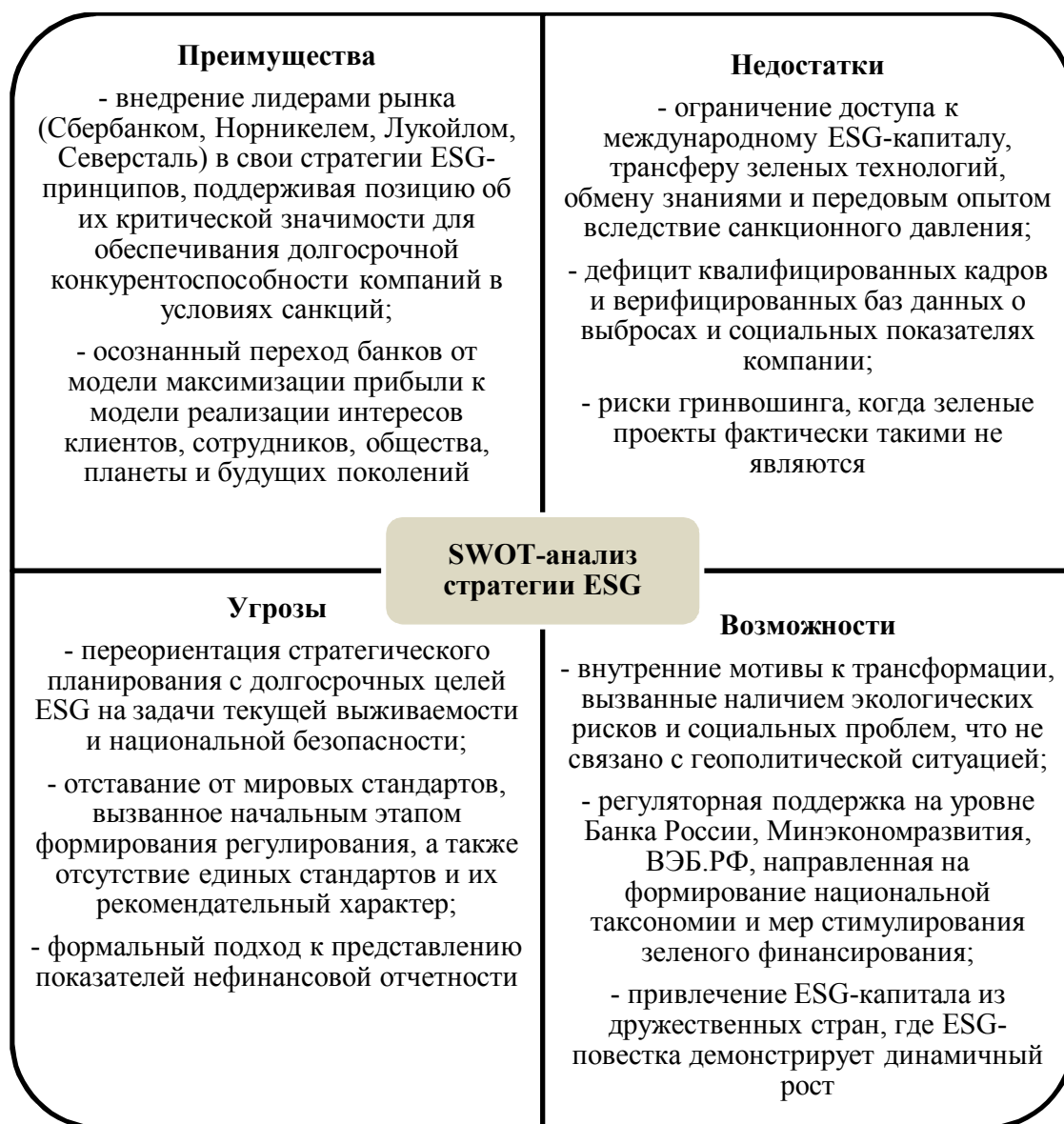

Рис. 5. SWOT-анализ ESG-банкинга с учетом санкций и геополитической напряженности²

¹ Аналитический обзор Национального рейтингового агентства. Финансирование в повестке: Откуда взять деньги на ESG-проекты? URL: https://www.ra-national.ru/wp-content/uploads/2025/02/nra_obzor_zelenoe_finansirovanie_verstka_vord_fevral_2025_fin_3.pdf (дата обращения: 23.03.2026).

² ESG-финансирование и устойчивое развитие банковской деятельности. URL: <https://banks-today.net/last-articles/banki-last-articles/esg-finansirovanie-i-ustojchivoe-razvitie-bankovskoj-deyatelnosti> (дата обращения: 23.03.2026).

Выводы

Таким образом, необходимым этапом трансформации мирового финансового сектора является переход к принципам устойчивого развития. В современных условиях это имеет особое значение, так как реализация экологических и социальных проектов дает возможность банкам минимизировать репутационные риски, обеспечивать долгосрочный экономический рост и получить доверие со стороны общества и государства. Концепция ESG-банкинга сохраняет свою актуальность, несмотря на внешнее санкционное давление и ограничения к рынкам капитала, а в условиях кризиса становится ориентиром для новых направлений развития.

Проведенное исследование позволило обосновать роль банковского сектора как драйвера ESG-трансформации, выделить лидеров, занимающих ведущие места по критериям ESG, установить потребность в мерах государственной поддержки и нормативного регулирования для банков, соблюдающих ESG-принципы.

Процесс развития ESG-сегмента на рынке банковских услуг в России может занять достаточно долгое время, но при обеспечении требуемых условий и механизмов поддержки ESG станет неотъемлемой частью экономики.

Не менее важным направлением развития устойчивого банкинга в России следует назвать активное внедрение финансовых технологий в деятельность банков, таких как:

- искусственный интеллект и big data – позволяют проводить анализ больших объемов информации, прогнозную аналитику, автоматизировать нефинансовую отчетность;

- блокчейн – делает прозрачными цепочки поставок, токенизацию зеленых активов, смарт-контракты для зеленого финансирования, самостоятельно контролирующее выполнение договоров;

- спутниковые данные и IoT, осуществляющие мониторинг различных экологических показателей в режиме реального времени (например, уровень выбросов, загрязнений водоемов, состояние лесов).

Список литературы

1. Христинина Е. С. Этапы развития концепции устойчивого развития и принципов ESG в мире // Актуальные научные исследования: сборник статей Международной научно-практической конференции. Пенза: Наука и Просвещение, 2021. С. 103–106.
2. Казанцев В. П. Эволюция принципов ESG в контексте стратегии устойчивого развития: основные этапы и направления // Вестник Тихоокеанского государственного университета. 2024. № 2 (73). С. 109–118. <https://doi.org/10.38161/1996-3440-2024-2-109-118>.
3. Волков А. Н., Заборовская А. Е. ESG-банкинг как элемент построения «зеленой экономики» // Тенденции развития науки и образования. 2024. № 116, ч. 6. С. 48–53. <https://doi.org/10.18411/trnio-12-2024-244>.
4. Безгачева О. Л., Румянцева А. Ю. Развитие ESG-банкинга в России // Экономика и управление. 2021. Т. 27, № 10. С. 823–830.
5. Воронина О. П., Василиженко П. В., Пастушенко А. И. Перспективы развития ESG-банкинга в России // Вестник Академии знаний. 2024. № 1 (60). С. 402–406.
6. Жилина Е. В. ESG-банкинг как ориентир устойчивого развития // ESG-трансформация как фактор устойчивого развития территорий: сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции. Уфа: Уфимский университет науки и технологий, 2023. С. 33–36.
7. Кармалито А. А. ESG-банкинг: смена приоритетов в России // Государственная служба. 2023. Т. 25, № 3. С. 38–45.

8. Николаева Н. Е. ESG-банкинг: особенности концепции и практические аспекты реализации за рубежом // Повышение управленческого, экономического, социального и инновационно-технического потенциала предприятий, отраслей и народно-хозяйственных комплексов: сборник статей XIV Международной научно-практической конференции. Пенза: Пензенский государственный аграрный университет, 2023. С. 199–205.
9. Быканова Н. И. Роль ESG-банкинга в развитии устойчивых финансов в России // Детерминанты развития экономики и общества в условиях глобальных изменений: сборник статей II Международной научно-практической конференции. Курск: Университетская книга, 2024. С. 68–74.
10. Измайлова М. А. ESG-рейтинги и устойчивое развитие: подходы к проведению оценки // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Экономика и управление. 2025. № 2(70). С. 50–59. <https://doi.org/10.26456/2219-1453/2025.2.050-059>.
11. Домарев А. А., Волостников М. Е. Особенности использования инструментов «зеленого» финансирования в России // Вестник Северо-Кавказского федерального университета. 2025. № 6. С. 88–97. <https://doi.org/10.37493/2307-907X.2025.6.10>.
12. Тенденции развития финансовой системы в условиях экономического кризиса / О. В. Ваганова, Н. С. Мельникова, Н. И. Быканова [и др.] // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2024. Т. 14, № 3. С. 183–193. <https://doi.org/10.21869/2223-1552-2024-14-3-183-193>.
13. Акимов О. М. Барьеры российского рынка финансирования устойчивого развития // Банковское дело. 2025. № 1. С. 39–43.
14. Котова О. В. ESG-факторы в банковском кредитовании: модель устойчивого финансирования // Гуманитарный научный журнал. 2025. № 5, ч. 2. С. 53–57. EDN BMKOGV.
15. Федотов С. Н., Чеховская И. А. Современное состояние и направления развития ESG-банкинга в Российской Федерации // Экономика и бизнес: теория и практика. 2026. № 1 (131). С. 282–287. <https://doi.org/10.24412/2411-0450-2026-1-282-287>.
16. Бекренева А. А. ESG-банкинг в России: сравнительный анализ стратегий Сбербанка и ВТБ // Актуальные вопросы современной экономики. 2025. № 7. С. 536–543.
17. Гордова М. А. Тренды и вызовы устойчивого развития по данным нефинансовой отчетности компаний // Экономические науки. 2025. № 4(245). С. 210–216. <https://doi.org/10.14451/1.245.210>.
18. Сенин В. Б. Сравнительный анализ ESG-практик крупнейших банков РФ // Бизнес. Общество. Власть. 2025. № 57. С. 156–173.
19. Развитие «зелёных» финансов в рамках реализации ESG-трансформации российских компаний / Е. В. Курина, Е. Е. Харламова, Н. А. Кравченко [и др.] // Экономика и предпринимательство. 2025. № 9(182). С. 973–980. <https://doi.org/10.34925/EIP.2025.182.9.173>.

References

1. Khristinina E.S. Stages of development of the concept of sustainable development and ESG principles in the world. In: *Aktual'nye nauchnye issledovaniya: sbornik statei Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii = Actual scientific research: Collection of articles of the International scientific and practical conference*. Penza: Nauka i Prosveshchenie; 2021. P. 103–106. (In Russ.)
2. Kazantsev V.P. Evolution of ESG principles in the context of sustainable development strategy: main stages and directions. *Vestnik Tikhookeanskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Pacific State University*. 2024;(2):109–118. <https://doi.org/10.38161/1996-3440-2024-2-109-118>. (In Russ.)
3. Volkov A.N., Zaborovskaya A.E. ESG banking as an element of building a «green economy». *Tendentsii razvitiya nauki i obrazovaniya = Trends in the Development of Science and Education*. 2024;(116):48–53. (In Russ.) <https://doi.org/10.18411/trnio-12-2024-244>.
4. Bezgacheva O.L., Rumyantseva A.Yu. Development of ESG banking in Russia. *Ekonomika i upravlenie = Economics and Management*. 2021;27(10):823–830. (In Russ.)

5. Voronina O.P., Vasilizhenko P.V., Pastushenko A.I. Prospects for the development of ESG banking in Russia. *Vestnik Akademii znaniy = Bulletin of the Academy of Knowledge*. 2024;(1):402–406. (In Russ.)
6. Zhilina E.V. ESG banking as a guideline for sustainable development. In: *ESG-transformatsiya kak faktor ustoichivogo razvitiya territorii: sbornik materialov Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii = ESG transformation as a factor of sustainable development of territories: Collection of materials of the All-Russian scientific and practical conference*. Ufa: Ufimskiy universitet nauki i tekhnologii; 2023. P. 33–36. (In Russ.)
7. Karmalito A.A. ESG banking: changing priorities in Russia. *Gosudarstvennaya sluzhba = Public Administration*. 2023;25(3):38–45. (In Russ.)
8. Nikolaeva N.E. ESG banking: features of the concept and practical aspects of implementation abroad. In: *Povyshenie upravlencheskogo, ekonomicheskogo, sotsial'nogo i innovatsionno-tekhnicheskogo potentsiala predpriyatii, otraslei i narodno-khozyaistvennykh kompleksov: sbornik statei XIV Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii = Increasing the managerial, economic, social and innovation-technical potential of enterprises, industries and economic complexes: Collection of articles of the XIV International scientific and practical conference*. Penza: Penzenskii gosudarstvennyi agrarnyi universitet; 2023. P. 199–205. (In Russ.)
9. Bykanova N.I. The role of ESG banking in the development of sustainable finance in Russia. In: *Determinanty razvitiya ekonomiki i obshchestva v usloviyakh global'nykh izmenenii: sbornik statei II Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii = Determinants of economic and social development in the context of global changes: Collection of articles of the II International scientific and practical conference*. Kursk: Universitetskaya kniga; 2024. P. 68–74. (In Russ.)
10. Izmaylova M.A. ESG ratings and sustainable development: approaches to assessment. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika i upravlenie = Bulletin of Tver State University. Series: Economics and Management*. 2025;(2):50–59. (In Russ.) <https://doi.org/10.26456/2219-1453/2025.2.050-059>.
11. Domarev A.A., Volostnikov M.E. Features of using «green» financing tools in Russia. *Vestnik Severo-Kavkazskogo federal'nogo universiteta = Newsletter of North-Caucasus Federal University*. 2025;(6):88–97. (In Russ.) <https://doi.org/10.37493/2307-907X.2025.6.10>.
12. Vaganova O.V., Mel'nikova N.S., Bykanova N.I., et al. Trends in the development of the financial system in an economic crisis. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment = Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management*. 2024;14(3):183–193. (In Russ.) <https://doi.org/10.21869/2223-1552-2024-14-3-183-193>.
13. Akimov O.M. Barriers of the Russian market for financing sustainable development. *Bankovskoe delo = Banking*. 2025;(1):39–43. (In Russ.)
14. Kotova O.V. ESG factors in bank lending: a model of sustainable financing. *Gumanitarnyy nauchnyy zhurnal = Humanitarian Scientific Journal*. 2025;(5):53–57. (In Russ.) EDN: BMKOGV.
15. Fedotov S.N., Chekhovskaya I.A. Current state and directions of ESG banking development in the Russian Federation. *Ekonomika i biznes: teoriya i praktika = Economy and Business: Theory and Practice*. 2026;(1):282–287. (In Russ.) <https://doi.org/10.24412/2411-0450-2026-1-282-287>.
16. Bekreneva A.A. ESG banking in Russia: a comparative analysis of Sberbank and VTB strategies. *Aktual'nye voprosy sovremennoy ekonomiki = Actual Issues of the Modern Economy*. 2025;(7):536–543. (In Russ.)
17. Gordova M.A. Trends and challenges of sustainable development according to non-financial reporting of companies. *Ekonomicheskie nauki = Economic Sciences*. 2025;(4):210–216. (In Russ.) <https://doi.org/10.14451/1.245.210>.
18. Senin V.B. Comparative analysis of ESG practices of the largest banks in the Russian Federation. *Biznes. Obshchestvo. Vlast' = Business. Society. Power*. 2025;(57):156–173. (In Russ.)
19. Kurina E.V., Kharlamova E.E., Kravchenko N.A. et al. Development of «green» finance within the framework of ESG transformation of Russian companies. *Ekonomika i predprinimatel'stvo = Journal of Economy and Entrepreneurship*. 2025;(9):973–980. (In Russ.) <https://doi.org/10.34925/EIP.2025.182.9.173>.

Информация об авторах / Information about the Authors

Быканова Наталья Игоревна, доктор экономических наук, доцент, доцент кафедры инновационной экономики и финансов, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Российская Федерация, e-mail: bykanova@bsuedu.ru, SPIN: 6194-2446, ORCID: 0000-0002-5505-5071

Natalya I. Bykanova, Dr. Sci. (Economics), Associate Professor, Assistant Professor at the Department for Innovative Economics and Finance, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russian Federation, e-mail: bykanova@bsu.edu.ru, SPIN: 6194-2446, ORCID: 0000-0002-5505-5071

Назарова Анастасия Николаевна, старший преподаватель кафедры инновационной экономики и финансов, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Российская Федерация, e-mail: nazarova_a@bsuedu.ru, SPIN: 2265-1834, ORCID: 0000-0001-7578-5461

Anastasiya N. Nazarova, Senior Lecturer at the Department for Innovative Economics and Finance, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russian Federation, e-mail: nazarova_a@bsuedu.ru, SPIN: 2265-1834, ORCID: 0000-0001-7578-5461

Типология региональных университетов по уровням готовности к обучению управлению ИИ-агентами в условиях цифровой трансформации системы высшего образования

Р. И. Акмаева¹, И. А. Бабкин² ✉

¹ Астраханский государственный университет им. В. Н. Татищева
ул. Татищева, д. 20А, г. Астрахань 414056, Российская Федерация,

² Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого
ул. Политехническая, д. 29, г. Санкт-Петербург 195251, Российская Федерация

✉ e-mail: babkin_ia@spbstu.ru

Резюме

Актуальность. Нарастающий технологический разрыв между ведущими и региональными университетами России в подготовке кадров для работы с ИИ-агентами создаёт системные риски для достижения технологического суверенитета страны в условиях перехода к Индустрии 5.0/6.0.

Цель – разработка типологии региональных университетов по уровню готовности к обучению управлению ИИ-агентами и формирование дифференцированных рекомендаций по преодолению выявленных барьеров.

Задачи: проанализировать эволюцию российского рынка ИИ и ключевые тренды перехода от генеративного к агентному ИИ; выявить барьеры масштабирования агентных решений в российском бизнесе; разработать типологию региональных вузов по готовности к подготовке ИИ-компетентных кадров; обосновать эффективность форматов повышения квалификации преподавателей.

Методология: авторское анкетирование студентов региональных университетов, экспертный анализ, матричный метод типологизации, сравнительный анализ форматов обучения.

Результаты. Выявлены три группы барьеров внедрения агентного ИИ: организационная инерция, санкционные инфраструктурные ограничения и кадровый дефицит. Разработана четырёхуровневая типология вузов («Первопроходец» – «Энтузиаст» – «Претендент» – «Аутсайдер») в матрице «Компетентностная готовность преподавательского состава – Инфраструктурная готовность вуза»; установлено, что большинство региональных вузов относится к типу «Аутсайдер». Эмпирически доказана сравнительная эффективность гибридного формата подготовки (онлайн-модули + офлайн-воркшопы) над исключительно дистанционным. Сформулированы дифференцированные рекомендации с опорой на отечественные платформы (GigaChat Ultra, YandexGPT API).

Вывод. Преодоление технологического разрыва в региональном высшем образовании требует дифференцированных стратегий государственной поддержки, учитывающих тип вуза, и перехода к практико-ориентированной подготовке кадров в области управления ИИ-агентами.

Ключевые слова: искусственный интеллект; ИИ-агент; региональный университет; технологический суверенитет; цифровая трансформация; цифровая грамотность; компетентностная готовность.

Финансирование: Исследование выполнено за счет средств гранта Российского научного фонда № 25-18-00978.

Конфликт интересов: В представленной публикации отсутствует заимствованный материал без ссылок на автора и (или) источник заимствования, нет результатов научных работ, выполненных авторами публикации лично и (или) в соавторстве, без соответствующих ссылок. Авторы декларируют отсутствие конфликта интересов, связанных с публикацией данной статьи.

Для цитирования: Акмаева Р. И., Бабкин И. А. Типология региональных университетов по уровням готовности к обучению управлению ИИ-агентами в условиях цифровой трансформации системы высшего образования // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2026. Т. 16, № 3. С. 196–210. <https://doi.org/10.21869/2223-1552-2026-16-3-196-210>.

Поступила в редакцию 14.04.2026

Принята к публикации 12.05.2026

Опубликована 30.06.2026

A typology of regional universities by their level of readiness for training in AI agent management in the context of the digital transformation of the higher education system

Raisa I. Akmaeva¹, Ivan A. Babkin²✉

¹ V. N. Tatishchev Astrakhan State University
20A Tatishchev Str., Astrakhan 414056, Russian Federation

² Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University
29 Politekhnikeskaya Str., Saint Petersburg 195251, Russian Federation

✉ e-mail: babkin_ia@spbstu.ru

Abstract

Relevance. The growing technological gap between leading and regional Russian universities in training personnel to work with AI agents creates systemic risks to achieving the country's technological sovereignty in the context of the transition to Industry 5.0/6.0.

The purpose is to develop a typology of regional universities based on their level of readiness for training in AI agent management and to formulate differentiated recommendations for overcoming the identified barriers.

Objectives: to analyze the evolution of the Russian AI market and key trends in the transition from generative to agent-based AI; to identify barriers to scaling agent-based solutions in Russian business; to develop a typology of regional universities based on their readiness to train AI-competent personnel; and to substantiate the effectiveness of faculty development formats.

Methodology. A survey of students at regional universities, expert analysis, a matrix typology method, and a comparative analysis of training formats.

Results. Three groups of barriers to agent-based AI implementation were identified: organizational inertia, sanctioned infrastructure limitations, and personnel shortages. A four-tier typology of universities was developed ("Pioneer" – "Enthusiast" – "Challenger" – "Outsider") within the "Faculty Competency Readiness – University Infrastructure Readiness" matrix; it was found that the majority of regional universities belong to the "Outsider" category. The comparative effectiveness of a hybrid training format (online modules + offline workshops) over a purely remote format was empirically proven. Differentiated recommendations were formulated based on domestic platforms (GigaChat Ultra, YandexGPT API).

Conclusion. Overcoming the technological gap in regional higher education requires differentiated government support strategies tailored to the type of university and a transition to practice-oriented training in AI agent management.

Keywords: artificial intelligence; AI agent; regional university; technological sovereignty; digital transformation; digital literacy; competency readiness.

Funding: The study was funded by the Russian Science Foundation grant No. 25-18-00978.

Conflict of interest: In the presented publication there is no borrowed material without references to the author and (or) source of borrowing, there are no results of scientific works performed by the authors of the publication, personally and (or) in co-authorship, without relevant links. The authors declares no conflict of interest related to the publication of this article.

For citation: Akmaeva R.I., Babkin I.A. A typology of regional universities by their level of readiness for training in AI agent management in the context of the digital transformation of the higher education system. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment = Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management*. 2026;16(3):196–210. (In Russ.) <https://doi.org/10.21869/2223-1552-2026-16-3-196-210>.

Received 14.04.2026

Accepted 12.05.2026

Published 30.06.2026

Введение

Искусственный интеллект (ИИ) сегодня выступает не просто технологическим феноменом, но системообразующим фактором трансформации глобальной экономики, рынка труда и образовательных систем. По оценкам PricewaterhouseCoopers, к 2030 г. вклад индустрии ИИ способен привести к росту производительности предприятий на 20–30 %, тогда как McKinsey Global Institute прогнозирует автоматизацию до 30 % рабочих операций уже к 2030 г. В России цифровая экономика демонстрирует устойчивый ежегодный рост в диапазоне 15–20 %, что существенно превышает среднемировые темпы (~10 % по данным Всемирного банка), а рынок ИИ прибавляет 30–45 % в год, хотя по абсолютному объёму пока уступает ведущим экономикам.

На совещании в Кремле 10 апреля 2026 г. Президент Российской Федерации В. В. Путин подчеркнул, что «от нашей способности соответствовать темпам глобальных изменений зависит суверенитет и в недалёком будущем само существование Российского государства». Принятое решение о формировании Национального плана внедрения ИИ и создании межведомственных региональных комиссий фиксирует государственный приоритет агентного ИИ как ключевого вектора технологического суверенитета.

Особую остроту проблема приобретает в контексте региональных университетов. Если ведущие столичные вузы (МФТИ, МГУ, ИТМО, СПбПУ, Сколтех, Иннополис) обеспечивают обучение ИИ на уровне более 90 % профильных дисциплин и кадров, то региональные университеты испытывают выраженный дефицит квалифицированных преподавателей,

специализированной цифровой инфраструктуры и финансирования [1]. При этом именно через региональные вузы проходит основной поток специалистов, которые в дальнейшем будут принимать решения о закупке и внедрении ИИ-технологий на предприятиях реального сектора.

Ключевая нерешённая научная проблема, выявленная в ходе данного исследования, состоит в следующем: в академической литературе отсутствует системная модель формирования практических компетенций управления ИИ-агентами применительно к условиям региональных университетов России. Существующие работы описывают возможности ИИ для повышения эффективности образовательного процесса в экономикоправленческой сфере [2], анализируют организационные изменения при внедрении ИИ в инновационную деятельность организаций [3], рассматривают практические барьеры применения ИИ в системе высшего образования [4] и проводят систематический обзор исследований в области ИИ в высшей школе без проекции на образовательную среду регионов [5].

Теоретические основания настоящего исследования опираются на три взаимосвязанных массива научной литературы: концептуальные работы по искусственному интеллекту и агентным системам; исследования цифровой трансформации университетов; работы по экономике навыков и проблемам технологического суверенитета.

1. *Эволюция концепций ИИ и агентных систем.* Основопологающим ориентиром в области ИИ остаётся статья А. Тьюринга [6], в которой впервые сформулирован тест интеллектуальных

возможностей машины. Работы Дж. Маккарти, М. Минского, Н. Рочестера и К. Шеннона¹, а также гипотеза А. Ньюэлла и Г. Саймона о физической символической системе [7] заложили теоретический фундамент для последующего развития ИИ-технологий. Российская школа представлена фундаментальными работами Г. С. Осипова [8], систематизирующего состояние и векторы развития ИИ. Переход от генеративных моделей к агентному ИИ как самостоятельная теоретическая проблема рассматривается в аналитическом докладе Axenix², где агент трактуется как «цифровой сотрудник» с памятью, целеполаганием и доступом к инструментам. Технологическая инфраструктура агентных систем (стандарты function calling, MCP, оркестраторы) детально проанализирована в работе Линту [3]. Стратегическое значение платформы OpenCLaw компании Nvidia для демократизации создания ИИ-агентов освещено в книге Витта [9].

2. *Цифровая трансформация высшей школы и региональное измерение.* Применение ИИ в российском высшем образовании анализируется Лукичевым и Чекмарёвым [4], выявляющими потенциал и барьеры внедрения. Давыдов с соавторами [10] проводят комплексную диагностику текущего состояния ИИ в российских вузах и обозначают разрыв между столичными и региональными университетами по уровню кадрового обеспечения. Вешнева [11] систематизирует технологии ИИ с точки зрения ограничений

и рисков их применения в образовательной среде. Факторы, определяющие неоднородность ИИ-проникновения в регионах, детально изучены Варламовой и Корнейченко [12], выделяющими в качестве ключевых детерминант ВРП на душу населения, долю занятых с высшим образованием и инвестиционную активность. Национальное исследование НИУ ВШЭ [1] подтверждает, что 60 % финансирования ИИ-разработок формируется за счёт бюджетных средств, тогда как в региональных вузах отмечается острый дефицит специализированной цифровой инфраструктуры.

3. *Экономика навыков и технологический суверенитет.* Концепция «экономики навыков» как объективного следствия ускоренного развития ИИ находится в центре внимания ряда исследователей. Бабкин и Шкарупета [13] обосновывают контуры Индустрии 6.0 как следующий этап технологической трансформации, предполагающий «вездесущее слияние виртуальных двойников человека и машин». Концепция Индустрии 5.0, центральным элементом которой служит человеко-машинное взаимодействие, систематизирована в работе Babkin et al. [14]. Макаренко, Полякова и Кислая [15] рассматривают человеческий капитал как ключевой фактор устойчивого роста в условиях высокотехнологичной трансформации. Алмаева и соавторы [16] исследуют региональный аспект обеспечения технологического суверенитета России, констатируя значительную дифференциацию регионов по уровню цифровой готовности. Концептуальную основу для анализа цифровой трансформации как управленческой задачи, связывая корпоративный уровень с макроэкономической повесткой, формирует в работе Бабкин [17]. Проблематика импортозамещения в ИТ-секторе – переход от SAP/ERP к отечественным платформам – проанализирована Лексиным [18].

Анализ литературы позволяет констатировать следующее: несмотря на зна-

¹ A proposal for the Dartmouth summer research project on artificial intelligence / J. McCarthy, M. L. Minsky, N. Rochester, C. E. Shannon // AI Magazine. 2006. Vol. 27, N 4. URL: <https://www.cs.utexas.edu/~pstone/Courses/109fall23/readings/W9-Dartmouth.pdf> (дата обращения: 20.03.2026).

² ИИ-агенты в действии: экономика, риски и эволюция организационных моделей. Аналитический доклад. URL: https://axenix.pro/wp-content/uploads/2025/11/ii-agenty_digital.pdf (дата обращения: 20.03.2026).

чительное число публикаций, посвящённых отдельным аспектам внедрения ИИ в образование и бизнес, в научной литературе отсутствуют типология уровней готовности региональных университетов к обучению практическим навыкам управления ИИ-агентами и системная модель, связывающая компетентностные дефициты преподавателей, образовательные форматы и показатели технологического суверенитета. Именно этот пробел составляет научную проблему данного исследования.

Цель исследования – обосновать необходимость интеграции практических инструментов управления ИИ-агентами в образовательные программы региональных университетов и разработать типологию уровней готовности региональных вузов к данной трансформации как элемент обеспечения технологического суверенитета России в контексте перехода к Индустрии 5.0/6.0.

Задачи исследования:

1. Проанализировать современные тренды развития ИИ в России, включая переход от генеративных моделей к агентным системам, с количественной характеристикой рынка.

2. Оценить уровень внедрения ИИ-технологий в российском бизнесе и выявить барьеры масштабирования с акцентом на региональную специфику.

3. Разработать типологию уровней готовности региональных университетов к обучению студентов практическим навыкам управления ИИ-агентами.

4. Сформулировать рекомендации по организации практико-ориентированного обучения (онлайн / офлайн) для формирования компетенций управления ИИ-агентами в региональных вузах.

Материалы и методы

Методологическую основу исследования образует многоуровневый инструментарий, включающий следующие блоки:

1. *Теоретико-методологические методы.* Применялся системный анализ

научной литературы на русском и английском языках за 2020–2026 гг. (всего проанализировано более 60 источников, из которых 31 вошёл в итоговый список). Осуществлялось концептуальное моделирование эволюции ИИ-технологий: от символьных систем к генеративному ИИ и агентным архитектурам. Проведён сравнительный анализ национальных стратегий развития ИИ (Китай, США, ЕС, Россия) и нормативной базы (ГОСТ Р 71476-2024; Национальная стратегия развития ИИ на период до 2030 г.).

2. *Эмпирические методы.* Осуществлён вторичный анализ данных исследований НИУ ВШЭ (2025), Яндекс (2025), Strategy Partners (2026), BPMISOFT/LANSOFT (2026), K-Team/ГК «Корпус Консалтинг» (2026), НАФИ (2026), HeadHunter (2026), ОЭСР (2025). Проведён количественный анализ статистических показателей рынка ИИ в России: объём, структура, темпы роста, распределение по отраслям. Выполнено анкетирование студентов-старшекурсников регионального вуза (Астраханский государственный университет им. В. Н. Татищева, N = 127) по вопросам использования ИИ-инструментов в учебной и проектной деятельности; для обработки данных применялись методы описательной статистики и частотный анализ.

3. *Практико-ориентированные методы.* Проведены кейс-стади внедрения ИИ-агентов в корпоративные системы (Сбер – «ГигаЧат Ультра», Яндекс – «Алиса Исследовать»). Выполнена экспертная оценка эффективности онлайн- и офлайн-форматов обучения преподавателей на основе личного практического опыта авторов (участие в онлайн-курсе ТГУ, декабрь 2024 г.; онлайн-курс АГУ и офлайн-воркшоп по созданию ИИ-агента, март 2026 г.). Осуществлено прототипирование сценариев применения ИИ-агентов в управленческих задачах регионального университета.

4. *Инструмент разработки типологии.* Для достижения задачи 3 авторами

построена матрица «Компетентностный дефицит – Инфраструктурная готовность», позволяющая позиционировать региональные вузы в пространстве четырёх уровней готовности к обучению управлению ИИ-агентами. Типология разработана на основе синтеза данных анкетирования, вторичного анализа и экспертных оценок.

Результаты и их обсуждение

Эволюция ИИ и переход к агентным системам: краткий исторический экскурс

Истоки концепции ИИ восходят к идеям, неявно содержавшимся ещё у Аристотеля и Лейбница. Однако операциональным ориентиром стала статья А. Тьюринга «Вычислительные машины и разум» [6], предложившая критерий интеллектуальности машины. Дартмутская конференция 1956 г. [19] закрепила термин «искусственный интеллект» и сформировала первое научное сообщество. Гипотеза Ньюэлла – Саймона о физической символической системе [7] направила основной вектор развития ИИ по пути нейронных сетей и символических вычислений.

Качественный перелом произошёл в 2023 г. с массовым распространением генеративного ИИ на базе GPT-4 (OpenAI). Появление мультимодальных моделей с открытым исходным кодом в 2024 г., платформы OpenClaw компании Nvidia для создания ИИ-агентов в 2025 г. и инфраструктурного решения Claude Managed Agents (Anthropic) в апреле 2026 г. сформировало условия для повсеместной «демократизации» агентного ИИ.

Принципиальным является разграничение трёх классов систем: чат-бот (отвечает на запросы в рамках заданных сценариев); ИИ-ассистент (работает по системному промпту, включающему роль, задачу, формат и ограничения, но не при-

нимает решений автономно); ИИ-агент – самостоятельная система, которая декомпозирует задачу на подзадачи, вызывает инструменты (API, CRM, ERP, RPA-роботы), обеспечивает оркестрацию¹ и отчитывается перед постановщиком задачи [20]. Рассмотрим схему работы ИИ-агента (рис. 1).

К 2028 г., по прогнозам, не менее 15 % повседневных решений [21] и до 33 % корпоративного программного обеспечения будут [22] опираться на агентный ИИ. В 2026 г. Государственная дума одобрила концепцию законопроекта по регулированию ИИ, вступление которого в силу запланировано с 1 сентября 2026 г.

Состояние и структура рынка ИИ в России

По данным на 2024–2025 гг., мировой рынок ИИ оценивается приблизительно в 168 млрд долл. США, при этом доля России составляет около 1 %. Вместе с тем среднегодовые темпы роста российского рынка (30–45 %) существенно опережают глобальные (25–30 %), что свидетельствует о высоком потенциале наращивания позиций при условии преодоления структурных барьеров.

Структура отечественного рынка ИИ по итогам 2024 г. выглядит следующим образом: 65 % объёма занимают программные решения (платформы машинного обучения, готовые прикладные ИИ-системы, инструменты no-code/low-code, облачные сервисы); 25 % – услуги консалтинга и интеграции; 10 % – специализированные аппаратные средства (рост ограничен санкционными ограничениями на импорт микроэлектроники). Данная структура представлена ниже (рис. 2).

¹ Оркестрация в системе ИИ-агентов — это механизм или система, которая управляет, координирует и распределяет задачи между несколькими специализированными ИИ-агентами для совместного решения сложных проблем.

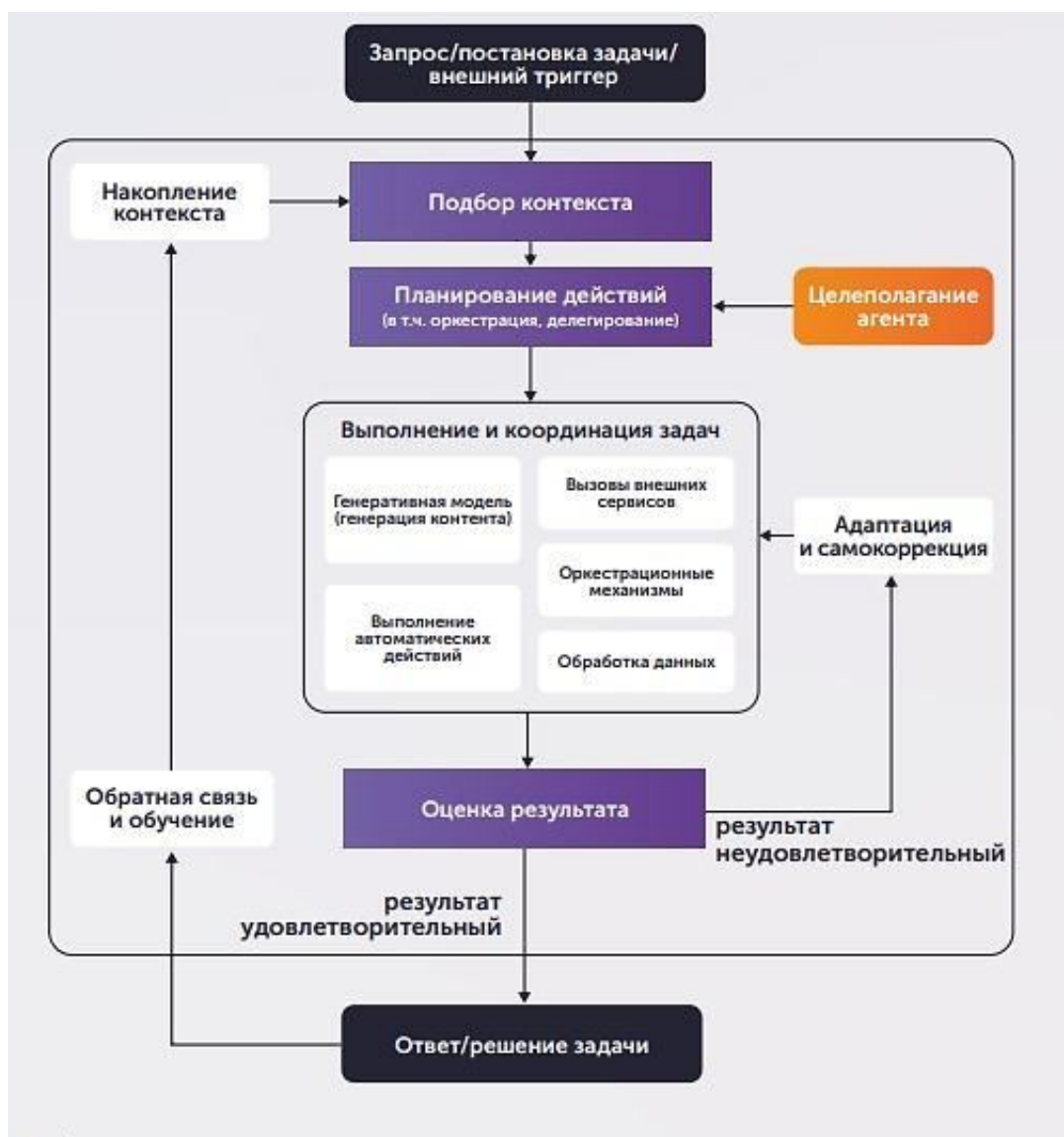
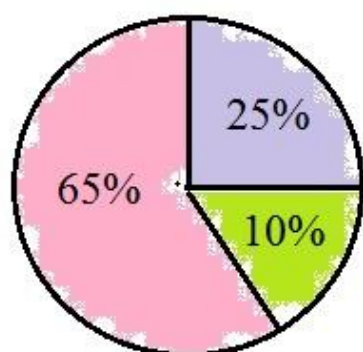

Рис. 1. Схема работы ИИ-агента [4]

Рис. 2. Структура рынка ИИ в Российской Федерации (2024)¹

¹ Использование искусственного интеллекта в бизнес-процессах: исследование BPMSoft и LANSOFT. URL: <https://lansoft.com/news/issledovanie-bpmssoft-low-code-platforms> (дата обращения: 25.03.2026).

По данным Яндекса, более 70 % крупных российских компаний используют ИИ; при этом 60 % ИТ-компаний внедрили ИИ в свои бизнес-процессы к концу 2025 г., и ещё 32 % планируют сделать это в ближайшие полгода. Вместе с тем эффект пока скромнее, чем у глобальных лидеров: большинство компаний видят экономию на уровне 1–5 %, лишь отдельные лидеры демонстрируют двузначный прирост эффективности, хотя свыше 85 % топ-менеджеров верят в ИИ как источник конкурентного преимущества¹.

Доля мирового рынка ИИ-агентов по странам: США – 29,7 %; Германия – 7,8 %; Китай – 7,5 %; Россия – около 2 % [23]. Этот разрыв отражает не только ресурсное отставание, но и кадровый дефицит специалистов, способных разрабатывать и внедрять агентные системы, – дефицит, воспроизводство которого происходит, в том числе, в системе регионального высшего образования [24].

Показатель распространения ИИ среди россиян трудоспособного возраста в 2025 г. составил 8 % против 16,3 % в среднем по миру. Индекс цифровой грамотности россиян по итогам 2025 г. составил 68 п. п. – на 3 п. п. ниже предыдущего года²; при этом доля граждан с продвинутым уровнем цифровых навыков снизилась до 21 %. Эти данные фиксируют «ножницы» между декларируемым освоением ИИ-сервисов и реальной готовностью к работе с агентными системами на профессиональном уровне.

¹ Использование искусственного интеллекта в бизнес-процессах: исследование BPMSoft и LANSOFT. URL: <https://lansoft.com/news/issledovanie-bpmsoft-low-code-platforms> (дата обращения: 25.03.2026).

² Цифровая грамотность населения России: аналитический отчёт НАФИ. URL: <https://nafi.ru/analytics/digital-literacy-russia-2025> (дата обращения: 20.03.2026).

Барьеры масштабирования ИИ-технологий в российском бизнесе

На основе синтеза данных вторичного анализа авторы выделяют три группы барьеров, препятствующих широкому внедрению ИИ-агентов в российских организациях:

1. *Организационная инерция.* Согласно исследованию K-Team (ГК «Корус Консалтинг», 2026), из 47 обследованных предприятий лишь 17 % внедряли инструменты ИИ для сферы HR. ИИ воспринимается менеджментом как инструмент экспериментов, но не как основа системных изменений. Даже в столичных компаниях внедрение ИИ-агентов «почти всегда проходит через сопротивление инерции».

2. *Инфраструктурные ограничения.* Санкционное давление ограничивает доступ к специализированным процессорам для машинного обучения (доля в рынке – 10 %); зависимость от зарубежных облачных платформ создаёт риски суверенитета данных. Внедрение первых корпоративных ИИ-агентов в операционной деятельности показало, что многие компании не располагали необходимой оркестрационной инфраструктурой и вынуждены были обращаться к сторонним стартапам. Выпуск в апреле 2026 г. Claude Managed Agents (Anthropic) и российских аналогов – «ГигаЧат Ультра» (Сбер), «Алиса Исследовать» (Яндекс) – частично снял этот барьер.

3. *Кадровый дефицит.* По данным сайта hh.ru, 93 % компаний сталкиваются с нехваткой навыков у кандидатов; работодатели в среднем на 30 % чаще указывают требуемые навыки в вакансиях по сравнению с предыдущим годом. Лидерами по числу вакансий с требованием навыков работы с ИИ являются: банковские и финансовые услуги, ИТ-сфера, телекоммуникации.

Все три барьера взаимосвязаны и имеют общий источник – систематическое недоинвестирование в практиче-

скую ИИ-подготовку кадров, начиная с уровня университетов, прежде всего региональных.

Влияние ИИ на рынок труда и формирование экономики навыков

По данным HeadHunter за март 2026 г., количество активных резюме в России превышает число открытых вакансий более чем в 11 раз (индекс 11,4 против 5,1 в феврале 2025 г.). Рынок труда стал рынком работодателя. Наиболее значительное сокращение вакансий зафиксировано в административных и поддерживающих функциях: HR, стратегия, консалтинг, закупки, финансы, ИТ, розница. При этом уровень безработицы сохраняется на рекордно низком уровне 2,0–2,4 %, что свидетельствует о структурной трансформации занятости, а не об общем сжатии рынка труда.

Традиционная модель, в которой диплом служил главным подтверждением компетентности, уступает место *экономике навыков*: работодатели ориентируются на конкретные результаты – проекты, портфолио, кейсы, микроквалификации. Критическое мышление, постановка задач ИИ-системам, верификация результатов и принятие решений в условиях неопределённости становятся универсальными требованиями. Директор по развитию «Авито Работы» Р. Губанов констатирует: «На первый план выходят не профильные “твёрдые” навыки, а “мягкие” компетенции», а «навык работы с ИИ-инструментами скоро превратится в обязательное требование, как сейчас таким является владение ПК».

Для образовательных систем это означает объективную необходимость смещения акцента от передачи знаний к формированию практических навыков взаимодействия с ИИ-агентами – задачи, которая пока остаётся нерешённой, прежде всего в региональных университетах.

Состояние готовности региональных университетов: результаты анкетирования

Проведённый авторами опрос студентов-старшекурсников АГУ им. В. Н. Татищева (N = 127) позволил получить следующую картину. Более половины респондентов (58 %) используют ИИ-инструменты, однако преимущественно в формате базовой генерации текста и запросов чат-ботам типа «Алиса» и ChatGPT. Гендерный разрыв выражен: молодые люди используют ИИ значительно активнее, чем девушки. Навыки написания промптов присутствуют у большинства активных пользователей, однако лишь 12 % респондентов имеют практический опыт работы с ИИ-агентами или задачами их настройки. Создание ИИ-агентов как образовательная задача фактически не представлена в программах регионального вуза.

Эти данные коррелируют с общенациональными показателями: доля граждан с продвинутым уровнем цифровых навыков составляет лишь 21 %¹. Широкое использование цифровых сервисов ещё не означает готовности к решению сложных профессиональных задач с применением агентных систем.

Собственный опыт авторов позволил выявить принципиальное различие в эффективности форматов обучения. Участие в онлайн-курсе «Генеративный ИИ: стратегии, инструменты, этика» (ТГУ, декабрь 2024 г.) обеспечило понимание применимости инструментов, однако по истечении двух лет практическая активность оказалась низкой: без офлайн-сопровождения навыки не закрепились. Напротив, онлайн-курс АГУ в сочетании с посещением всего одного офлайн-занятия по созданию ИИ-агента

¹ Цифровая грамотность населения России: аналитический отчёт НАФИ. URL: <https://nafi.ru/analytics/digital-literacy-russia-2025> (дата обращения: 20.03.2026).

с магистрантами (март 2026 г.) обеспечил качественный переход: один из авторов стал «амбассадором ИИ» и немедленно приступил к разработке воркшопа для студентов.

Научная новизна: типология уровней готовности региональных университетов к обучению управлению ИИ-агентами

На основе синтеза данных анкетирования, вторичного анализа и экспертных

оценок авторами предлагается типология региональных вузов по уровням готовности к обучению управлению ИИ-агентами (табл. 1). Типология строится в матрице двух измерений: *компетентностная готовность преподавательского состава* (уровень владения ИИ-инструментами – низкий / высокий) и *инфраструктурная готовность вуза* (наличие специализированного ПО, серверных мощностей, курсов – низкая / высокая).

Таблица 1. Типология уровней готовности региональных университетов к обучению управлению ИИ-агентами

Тип	Компетентностная готовность	Инфраструктурная готовность	Характеристика	Рекомендуемая стратегия
I – «Первопроходец»	Высокая	Высокая	Есть ИИ-курсы, квалифицированные преподаватели, ресурсы. Примеры: ИТМО в регионах, опорные вузы «Приоритет – 2030»	Создание пилотных программ по агентному ИИ; трансляция лучших практик в сеть вузов
II – «Энтузиаст»	Высокая	Низкая	Есть мотивированные преподаватели, освоившие ИИ самостоятельно, но нет инфраструктуры	Приоритет – использование бесплатных по-сcode/low-code платформ (YandexGPT API, DeepSeek); ходатайство о выделении ресурсов
III – «Претендент»	Низкая	Высокая	Есть оборудование и ПО, но преподаватели не обучены практике ИИ-агентов	Приоритет – интенсивные офлайн-воркшопы для преподавателей с привлечением ИТ-специалистов бизнеса
IV – «Аутсайдер»	Низкая	Низкая	Критический дефицит кадров и инфраструктуры. Типичный профиль большинства региональных вузов	Необходима целевая государственная программа; партнёрство с ведущими вузами в форматах сетевого обучения

Согласно данным исследования НИУ ВШЭ (2025), большинство региональных вузов, не реализующих профильные ИИ-программы, соответствуют типу IV, тогда как отдельные опорные университеты — типам II–III. Тип I в регионах единичен. Данная типология позволяет дифференцировать государственную поддержку и управленческие рекомендации в зависимости от реального стартового положе-

ния вуза, что является элементом научной новизны настоящего исследования.

Рекомендации по организации практико-ориентированного обучения

На основе проведённого анализа авторы формулируют следующую систему рекомендаций:

1. Для вузов типа IV («Аутсайдер»): минимально затратный старт через бес-

платные российские no-code платформы (YandexGPT API, DeepSeek, GigaChat) без необходимости владения навыками программирования; формирование межвузовских консорциумов для совместного использования инфраструктуры и кадров; обращение к государственной программе «Приоритет – 2030» для получения целевого финансирования.

2. Для вузов типа II («Энтузиаст»): организация коротких (2–3 дня) интенсивных офлайн-воркшопов под руководством практикующих специалистов по созданию ИИ-агентов на платформах OpenClaw и «ГигаЧат Ультра»; встраивание результирующих навыков в существующие дисциплины управления, информатики и проектного менеджмента.

3. *Общий принцип для всех типов:* сочетание онлайн-модулей (обеспечение теоретической базы, масштабируемость охвата) с обязательным офлайн-компонентом (формирование устойчивых прикладных навыков). Опыт авторов подтверждает, что даже одно офлайн-занятие по созданию ИИ-агента обеспечивает качественный сдвиг в уровне компетентности и мотивации. Главной компетенцией менеджера в эпоху ИИ должна стать способность ставить задачи и управлять ИИ-агентами, а не техническое знание программных интерфейсов.

Практическую основу для обучения образуют отечественные инструменты: «ГигаЧат Ультра» Сбера (создание корпоративных ИИ-агентов с долгосрочной памятью), «Алиса Исследовать» Яндекса (комплексный анализ данных), а также инструмент «Навигатор ВІ» Сбера, реализующий подключение ИИ-агентов к мультиагентной системе и умный поиск по дашбордам.

Выводы

В рамках данного исследования получены следующие результаты:

1. Установлен переходный характер российского рынка ИИ: при ежегодном

росте сектора на 30–45 % и наличии сильной академической школы доля агентного ИИ остаётся низкой (~2 % мирового рынка ИИ-агентов), что объясняется совокупностью организационных, инфраструктурных и кадровых барьеров.

2. Оценены барьеры масштабирования ИИ-технологий: организационная инерция (только 17 % обследованных предприятий внедряли ИИ в HR-процессы), ограниченность инфраструктуры и дефицит кадров в регионах тормозят переход от точечных экспериментов к широкой эксплуатации агентных систем. Выпуск Claude Managed Agents и отечественных платформ «ГигаЧат Ультра» и «Алиса Исследовать» в 2026 г. существенно снизил инфраструктурный барьер.

3. Разработана типология уровней готовности региональных университетов к обучению управлению ИИ-агентами (типы I–IV), построенная в матрице «Компетентностная готовность – Инфраструктурная готовность». Данная типология является оригинальным научным результатом и составляет элемент новизны исследования: она позволяет дифференцировать стратегии и адресные меры государственной поддержки для разных категорий вузов. Большинство региональных вузов соответствует типу IV – «Аутсайдер».

4. Выявлена низкая практическая готовность студентов регионального вуза: 58 % используют ИИ преимущественно для базовой генерации контента; лишь 12 % имеют опыт работы с агентными системами. Преподаватели демонстрируют высокую мотивацию при освоении ИИ, однако испытывают острый дефицит прикладных компетенций в условиях отсутствия системной офлайн-поддержки.

5. Обоснована необходимость интеграции практико-ориентированных модулей по управлению ИИ-агентами в образовательные программы региональных университетов как необходимое условие

формирования «экономики навыков» и обеспечения технологического суверенитета России в контексте Индустрии 5.0/6.0.

6. Доказана сравнительная эффективность гибридного (онлайн + офлайн) формата обучения: краткосрочные практические воркшопы под руководством экспертов обеспечивают качественно более высокий уровень усвоения навыков управления ИИ-агентами по сравнению с исключительно дистанционными форматами. Принципиальная роль офлайн-компонента подтверждена собственным практическим опытом авторов.

Таким образом, стремительное развитие агентного ИИ и государственная установка на технологический суверенитет формируют неотложный запрос к системе регионального высшего образования. Не внедряя современных инструментов ИИ, региональные университеты воспроизводят кадровый дефицит, который ежедневно увеличивает технологическое отставание страны от глобальных лидеров.

Перспективными направлениями дальнейшей работы авторы рассматривают:

- апробацию и верификацию предложенной типологии готовности региональных вузов на выборке не менее 50 университетов различных федеральных округов России;

- разработку модели оценки компетентностного профиля преподавателей регионального вуза в сфере ИИ-агентов с формализованными индикаторами;

- изучение теории и практики создания ИИ-агентов для управленческих бизнес-процессов с проектированием учебных кейсов, адаптированных к условиям региональной экономики;

- сравнительный анализ зарубежных практик интеграции агентного ИИ в программы университетов стран БРИКС (Китай, Индия, Бразилия) с целью адаптации лучших моделей к российским реалиям;

- исследование влияния уровня цифровой зрелости региона на скорость диффузии ИИ-компетенций через систему высшего образования в реальный сектор экономики.

Список литературы

1. Искусственный интеллект в России: разработка и применение / П. Б. Рудник (рук. авт. кол.), В. Л. Абашкин, Г. И. Абдрахманова [и др.]; под ред. Л. М. Гохберга, П. Б. Рудника, Г. И. Абдрахмановой; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: ИСИЭЗ ВШЭ, 2025. 86 с.
2. Алексеева В. В. Использование искусственного интеллекта для повышения эффективности образовательного процесса в экономико-управленческой сфере // Форпост науки. 2024. Т. 18, № 4. С. 10-15.
3. Линту Ю. С. Организационные изменения при внедрении искусственного интеллекта в инновационную деятельность организации // Вестник науки. 2024. Т. 1, № 2 (95). С. 100–107.
4. Лукичев П. М., Чекмарев О. П. Применение искусственного интеллекта в системе высшего образования // Вопросы инновационной экономики. 2023. Т. 13, № 1. С. 485–501. <https://doi.org/10.18334/vinec.13.1.117223>.
5. Systematic review of research on artificial intelligence applications in higher education – where are the educators? / O. Zawacki-Richter, V. I. Marín, M. Bond, F. Gouverneur // International Journal of Educational Technology in Higher Education. 2019. Vol. 16. P. 39. <https://doi.org/10.1186/s41239-019-0171-0>.
6. Turing A. M. Computing machinery and intelligence // Mind. New Series. 1950. Vol. 59, N 236. P. 433–460. <https://doi.org/10.1093/mind/LIX.236.433>.
7. Newell A., Simon H. A. Human problem solving: the state of the theory in 1970 // American Psychologist. 1971. N 26(2). P. 145–159. <https://doi.org/10.1037/h0030684>.

8. Осипов Г. С. Искусственный интеллект: состояние исследований и несколько слов о будущем // *Новости искусственного интеллекта*. 2001. № 1. С. 3–13.
9. Витт С. Мыслящие машины Дженсена Хуанга: история Nvidia и мировой ИИ-революции / пер. с англ. М. Л. Кульневой. М.: Альпина Паблишер, 2026. 321 с.
10. Искусственный интеллект в российском высшем образовании: текущее состояние и перспективы развития / С. Г. Давыдов, Н. Н. Матвеева, Н. В. Адемукова, А. А. Вичканова // *Университетское управление: практика и анализ*. 2024. Т. 28, № 3. С. 32–44. <https://doi.org/10.15826/umpra.2024.03.023>.
11. Вешнева И. В. Технологии искусственного интеллекта: классификация, ограничения, перспективы и угрозы // *Известия Саратовского университета. Серия: Экономика. Управление. Право*. 2023. Т. 23, вып. 4. С. 428–438.
12. Варламова Ю. А., Корнейченко Е. Н. Искусственный интеллект в российских регионах // *Russian Journal of Economics and Law*. 2024. Т. 18, № 3. С. 641–662.
13. Бабкин А. В., Шкарупета Е. В. Индустрия 6.0: сущность, тенденции и стратегические возможности для России // *Экономика промышленности*. 2024. Т. 17, № 4. С. 353–377. <https://doi.org/10.15407/econindustry.2024.04.353>.
14. Индустрия 5.0: понятие, формирование и развитие / А. В. Бабкин, А. А. Федоров, И. В. Либерман, П. М. Ключек // *Экономика промышленности*. 2021. Т. 14, № 4. С. 375–395. <https://doi.org/10.17073/2072-1633-2021-4-375-395>.
15. Макаренко Е. Н., Полякова И. А., Кислая И. А. Человеческий капитал и сфера высоких технологий: тренды развития, реалии, проблемы // *Технологии и человеческий капитал: ключевые факторы устойчивого роста* / под ред. И. А. Кислой. Ростов н/Д: Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), 2024. С. 19–30.
16. К вопросу об обеспечении технологического суверенитета: региональный аспект / Р. И. Акмаева, Е. В. Крюкова, О. К. Минева, Т. А. Мордасова // *Научные труды Вольного экономического общества России*. 2025. Т. 251, № 1. С. 192–216.
17. Бабкин И. А., Бабкин А. В., Алексеева Н. С. Организационно-экономический механизм управления интеллектуальным капиталом промышленной экосистемы в условиях новой реальности. Санкт-Петербург: ПОЛИТЕХ-ПРЕСС, 2022. <https://doi.org/10.18720/SPBPU/2/i23-17>.
18. Лексин В. Н. Искусственный интеллект в экономике, политике и частной жизни: Опыт системной диагностики. М.: ЛЕНАНД, 2021. 336 с.
19. Wooldridge M. A Brief History of Artificial Intelligence: What It Is, Where We Are, and Where We Are Going. New York: Flatiron Books, 2020. 256 p.
20. Бодрунов С. Д. Ноономика: концептуальные основы новой парадигмы развития // *Известия Уральского государственного экономического университета*. 2019. Т. 20, № 1. С. 5–12.
21. Цифровая трансформация рынка труда: региональный и отраслевой аспект / Н. К. Савельева, А. А. Созинова, В. А. Зонова, А. К. Ливанова // *Экономика, предпринимательство и право*. 2026. Т. 16, № 2. С. 849–866. <https://doi.org/10.18334/epp.16.2.124707>.
22. Черноусов Д. А. Технологический суверенитет как стратегический приоритет развития России: анализ и перспективы // *Вопросы инновационной экономики*. 2025. Т. 15, № 1. С. 39–56.
23. Agrawal A., Gans J., Goldfarb A. Prediction Machines: The Simple Economics of Artificial Intelligence. Boston: Harvard Business Review Press, 2018. 272 p.
24. Brynjolfsson E., McAfee A. The Second Machine Age: Work, Progress, and Prosperity in a Time of Brilliant Technologies. New York: W.W. Norton & Company, 2014. 306 p.

References

1. Gokhberg L.M., Rudnik P.B., Abdrakhmanova G.I. (eds.) Artificial intelligence in Russia: development and application. Moscow: ISIEZ HSE; 2025. 86 p. (In Russ.)

2. Alekseeva V.V. The use of artificial intelligence to improve the effectiveness of the educational process in the economic and managerial sphere. *Forpost nauki = Outpost of Science*. 2024;18(4):10-15. (In Russ.)
3. Lintu Yu.S. Organizational changes in the implementation of artificial intelligence in the innovative activity of the organization. *Vestnik nauki = Bulletin of Science*. 2024;1(2):100-107. (In Russ.)
4. Lukichev P.M., Chekmarev O.P. Application of artificial intelligence in the higher education system. *Voprosy innovatsionnoi ekonomiki = Issues of Innovative Economics*. 2023;13(1):485-501. (In Russ.) <https://doi.org/10.18334/vinec.13.1.117223>.
5. Zawacki-Richter O., Marin V.I., Bond M., Gouverneur F. Systematic review of research on artificial intelligence applications in higher education – where are the educators? *International Journal of Educational Technology in Higher Education*. 2019;16:39. <https://doi.org/10.1186/s41239-019-0171-0>.
6. Turing A.M. Computing machinery and intelligence. *Mind. New Series*. 1950;59(236):433–460. <https://doi.org/10.1093/mind/LIX.236.433>.
7. Newell A., Simon H.A. Human problem solving: the state of the theory in 1970. *American Psychologist*. 1971;(26):145–159. <https://doi.org/10.1037/h0030684>.
8. Osipov G.S. Artificial intelligence: the state of research and a few words about the future. *Novosti iskusstvennogo intellekta = Artificial Intelligence News*. 2001;(1):3-13. (In Russ.)
9. Witt S. Jensen Huang's Thinking machines: the history of Nvidia and the global AI Revolution. Moscow: Al'pina Publisher; 2026. 321 p. (In Russ.)
10. Davydov S.G., Matveeva N.N., Ademukova N.V., Vichkanova A.A. Artificial intelligence in Russian higher education: current state and development prospects. *Universitetskoe upravlenie: praktika i analiz = University Management: Practice and Analysis*. 2024;28(3):32-44. (In Russ.) <https://doi.org/10.15826/umpa.2024.03.023>.
11. Veshneva I.V. Artificial intelligence technologies: classification, limitations, prospects and threats. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Upravlenie. Pravo = Proceedings of the Saratov University. Series: Economics. Management. Right*. 2023;23(4):428-438. (In Russ.)
12. Varlamova Yu.A., Korneichenko E.N. Artificial intelligence in Russian regions. *Russian Journal of Economics and Law*. 2024;18(3):641-662. (In Russ.)
13. Babkin A.V., Shkarupeta E.V. Industry 6.0: essence, trends and strategic opportunities for Russia. *Ekonomika promyshlennosti = Industrial Economics*. 2024;17(4):353-377. (In Russ.) <https://doi.org/10.15407/econindustry.2024.04.353>.
14. Babkin A.V., Fedorov A.A., Lieberman I.V., Klachek P.M. Industry 5.0: concept, formation and development. *Ekonomika promyshlennosti = Industrial Economics*. 2021;14(4):375-395. (In Russ.) <https://doi.org/10.17073/2072-1633-2021-4-375-395>.
15. Makarenko E.N., Polyakova I.A., Kislaya I.A. Human capital and the sphere of high technologies: development trends, realities, problems. In: Kislaya I.A. (ed.) *Tekhnologii i chelovecheskii kapital: klyuchevye faktory ustoychivogo rosta = Technologies and human capital: key factors of sustainable growth*. Rostov n/D: Rostovskii gosudarstvennyi ekonomicheskii universitet (RINKh); 2024. P. 19-30. (In Russ.)
16. Akmayeva R.I., Kryukova E.V., Mineva O.K., Mordasova T.A. On the issue of ensuring technological sovereignty: a regional aspect. *Nauchnye trudy Vol'nogo ekonomicheskogo obshchestva Rossii = Scientific Papers of the Free Economic Society of Russia*. 2025;251(1):192-216. (In Russ.)
17. Babkin I.A., Babkin A.V., Alekseeva N.S. Organizational and economic mechanism of intellectual capital management in an industrial ecosystem in a new reality. Saint Petersburg: POLYTECH PRESS; 2022. (In Russ.) <https://doi.org/10.18720/SPBPU/2/i23-17>.
18. Leksin V.N. Artificial intelligence in economics, politics and private life: Experience of system diagnostics. Moscow: LENAND; 2021. 336 p. (In Russ.)
19. Wooldridge M. A Brief History of Artificial Intelligence: What It Is, Where We Are, and Where We Are Going. New York: Flatiron Books; 2020. 256 p.

20. Bodrunov S.D. Neonomics: conceptual foundations of a new development paradigm. *Izvestiya Ural'skogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta = Proceedings of the Ural State University of Economics*. 2019;20(1):5-12. (In Russ.)
21. Savelyeva N.K., Sozinova A.A., Zonova V.A., Livanova A.K. Digital transformation of the labor market: a regional and sectoral aspect. *Ekonomika, predprinimatel'stvo i pravo = Economics, Entrepreneurship and Law*. 2026;16(2):849-866. (In Russ.) <https://doi.org/10.18334/epp.16.2.124707>.
22. Chernousov D.A. Technological sovereignty as a strategic priority of Russia's development: analysis and prospects. *Voprosy innovatsionnoi ekonomiki = Issues of Innovative Economics*. 2025;15(1):39-56. (In Russ.)
23. Agrawal A., Gans J., Goldfarb A. Prediction Machines: The Simple Economics of Artificial Intelligence. Boston: Harvard Business Review Press; 2018. 272 p.
24. Brynjolfsson E., McAfee A. The Second Machine Age: Work, Progress, and Prosperity in a Time of Brilliant Technologies. New York: W.W. Norton & Company; 2014. 306 p.

Информация об авторах / Information about the Authors

Акмаева Ранса Исаевна, доктор экономических наук, профессор, Астраханский государственный университет им. В. Н. Татищева, г. Астрахань, Российская Федерация, e-mail: akmaevvari@yandex.ru

Raisa I. Akmayeva, Dr. Sci. (Economics), Professor, Astrakhan State University named after V. N. Tatishchev, Astrakhan, Russian Federation, e-mail: akmaevvari@yandex.ru

Бабкин Иван Александрович, кандидат экономических наук, доцент Высшей инженерно-экономической школы, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, e-mail: babkin_ia@spbstu.ru

Ivan A. Babkin, Cand. Sci. (Economics), Associate Professor at the Higher School of Engineering and Economics, Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, Saint Petersburg, Russian Federation, e-mail: babkin_ia@spbstu.ru

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ОБЩЕСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ

SOCIOLOGICAL ASPECTS OF SOCIAL DEVELOPMENT

Оригинальная статья / Original article

УДК 008.009

<https://doi.org/10.21869/2223-1552-2026-16-3-211-224>

Рефлексивная кооптация: новая парадигма взаимодействия контркультуры и рынка

Д. С. Ушаков¹, Т. В. Подольская² ✉

¹ Университет Суан Сунанда Раджабат
ул. Тхонг-Нок Роуд, д. 1 У, г. Бангкок 10300, Таиланд

² Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации
ул. Пушкинская, д. 70, г. Ростов-на-Дону 344002, Российская Федерация

✉ e-mail: podolskaya-tv@ranepa.ru

Резюме

Актуальность. Исследование обусловлено необходимостью преодоления устаревшей линейной модели «сопротивление – поглощение – смерть» в анализе взаимоотношений контркультуры и рынка, предсказывающей неминуемую нейтрализацию протеста через коммодификацию. В условиях тотальной товаризации социальных отношений требуется новая концептуальная рамка, способная объяснить трансформацию контркультурных практик, а также их роль в формировании новых форм социальности.

Цель – выявление и теоретическое осмысление стратегий рефлексивной кооптации, вырабатываемых современной контркультурой для сохранения критического потенциала.

Задачи публикации заключаются в анализе онтологического антагонизма капитала и культуры; критическом переосмыслении классических теорий кооптации; разработке методологии сравнительного кейс-стади; эмпирическом исследовании и описании ключевых тактик рефлексивной кооптации на материале российских практик; анализе антикоммодификации как социализирующего фактора.

Методология. Исследование основано на качественной методологии сравнительного кейс-стади. Эмпирическую базу составили релевантные кейсы из актуального российского культурного поля, отобранные по критериям информационной насыщенности и демонстрации тактического отношения к рыночным механизмам. Для сбора данных использован комплекс методов: анализ документов и артефактов, включенное наблюдение, глубинные и экспертные интервью.

Результаты. Эмпирически выявлены и проанализированы три основные тактики рефлексивной кооптации, адаптированные к российскому контексту: прекоммодификация, перформативная кооптация, необъективация. Показано, что данные тактики представляют собой не капитуляцию, а переход конфликта на рефлексивный уровень, где знание рыночных механизмов становится ключевым ресурсом сопротивления.

Выводы. Установлено, что в условиях тотальной коммодификации кооптация трансформируется в перманентный диалектический процесс – рефлексивный симбиоз. Антикоммодификация выступает мощным социализирующим фактором, формирующим новые «рефлексивные сообщества», чья интеграция основана на разделяемой критической компетенции и осмысленном отношении к окружающей социальной реальности.

Ключевые слова: кооптация; коммодификация; контркультура; рефлексивный симбиоз; онтологический антагонизм; прекоммодификация; культурное сопротивление.

© Ушаков Д. С., Подольская Т. В., 2026

Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент /
Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management. 2026;16(3):211–224

Конфликт интересов: В представленной публикации отсутствует заимствованный материал без ссылок на автора и (или) источник заимствования, нет результатов научных работ, выполненных авторами публикации лично и (или) в соавторстве, без соответствующих ссылок. Авторы декларируют отсутствие конфликта интересов, связанных с публикацией данной статьи.

Для цитирования: Ушаков Д. С., Подольская Т. В. Рефлексивная кооптация: новая парадигма взаимодействия контркультуры и рынка // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2026. Т. 16, № 3. С. 211–224. <https://doi.org/10.21869/2223-1552-2026-16-3-211-224>.

Поступила в редакцию 29.04.2026

Принята к публикации 28.05.2026

Опубликована 30.06.2026

Reflexive co-optation: a new paradigm of counterculture-market interaction

Denis S. Ushakov¹, Tatiana V. Podolskaya² ✉

¹ Suan Sunandha Rajabhat University
1 U Thong Nok Str., Bangkok 10300, Thailand

² South-Russian Institute of Management of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
70 Pushkinskaya Str., Rostov-on-Don 344002, Russian Federation

✉ e-mail: podolskaya-tv@ranepa.ru

Abstract

Relevance. The study is due to the necessity of overcoming the outdated linear model "resistance-absorption-death" in the analysis of the relationship between counterculture and market, which predicts the imminent neutralization of the protest through commodification. In the conditions of total commodification of social relations, a new conceptual framework is required that can explain the transformation of countercultural practices, as well as their role in forming new forms of sociality.

The purpose is to identify and theoretically comprehend the strategies of reflexive cooptation developed by modern counterculture in order to preserve critical potential.

Objectives of the publication are to analyze the ontological antagonism of capital and culture; critical rethinking of classical cooption theories; development of a comparative case-study methodology; empirical research and description of the key tactics of reflexive cooption on the material of Russian practices; analysis of anticommodification as a socializing factor.

Methodology. The study is based on a qualitative methodology of comparative case studies. The empirical base was made up of relevant cases from the current Russian cultural field, selected according to the criteria of information saturation and demonstration of tactical attitude towards market mechanisms. To collect data, a set of methods was used: analysis of documents and artifacts, included observation, in-depth interviews and expert interviews.

Results. Three main tactics of reflexive cooption, adapted to the Russian context, have been empirically identified and analyzed: precommodification, performative cooption, non-objectification. It is shown that these tactics do not represent surrender, but the transition of conflict to a reflexive level where knowledge of market mechanisms becomes the key resource of resistance.

Conclusions. It was found that cooptation is transformed into a permanent dialectical process - reflexive symbiosis. Anticommodification is a powerful socializing factor, forming new «reflexive communities», whose integration is based on shared critical competence and meaningful relationship to the surrounding social reality.

Keywords: cooptation; commodification; counterculture; reflexive symbiosis; ontological antagonism; pre-commodification; cultural resistance.

Conflict of interest: In the presented publication there is no borrowed material without references to the author and (or) source of borrowing, there are no results of scientific works performed by the authors of the publication, personally and (or) in co-authorship, without relevant links. The authors declare no conflict of interest related to the publication of this article.

For citation: Ushakov D.S., Podolskaya T.V. Reflexive co-optation: a new paradigm of counterculture-market interaction. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment* = *Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management*. 2026;16(3):211–224. (In Russ.) <https://doi.org/10.21869/2223-1552-2026-16-3-211-224>.

Received 29.04.2026

Accepted 28.05.2026

Published 30.06.2026

Введение

Современная эпоха являет собой наступление тотальной коммодификации – неумолимого процесса, обращающего в товар не только осязаемые блага, но и фундаментальные основы человеческого бытия: социальные отношения, телесность, знание, досуг и саму культуру. Данное явление, предвосхищённое ещё проницательными умами Франкфуртской школы, в XXI в. обрело качественно иные измерения, проникнув в святая святых, некогда ограждённые от влияния экономических сил.

В академических кругах господствует пессимистический взгляд, унаследованный от трудов Д. Хэбдиджа, описывающий кооптацию – поглощение контркультурных течений рыночной стихией – как закономерный финал их существования, неминуемо приводящий к «смерти» через обезличивание и утрату критического потенциала. В книге «Субкультура: значение стиля» Д. Хэбидж писал: «И вот, символические вызовы символическому порядку, “шум” оппозиции, в конечном счёте вбирается как “звук” – рекуперируется как товар и лишается своих “опасных” имплицитных значений [1, р. 94]». В соответствии с этой логикой анархический символ, нанесённый на предмет массового потребления, или бунтарский панк-рок, звучащий в рекламе дорогостоящего автомобиля, значат собой безоговорочное поражение культурного протеста.

Необходимо отметить, что в последние два десятилетия модель Хэбдиджа подверглась существенной критике и переосмыслению. Ряд исследователей, таких как С. Торнтон [2], указали на излишнюю «рокистскую» и патерналистскую ориентацию его подхода, где суб-

культуры рассматриваются как героические, но обречённые жертвы рынка. Д. Магглтон [3] и позднее Э. Беннетт [4] в концепции «нео-племён» поставили под сомнение саму идею «смерти» субкультур, обратив внимание на их текучесть, фрагментарность и способность к постоянному переизобретению. Как отмечают И. Бай и И. Тузовский, вслед за Г. Дебором, который «представляет современное общество как тотальный спектакль, где подлинные социальные отношения замещаются их репрезентациями..., сам акт сопротивления спектаклю рискует стать частью спектакля» [5, с. 3]. Это требует перехода от модели пассивной кооптации к анализу рефлексивных стратегий.

Несмотря на эти критические замечания, в большинстве работ сохраняется представление о рыночной кооптации как о внешней и в конечном счёте разрушительной силе. Однако эмпирическая реальность свидетельствует об обратном: контркультурные практики не исчезают в бездне рыночных отношений, но, напротив, неуклонно множатся, становясь при этом все более многогранными, изменчивыми и саморефлексирующими. Это несоответствие между устаревшим теоретическим аппаратом, предрекающим неминуемую гибель независимой культуры, и ее неоспоримой живучестью в новых обстоятельствах порождает ключевую научную проблему, требующую разрешения: каким образом контркультура адаптируется к постоянной угрозе кооптации и какие стратегии позволяют ей не просто сохранять своё существование, но и вести непрестанную символическую борьбу в самом сердце рыночной системы?

Таким образом, центральная исследовательская задача заключается не толь-

ко в описании адаптивных стратегий, но и в преодолении устаревшей линейной модели «сопротивление — поглощение — смерть» (Д. Хэбдидж) и предложении новой концептуальной рамки. В качестве таковой в настоящем исследовании предлагается модель рефлексивного симбиоза (или тактического взаимодействия), в которой кооптация перестаёт быть финальной стадией, а становится перманентным диалектическим процессом, движущим эволюцию как рынка, так и контркультуры.

Целью данного исследования является выявление и теоретическое осмысление стратегий рефлексивной кооптации, вырабатываемых современной контркультурой для сохранения своего критического потенциала в условиях тотальной коммодификации.

Для достижения данной цели были поставлены и решены следующие задачи:

- проанализировать онтологический антагонизм капитала и культуры как методологическую основу для понимания глубинной природы их конфликта;
- критически переосмыслить классические теории кооптации (Франкфуртская школа, Д. Хэбдидж) в свете современных социально-экономических условий;
- разработать методологию сравнительного анализа кейсов для выявления и оценки конкретных тактик рефлексивной кооптации на материале актуальных российских практик;
- эмпирически исследовать и описать ключевые тактики рефлексивной кооптации: прекоммодификацию, перформативную кооптацию и необъективацию;
- проанализировать социализирующий потенциал антикоммодификации как фактора формирования новых типов социальных общностей.

Основой исследования является гипотеза о том, что современная контркультура, столкнувшись с тотальным характером коммодификации, выработала не стратегию пассивного сопротивления или бегства, а комплекс превентивных тактик рефлексивной кооптации. Эти тактики,

порожденные необходимостью выживания в условиях онтологического антагонизма, основаны на глубоком понимании рыночных механизмов и их упреждающем использовании. Они представляют собой не отказ от противостояния, а его переход на качественно новый, рефлексивный уровень.

Вместо того чтобы дожидаться поглощения извне, контркультурные акторы сами инсценируют и предвосхищают акт кооптации, превращая его из угрозы в ресурс. Они используют язык, формы и инструменты рынка (прекоммодификация), его институциональные площадки (перформативная кооптация) или создают практики, принципиально неуязвимые для товаризации (необъективация). Таким образом, кооптация перестаёт быть финальной стадией, становится перманентным процессом,двигающим эволюцию как рыночных, так и контркультурных стратегий и порождающим новые, рефлексивные формы социальной солидарности.

Материалы и методы

Теоретико-методологическую основу исследования составил синтез положений нескольких социально-экономических теорий, позволивших операционализировать понятие «рефлексивная кооптация» и интерпретировать эмпирические данные. Теория имматериального труда (М. Лаззарато, А. Негри, М. Хардт) и концепция когнитивного капитализма (И. Вирно, К. Верчеллоне) использованы для анализа того, как капитал в постиндустриальную эпоху эксплуатирует коммуникативные способности, аффекты и саму социальность, превращая их в источник прибавочной стоимости. Концепция рекуперации критики Л. Болтански и Э. Кьяпелло применена для объяснения механизма, посредством которого рыночная система ассимилирует протестные практики, превращая их в ресурс собственного обновления. Для анализа микропрактик сопротивления на уровне повседневного действия исследование опи-

рается на таксономию тактик М. де Серто, различающую стратегии институций и тактики слабых акторов, действующих внутри чужого пространства. Интеграция этих теоретических рамок позволила не только описать выявленные тактики (прекоммодификацию, перформативную кооптацию, необъективацию), но и объяснить их социально-экономическую логику как формы адаптации контркультуры к тотальной коммодификации.

Эмпирической основой исследования выступили три кейса, репрезентирующие спектр тактик рефлексивной кооптации в современном российском культурном поле: художественная группа «Партизанинг» (г. Санкт-Петербург), проект «Библиотека современных утопий» (г. Москва) и децентрализованное поэтическое движение «Орфей» (г. Москва, г. Санкт-Петербург). Выборка строилась по принципу информационной насыщенности с учетом критериев принадлежности к актуальной контркультуре, демонстрации тактического отношения к рынку и наличия публичных материальных следов деятельности. Методологическую основу составила стратегия сравнительного кейс-стади, направленная на глубокий контекстуальный анализ сложных социальных феноменов.

Сбор данных осуществлялся с помощью триангуляции качественных методов: визуального и дискурс-анализа артефактов и документов, включенного наблюдения, а также серий глубинных и экспертных интервью. Эмпирическое исследование проводилось в период с апреля по октябрь 2025 г. Всего было проведено 8 полуструктурированных интервью, а также 6 экспертных интервью с независимыми арт-критиками, кураторами некоммерческих площадок и исследователями уличного искусства, не связанными напрямую с анализируемыми проектами. Длительность интервью составила от 25 до 60 минут. Все интервью, кроме трёх проведённых анонимно по запросу респондентов, записывались на диктофон с

последующей расшифровкой. Выборка интервьюируемых формировалась методом «снежного кома» с соблюдением принципа информационной насыщенности (прекращение отбора при появлении повторяющихся паттернов в ответах). Все упоминаемые в статье имена и идентификационные признаки респондентов, за исключением публичных фигур, давших письменное согласие, изменены для соблюдения конфиденциальности.

Включенное наблюдение применялось преимущественно в кейсе 3 (движение «Орфей») в силу эфемерного характера его практик (сентябрь-октябрь 2025 г.). В соответствии с этическими нормами сообщества, запрещающими фото- и видеофиксацию, автор вел полевые заметки постфактум, не используя технические средства записи. Для кейсов 1 и 2 основными методами выступили визуальный и дискурс-анализ материалов проектов, а также анализ документов коллабораций с коммерческими галереями (кейс 2). Такой дизайн исследования позволил обеспечить всестороннюю реконструкцию логики исследуемых практик и верификацию теоретических построений.

Результаты и их обсуждение

В основе анализа динамики взаимодействия рынка и контркультурных практик лежит признание их фундаментального онтологического различия, с неизбежностью стимулирующее конфликт, в котором капитал, будучи порождением символического универсума культуры, систематически пытается подчинить ее, низводя до уровня сырья для собственного накопления. Процесс коммодификации, понимаемый как тотальное превращение вещей, действий, отношений и понятий, изначально не являвшихся товарами, в объекты купли-продажи, становится ключевым механизмом такого подчинения.

Динамика этого противостояния получила глубокое осмысление в работах теоретиков «имматериального труда» и «когнитивного капитализма» [6]. Они по-

казали, что в постиндустриальную эпоху капитал эксплуатирует не только физический труд, но и коммуникативные способности, аффекты и самую социальность, стирая границу между производством и жизнью. Как отмечает М. Лаззарато, «предприятие мобилизует труд, который является... не только “массовым интеллектом”, но и экспрессивностью работника» [6].

Инструменты и практики коммодификации в современном обществе носят системный и всепроникающий характер, проникая в социальные связи и интимность (в цифровой экономике шеринг становится отражением не столько ценностей сообщества, сколько инструментом монетизации доверия [7, с. 147]), телесность и здоровье, досуг и хобби, образование (концепция «человеческого капитала» (Г. Беккер) легитимирует восприятие знаний и компетенций как активов, подлежащих рентабельным инвестициям [8]), данные и саму социальность.

В этом контексте культура, чьим сырьём изначально являются аффекты, символы и социальные связи, оказывается на передовой линии этого нового типа эксплуатации. Коммодификация культуры является частным, но наиболее показательным случаем этой общей тенденции. Ее механизмы включают:

- тиражирование и десакрализацию – уникальное произведение искусства, размноженное в виде миллионов открыток, брелоков и цифровых обоев, теряет свою «ауру» [9], превращаясь в узнаваемый, но лишенный глубины символ;

- трансформацию в инвестиционный актив – картина или скульптура оцениваются не столько с эстетической точки зрения, сколько с позиции аукционных цен и потенциала роста стоимости, как это демонстрируют отчеты международных арт-рынков;

- использование протестных и духовных символов в маркетинге (анархистская «А», буддийские мантры, православные иконы становятся принтами на массовой одежде, сувенирами или элементами

брендинга, что ведет к эрозии их исходного смыслового наполнения);

- продажу «аутентичности» и «уникальности» – эти понятия превращаются в маркетинговые слоганы для продвижения экопродуктов, йога-ретритов, винтажной мебели и т. д., создавая симулякры подлинного опыта. Как отмечает Глебов, «процесс симуляции заключается в том, что система не просто использует контркультурные элементы, но и активно их воспроизводит в виде товара, стиля, бренда... [10, с. 185]».

Тотальность коммодификации в XXI в., делающая бегство или изоляцию невозможными, трансформирует логику конфликта капитала и культуры. При этом антагонизм не исчезает, но его форма меняется: из фронтального столкновения он превращается в сложную игру тактического взаимодействия, где контркультура, чтобы сохранить свою смыслопорождающую сущность, вынуждена вступать в рефлексивные отношения с самой логикой рынка. Она учится не просто *противостоять* ей, а *использовать* ее механизмы против нее же самой, порождая феномен рефлексивной кооптации.

Столь стремительная и всеобъемлющая экспансия рыночной логики породила в академическом дискурсе пессимистический тезис о смерти автономной культуры. Классическая модель, наиболее ярко сформулированная в работе Д. Хэбдиджа, описывала кооптацию как финальную стадию жизненного цикла любого контркультурного явления: бунт символов, их массовую диффузию через медиа, моду и последующую «гибель» субкультуры в результате выхолащивания её подрывного потенциала [1].

В этой парадигме, подкреплённой примерами из истории панка, гранжа и хиппи, культура представляла пассивной жертвой, чья судьба предопределена всепоглощающей логикой капитала. Сложился устойчивый нарратив, в рамках которого, как констатируют С. Ю. Белоконев и др., «в России шеринг-экономика

представляется не столько проявлением экономической активности “снизу”, сколько новой формой политико-экономического управления и солидаризации [11, с. 217]». Это приводит к трансформации шеринг-экономики из пространства солидарности в новый инструмент политико-экономического управления, а дни культуры как независимой смыслопорождающей силы считаются сочтенными.

Однако, вопреки этим пессимистичным прогнозам, эмпирическая реальность демонстрирует не исчезновение контркультурных практик, а их фундаментальную трансформацию и адаптацию к новым условиям. Линейная модель «сопротивление – поглощение – смерть», эффективно работавшая для анализа субкультур XX века, в XXI столетии дает системный сбой. Контркультуры не вымирают; они множатся, становясь прозрачными, текучими и, что наиболее важно, рефлексивными. Это порождает новый исследовательский вопрос: если контркультура не была окончательно уничтожена кооптацией, то какие стратегии позволяют ей не просто выживать, но и вести перманентную партизанскую войну на территории самого рынка?

Ответ заключается в том, что культура, чтобы не исчезнуть окончательно в абстрактной логике капитала, была вынуждена выработать механизмы игры на опережение. Классическая кооптация, как ее описывали Д. Хэбдидж и Франкфуртская школа, предполагала временной лаг: возникновение аутентичного жеста и его последующее поглощение рынком как внешней силой. Современная контркультура ликвидирует этот лаг, инкорпорируя саму возможность кооптации в исходный замысел. Этот феномен был концептуализирован в ряде современных работ.

Так, Л. Болтански и Э. Кьяпелло показали, что «капитализм, если его рассматривать как город, не столько разрушает критику, сколько поглощает ее, использует для собственного обновления и

даже черпает в ней источники легитимности... [12]». Этот процесс, который можно назвать «рекуперацией критики», получил дальнейшее развитие в концепции «арт-капитализма» О. Марчарта [13] и «креативной экономики» Д. Хезмондалша [14]. Однако, если Л. Болтански и Э. Кьяпелло, как и большинство их последователей, фокусируются на том, как система поглощает критику, то настоящее исследование смещает акцент на вопрос о том, как сама критика стратегически инсценирует этот акт поглощения, превращая рекуперацию в перформативный жест. Таким образом, мы переходим от анализа кооптации культуры капиталом к анализу рефлексивной кооптации как культурной тактики.

На практике это означает, что акт кооптации перестал быть финальным аккордом, ознаменовывающим поражение. Вместо этого он становится тактическим ресурсом, исходным материалом и даже сценой для нового витка сопротивления.

Таким образом, энергия протеста смещается с уровня содержания (что оспаривается) на уровень формы (как устроены механизмы присвоения). Кооптация парадоксальным образом превращается из приговора в диалектический двигатель усложнения как рыночных, так и контркультурных стратегий, вынуждая и ту, и другую сторону постоянно эволюционировать в этом перманентном мета-конфликте.

Для эмпирической верификации тезиса о переходе от пассивной кооптации к активным рефлексивным стратегиям были отобраны три релевантных российских кейса, репрезентирующие различные тактики рефлексивной кооптации:

1) художественная группа «Партизанинг» (г. Санкт-Петербург) – тактика «прекоммодификации» через создание сувенирной продукции и арт-объектов, пародирующих туристическую индустрию и городской брендинг. В рамках анализа кейса было проведено 2 глубинных интервью с участниками группы, а

также проанализировано более 50 единиц сувенирной продукции (магниты, значки, платки), созданных в период 2023-2025 гг.;

2) проект «Библиотека современных утопий» (г. Москва) – тактика «перформативной кооптации», заключающаяся в создании инсталляций в коллаборации с коммерческими галереями и арт-институциями с целью критики механизмов арт-рынка. Эмпирическую базу составили 3 интервью с кураторами и авторами проекта, анализ выставочных каталогов двух коммерческих галерей («Галерея Х» и «Пространство Y»), а также включенное наблюдение на двух вернисажах (ноябрь 2025 г.);

3) децентрализованное поэтическое и музыкальное движение «Орфей» (г. Москва, г. Санкт-Петербург) – тактика «необъективации», основанная на организации спонтанных, неподдающихся записи и тиражированию уличных перформансов. Основой послужили 3 глубинных интервью с участниками, 2 месяца включенного наблюдения (5 акций) и анализ запрета на съемку как центрального элемента этики сообщества (через полевые заметки и реконструкцию событий).

Анализ результатов исследования: тактики рефлексивной кооптации в российском контексте:

• *Кейс 1. «Партизанинг»: тактика прекоммодификации через пародийное остранение*¹. Эмпирический анализ деятельности группы «Партизанинг» выявил систему последовательных действий, направленных на деконструкцию механизмов городского брендинга. Художники создавали сувенирную продукцию (магниты, значки), визуальный ряд которой пародировал официальную символику Санкт-Петербурга, намеренно используя эстетику «дешевого» массового продукта.

¹ Остранение (от «странный») – художественный прием и теоретическое понятие, введенное литературоведом В. Шкловским в 1917 г.

Данная практика представляет собой классический пример прекоммодификации – упреждающего создания товарной формы, которая своей внутренней структурой разоблачает логику товарного фетишизма. Группа не пытается избежать кооптации, а самостоятельно создает ее симулякр, используя рыночный язык для критики рыночных отношений. Это стратегия опережающего жеста, когда культурные акторы предвосхищают механизмы поглощения и превращают их в инструмент критики.

Тактика прекоммодификации высокоэффективна в условиях медиатизированного общества, где ирония и пародия легко тиражируются. Ее сила – в создании когнитивного диссонанса у потребителя, заставляющего переосмыслить привычные механизмы потребления городского пространства. Однако потенциал ограничен риском быть неверно прочитанной и превратиться в очередной модный тренд. Реализация тактики требует от акторов высокой степени рефлексивности и медиаграмотности, а также понимания специфики визуальных коммуникаций в конкретном культурном контексте.

• *Кейс 2. «Библиотека современных утопий»: тактика перформативной кооптации.* Анализ проекта «Библиотека современных утопий» показал сложную стратегию работы внутри институциональной системы искусства. Проект, представляющий собой инсталляцию в форме библиотеки с критическими текстами, сознательно участвовал в выставках в коммерческих галереях. Документация проекта и интервью с кураторами обнаружили, что ключевым элементом тактики было использование институциональных ресурсов для демонстрации работ, содержащих имманентную критику экономических механизмов, на которых основана сама эта институция.

«Библиотека современных утопий» – пример перформативной кооптации, при которой акторы тактически принимают

правила игры, чтобы подорвать их изнутри. Они используют предоставленную системой платформу для атаки на саму систему, следуя логике, описанной Л. Болтански и Э. Кьяпелло: капитализм ассимилирует критику, но в данном случае критика предвосхищает эту ассимиляцию и использует ее как сцену.

Тактика обладает высоким деконструирующим потенциалом, так как атакует систему в момент демонстрации ею своей «толерантности». Однако ее эффективность напрямую зависит от способности аудитории распознать критический жест. Главный риск – быть поглощенным системой в качестве «допустимой» критики.

Успешное применение тактики требует глубокого понимания внутренней логики институций, доступа к их ресурсам и разработки сложного, многослойного высказывания.

• *Кейс 3. Движение «Орфей»: тактика необъективации.* Данные включенного наблюдения и глубинных интервью с участниками движения «Орфей» позволили выявить сознательную стратегию сопротивления через ускользание от товарной формы. Ключевыми принципами являются: спонтанность перформансов, запрет на фото- и видеосъемку, акцент на коллективном творчестве. Участники в интервью подчеркивали, что ценностью для них является «мгновенно возникающее и исчезающее сообщество» и «переживание, которое нельзя сохранить, можно только прожить».

Данная практика представляет собой чистую форму необъективации – отказа от производства объектов, которые могут быть вовлечены в товарный обмен. Этот отказ от материальной фиксации перекликается с выводом Белкиной, Гримова и Хачикяна о том, что «стиль одежды молодежи... молодые люди активно используют... для утверждения своего места в мире» [15, с. 232]. Однако в случае движения «Орфей» «стиль» оказывается принципиально нефиксируемым и невос-

производимым, что делает его неуязвимым для кооптации. Это онтологическое сопротивление, направленное на создание практик, изначально исключенных из сферы товарного отношения через их эфемерность и неповторимость.

Тактика обладает максимальной «чистотой» сопротивления, но крайне ограниченным масштабом воздействия. В этом смысле показательно, что, по данным других авторов, «цифровая неграмотность является одной из основных причин возникновения цифрового разрыва» [16, с. 215], усиливая социальную изоляцию тех, кто не владеет цифровыми компетенциями. Эффективность сопротивления высока на микроуровне – для создания автономных сообществ и сохранения аутентичного опыта. Однако она не способна к широкой социальной трансформации и по своей сути остается элитарной практикой, требует формирования закрытых сообществ с высокой степенью доверия и разделяемых ценностей. Ее устойчивость обеспечивается именно неподдаваемостью фиксации и тиражированию.

Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы относительно эффективности тактик рефлексивной кооптации:

1. Прекоммодификация (кейс «Партизанинг») демонстрирует высокую эффективность в условиях медиатизированного общества. Российский опыт находит прямые параллели в деятельности международной сети художников Guerrilla Foundation, которая создает каталоги псевдолюксовых товаров – от духов *Eau de Révolution* с нотами слезоточивого газа до сумок *Anarchy*¹ с брендированным логотипом¹. Как и «Партизанинг», участники движения используют пародийное

¹ Annual report 2022 // Guerrilla Foundation. URL: <https://guerrillafoundation.org/wp-content/uploads/2023/05/Annual-report-2022-Guerrilla-Foundation.pdf> (дата обращения: 14.03.2026).

остранение товарной формы, перенаправляя покупателей на страницы с манифестами и ссылками на реальные активистские инициативы.

2. Перформативная кооптация (кейс «Библиотека современных утопий») обнаруживает концептуальное родство с практиками международной группы *The Yes Men*. Художники создают фиктивные сайты-двойники корпораций (*Exxon*, *Dow Chemical*) и дают интервью от лица директората, используя медийные площадки для разоблачения экологических преступлений¹. Российский проект, как и его зарубежные аналоги, демонстрирует стратегическое использование институциональных ресурсов для деконструкции самой системы.

3. Необъективация (кейс «Орфей») развивается в русле глобального движения *Improv Assemblies*, участники которого организуют спонтанные перформансы с жестким запретом на фото- и видеосъемку. Японская художественная группа *The Play* создает эфемерные инсталляции из лепестков сакуры и морского песка, которые уничтожаются приливом или дождем, документально фиксируя только процесс создания, но не результат. Эти практики, как и российский опыт, основаны на производстве уникального коллективного переживания, сопротивляющегося товарной объективации.

Сравнительный анализ подтверждает, что российские практики не являются уникальными, но представляют собой адаптацию глобальных трендов к локальному контексту. Выявленные тактики образуют устойчивый международный репертуар сопротивления, где стратегическая рефлексивность становится ключевым ресурсом выживания контркультурных практик в условиях тотальной коммодификации.

Современные практики сопротивления коммодификации приобретают прин-

ципально новое социальное измерение, трансформируясь из актов культурного протеста в мощный интегрирующий механизм. Этот процесс соответствует логике, описанной Л. Болтански и Э. Кьяпелло, согласно которой критика, рекрутируемая системой, может порождать новые формы социальной связи среди ее носителей [12]. В результате антикоммодификация становится социализирующим фактором, способствующим формированию новых типов социальных общностей, чья коллективная идентичность строится на основе разделяемого критического отношения к тотальной товаризации социальных отношений.

Как подчёркивает А. П. Абрамов, «культурная "прошивка", разделяемая социумом, определяется в качестве главного фактора современного миропорядка по внедрению инноваций и использованию ее элементов в конкретных практиках повседневности» [17, с. 213]. В нашем контексте такую «прошивку» для рефлексивных сообществ выполняет не традиция как таковая, а разделяемая критическая компетенция – способность распознавать механизмы коммодификации и тактически на них отвечать.

Социализирующий потенциал антикоммодификации проявляется в нескольких аспектах:

1. Формирование «рефлексивных сообществ» – социальных групп, чья интеграция основана не на общности происхождения или статуса, а на разделяемой способности к критическому анализу и тактическому использованию рыночных механизмов. Эти сообщества функционируют как «лаборатории» по производству нового типа социального действия, ориентированного на преодоление отчуждения, порождаемого тотальной товаризацией.

2. Создание альтернативных моделей социализации, в которых процесс становления личности связан не с усвоением господствующих потребительских паттернов, а с развитием способности к критической рефлексии над ними. Это по-

¹ The Yes Men. 2025. URL: [https:// theyesmen.org/](https://theyesmen.org/) (дата обращения 15.03.2026).

рождает особый тип «рефлексивной агентности» – способности действовать в условиях рыночного общества, сохраняя критическую дистанцию по отношению к его базовым принципам.

3. Разработка новых форм социального обучения, направленных на передачу специфических компетенций, необходимых для идентификации и противостояния механизмам коммодификации. Эти формы обучения часто возникают как неформальные практики внутри соответствующих сообществ, создавая альтернативные каналы социализации.

Эмпирические исследования показывают, что сообщества, сформированные вокруг практик антикоммодификации, демонстрируют высокий уровень внутренней солидарности и способность к самовоспроизводству, что свидетельствует об их значительном социализирующем потенциале. Это позволяет рассматривать их как важный ресурс формирования альтернативных моделей социальной интеграции в современном обществе.

Проведенное исследование позволяет пересмотреть классическую дихотомию «сопротивление – поражение», характеризующую взаимоотношения контркультуры и рынка. Эмпирические данные, полученные в ходе анализа российских практик, встроенных в глобальный контекст, свидетельствуют о становлении новой парадигмы – парадигмы рефлексивного симбиоза.

1. Проведенное исследование подтверждает, что фундаментальный онтологический антагонизм между капиталом и культурой не преодолен и не отменен; он продолжает служить источником конфликта. Вместо фронтального противостояния мы наблюдаем возникновение сложной системы тактического взаимодействия, где контркультура, чтобы выжить, вынуждена не избегать рыночной логики, а овладевать ею в совершенстве. Выявленные тактики (прекоммодификация, перформативная кооптация и необъективация) являются не признаками ка-

питуляции, а инструментами ведения «партизанской войны» на территории противника, где знание его уставов становится главным оружием.

2. Как показано в исследовании, этот конфликт порождает не только новые культурные продукты, но и новые формы социальности. «Рефлексивные сообщества», возникающие вокруг практик антикоммодификации, демонстрируют модель солидарности, основанной не на традиционных идентичностях, а на разделяемой критической компетенции. Это контрастирует с традиционной логикой потребительской идентичности, где, по наблюдениям Каменевой и Рожко, «потребительское поведение... выполняет символическую функцию и является значимым фактором формирования социальной идентичности» [18, с. 243]. В случае рефлексивных сообществ идентичность строится не через присвоение символических благ, а через дистанцирование от самой логики товаризации. Антикоммодификация, таким образом, проявляет себя как мощный интегрирующий и социализирующий фактор, формирующий субъекта, способного к устойчивому существованию внутри системы, не растворяясь в ней полностью.

3. Данное исследование, будучи сфокусированным на арт-активистских практиках в российском контексте, естественно образом имеет определённые границы. Перспективным представляется применение разработанной рамки к анализу цифровой среды, где логика платформ создаёт принципиально новые условия для кооптации (см., например, анализ «платформенного активизма» у Т. Шольца¹). Кроме того, эмпири-

¹ Scholz T. Platform Cooperativism: Challenging the Corporate Sharing Economy. Rosa Luxemburg Stiftung, 2016. 94 p. URL: <http://symbiod.com/pdf/Politics/Platform%20Cooperativism%20-%20Challenging%20Corporate%20Sharing%20Economy.pdf?view=FitH> (дата обращения: 05.03.2026).

ческая база может быть расширена за счёт включения практик, находящихся на стыке культуры и социального предпринимательства, где рефлексивная кооптация может принимать формы «критической гибридации» [19]. Тем не менее выявленные тактики и предложенная модель рефлексивного симбиоза образуют прочный концептуальный фундамент для дальнейших междисциплинарных исследований взаимодействия культуры и рынка в XXI в.

Выводы

Таким образом, культура прошла через «зеркало» коммодификации и, приобретя свойство структурной рефлексивности, вышла на новый виток развития. Современная контркультура – это не маргинальный протест, а экспериментальная лаборатория по производству форм жизни и солидарности, потенциально пригодных для существования в условиях тотального рынка. Битва за аутентичность продолжается, но ее поле боя сместилось с баррикад на улицах в метапространство рефлексии над самими правилами игры.

Список литературы

1. Hebdige D. *Subculture: The Meaning of Style*. London & New York: Routledge, 1979. 195 p.
2. Thornton S. *Club Cultures: Music, Media and Subcultural Capital*. Cambridge: Polity Press, 1995. 191 p.
3. Muggleton D. *Inside Subculture: The Postmodern Meaning of Style*. Oxford: Berg, 2005. 192 p.
4. Bennett A. The post-subcultural turn: some reflections 10 years on // *Journal of Youth Studies*. 2011. N 14(5). P. 493–506. <https://doi.org/10.1080/13676261.2011.559216>.
5. Бай И. С., Тузовский И.Д. Трансформация контркультуры в контркультурный стиль: к вопросу о рекуперации протестного потенциала // *Челябинский гуманитарий*. 2025. № 2(71). С. 7-12. <https://doi.org/10.47475/1999-5407-2025-71-2-7-12>. EDN XETHWN.
6. Lazzarato M. *Immaterial Labor* // *Radical Thought in Italy: A Potential Politics* / ed. by P. Virno, M. Hardt. Minneapolis; London: University of Minnesota Press, 1996. P. 133-147.
7. Земскова Е. С. Шеринг как отражение ценностных ориентиров потребителя в цифровой экономике // *Экономика и экологический менеджмент*. 2019. № 3. С. 146–155. EDN XEJHPC.
8. Becker G. S. *Human Capital: A Theoretical and Empirical Analysis, with Special Reference to Education*. New York; London: Columbia University Press, 1964. 187 p.
9. Беньямин В. *Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости*. М.: Медиум, 1996. 240 с.
10. Глебов А. П. От духовного поиска к товарному симулякру: социально-философский анализ трансформации контркультурных ценностей // *Социально-гуманитарные знания*. 2025. № 7. С. 182-186. EDN EPRFUY.
11. Белоконев С. Ю., Шогенов М. З., Хоконов А. А. Шеринг-экономика в России: новый источник политического участия и демократизации? // *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения*. 2021. Т. 26, № 6. С. 213–225. <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.6.19>. EDN STPYTD.
12. Boltanski L., Chiapello È. *The New Spirit of Capitalism*. London; New York: Verso, 2005. 601 p.
13. Marchart O. *Thinking antagonism: Political ontology after Laclau*. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2018. 256 p.
14. Hesmondhalgh D. *The Cultural Industries*. 2nd ed. Los Angeles; London: Sage. 2007. 552 p.
15. Белкина В. А., Гримов О. А., Хачикян Р. А. Самовыражение молодежи через одежду: от философских контуров к социальным практикам // *Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент*. 2025. Т. 15, № 5. С. 219–233. <https://doi.org/10.21869/2223-1552-2025-15-5-219-233>.
16. Ветрова О. А., Сазонова Е. С. Проблема цифрового разрыва в межличностной коммуникации в контексте поколенческой теории // *Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент / Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management*. 2026;16(3):211–224

тета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2025. Т. 15, № 3. С. 215. <https://doi.org/10.21869/2223-1552-2025-15-3-212-223>.

17. Абрамов А. П. Традиция и инновация: в поисках «точки сборки» // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2025. Т. 15, № 1. С. 212–221. <https://doi.org/10.21869/2223-1552-2025-15-1-212-221>.

18. Каменева Т. Н., Рожко А. И. Роль потребительского поведения в формировании социальной идентичности студенческой молодежи // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2026. Т. 16, № 1. С. 236–246. <https://doi.org/10.21869/2223-1552-2026-16-1-236-246>.

19. Gibson-Graham J. K. A Postcapitalist Politics. Minneapolis; London: University of Minnesota Press, 2006. 316 p.

References

1. Hebdige D. Subculture: The Meaning of Style. London & New York: Routledge; 1979. 195 p.
2. Thornton S. Club Cultures: Music, Media and Subcultural Capital. Cambridge: Polity Press; 1995. 191 p.
3. Muggleton D. Inside Subculture: The Postmodern Meaning of Style. Oxford: Berg; 2005. 192 p.
4. Bennett A. The post-subcultural turn: some reflections 10 years on. *Journal of Youth Studies*. 2011;(14):493–506. <https://doi.org/10.1080/13676261.2011.559216>.
5. Bai I.S., Tuzovsky I.D. Transformation of counterculture into countercultural style: on the question of the recuperation of protest potential. *Chelyabinskii Gumanitarii = Chelyabinsk Humanitarian Journal*. 2025;(2):7–12. (In Russ.) <https://doi.org/10.47475/1999-5407-2025-71-2-7-12>.
6. Lazzarato M. Immaterial Labor. In: Virno P., Hardt M. (eds.) *Radical Thought in Italy: A Potential Politics*. Minneapolis; London: University of Minnesota Press; 1996. P. 133–147.
7. Zemskova E.S. Sharing as a reflection of consumer value orientations in the digital economy. *Ekonomika i ekologicheskii menedzhment = Economics and Environmental Management*. 2019;(3):146–155. (In Russ.)
8. Becker G.S. Human Capital: A Theoretical and Empirical Analysis, with Special Reference to Education. New York; London: Columbia University Press; 1964. 187 p.
9. Benjamin V. The work of art in the age of its technical reproducibility. Moscow: Medium; 1996. 240 p. (In Russ.)
10. Glebov A.P. From spiritual search to commodity simulacrum: socio-philosophical analysis of the transformation of countercultural values. *Sotsial'no-gumanitarnye znaniya = Social and Humanitarian Knowledge*. 2025;(7):182–186. (In Russ.)
11. Belokonev S.Yu., Shogenov M.Z., Khokonov A. A. Sharing economy in Russia: a new source of political participation and democratization? *Vestnik Volgogradskogo Gosudarstvennogo Universiteta. Seriya 4, Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye Otnosheniya = Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations*. 2021;26(6):213–225. (In Russ.) <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.6.19>.
12. Boltanski L., Chiapello È. The New Spirit of Capitalism. London; New York: Verso; 2005. 601 p.
13. Marchart O. Thinking antagonism: Political ontology after Laclau. Edinburgh: Edinburgh University Press; 2018. 256 p.
14. Hesmondhalgh D. The Cultural Industries. 2nd ed. Los Angeles; London: Sage; 2007. 552 p.
15. Belkina V.A., Grimov O.A., Khachikyan R.A. Self-expression through clothing: from philosophical contours to social practices. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment = Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management*. 2025;15(5):219–233. (In Russ.) <https://doi.org/10.21869/2223-1552-2025-15-5-219-233>.
16. Vetrova O.A., Sazonova E.S. The issue of the digital divide within the context of generational interpersonal communication. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya:*

Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment = Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management. 2025;15(3):212–223. (In Russ.). <https://doi.org/10.21869/2223-1552-2025-15-3-212-223>.

17. Abramov A.P. Tradition and Innovation: in search of the "assemblage point". *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment = Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management.* 2025;15(1):212–221. (In Russ.) <https://doi.org/10.21869/2223-1552-2025-15-1-212-221>.

18. Kameneva T.N., Rozhko A.I. The role of consumer behavior in shaping the social identity of student youth. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment = Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management.* 2026;16(1):236–246. (In Russ.) <https://doi.org/10.21869/2223-1552-2026-16-1-236-246>.

19. Gibson-Graham J.K. *A Postcapitalist Politics*. Minneapolis; London: University of Minnesota Press; 2006. 316 p.

Информация об авторах / Information about the Authors

Ушаков Денис Сергеевич, доктор экономических наук, профессор, доцент, Университет Суан Сунанда Раджабат, г. Бангкок, Таиланд, e-mail: Denis.se@ssru.ac.th, ORCID: 0000-0001-6413-6116

Denis S. Ushakov, Dr. Sci. (Economics), Professor, Associate Professor, Suan Sunandha Rajabhat University, Bangkok, Thailand, e-mail: Denis.se@ssru.ac.th, ORCID: 0000-0001-6413-6116

Подольская Татьяна Валентиновна, кандидат экономических наук, доцент, заведующий кафедрой международных экономических отношений, Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация, e-mail: podolskaya-tv@ranepa.ru, ORCID: 0000-0003-0337-051X

Tatiana V. Podolskaya, Cand. Sci. (Economics), Associate Professor, Head of the Department of International Economic Relations, South-Russian Institute of Management of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Rostov-on-Don, Russian Federation, e-mail: podolskaya-tv@ranepa.ru, ORCID: 0000-0003-0337-051X

Оригинальная статья / Original article

УДК 316.3

<https://doi.org/10.21869/2223-1552-2026-16-3-225-234>**Аксиологические основания установок молодых мигрантов на конфликтность и консолидацию в сетевых коммуникациях****Д. А. Бесфамильный**¹ ✉

¹ Институт социальной демографии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук
ул. Фотиевой, д. 6/1, г. Москва 119333, Российская Федерация

✉ e-mail: besfadanil@gmail.com

Резюме

Актуальность. Консолидация молодежи из стран СНГ в российское общество, в частности через сетевые коммуникации, представляется закономерным методом для налаживания диалога. Бесспорно, активность мигрантов в социальных сетях оказывает значительное воздействие на их взгляды, систему ценностей и понимание социальных правил. Следовательно, социологическое изучение мигрантской молодежи в интернете приобретает особую важность. Онлайн-сообщества служат не только платформой для построения отношений как внутри групп мигрантов, так и между ними, но и открывают возможности для взаимодействия с принимающим обществом. Однако, если аксиологические основания данных сообществ будут расходиться с общепринятыми нормами страны проживания, существует вероятность возникновения конфликтности как с местным населением, так и внутри самих мигрантских сообществ.

Цель – выявить, вокруг каких традиционных ценностей формируется консолидация и конфликтность молодых мигрантов из стран СНГ в русскоязычной социальной сети «ВКонтакте».

Задачи: определить концептуальную основу социологического изучения ценностей; представить методики по их изучению в сетевых коммуникациях; установить аксиологические основания установок молодых мигрантов в социальной сети «ВКонтакте».

Методология. Методологический дизайн исследования базируется на использовании социокультурных концепций и подходов.

Результаты. Конфликтность в среде мигрантов зачастую обусловлена желанием большинства участников (к примеру, на платформе «ВКонтакте») продвигать интересы, прежде всего, своей этнической или национальной группы. Историческая память и связь поколений способствуют формированию этой сплоченности, которая проявляется в обсуждении мест и событий, значимых для культурной идентичности членов сообщества.

Выводы. На основании проведенного количественного контент-анализа нами сгруппированы традиционные ценности по критерию основания консолидации и конфликтности молодых мигрантов из стран СНГ в социальных сетях.

Ключевые слова: традиционные ценности; консолидация; конфликтность; сетевые коммуникации.

Конфликт интересов: В представленной публикации отсутствует заимствованный материал без ссылок на автора и (или) источник заимствования, нет результатов научных работ, выполненных авторами публикации лично и (или) в соавторстве, без соответствующих ссылок. Авторы декларируют отсутствие конфликта интересов, связанных с публикацией данной статьи.

Для цитирования: Бесфамильный Д. А. Аксиологические основания установок молодых мигрантов на конфликтность и консолидацию в сетевых коммуникациях // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2026. Т. 16, № 3. С. 225–234. <https://doi.org/10.21869/2223-1552-2026-16-3-225-234>.

Поступила в редакцию 18.04.2026

Принята к публикации 17.05.2026

Опубликована 30.06.2026

Axiological foundations of young migrants' attitudes towards conflict and consolidation in network communications

Danila A. Besfamilnyi¹ ✉

¹ Institute of Social Demography of the Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences
6/1 Fotieva Str., Moscow 119333, Russian Federation

✉ e-mail: besfadanil@gmail.com

Abstract

Relevance. The consolidation of young people from CIS countries into Russian society, in particular through online space, seems to be a natural method for establishing dialogue. Undoubtedly, the activity of migrants on social networks has a significant impact on their views, value system and understanding of social rules. Consequently, sociological research on migrant youth on the internet is of particular importance. Online communities serve not only as a platform for building relationships both within and between migrant groups, but also open up opportunities for interaction with the host society. However, if the axiological foundations of these communities diverge from the generally accepted norms of the country of residence, there is a possibility of conflicts arising both with the local population and within the migrant communities themselves.

The purpose is to identify the traditional values around which the consolidation and conflict of young migrants from the CIS countries in the Russian-language social network VKontakte are formed.

Objectives: to define the conceptual basis for the sociological study of values; to present methods for studying them in network communications; to establish the axiological basis of the attitudes of young migrants on the social network VKontakte.

Methodology. The methodological design of the study is based on the use of sociocultural concepts and approaches.

Results. Conflicts among migrants are often caused by the desire of most participants, for example, on the VKontakte platform, to promote the interests of their ethnic or national group above all else. Historical memory and intergenerational ties contribute to the formation of this cohesion, which manifests itself in discussions of places and events that are significant for the cultural identity of community members.

Conclusions. Based on the quantitative content analysis, we have grouped traditional values according to the criteria of consolidation and conflict among young migrants from CIS countries on social networks.

Keywords: traditional values; consolidation; conflict; network communications.

Conflict of interest: In the presented publication there is no borrowed material without references to the author and (or) source of borrowing, there are no results of scientific works performed by the authors of the publication, personally and (or) in co-authorship, without relevant links. The authors declare no conflict of interest related to the publication of this article.

For citation: Besfamilnyi D.A. Axiological foundations of young migrants' attitudes towards conflict and consolidation in network communications. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment* = *Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management*. 2026;16(3):225–234. (In Russ.) <https://doi.org/10.21869/2223-1552-2026-16-3-225-234>.

Received 18.04.2026

Accepted 17.05.2026

Published 30.06.2026

Введение

В социологии ценности рассматриваются как фундаментальные элементы, формирующие структуру общества, его коллективное сознание и культурную идентичность. Наука изучает распространение убеждений в общественном сознании и их влияние на мотивацию человеческих поступков. По мнению Майкла Рокича, социология призвана исследовать как индивидуальные, так и групповые ценно-

сти, связывая их с личностью и общественными процессами. Любая теория социальных отношений, исходя из этого, подразумевает наличие единой концепции ценностей, служащих ориентиром общественного развития и определяющих поведение членов социума [1]. В. Добреньков расширяет это понятие, определяя ценности как наиболее распространенные в обществе убеждения, такие как доброта, честность, патриотизм и взаимопомощь [2].

Классификация ценностей может осуществляться по различным критериям. В зависимости от сфер жизни общества их делят на материальные, нравственные, духовные и религиозные. По содержанию выделяют экономические и политические ценности. Исходя из уровня социокультурной системы, различают традиционные, либеральные и универсальные системы ценностей [3]. Нил Смелзер формулирует ценности как ориентиры, определяющие желаемые цели (терминальные) и приемлемые пути их достижения (инструментальные). Эти ориентиры способствуют социальной регуляции и координации поведения [4].

Талкотт Парсонс определяет ценности как систему норм и правил, передаваемых от индивида к индивиду и от поколения к поколению. Они помогают индивидам в выборе моделей поведения, ограничивая спектр возможных действий или предсказуемость последствий [5]. Эмиль Дюркгейм рассматривает ценности через призму социальных фактов. Этот термин включает укоренившиеся в обществе нормы, ритуалы, традиции и правила, регулирующие поведение. Эти явления социальной жизни обладают собственной реальностью, независимой от индивидуального сознания, и существенно влияют на человека, направляя его действия в соответствии с общепринятыми стандартами [6]. Таким образом, социальные факты выступают механизмами социального контроля, формируя и направляя поведение участников общества.

Макс Вебер утверждает, что одних лишь ценностей недостаточно для инициирования социальных действий. Для того чтобы социальное поведение проявилось, необходим «контекст значимости» – сложная система смысловых, символических и фундаментальных социальных установок. В рамках данного контекста изначальная ценность преобразуется в «критерий рациональности», который, в свою очередь, определяет сущность «доминирующего принципа» [7].

Ценностная система, являясь основой культуры, разделяемой большинством членов общества, обеспечивает его устойчивое функционирование. Каждое сообщество, социум и культура обладают уникальными ценностными установками. Даже при наличии расхождений в ценностях между различными социальными группами, классами или поколениями внутри одного общества в стабильных системах эти разногласия, как правило, преодолеваются благодаря общепринятой культурной парадигме. Понятие «ценность» тесно связано с «ценностными ориентациями». Ценностные ориентации отражают взаимосвязь между ценностями и человеком (или группой), влияя на формирование личности и определяя её социологическое положение [8].

Активное распространение новых электронных средств массовой информации и социальных сетей вызвало повышенный интерес исследователей к изучению сетевых коммуникаций в интернете. Эта среда рассматривается как новая виртуальная платформа для социальных взаимодействий и динамики групп, как самобытный феномен социальной организации и объект управленческого воздействия [9].

Прежде подобные исследования ограничивались ручным или автоматизированным поиском информации по заданным темам в социальных сетях, блогах и на интернет-ресурсах [10]. При проведении социологических изысканий размер выборки должен гарантировать статистическую значимость и достоверность полученных результатов. Автоматизированные инструменты и методики сбора данных в социальных медиа чаще применяются в маркетинге и PR, в то время как в социологии их использование менее распространено [11].

Материалы и методы

Для изучения аксиологических оснований, влияющих на консолидацию и

конфликтности среди молодежи из стран СНГ, был выбран социальный ресурс «ВКонтакте». Данная платформа обладает наибольшей распространенностью в Российской Федерации и ориентирована на русскоязычных пользователей. К ее достоинствам можно отнести обширность доступных данных в сети и интуитивно понятный интерфейс, что упрощает адаптацию для мигрантов, попадающих в непривычную культурную среду [12].

Консолидация, согласно определению В. В. Кривопускова, является процессом совместного движения к общим задачам, при этом сохраняя уникальность и самостоятельность каждого субъекта. В отличие от простой интеграции консолидация подразумевает сохранение самобытности каждого участника, что означает не размывание индивидуальности, а гармоничное сосуществование различных отличительных черт в рамках единого стремления к намеченным целям [13].

В сообществах этнических групп, представленных в социальных сетях, отмечается формирование иерархических систем, определяемых различиями в социально-экономическом и политическом положении их членов [14].

Принимая во внимание взаимодействие молодых мигрантов из стран СНГ как внутри собственных групп, так и с местным населением, для выявления категорий традиционных ценностей был задействован перечень духовно-нравственных ориентиров, представленных Указом Президента Российской Федерации. Данные ценности выступают общим знаменателем как для российских граждан, так и для мигрантов, которые интегрируются в общество и участвуют в общественных процессах, руководствуясь общепринятыми нормами. Эти ценности служат моральными компасами, формирующими мировосприятие граждан России и молодого поколения из стран СНГ, закладывая основу для развития единой гражданской идентичности, общего культурно-

го поля и укрепления социальной целостности.

В соответствии с Указом Президента Российской Федерации № 809 от 9 ноября 2022 г.¹, фундаментальные моральные ориентиры, определяющие мировоззрение граждан и передаваемые из поколения в поколение, признаются традиционными российскими духовно-нравственными ценностями. Они служат основой единой гражданской идентичности России, способствуя общественной сплоченности и сохранению культурной самобытности. К ним относятся право на жизнь, уважение к личности, личные свободы, служение Отечеству, стремление к высоким моральным идеалам, сохранение исторической памяти и преемственности поколений, а также единство российского народа во взаимодействии с другими этносами.

Для исследования консолидационных и конфликтных процессов в молодежной среде стран СНГ в русскоязычном сегменте социальной сети «ВКонтакте» в основу легло понятие традиционных ценностей. Для этого был проведен контент-анализ комментариев, охватывающий как этнические группы, так и суждения русскоязычных пользователей в отношении представителей других национальностей. Анализировались публикации пользователей в возрасте от 18 до 35 лет с указанием их этнической принадлежности, возраста и пола. Аккаунты проходили верификацию на предмет подозрительной активности (фейковой деятельности) в период с июня 2020 г. по октябрь 2023 г. Критерии проверки включали: срок регистрации аккаунта (не менее полугода до начала исследования),

¹ Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей: Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 г. № 809. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502?erid=LjN8K8S> (дата обращения: 11.03.2026).

наличие информации о владельце, отсутствие искусственного или сомнительного контента (например, чрезмерного количества рекламных репостов или негативных комментариев в адрес исследуемых групп). Количество подписок авторов комментариев также не должно было вызывать подозрений (менее 10).

Принадлежность пользователя к конкретной стране определялась на основании данных профиля (родной город, страна). От каждой страны было отобрано по 600 комментариев, как от мигрантов, так и от представителей принимающего общества. Количество аккаунтов не имело решающего значения, так как один комментарий мог являться частью диалога между несколькими пользователями.

Для формирования выборки (3600 комментариев, по 600 от граждан России, Таджикистана, Кыргызстана, Узбекистана, Казахстана, Армении) и сбора данных из «ВКонтакте» использовался программный ресурс *Barkov.net*¹. Для последующего хранения и статистической обработки информации применялся Microsoft Office Excel. Анализ частоты употребления слов, связанных с традиционными ценностями, осуществлялся с помощью программы QDA Miner².

Настоящее исследование базируется на анализе пятидесяти публикаций, посвященных актуальным событиям. Рассматриваемые инциденты отражают как непосредственные аспекты взаимодействия мигрантов и местного населения России, так и политические, экономические и социальные изменения в затронутых государствах, имеющие отражение в мигрантской среде. Помимо этого, из общего объема публикаций была прове-

дена рандомизированная выборка трех тысяч шестисот комментариев, что составляет пятую часть от общего числа комментариев к информационным материалам.

Для исследования ключевых ценностных ориентаций, влияющих на консолидацию или дивергенцию среди молодежи из стран СНГ (Таджикистан, Кыргызстан, Узбекистан, Казахстан, Армения) в цифровом пространстве, были отобраны соответствующие сообщества в социальной сети «ВКонтакте». При отборе групп учитывались следующие критерии: минимальное количество подписчиков, составляющее пятьсот человек; статус открытости группы для широкой аудитории; наличие опубликованных материалов, датированных не ранее марта 2022 г., а также возможность доступа к комментариям и при наличии – записям обсуждений.

Результаты и их обсуждение

Активное использование мигрантами интернет-ресурсов значительно упрощает доступ к необходимой информации, способствуя решению ряда насущных проблем. Особую значимость в поддержании связей между мигрантами, а также в помощи их адаптации, поиске работы и обустройстве на новом месте приобретают виртуальные платформы, организованные этническими и национальными общинами [15].

В российском сегменте сети функционирует множество цифровых сервисов, которые выступают в роли виртуальных центров для обмена информацией и общения мигрантов. Исследования, проведенные Е. Лапшиной [16], С. Рзаевой [17], Д. Тимошкиным [18] и их коллегами, подтверждают, что эти платформы являются эффективным средством частичной компенсации недостатка социального капитала, особенно на начальных этапах интеграции трудовых мигрантов. Этот вывод полностью соответствует

¹ Сбор комментариев на стене группы или профиля Вконтакте // VK.BARKOV.NET. URL: <https://vk.barkov.net/comments.aspx> (Дата обращения: 11.03.2026).

² QDA MINER 2026 // TStat. URL: <https://www.tstat.eu/software/qda-miner/> (дата обращения: 11.03.2026).

концепции социального капитала Роберта Патнэма, согласно которой социальные связи, доверие и общие ценности служат фундаментом для совместной деятельности [19].

Тем не менее в некоторых мигрантских группах фиксируются случаи мошенничества, включая ложные обещания отмены депортации за вознаграждение, предоставление фальшивых разрешений на проживание, предложения нелегальной трудовой деятельности, а также вовлечение в криминальные схемы, связанные с оборотом наркотиков или эксплуатацией.

Согласно данным Т. А. Малыхиной и В. Ю. Бочарова, молодые мигранты, занятые в трудовой деятельности, ощущают в онлайн-пространстве чувство единства и взаимной поддержки, обусловленное схожими жизненными обстоятельствами и профессиональным опытом¹.

Однако информация, представленная в аккаунтах социальных сетей, не всегда точно отражает реальные трудовые и социальные отношения. Это подчеркивает необходимость более тщательного изучения коллективных форм взаимодействия и постоянного наблюдения за онлайн-сообществами, формируемыми работающей молодежью. Анализ профилей пользователей может стать эффективным начальным этапом в проведении таких исследований [20].

В результате авторского количественного контент-анализа выявляется, вокруг каких традиционных ценностей формируется консолидация и конфликтность молодых мигрантов из стран СНГ в русскоязычной социальной сети «ВКонтакте».

Категория ценностей «жизнь» охватывает слова, относящиеся к повседне-

ным вопросам, текущим событиям и рутинным аспектам жизни. Эта группа, отражающая многообразие жизненных реалий, продемонстрировала заметную изменчивость на протяжении анализируемых временных отрезков. К характерным словам относятся «ребенок», «здание», «рубль», «благодарность». Также отмечается большое количество действий, связанных с самовыражением и решением типовых жизненных задач. Слова «личность» и «период» употреблялись чаще других, что указывает на повышенное внимание к социальному статусу индивида и его деятельности в определенные временные рамки. Данная категория оказалась наиболее представленной как среди всех мигрантов, так и среди представителей принимающего общества. Максимальное словарное разнообразие наблюдалось у представителей русской, армянской и казахской национальностей.

Ценностная установка «достоинство» трактуется как представление индивида о себе, признание внутренней ценности и соответствия своему предназначению, что закладывает основу для формирования правовой культуры и ожиданий относительно материальных и иных благ. В рамках данной категории зафиксирована низкая активность со стороны всех исследуемых групп мигрантов.

Обсуждения, относящиеся к правам и свободам человека, встречались нечасто и, как правило, сводились к упоминанию официальных государственных структур, вне зависимости от этнической принадлежности.

В контексте обсуждений, касающихся страны происхождения, наиболее часто упоминаемыми странами являются Россия, Армения и Казахстан. Например, анализ комментариев мигрантов из Армении выявил заметное преобладание слов, связанной с их родиной («Армения», «армянин», «армянский»). Это указывает на высокий уровень их вовлеченности в общественно-политические процессы, даже находясь за пределами своей

¹ Соболевская О. В. Отчаяние, доверие, обман, помощь: как мигранты поддерживают друг друга в социальных сетях. URL: <https://dzen.ru/a/YRaotXfHrXKBxkXJ?ysclid=mrdaW1fgyn516956982> (дата обращения: 12.03.2026).

страны. Активное обсуждение вопросов, связанных с этнической родиной, демонстрирует чувство принадлежности и солидарности среди представителей данного сообщества.

Россия занимает значимое место по частоте упоминаний армянами, достигая 171 случая. Другие национальности упоминаются реже, например, Турция (53 упоминания) и Албания (33 упоминания). Важно отметить, что дискуссии об Албании зачастую затрагивают тему ее конфликта с Азербайджаном (25 упоминаний).

Среди мигрантов из Кыргызстана и Узбекистана тема этнической родины обсуждается в меньшей степени. Граждане Таджикистана, судя по статистике упоминаний, проявляют больший интерес к России, чем к своей стране. Увеличение частоты упоминаний собственной страны может свидетельствовать об усилении этнической консолидации, основанной на традиционных ценностях.

Существенные события, происходящие в Таджикистане, стали причиной активизации обсуждений, связанных с этой страной, среди таджикских мигрантов, вытесняя при этом дискуссии о России. Эти мигранты выражают беспокойство по поводу текущей ситуации и размышляют о возможности смены места жительства.

Сохраняется высокий уровень упоминаний, касающихся миграционной тематики, например «мигрант», а также религиозных вопросов («Аллах», «пророк», «Мухаммад», «брат», «религия»).

Среди глаголов, описывающих действия, часто встречаются «говорить», «работать», «защищать» и «читать».

Отмечаются тенденции к конфликтности в миграционных сообществах, поскольку большинство пользователей платформы «ВКонтакте» в первую очередь нацелены на защиту интересов своих исходных сообществ.

Категория «Служение Отечеству» демонстрирует, как молодое поколение

выражает свою привязанность к родной земле, используя для этого синонимичные выражения. Эта категория тесно перекликается с понятием «патриотизм», которое особенно ярко проявляется у представителей России, Армении и Казахстана. Мигранты из Таджикистана, в свою очередь, осмысливают «служение Отечеству» через призму обсуждения пограничных вопросов с Кыргызстаном, а также уделяют внимание государственным символам.

Традиционная ценность «Права и свободы человека» выявляет обеспокоенность молодых мигрантов из стран СНГ (Таджикистан, Кыргызстан, Узбекистан, Казахстан, Армения) относительно допустимых форм насилия в рамках российского законодательства. Также рассматривались вопросы законности процедур, связанных с оформлением регистрации, и права на трудоустройство и получение образования в Российской Федерации.

«Высокие нравственные идеалы» в восприятии мигрантов связаны с понятиями любви и Бога, что указывает на стремление к высшим этическим нормам или поиску справедливых решений в непростых жизненных ситуациях.

«Историческая память и преемственность поколений» проявляется в дискуссиях о значимых исторических местах и событиях. Эта ценность особенно сильна у армян, что обусловлено обсуждением статуса Нагорного Карабаха. Пользователи армянского происхождения часто затрагивают тему предполагаемых нарушений союзнических обязательств России перед Арменией, а также действия Азербайджана в отношении Арцаха, используя следующие слова: «Арцах» (30), «союзник» (29), «земля» (29), «мир» (28), «договор» (27), «война» (25), «Кремль» (24).

У мигрантов из Кыргызстана эта категория ассоциируется с образом Манаса – национального героя, объединившего кыргызский народ. Эпос о Манасе,

крупнейший в мире, занесен в Книгу рекордов Гиннеса.

«Единство народов» выражается через упоминания различных этнических групп как в позитивном, так и в негативном ключе. Россияне чаще всего упоминают армян, узбеков и киргизов. Представители других национальностей реже говорят о соседних государствах, в то время как узбеки и казахи проявляют интерес как к англоговорящим странам, так и к Японии, Китаю, Германии и Корее.

Выводы

В ходе эмпирического анализа было проведено разделение традиционных ценностей на категории. Эта классификация предназначалась для определения аспектов, которые, с одной стороны, укрепляют консолидацию, а с другой – порождают конфликтность среди членов молодого поколения мигрантов из стран СНГ, активно использующих социальные сети для общения.

К элементам, способствующим сплочению, относятся:

1) ежедневные бытовые вопросы, где приоритет в дискуссиях отдается обсуж-

дению повседневных потребностей и рутинных аспектов жизни;

2) историческое и культурное наследие в виде рассуждений о событиях и локациях, имеющих особое значение для культурной идентичности как мигрантского сообщества, так и принимающего общества;

3) взаимодействие между этносами как упоминание представителей различных этносов, как правило, в благожелательном, но иногда и в критическом контексте.

Деструктивные, провоцирующие конфликты факторы характеризуются следующим образом:

1) национальная самоидентификация с акцентом на патриотизме и подчеркивание достоинств своей страны, что может вызывать ответную негативную реакцию со стороны представителей других национальностей;

2) защита интересов своей группы, где проявляется желание пользователей социальных платформ, в частности «ВКонтакте», отстаивать преобладающие интересы своих стран, что нередко приводит к возникновению споров между участниками диалога.

Список литературы

1. Rokeach M. The nature of human values. New York: Free Press, 1973. 455 p.
2. Добренков В. Ценностно ориентированная социология. Постановка проблемы // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2012. № 4. С. 5-23.
3. Елишев С. О. Теоретико-методологические подходы к изучению понятий «ценность», «ценностные ориентации» // Вестник Московского университета. 2010. № 3. С. 75–76.
4. Смелзер Н. Социология: [пер. с англ.]. М.: Феникс, 1994. 687 с.
5. Парсонс Т. О структуре социального действия. 2-е изд. М.: Академический Проект, 2002. 880 с.
6. Дюркгейм Э. Определение моральных фактов // Теоретическая социология: антология: в 2 ч. / под ред. С. П. Баньковской; Московская высшая школа социальных и экономических наук, Российская академия наук, Институт социологии, Центр фундаментальной социологии. М., 2002. Ч. 1. С. 11-31.
7. Вебер М. Основные социологические понятия / пер. с нем. М. И. Левиной // Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. 808 с.
8. Колосова В. В. Социологические подходы к изучению ценностей личности в процессе профессиональной деятельности // Молодой ученый. 2016. № 9 (113). С. 999-1002.
9. Винник Д. В. Социальные сети как феномен организации общества: сущность и подходы к использованию и мониторингу // Философия науки. 2012. № 4. С. 110–126.

10. Ярмач О. В., Страшко Е. В., Шкайдерова Т. В. Реакция на пандемию COVID-19 интернет-аудиторий Москвы, Санкт-Петербурга и Севастополя (по материалам медиааналитического исследования) // Вестник Института социологии. 2020. Т. 11, № 3. С. 121–142.
11. Биккулов А. С., Бершадская Л. А., Жук Д. В. Сервисы мониторинга социальных медиа в сети Интернет и анализ частотности поисковых запросов как инструменты исследования социальных проблем // Современные проблемы науки и образования. 2012. № 6. С. 735–735.
12. Бесфамильный Д. А. Повестка дня новостных сообществ в социальных сетях о деятельности диаспор в России // Человек и общество: исследования, анализ, прогноз: материалы V студенческой научно-практической конференции. М.: Российский государственный социальный университет, 2021. С. 49–54.
13. Кривоусов В. В. Роль регионального сообщества как фактора консолидации России // Гуманитарий Юга России. 2024. Т. 13, № 1. С. 44–55.
14. «Цифровые диаспоры» мигрантов из центральной Азии: виртуальная сетевая организация, дискурс «воображаемого сообщества» и конкуренция идентичностей: монография / И. П. Кузнецова-Саган, А. П. Глухов, Л. В. Ахметова, М. Н. Бычкова, И. В. Гужова, С. С. Носова, Г. А. Окушова, Ю. М. Стаховская. Томск: Томский государственный университет, 2016. 168 с.
15. Мигранты в социальных сетях: уход от реальности или порождение новой реальности / Ю. Г. Волков, В. И. Курбатов, С. А. Дюжиков, А. Х. Люев // Гуманитарий Юга России. 2021. Т. 10, № 5. С. 19–30.
16. Лапшина Е. Миграция и маргинальность в контексте социологии социального пространства // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 12. Психология. Социология. Педагогика. 2010. № 1. С. 388–394.
17. Рзаева С. Этническая социальная сеть как механизм миграционных процессов и адаптации в принимающем обществе: о понятии и устройстве // Вестник Томского государственного университета. 2015. № 395. С. 60–66.
18. Тимошкин Д. О. Доверие vs дезинформация: экономика русскоязычных «мигрантских» групп в социальных сетях // Экономическая социология. 2019. Т. 20, № 5. С. 53–73.
19. Putnam R. D. *Democracies in Flux: The Evolution of Social Capital in Contemporary Society*. Oxford; New York: Oxford University Press, 2002. 525 p.
20. Малыхина Т. А., Бочаров В. Ю. Методология и методы социологического мониторинга сообществ рабочей молодежи в социальных сетях // Семиотические исследования. *Semiotic studies*. 2021. Т. 1, № 4. С. 95–113.

References

1. Rokeach M. *The nature of human values*. New York: Free Press; 1973. 455 p.
2. Dobreenkov V. Value-oriented sociology. Statement of the problem. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18. Sotsiologiya i politologiya = Bulletin of Moscow University. Series 18. Sociology and Political Science*. 2012;(4):5–23. (In Russ.)
3. Elishchev S.O. Theoretical and methodological approaches to the study of the concepts of “value” and «value orientations». *Vestnik Moskovskogo universiteta = Bulletin of Moscow University*. 2010;(3):75–76. (In Russ.)
4. Smelser N. *Sociology*. Moscow: Feniks; 1994. 687 p. (In Russ.)
5. Parsons T. *The Structure of Social Action*. 2nd ed. Moscow: Akademicheskii Proekt; 2002. 880 p. (In Russ.)
6. Durkheim E. The Definition of Moral Facts. In: Bankovskaya S.P. (ed.) *Theoretical Sociology: anthology*. Pt. 1. Moscow: Moskovskaya vysshaya shkola sotsial'nykh i ekonomicheskikh nauk, Rossiiskaya akademiya nauk, Institut sotsiologii, Tsentr fundamental'noi sotsiologii; 2002. P. 11–31. (In Russ.)
7. Weber M. *Basic Sociological Concepts*. In: *Selected Works*. Moscow: Progress; 1990. 808 p. (In Russ.)

8. Kolosova V.V. Sociological Approaches to the Study of Personal Values in the Process of Professional Activity. *Molodoi uchenyi = Young Scientist*. 2016;(9):999-1002. (In Russ.)
9. Vinnik D.V. Social networks as a phenomenon of social organisation: essence and approaches to use and monitoring. *Filosofiya nauki = Philosophy of Science*. 2012;(4):110–126. (In Russ.)
10. Yarmak O.V., Strashko E.V., Shkaiderova T.V. Reaction to the COVID-19 pandemic by Internet audiences in Moscow, St. Petersburg and Sevastopol (based on media analysis research). *Vestnik Instituta sotsiologii = Bulletin of the Institute of Sociology*. 2020;11(3):121–142. (In Russ.)
11. Bikkulov A.S., Bershadskaya L.A., Zhuk D.V. Social media monitoring services on the Internet and analysis of search query frequency as tools for researching social problems. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya = Contemporary Problems of Science and Education*. 2012;(6):735–735. (In Russ.)
12. Besfamilnyi D.A. The agenda of news communities on social networks about the activities of diasporas in Russia. In: *Chelovek i obshchestvo: issledovaniya, analiz, prognoz: materialy V studencheskoi nauchno-prakticheskoi konferentsiyai = Man and society: research, analysis, forecast: Materials of the V Student Scientific and Practical Conference*. Moscow: Rossiiskii gosudarstvennyi sotsial'nyi universitet; 2021. P. 49-54. (In Russ.)
13. Krivopuskov V.V. The role of the regional community as a factor in the consolidation of Russia. *Gumanitarii Yuga Rossii = Humanitarian of Southern Russia*. 2024;13(1):44-55. (In Russ.)
14. Kuzheleva-Sagan I.P., Glukhov A.P., Akhmetova L.V., Bychkova M.N., Guzhova I.V., Nosova S.S., Okushova G.A., Stakhovskaya Yu.M. «Digital diasporas» of migrants from Central Asia: a virtual network organization, the discourse of an «imaginary community» and identity competition. Tomsk: Tomskii gosudarstvennyi universitet; 2016. 168 p. (In Russ.)
15. Volkov Yu.G., Kurbatov V.I., Dyuzhikov S.A., Lyuev A.Kh. Migrants in social networks: escape from reality or creation of a new reality. *Gumanitarii Yuga Rossii = Humanitarian of Southern Russia*. 2021;10(5):19–30. (In Russ.)
16. Lapshina E. Migration and marginality in the context of the sociology of social space. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 12. Psikhologiya. Sotsiologiya. Pedagogika = Bulletin of Saint Petersburg University. Episode 12. Psychology. Sociology. Pedagogy*. 2010;(1):388-394. (In Russ.)
17. Rzaeva S. Ethnic social networks as a mechanism of migration processes and adaptation in the host society: concept and structure. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Tomsk State University*. 2015;(395):60–66. (In Russ.)
18. Timoshkin D.O. Trust vs. disinformation: the economics of Russian-speaking 'migrant' groups on social networks. *Ekonomicheskaya sotsiologiya = Economic Sociology*. 2019;20(5):53–73. (In Russ.)
19. Putnam R.D. *Democracies in Flux: The Evolution of Social Capital in Contemporary Society*. Oxford; New York: Oxford University Press; 2002. 525 p.
20. Malykhina T.A., Bocharov V.Yu. Methodology and Methods of Sociological Monitoring of Working Youth Communities on Social Networks. *Semioticheskie issledovaniya. Semiotic studies = Semiotic Research. Semiotic Studies*. 2021;1(4):95–113. (In Russ.)

Информация об авторе / Information about the Author

Бесфамильный Данила Алексеевич,
младший научный сотрудник, Институт
социальной демографии Федерального
научно-исследовательского социологического
центра Российской академии наук, г. Москва,
Российская Федерация,
e-mail: besfadanil@gmail.com,
ORCID: 0000-0003-2666-2195

Danila A. Besfamilnyi, Research Assistant,
Institute of Social Demography of the Federal
Research Sociological Center of the Russian
Academy of Sciences, Moscow,
Russian Federation,
e-mail: besfadanil@gmail.com,
ORCID: 0000-0003-2666-2195

Оригинальная статья / Original article

УДК 316.61

<https://doi.org/10.21869/2223-1552-2026-16-3-235-245>

Социализация личности сквозь призму психоанализа: вклад З. Фрейда и Э. Фромма в социологическое осмысление личностного развития и социальной адаптации

В. А. Кузнецов¹, Л. В. Килимова¹✉

¹ Юго-Западный государственный университет
ул. 50 лет Октября, д. 94, г. Курск 305040, Российская Федерация

✉ e-mail: lyuda-klv@yandex.ru

Резюме

Актуальность. В условиях кризиса традиционных институтов и трансформации социальных идентичностей требуется осмысление социализации личности, обращаясь к фундаментальным концепциям. Несмотря на значительное влияние психоанализа на понимание поведения личности, сравнительный анализ социологических умозаключений теорий З. Фрейда и Э. Фромма в контексте социализации представлен фрагментарно.

Цель – сравнить теории З. Фрейда и Э. Фромма, рассматривая их как альтернативные модели взаимодействия индивида и общества в процессе социализации личности.

Задачи: реконструировать фрейдовскую теорию социализации как процесс принятия индивидом социальных ограничений как собственных; рассмотреть теорию Э. Фромма через призму дихотомии свободы и формирования социального характера личности; выявить сходства и различия двух подходов при социализации личности; определить значение данных теорий для современной социологии в контексте личности.

Методология. Исследование опирается на традицию социологической интерпретации психоаналитических концепций. Применены общенаучные методы: анализ, синтез, обобщение. Сравнительный метод использован для сопоставления концепций З. Фрейда и Э. Фромма. Структурно-функциональный подход применен для выделения универсальных компонентов социализации и их содержательного наполнения в рамках каждой модели.

Результаты. В статье систематизированы представления З. Фрейда о социализации как процессе встраивания общественных запретов в самосознание человека, ведущем к формированию «Сверх-Я». Раскрыта альтернативная модель Э. Фромма, рассматривающая социализацию как диалектический процесс формирования «социального характера» личности. Проведен сравнительный анализ парадигм.

Выводы. Теория З. Фрейда описывает социализацию как репрессивный механизм социального контроля, в рамках которого личность обречена на внутренний конфликт между природными влечениями и усвоенными запретами. Теория Э. Фромма предлагает альтернативу, в которой социализация реализуется через продуктивную ориентацию личности, обретающей позитивную свободу в творчестве и любви. Обе концепции сохраняют методологическую значимость для анализа социализации личности в цифровом обществе.

Ключевые слова: социализация; личность; социология личности; социальный характер; социальный контроль; интериоризация; бегство от свободы.

Конфликт интересов: В представленной публикации отсутствует заимствованный материал без ссылок на автора и (или) источник заимствования, нет результатов научных работ, выполненных авторами публикации лично и (или) в соавторстве, без соответствующих ссылок. Авторы декларируют отсутствие конфликта интересов, связанных с публикацией данной статьи.

Для цитирования: Кузнецов В. А., Килимова Л. В. Социализация личности сквозь призму психоанализа: вклад З. Фрейда и Э. Фромма в социологическое осмысление личностного развития и социальной адаптации // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2026. Т. 16, № 3. С. 235–245. <https://doi.org/10.21869/2223-1552-2026-16-3-235-245>.

Поступила в редакцию 16.04.2026

Принята к публикации 15.05.2026

Опубликована 30.06.2026

© Кузнецов В. А., Килимова Л. В., 2026

Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент /
Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management. 2026;16(3):235–245

Socialization of the individual through the prism of psychoanalysis: the contribution of Z. Freud and E. Fromm to the sociological understanding of personal development and social adaptation

Vladislav A. Kuznetsov¹, Ludmila V. Kilimova¹ ✉

¹ Southwest State University
50 Let Oktyabrya Str. 94, Kursk 305040, Russian Federation

✉ e-mail: lyuda-klv@yandex.ru

Abstract

Relevance. In the context of the crisis of traditional institutions and the transformation of social identities, an understanding of the socialization of the individual is required, turning to fundamental concepts. Despite the significant influence of psychoanalysis on the understanding of individual behavior, a comparative analysis of the sociological conclusions of the theories of Sigmund Freud and Erich Fromm in the context of socialization is presented fragmentarily.

The purpose is to compare the theories of Z. Freud and E. Fromm, considering them as alternative models of interaction between the individual and society in the process of socialization of the individual.

Objectives: to reconstruct Freud's theory of socialization as a process of individual acceptance of social restrictions as their own; to examine E. Fromm's theory through the prism of the dichotomy of freedom and the formation of the social character of the individual; to identify the similarities and differences between the two approaches to the socialization of the individual; to determine the significance of these theories for modern sociology in the context of the individual.

Methodology. The study draws on the tradition of sociological interpretation of psychoanalytic concepts. General scientific methods were employed: analysis, synthesis, and generalization. A comparative method was used to compare the concepts of Sigmund Freud and Erich Fromm. A structural-functional approach was applied to identify universal components of socialization and their substantive content within each model.

Results. This article systematizes Sigmund Freud's ideas about socialization as the process of embedding social prohibitions into a person's self-awareness, leading to the formation of the superego. An alternative model, proposed by Erich Fromm, is explored, which views socialization as a dialectical process of shaping the individual's "social character." A comparative analysis of these paradigms is provided.

Conclusions. Z. Freud's theory describes socialization as a repressive mechanism of social control, within which the individual is condemned to an internal conflict between natural drives and learned inhibitions. E. Fromm's theory offers an alternative, in which socialization is realized through the productive orientation of the individual, who finds positive freedom in creativity and love. Both concepts retain methodological relevance for analyzing the socialization of the individual in a digital society.

Keywords: socialization; personality; sociology of personality; social character; social control; internalization; escape from freedom.

Conflict of interest: In the presented publication there is no borrowed material without references to the author and (or) source of borrowing, there are no results of scientific works performed by the authors of the publication, personally and (or) in co-authorship, without relevant links. The authors declare no conflict of interest related to the publication of this article.

For citation: Kuznetsov V.A., Kilimova L.V. Socialization of the individual through the prism of psychoanalysis: the contribution of Z. Freud and E. Fromm to the sociological understanding of personal development and social adaptation. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment* = *Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management*. 2026;16(3):235–245. (In Russ.) <https://doi.org/10.21869/2223-1552-2026-16-3-235-245>.

Received 16.04.2026

Accepted 15.05.2026

Published 30.06.2026

Введение

Проблема интеграции индивида в общество является фундаментальной для социологического знания. В эпоху цифровизации, разнообразия жизненных стилей и ослабления нормативного регули-

рования вопрос о том, как именно социальная структура формирует личность, стоит особенно остро. Культурно-исторический подход Л. С. Выготского к формированию социального опыта через освоение культурных средств и знаковых

систем актуален и сегодня. Однако трансформация механизмов социализации в цифровую эпоху требует пересмотра классических моделей и обращения к их истокам [1].

Классическая социологическая традиция заложила основы понимания того, как общество регулирует поведение личности. Э. Дюркгейм в работе «Социология. Ее предмет, метод, предназначение» исследовал механизмы солидарности, показывая, как коллективные представления воздействуют на сознание индивида, формируя у него чувство долга и приверженность общим нормам [2]. М. Вебер в «Протестантской этике и духе капитализма» анализировал, как ценностные установки (в данном случае – религиозные) становятся внутренними мотивами поведения личности, направляя ее активность в социально значимое русло [3].

Однако именно психоаналитическая традиция позволила проникнуть в глубинные механизмы того, как социальные требования становятся внутренними повелениями личности. О. Г. Ворошень подчеркивает, что психоаналитические концепции личности сохраняют свою актуальность в структуре современного гуманитарного знания, выступая методологической основой для междисциплинарных исследований социализации [4].

З. Фрейд, создавая учение о бессознательном, заложил основы для понимания процесса интериоризации социальных запретов. В работе «Недовольство культурой» он анализирует конфликт между жизненными потребностями индивида и репрессивными требованиями социальной системы [5]. З. Фрейд показывает, что «"замена власти индивида на власть общества" является решающим шагом в развитии цивилизации, требующим от человека ограничения его влечений» [5, с. 16]. С социологической точки зрения это описание процесса легитимации социального контроля через превращение внешних норм во внутренние регуляторы поведения личности. Данная

проблематика позднее получила развитие в работах Дж. Г. Мида, который в книге «Разум, Я и общество» заложил основы символического интеракционизма, показав, как «Я» личности формируется через усвоение социальных ожиданий [6].

Э. Фромм, развивая и придавая социологический характер идеям З. Фрейда, сместил фокус с биологических влечений на анализ «социального характера» – совокупности черт, присущих большинству членов данной социальной группы. В работе «Бегство от свободы» он рассматривает социализацию как результат диалектики обретения свободы: усиление индивидуализации ведет не только к росту личной свободы, но и к усилению изоляции, что порождает социально-психологические механизмы «бегства» [7, с. 36]. Современный исследователь Е. Ф. Казаков, развивая эту тему, показывает, что «бег» становится доминирующей метафорой современного существования, способом адаптации личности к ускоряющейся реальности [8].

Материалы и методы

Теоретическую базу исследования составляют оригинальные работы З. Фрейда и Э. Фромма. Для анализа фрейдовской модели привлечены труды «Недовольство культурой» [5], где раскрывается конфликт индивида и культуры; «Я и Оно» [9], в котором представлена трехкомпонентная структура психики; и «Психология масс и анализ человеческого "Я"» [10], где исследуются механизмы идентификации личности с группой. При работе с этими текстами использован метод анализа, позволивший выделить ключевые понятия (интериоризация, «Сверх-Я», сублимация), и синтез, обеспечивший объединение этих элементов в целостную модель социализации.

Для реконструкции взглядов Э. Фромма использованы работы «Бегство от свободы» [7], «Человек для себя» [11], «Искусство любить» [12] и «Иметь или быть?» [13], в которых последовательно

развивается его теория социального характера и двух модусов существования личности. При их изучении применялся метод анализа для выделения таких понятий, как «бегство от свободы», «социальный характер», «продуктивная ориентация», и синтез для построения целостной картины фроммовской модели социализации.

Важное значение для понимания эволюции психоаналитических идей в рамках социокультурного подхода имеют работы современных исследователей. О. В. Заширинская, анализируя трансформацию понятия «Сверх-Я» от З. Фрейда к Ж. Лакану, показывает, как психоаналитическая категория приобретает социокультурное измерение, позволяя объяснять не только индивидуальные, но и социальные процессы [14]. При работе с текстом О. В. Заширинской использован метод обобщения, позволивший выделить ключевые этапы трансформации понятия «Сверх-Я» как социокультурного регулятора поведения личности и соотнести их с предметом настоящего исследования, ориентированным на анализ социологических моделей социализации. И. А. Шаповал раскрывает, как современная молодежь усваивает социальные нормы в условиях цифровизации, фиксируя деформации традиционных механизмов социализации [15]. Обобщение выводов И. А. Шаповал позволило связать ее эмпирические наблюдения с теоретическими конструктами Э. Фромма.

В. О. Пигулевский и Л. А. Мирская рассматривают влияние психоаналитической традиции на современную культуру, выделяя две волны этого влияния – фрейдизм и фрейдомарксизм – и их последующую трансформацию в постмодернистских практиках [16]. При работе с этим текстом метод синтеза позволил объединить их выводы о культурном влиянии психоанализа с анализом фроммовской модели.

Существенный вклад в понимание историко-социологического контекста развития психоаналитических идей вно-

сят работы В. М. Лейбина. В статье «К истории детского психоанализа» он прослеживает, как психоаналитические идеи о формировании личности усваивались и трансформировались в отечественной науке [17]. Метод обобщения применен для выделения из работы В. М. Лейбина положений, помогающих понять специфику российской рецепции психоаналитических концепций социализации.

В работе использованы сравнительный метод (для сопоставления концепций З. Фрейда и Э. Фромма по выделенным критериям: движущая сила, структура личности, механизмы, роль институтов, идеальный тип) и структурно-функциональный подход, разработанный Т. Парсонсом [18], позволивший выделить универсальные компоненты процесса социализации (агенты, механизмы, результаты) и определить, как они наполняются содержанием в рамках каждой из анализируемых моделей. Теория аномии Р. Мертона [19], в свою очередь, дала инструментарий для анализа того, как разрыв между культурными целями и институциональными средствами порождает различные типы адаптивного поведения личности, включая конформизм, что соотносится с фроммовскими механизмами «бегства».

Результаты и их обсуждение

Проблема социализации личности в рамках психоаналитической традиции, а именно в теориях З. Фрейда и Э. Фромма, привлекала внимание многих исследователей. В отечественной науке к ней обращались, например, В. М. Лейбин, анализирувавший историю усвоения психоаналитических идей в России и их влияние на понимание формирования личности [18]; О. В. Заширинская, исследовавшая эволюцию понятия «Сверх-Я» как культурного регулятора поведения [15]; а также В. О. Пигулевский и Л. А. Мирская, показавшие в своей работе, как мифы психоанализа (идеи З. Фрейда о конфликте влечений с культурой, об Эросе и Танатосе) через две волны влияния –

фрейдизм и фрейдомарксизм – трансформировались в социокультурные механизмы, определяющие социализацию личности в западном обществе. Данные механизмы, по мнению авторов, проявляются в подрыве традиционных нормативных оснований социализации (семья, мораль, гендерные роли), в росте конформизма и эскапизма как массовых стратегий социальной адаптации, а также в формировании новых идентичностей, ориентированных не на усвоение внешних норм, а на внутренний поиск «подлинного Я», что, в свою очередь, переопределяет саму структуру взаимодействия личности и социальных институтов [17]. В зарубежной традиции, помимо классических работ, значительный вклад внесли исследования, связывающие психоанализ с социологией личности. Таким образом, обращение к наследию З. Фрейда и Э. Фромма опирается на широкий контекст современных интерпретаций, что позволяет рассматривать их идеи не изолированно, а в диалоге с актуальными исследовательскими подходами.

Начать анализ стоит с модели, предложенной основателем психоанализа. В основе понимания социализации З. Фрейдом лежит представление о структуре личности, где роль общества является конституирующей. Процесс становления социального индивида – это процесс формирования инстанции «Сверх-Я», выступающей внутренним представителем социальных норм, требований и запретов, контролирующей поведение личности на протяжении всей ее жизни.

Ключевым механизмом социализации, по З. Фрейду, является интериоризация родительских требований. Разрешение Эдиповой ситуации знаменует собой момент, когда внешний социальный контроль (власть и авторитет родителей) трансформируется во внутренний самоконтроль. З. Фрейд описывает это как «образование "осадка" в структуре "Я", который противостоит остальному содержанию сознания в виде "Идеала Я"

или "Совести"» [9, с. 12]. Таким образом, социальное бытие личности обеспечивается не просто страхом наказания, а работой внутреннего цензора, который постоянно оценивает поступки и намерения индивида. Энергия неприемлемых для общества влечений не исчезает, а трансформируется в социально приемлемые формы активности (труд, творчество) – механизм, замещающий запретное желание допустимой деятельностью.

Данная модель получила развитие в структурном функционализме. Т. Парсонс в работе «О структуре социального действия» рассматривал процесс социализации именно через усвоение индивидом социальных ожиданий и их трансформацию во внутренние мотивационные структуры личности [18]. По сути, Т. Парсонс направил в социологическое русло фрейдовское «Сверх-Я», представив его как проекцию социальной системы на уровень личности.

Однако данный процесс, по мысли З. Фрейда, имеет высокую социальную цену. Культура и социальный порядок покоятся на подавлении естественных влечений, что порождает фундаментальный антагонизм между индивидом и обществом. Прогресс культуры оборачивается ростом невротизации и чувства вины среди членов общества: «платой за культурный прогресс является убыток счастья» [5, с. 34].

Данное чувство вины проявляется как постоянное внутреннее напряжение: личность ощущает себя недостаточно хорошей, боится нарушить даже незначительные правила, испытывает страх перед возможным наказанием (даже если внешнего контроля нет). Любое желание, идущее вразрез с усвоенными нормами, вызывает тревогу и самообвинение, формируя у человека привычку отказывать себе в удовольствиях. В крайних формах такая внутренняя цензура может приводить к неспособности получать радость от жизни, к постоянному самокопанию и чувству, что личность «не заслуживает»

счастья. По мысли З. Фрейда, массовое распространение невротических личностей в обществе чревато серьезными последствиями. Накопление внутренней агрессии, не находящей выхода, может прорываться в виде социальных конфликтов, вандализма, деструктивных движений; с другой стороны, тотальная внутренняя зажатость делает индивидов пассивными, легко управляемыми, но одновременно склонными к скрытому саботажу или внезапным вспышкам гнева. В долгосрочной перспективе общество, состоящее преимущественно из невротиков, теряет способность к инновациям, к спонтанному творчеству, а его члены оказываются неспособными к подлинной солидарности, поскольку их отношения строятся не на доверии, а на взаимном контроле и страхе.

Как отмечает О. В. Защирина, у З. Фрейда «Сверх-Я» выступает не только как носитель морали, но и как источник чувства вины, причем вина перестает быть побочным продуктом социальной регуляции и становится структурной характеристикой человеческого существования [15].

Резюмируя фрейдовскую модель, отметим: она описывает социализацию как процесс подавления природных влечений личности под давлением социальных норм. Личность формируется через конфликт между «Оно» (инстинкты) и «Сверх-Я» (интериоризированные запреты), а результатом этого конфликта становится внутренне напряженный, адаптированный к внешним требованиям индивид, чье существование сопровождается неизбежным чувством вины. В масштабах общества это означает, что социализация, построенная на подавлении, порождает массовую невротизацию, которая, в свою очередь, ведет к накоплению скрытой агрессии, росту конформизма и снижению способности граждан к спонтанной солидарности и коллективным действиям, направленным на изменение социальной реальности.

Принципиально иную перспективу открывает концепция Э. Фромма. Он предлагает модель, в которой социализация рассматривается не как подавление, а как результат взаимодействия экзистенциальных потребностей личности и конкретной социальной структуры. Исходной точкой, по Э. Фромму, является разрыв «первичных уз» – естественных связей, дающих человеку ощущение безопасности. Данные узлы, характерные для ранних стадий развития как индивида, так и общества, связывают ребенка с матерью, а первобытного человека – с племенем и природой [7, с. 28–29].

Данный разрыв порождает «свободу от» – негативную свободу, которая вместо радости приносит чувство одиночества и изоляции. Перед индивидом встает экзистенциальная дилемма: либо воссоединиться с миром на новых, продуктивных основаниях, либо «бежать» от бремени свободы. Механизмы «бегства от свободы» (авторитаризм, деструктивизм, конформизм) – это, по Э. Фромму, социально обусловленные патологии социализации, ведущие к отчуждению личности и утрате ею подлинного «Я» [7, с. 110].

В работе «Человек для себя» Э. Фромм детализирует этот процесс, описывая непродуктивные типы социального характера (рецептивный, эксплуатирующий, накапливающий, рыночный), формирующиеся в ответ на требования социально-экономической системы [11]. Конформизм и «рыночная ориентация» являются доминирующими механизмами в современных обществах, где личность усваивает шаблоны мышления и поведения, предлагаемые социальной системой, полностью отказываясь от собственной спонтанности. Р. Мертон в своей теории аномии развил сходные идеи, показав, как разрыв между культурными целями и институциональными средствами порождает различные типы адаптивного поведения личности, включая конформизм как наиболее распространенный [19].

Альтернативой является «позитивная свобода» и формирование «продуктивной ориентации характера». Такая социализация реализуется через спонтанную активность, любовь и творческий труд. В работе «Искусство любить» Э. Фромм определяет зрелую любовь как активную силу, позволяющую личности сохранить свою целостность в единстве с другими [12, с. 23–24]. В поздних работах он развивает две жизненные стратегии (модусы) «обладания» и «бытия» [13], где модус «бытия» соответствует подлинной социализации – реализации человеческой сущности в деятельности, а не в потреблении.

И. А. Шаповал, исследуя современных студентов, показывает актуальность фроммовского подхода: у молодежи фиксируется «девальвация ценности самоопределения и традиционных способов самореализации», прослеживается «ценностная ориентация в направлении эгоцентризма, гедонизма, «анонимной ответственности» [15, с. 75–76]. В данной ситуации механизмы «бегства», по мысли И. А. Шаповал, продолжают работать в новых формах, проявляясь в уходе в виртуальную реальность, отказе от долгосрочных обязательств и имитационной активности. По мнению В. О. Пигулевского и Л. А. Мирской, фрейдомарксистская традиция, к которой принадлежит Э. Фромм, заложила основы для понимания того, как «изнурительный производительный труд, на котором строится цивилизация, питается энерги-

ей, отнятой у инстинктов» [16, с. 421]. В этом ключе показательно наблюдение К. В. Высоцкого: механизмы социализации, описанные классиками, претерпевают трансформацию в цифровую эпоху, но сохраняют свою структурную основу [1], что подтверждает актуальность обращения к наследию З. Фрейда и Э. Фромма.

Таким образом, модель Э. Фромма описывает социализацию как диалектический процесс, в котором личность, освобождаясь от первичных связей, либо уходит в патологические формы адаптации (авторитаризм, конформизм), либо обретает позитивную свободу через продуктивную деятельность и любовь. В отличие от З. Фрейда Э. Фромм видит возможность социализации без подавления личности, через раскрытие ее творческого потенциала. В приложении к обществу это означает, что характер социализации (деструктивный или продуктивный) зависит от того, какие механизмы социальной интеграции доминируют в социальных институтах: если они ориентированы на контроль и подавление, личность «бежит от свободы»; если же они создают условия для творчества, диалога и участия, личность обретает способность к подлинной самореализации в социальной среде. Для наглядного сопоставления двух подходов предложена таблица 1, отражающая различия в исходных основаниях, механизмах и результатах социализации, включая формируемый каждой моделью идеальный тип личности.

Таблица 1. Сравнительный анализ социологических моделей социализации З. Фрейда и Э. Фромма

Критерий для сравнения	Концепция	
	З. Фрейд	Э. Фромм
Движущая сила социализации	Подавление природных влечений (инстинктов) под давлением социальных норм и запретов	Диалектическое противоречие между обретаемой свободой («свобода от») и потребностью в социальной укорененности
Структура личности	Трехкомпонентная (Оно, Я, Сверх-Я). Сверх-Я – социальное измерение личности, интериоризированный социальный контроль	Социальный характер как результат адаптации человеческих потребностей к конкретной социально-экономической структуре

Окончание табл. 1

Критерий для сравнения	Концепция	
	З. Фрейда	Э. Фромма
Механизмы социализации	Идентификация с родителями, вытеснение, сублимация	Спонтанная активность (позитивный путь); авторитаризм, конформизм, разрушительность (негативные «механизмы бегства»)
Роль социальных институтов	Репрессивная, ограничивающая. Институты (семья, государство) выступают агентами подавления	Амбивалентная. Социальные институты могут как подавлять (формируя «рыночный характер»), так и способствовать самореализации
Идеальный тип личности	Социально адаптированный индивид с сильным внутренним контролем, обремененный чувством вины	Продуктивная, творческая личность, способная к подлинной любви и реализующая себя в модусе «бытия»

Ключевое различие данных моделей социализации личности лежит в понимании сущности социального взаимодействия. Для З. Фрейда оно изначально конфликтно и требует постоянного ограничения. Э. Фромм, напротив, считает конфликт нефатальным: общество может предоставить условия для позитивной реализации личности.

В контексте социализации личности в цифровом обществе эти модели предлагают разные траектории. Фрейдовская модель указывает на опасность тотальной цифровизации, которая усиливает репрессивный контроль (например, через системы оценки поведения, цифровой профиль личности) и может приводить к росту тревожности и неврозов, когда личность оказывается под давлением «цифрового Сверх-Я». Фроммовская модель, напротив, открывает возможность для позитивной социализации через цифровые среды: онлайн-сообщества по интересам, творческие коллаборации, дистанционное образование могут стать пространством для спонтанной активности и продуктивной ориентации, если они не подменяют подлинное общение симуляцией. В этом пункте фроммовская модель сближается с современными концепциями рефлексивной социализации.

Например, Э. Гидденс в работе «Устроение общества» рассматривает индивида как активного агента, конструирующего свою идентичность в диалоге с социальными институтами, что особенно актуально в условиях цифровой среды [20].

Выводы

Проведенное исследование позволяет утверждать, что в рамках психоаналитической традиции сложились две альтернативные модели социализации личности.

Теория З. Фрейда описывает социализацию как процесс подавления природных влечений, в ходе которого внешние запреты превращаются во внутреннюю структуру «Сверх-Я». Личность формируется через конфликт и вынуждена постоянно балансировать между собственными желаниями и усвоенными ограничениями. Результатом становится внутренне напряженный индивид, чья адаптация к обществу оплачена чувством вины и потенциальной невротизацией. В массовом масштабе это может приводить к накоплению агрессии, социальной пассивности и дестабилизации общественных связей.

Теория Э. Фромма предлагает альтернативу: социализация понимается как

диалектический процесс обретения свободы, где личность сталкивается с экзистенциальной дилеммой между изоляцией и укорененностью. Социализация может пойти по деструктивному пути (механизмы «бегства») или по продуктивному пути (развитие способности к любви и творчеству). В отличие от З. Фрейда Э. Фромм видит возможность гармоничного развития личности, сохраняющей целостность в социальной среде.

Обе теории сохраняют методологическую значимость для анализа процессов социализации личности в цифровом обществе. Теория З. Фрейда дает инструментарий для понимания патологий социализации, возникающих под давлением новых форм цифрового контроля. Теория Э. Фромма задает ценностные ориентиры, показывая, как в условиях цифровой среды можно сохранить способность к подлинной активности и продуктивной реализации личности. Выполнение поставленных задач нашло отражение в структуре исследования. Реконструкция фрейдовской теории социализации позволила выделить в ней механизмы интериоризации запретов и подавления влечений как основу формирования «Сверх-

Я». Рассмотрение теории Э. Фромма выявило в ней дихотомию «бегства от свободы» и продуктивной ориентации как альтернативных путей социализации личности. Сравнение двух подходов показало, что их ключевое различие лежит в трактовке сущности социального взаимодействия: как изначально конфликтного (З. Фрейд) или как потенциально гармоничного (Э. Фромм). Наконец, определение значения данных теорий для современной социологии позволило утверждать, что обе модели сохраняют методологическую значимость для анализа процессов социализации личности в цифровом обществе, дополняя друг друга: первая – инструментарием анализа патологий, вторая – ценностными ориентирами продуктивной адаптации. Таким образом, сравнение теорий З. Фрейда и Э. Фромма как альтернативных моделей взаимодействия индивида и общества в процессе социализации личности позволило выявить различия в сущности социального взаимодействия, определить их как взаимодополняющие модели, используемые при исследовании социализации личности, осуществляющей жизнедеятельность в цифровом обществе.

Список литературы

1. Высоцкий К. В. Отдельные вопросы социализации российской молодёжи // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2026. № 3-2 (114). С. 6-11.
2. Дюркгейм Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение / пер. с французского А. Б. Гофмана. 4-е изд., испр. М.: Юрайт, 2019. 308 с.
3. Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма / пер. с немецкого М. Левиной. М.: АСТ, 2026. 352 с.
4. Ворошень О. Г. Теоретические подходы к анализу феномена идентичности в социальных науках // Социологический альманах. 2024. № 15. С. 19–25.
5. Фрейд З. Недовольство культурой / пер. с немецкого А. М. Руткевич. М.: АСТ, 2024. 256 с.
6. Мид Дж. Г. Сознание, самость и общество. М.: Директ-Медиа, 2007. 34 с.
7. Фромм Э. Бегство от свободы / пер. с англ. А. В. Александровой. М.: АСТ, 2026. 288 с.
8. Казаков Е. Ф. Человек бегущий как феномен современной культуры // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. 2025. № 2 (71). С. 45-56.
9. Фрейд З. Я и Оно / пер. с немецкого А. Анваер. М.: АСТ, 2023. 352 с.
10. Фрейд З. Психология масс и анализ человеческого «Я» / пер. с немецкого Я. М. Когана, Р. Ф. Додельцева. М.: Эксмо, 2025. 320 с.

11. Фромм Э. Человек для себя / пер. с англ. А. Александровой. М.: АСТ, 2026. 320 с.
12. Фромм Э. Искусство любить / пер. с англ. А. Александровой. М.: АСТ, 2023. 224 с.
13. Фромм Э. Иметь или быть? / пер. с нем. Э. Телятниковой. М.: АСТ, 2026. 320 с.
14. Защирина О. В. Суперэго как культурный режим: от Фрейда – к Лакану // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2025. Т. 25, № 3. С. 262–270.
15. Шаповал И. А. Самоотчуждение поколения Z в проекции «моделей должного» // Ценности и смыслы. 2024. № 2 (90). С. 64–80.
16. Пигулевский В. О., Мирская Л. А. Мифы психоанализа и культура: тренды и следы влияния // *НОМОТНЕТИКА: Философия. Социология. Право*. 2024. Т. 49, № 3. С. 417–427.
17. Лейбин В. М. К истории детского психоанализа // *Познание и переживание*. 2021. Т. 2, № 3. С. 80–93.
18. Парсонс Т. О структуре социального действия / пер. с англ. В. В. Сапов. М.: Академический проект, 2019. 435 с.
19. Мертон Р. Социальная теория и социальная структура / пер. с англ. Е. Н. Егоровой [и др.]. М.: АСТ : Хранитель, 2006. 873 с.
20. Гидденс Э. Устроение общества: Очерк теории структуризации. 3-е изд. М.: Академический Проект, 2018. 528 с.

References

1. Vysotsky K.V. Certain issues of socialization of Russian youth. *Mezhdunarodnyy zhurnal gumanitarnykh i yestestvennykh nauk = International Journal of Humanitarian and Natural Sciences*. 2026;(3-2):6-11. (In Russ.)
2. Durkheim E. *Sociology. Its Subject, Method, Purpose*. 4th ed. Moscow: Yurayt; 2019. 308 p. (In Russ.)
3. Weber M. *The Protestant Ethic and the Spirit of Capitalism*. Moscow: AST; 2026. 352 p. (In Russ.)
4. Voroshen O.G. Theoretical approaches to the analysis of the phenomenon of identity in the social sciences. *Sotsiologicheskii al'manakh = Sociological Almanac*. 2024;(15):19-25. (In Russ.)
5. Freud Z. *Discontent with Culture*. Moscow: AST; 2024. 256 p. (In Russ.)
6. Mead J. G. *Consciousness, Self, and Society*. Moscow: Direkt-Media; 2007. 34 p. (In Russ.)
7. Fromm E. *Escape from Freedom* / translated from English by A.V. Alexandrova. Moscow: AST; 2026. 288 p. (In Russ.)
8. Kazakov E.F. The running man as a phenomenon of modern culture. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv = Bulletin of the Kemerovo State University of Culture and Arts*. 2025;(2):45-56. (In Russ.)
9. Freud Z. *The Ego and the Id*. Moscow: AST; 2023. 352 p. (In Russ.)
10. Freud Z. *Psychology of the Masses and the Analysis of the Human Ego*. Moscow: Eksmo; 2025. 320 p. (In Russ.)
11. Fromm E. *Man for Himself*. Moscow: AST; 2026. 320 p. (In Russ.)
12. Fromm E. *The Art of Love*. Moscow: AST; 2023. 224 p. (In Russ.)
13. Fromm E. *To have or to be?* Moscow: AST; 2026. 320 p. (In Russ.)
14. Zashchirinskaya O.V. Superego as a cultural regime: from Freud to Lacan. *Vestnik Russkoy khristianskoy gumanitarnoy akademii = Bulletin of the Russian Christian Humanitarian Academy*. 2025;25(3):262–270. (In Russ.)
15. Shapoval I.A. Self-alienation of Generation Z in the projection of «models of what should be». *Tsennosti i smysly = Values and Meanings*. 2024;(2):64–80. (In Russ.)
16. Pigulevsky V.O., Mirskaya L.A. Myths of psychoanalysis and culture: trends and traces of influence. *NOMOTNETIKA: Filosofiya. Sotsiologiya. Pravo = NOMOTNETIKA: Philosophy. Sociology. Law*. 2024;49(3):417–427. (In Russ.)

17. Leibin V.M. On the history of child psychoanalysis. *Poznaniye i perezhivaniye = Cognition and Experience*. 2021;2(3):80-93. (In Russ.)
18. Parsons T. On the structure of social action. Moscow: Akademicheskii proyekt; 2019. 435 p. (In Russ.)
19. Merton R. Social Theory and Social Structure. Moscow: Khranitel'; 2006. 873 p. (In Russ.)
20. Giddens E. The Structure of Society: An Essay on the Theory of Structuration. 3rd ed. Moscow: Akademicheskii proyekt; 2018. 528 p. (In Russ.)

Информация об авторах / Information about the Authors

Кузнецов Владислав Александрович, студент кафедры философии и социологии, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация, e-mail: 123vnocheater@mail.ru

Vladislav A. Kuznetsov, Student at the Department of Philosophy and Sociology, Southwest State University, Kursk, Russian Federation, e-mail: 123vnocheater@mail.ru

Килимова Людмила Викторовна, кандидат социологических наук, заведующий кафедрой философии и социологии, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация, e-mail: lyuda-klv@yandex.ru, ORCID: 0000-0001-8764-1641

Ludmila V. Kilimova, Cand. Sci. (Sociology), Head of the Department of Philosophy and Sociology, Southwest State University, Kursk, Russian Federation, e-mail: lyuda-klv@yandex.ru, ORCID: 0000-0001-8764-1641

ФИЛОСОФСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПРИРОДЫ, ОБЩЕСТВА, ЧЕЛОВЕКА

PHILOSOPHICAL STUDY OF NATURE, SOCIETY AND HUMAN

Оригинальная статья / Original article

УДК 792.01:130.2

<https://doi.org/10.21869/2223-1552-2026-16-3-246-256>

Квантово-синергетическая антропология театральной игры: антропологический джаз

В. Г. Буданов¹, Т. А. Сеницына² ✉

¹ Институт философии Российской академии наук
ул. Гончарная, д. 12, стр. 1, г. Москва 109240, Российская Федерация

² Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
Ломоносовский пр-т, д. 27, корп. 4, г. Москва 119234, Российская Федерация

✉ e-mail: famari.more@gmail.com

Резюме

Актуальность. Современные описания человека часто фрагментированы между различными дисциплинами и специальными языками, что затрудняет построение целостной модели личности и анализ актёрской игры как единства телесных, эмоциональных, когнитивных и духовных процессов.

Цель – представить возможности квантово-синергетической антропологии для структурно-функционального описания актёра и его сценической деятельности.

Задачи: раскрыть понятие обобщённой телесности; охарактеризовать двенадцать взаимосвязанных функциональных тел актёра; показать механизм их взаимодействия; обосновать метафору антропологического джаза и обозначить практические возможности предлагаемого подхода.

Методология. Исследование основано на феноменологически-функциональном и синергетическом подходах, сопоставлении музыкальной и актёрской партитур, анализе актёрской практики и результатов специализированных тренингов. В качестве практического материала используются наблюдения за этюдами, разработанными и апробированными авторами в актёрской подготовке и в экспериментальном проекте «Театр мысли „Криик“». Каждый импульс актёра рассматривается как элемент динамического антропологического профиля, или «аккорд», возникающий в результате синергии функциональных тел и подтел.

Результаты. Показано, что сценическая целостность актёра определяется согласованным взаимодействием соматического, энергетического, рефлекторного, эмоционального, логического, интуитивного, когерентного, волевого и коммуникативных компонентов обобщённой телесности. Предложена методология «нотации» актёрской игры, позволяющая описывать интенсивность и темпоральную организацию психофизических состояний, выявлять сильные и недостаточно развитые компоненты актёрского инструмента, фиксировать режиссёрский замысел и создавать основу для его последующего воспроизведения другим составом исполнителей.

Вывод. Квантово-синергетическая антропология предоставляет универсальный язык анализа актёрской игры, а метафора антропологического джаза раскрывает её импровизационную природу и сочетание заданной структуры со свободой сценического существования.

Ключевые слова: квантово-синергетическая антропология; обобщённая телесность; актёр; психическая энергия; антропологический джаз; функциональные тела; импровизация.

© Буданов В. Г., Сеницына Т. А., 2026

Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент /
Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management. 2026;16(3):246–256

Конфликт интересов: Буданов В. Г. является членом редакционной коллегии журнала «Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент» с 2022 г., но не имеет никакого отношения к решению опубликовать эту статью. Статья прошла принятую в журнале процедуру рецензирования. Об иных конфликтах интересов автор не заявлял.

Для цитирования: Буданов В. Г., Синицына Т. А. Квантово-синергетическая антропология театральной игры: антропологический джаз // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2026. Т. 16, № 3. С. 246–256. <https://doi.org/10.21869/2223-1552-2026-16-3-246-256>.

Поступила в редакцию 11.04.2026

Принята к публикации 10.05.2026

Опубликована 30.06.2026

Quantum-synergetic anthropology of theatrical acting: anthropological jazz

Vladimir G. Budanov ¹, Tamara A. Sinitsyna ²✉

¹ Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences
12/1 Goncharnaya Str., Moscow 109240, Russian Federation

² Lomonosov Moscow State University
27/4 Lomonosovsky Ave., Moscow 119234, Russian Federation

✉ e-mail: famari.more@gmail.com

Abstract

Relevance. Contemporary descriptions of the human being are fragmented across disciplines and specialized languages, complicating the construction of an integral model of the person and the analysis of acting as a unity of bodily, emotional, cognitive, and spiritual processes.

The purpose is to demonstrate the potential of quantum-synergetic anthropology for a structural-functional description of the actor and stage activity.

Objectives: to clarify generalized corporeality; characterize twelve interrelated functional bodies; explain their interaction; substantiate the metaphor of anthropological jazz; and outline practical applications of the approach.

Methodology. The study combines phenomenological-functional and synergetic approaches, comparison of musical and acting scores, analysis of acting practice, and specialized training exercises. Practical material includes observations of études developed and tested by the authors in actor training and in the experimental project Theatre of Thought "Kriiik". Each acting impulse is treated as a "chord" produced by the synergy of functional bodies and sub-bodies.

Results. The actor's stage integrity depends on coordinated interaction among the somatic, energetic, reflexive, emotional, logical, intuitive, coherence-related, volitional, and communicative components of generalized corporeality. The proposed "notation" of acting describes the intensity and temporal organization of psychophysical states, identifies strong and insufficiently developed components of the actor's instrument, records the director's concept, and provides a basis for its realization by another cast.

Conclusion. Quantum-synergetic anthropology offers a universal language for analyzing acting, while anthropological jazz reveals its improvisational nature and the combination of predetermined structure with freedom of stage existence.

Keywords: quantum-synergetic anthropology; generalized corporeality; actor; psychic energy; anthropological jazz; functional bodies; improvisation.

Conflict of interests: Budanov V.G. is a member of the editorial board of the journal "Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management" since 2022, but has nothing to do with the decision to publish this article. The article has passed the review procedure accepted in the journal. The author has not stated any other conflicts of interest.

For citation: Budanov V.G., Sinitsyna T.A. Quantum-synergetic anthropology of theatrical acting: anthropological jazz. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment* = *Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management*. 2026;16(3):246–256. (In Russ.) <https://doi.org/10.21869/2223-1552-2026-16-3-246-256>.

Received 11.04.2026

Accepted 10.05.2026

Published 30.06.2026

Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент /
Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management. 2026;16(3):246–256

Введение

Современные подходы к описанию человека используют множество научных дисциплин и специальных языков, что приводит к фрагментации знания [1] и затрудняет формирование целостного образа личности [2]. Отказываясь от редукционизма, мы предлагаем феноменологически-функциональный подход в духе Гуссерля [3] – квантово-синергетическую антропологию (КСА) [4]. В наиболее полной версии этой концепции человек рассматривается как целостная система обобщённой телесности, представленная двенадцатью базовыми функциональными телами [5]: тело сомы (1), тело энергии (2), рефлекторное тело (3), эмоциональное тело (4), логико-алгоритмическое тело (5), интуитивно-креативное тело (6), тело когерентности и концентрации внимания (7), тело когерентности и эмпатии (8), тело воли (9), тело внешней коммуникации (10), тело внутренней коммуникации (11), тело коммуникации с дополненной реальностью (12). Степень активации данных функциональных тел задаёт онтологию состояний личности, её антропологический профиль в конкретный момент времени.

Подчеркнём, что тела состояний интуиции, эмпатии и воли, по-видимому, связаны с макроквантовым эффектом Эйнштейна – Подольского – Розена. При этом сами тела взаимосвязаны, что можно подробно представить матрицей состояний 12×12 , которая интерпретируется в терминах подтел. Например, тело энергии, очевидно, может не только манифестировать во всех других одиннадцати телах через их энергетические подтела, но и само порождаться ими. Динамика состояний задается мультитемпоральными онтологиями (реакции, движения, действия, практики), которые неразрывно связаны с онтологиями состояний, и лишь синергия этих онтологий рождает

правду существования на сцене и в жизни [6]. Этот язык позволяет рефлексировать и управлять процессом игры и становлением актёрского мастерства в универсальных понятиях, а энергетическая компонента – психическая энергия – становится узнаваемой, надеемой, и измеримой в различных проявлениях состояний актёра.

Несмотря на развитие форм театра, его главным выразительным средством остаётся человек как единое целое. Дуализм между телом, создающим пластические образы и движения, и сознанием, которое контролирует эти движения и обеспечивает глубину эмоционального переживания, на сцене непродуктивен. В момент игры актёр одновременно задействует и тело, и сознание — его природа проявляется синергетически [7]. Взаимодействие тела и сознания становится само по себе выразительным средством. Например, в вокальном искусстве важны не только сила и высота звука, но и внутреннее напряжение и смысл, проявляющиеся в интонации голоса; зрителя интересует одновременно и техника звучания, и внутреннее переживание певца. Если у музыканта или художника инструмент внешний (скрипка, холст, краски), то инструмент актёра – он сам. Он одновременно является и исполнителем, и собственным инструментом. Такое совпадение субъекта действия и его телесного инструмента позволяет преодолеть субъект-объектный дуализм, критика которого развёрнута М. Мерло-Понти в работе «Феноменология восприятия» [8].

Актёр на сцене проявляет всю полноту человеческого бытия: не только физиологические аспекты, но и трансцендентные, «невидимые» стороны творчества, одной из основных целей которого является выявление «жизни человеческого духа». Идея К. С. Станиславского о том, что первостепенная задача актёра –

воплотить на сцене жизнь духа, присуща большинству известных театральных школ. Театральная практика, выявляя в актёре не только телесность, но и расширенную эмоциональную и духовную сферу переживаний, способна объединить эмпирическое и трансцендентное, дав более полное описание человека. Это позволяет не сводить человека лишь к биологическому существу и одновременно не абстрагироваться от окружающей реальности. Театр находит место для целостного бытия человека в точке между духовным и материальным [9].

Проблема связи сознания и тела у играющего актёра подробно анализировалась ведущими театральными теоретиками XX в. как в России (К. С. Станиславский¹, В. Э. Мейерхольд², М. А. Чехов³, А. А. Васильев⁴ и др.), так и за рубежом (П. Брук⁵, Е. Гротовский⁶ и др.). Практика показывает, что способность воплотить «сценическую правду» зависит от умения актёра использовать сознание и тело как единый инструмент. В театре целостность человека предполагается априори: рассматриваются лишь сами принципы, через которые духовное содержание воплощается в материальную телесность, через которые внутреннее становится внешним и наоборот. Центральная задача театральных режиссёров

и педагогов — добиться состояния единства сознания и тела актёра.

Актёр в театральной практике проявляет целостную природу человека, всю полноту человеческого бытия. Уникальность его существования обусловлена особым типом «осознанной обобщённой телесности», предполагающей культивирование состояния единства сознания и тела. Поэтому феномен «психической энергии» актёра нельзя рассматривать вне контекста этого единства [10]. Возникает вопрос, как «психическая энергия» соотносится с его физической энергией, с творческим потенциалом, интуицией, эмпатией и волей.

Материалы и методы

Квантово-синергетическая антропология и роль психической энергии в актёрской практике

Квантово-синергетическая антропология предлагает описывать единство сознания и тела актёра в структурно-функциональных терминах. Актёр воспринимается как система взаимосвязанных функциональных тел и подтел обобщённой телесности, взаимодействие которых образует единую психосоматическую и ментально-духовную структуру [4]. На этой основе создаётся практическая антропологическая модель сценической игры, позволяющая анализировать процессы актёрской деятельности и объяснять явление «психической энергии» актёра.

В этой модели множественные тела обобщённой телесности работают как единый инструмент. Актёр управляет этим инструментом, заставляя «тела» взаимодействовать, меняя маски и роли, преодолевая разрывы между разными уровнями телесности и объединяя их в цельное единство. Каждое состояние актёра — пространственное, временное или эмоциональное — становится частью «аккорда» целостного антропологического профиля.

¹ Станиславский К. С. Полное собрание сочинений: в 9 т. М.: Искусство, 1989. Т. 2, ч. 1. 511 с.

² Мейерхольд В. Э. Статьи. Письма. Речи. Беседы: в 2 ч. М.: Искусство, 1968. Ч. 2. 643 с.

³ Чехов М. А. О технике актёра. М.: Артист. Режиссёр. Театр, 2008. 496 с.

⁴ Богданова П. Логика перемен. Анатолий Васильев: между прошлым и будущим. М.: Новое литературное обозрение, 2007. 372 с.

⁵ Брук П. Пустое пространство. М.: Прогресс, 1976. 239 с.

⁶ Гротовский Е. От бедного театра к искусству-проводнику. Искусство режиссуры XX века. М.: Артист. Режиссёр. Театр, 2008. 768 с.

Наша методология описания актёрской игры базируется на выделении функциональных тел и подтел обобщённой телесности, а также на учёте темпоральных онтологий (последовательности реакций, движений, действий, практик). Между партитурой музыкального произведения и «партитурой» актёрской игры устанавливается изоморфизм: музыкальные ноты фиксируют высоту, длительность и ритм звука, а «нотация» обобщённой телесности фиксирует характеристики и динамику психофизических состояний актёра [11]. Это позволяет системно описывать оттенки и интенсивность состояний, отражаемые в партитуре игры. Такой семантический подход к описанию обобщённой телесности расширяет традиционный инструментарий актёрской подготовки¹, делая возможным архивирование и воспроизведение режиссёрского замысла в универсальной форме [6].

Рассмотрим подробнее некоторые проявления и взаимодействие 12 функциональных тел обобщённой телесности в актёрской практике, что раскрывает для наших целей ранее предложенную концепцию [5]:

1. Тело сомы отвечает за внешнее, материально-наглядное воплощение роли. Оно включает физические особенности актёра: осанку, мимику, костюм, манеру движения – и формирует первичный «хабитус» персонажа, устойчивый в зрительском восприятии даже при смене амплуа. Работа с телом сомы опирается на театральные технологии внешнего ряда: костюмирование, грим, освещение, сценографию.

2. Тело энергии характеризует пластическую и кинетическую динамику актёра: амплитуду, скорость, напряжение и ритм

движений. Через энергетическое тело раскрывается темперамент персонажа и создаётся эффект сценической «заряженности». Энергетическая составляющая воспринимается зрителем преимущественно на инстинктивно-физическом уровне, формируя ощущение силы и внутреннего накала сценического действия.

3. Тело реакций определяет степень реактивности актёра: быстроту, интенсивность и характер отклика на стимулы сценического пространства (партнёра, звук, свет, изменение темпа). Оно частично задаёт темперамент и формирует основу для эмоциональных проявлений, но не тождественно им: реакция может существовать без чувства. Эмоции же включаются позднее, на уровне более сложных нейropsychических процессов.

4. Тело эмоций обеспечивает эмоциональную включённость, глубину чувств и индивидуальность персонажа. Эмоции формируют внутренний модус актёра, определяя его амплуа: у комедийных актёров диапазон эмоций широк, но часто поверхностен; у драматических – уже, но глубже и насыщеннее. Тело эмоций отвечает за длительные фоновые состояния (любовь, тоска, ожидание), которые образуют эмоциональную конституцию человека.

5. Тело логики представляет рационально-алгоритмическую составляющую актёрского существования. В частности, оно активизируется в ситуациях «чистого действия» – при освоении текста, построении мизансцен, отработке последовательности движений. В этом состоянии актёр действует по инструкции, «выключая» эмоции. Тело логики обеспечивает процесс формирования навыков и их передачу в автоматизм («тело рефлекса»). Таким образом, оно играет роль связующего звена между осмысленным действием и сценическим автоматизмом.

¹ Барба Э., Савареже Н. Словарь театральной антропологии. Тайное искусство исполнителя. М.: Артист. Режиссёр. Театр, 2010. 320 с.

6. Тело интуиции связано с внезапными инсайтами и спонтанными открытиями, возникающими в процессе сценического существования. В эти моменты актёр переживает откровение «здесь и сейчас», заново открывая смысл роли. Интуитивным вспышкам часто предшествуют краткие периоды внутренней сосредоточенности, погружения и «выпадения» из внешнего диалога, после чего интуиция может проявиться в движении, слове или эмоциональном проявлении.

Тело когерентности проявляется в двух модусах: концентрации и эмпатии.

7. Первый модус связан с фокусировкой, концентрацией внимания на объекте – созерцательным единением с предметом, субъектом или идеей без активной включённости, т. е. это скорее некое подсматривание.

8. Второй модус связан с эмоциональной сопричастностью партнёру и зрителю, которая носит взаимный характер и соответствует так называемому включённому наблюдению [12]. Именно тело когерентности формирует внутренний резонанс актёров между собой и со зрительным залом, создавая эффект театральной мистерии и общего поля сопереживания, то, что называют «химией» в отношениях людей.

9. Тело воли интегрирует все остальные уровни актёрской телесности, направляя их к цели. Оно может существовать в двух состояниях – нейтральном (сосредоточенном ожидании или активности) и активном (проявленном действии). Волевое тело обеспечивает внутреннюю собранность, целеустремлённость и готовность к переходу из покоя к действию. Через него актёр достигает сценического равновесия и полноты присутствия.

10. Тело внешней коммуникации обеспечивает реальное сценическое общение – контакт с партнёром, зрителем и

предметным пространством; это экстравертированное состояние, при котором фокус внимания направлен вовне.

11. Тело внутренней коммуникации выражает диалог актёра с собственными мыслями, переживаниями и воображаемыми образами, позволяя зрителю «считать» внутренние состояния персонажа; это интровертированный модус, при котором всё внимание направлено на внутренний мир.

12. Тело коммуникации с дополненной реальностью объединяет внешнее и внутреннее восприятие, активируясь при взаимодействии с медиатехнологиями или виртуальными образами. Этот тип коммуникации становится особенно актуальным в современном мультимедийном театре, где актёр существует одновременно в физическом и цифровом пространстве. Интересно, что процесс научения, например, езде на велосипеде постоянно меняет гештальт структуры внимания с реального движения велосипеда на его виртуальный эталонный образ и наоборот, т. е. фактически это тело освоения новых форм телесных технологий и мастерства.

В совокупности все перечисленные тела образуют целостную онтологию актёрской телесности [13] – сложную систему взаимосвязей между физическим, эмоциональным, когнитивным и духовным уровнями сценического существования [14].

Результаты и их обсуждение

Функциональные тела актёра и их взаимодействие

Тела и подтела обобщённой телесности актёра могут стать универсальным творческим инструментом. Чтобы сценически воплотить персонажа, актёр активирует те или иные функциональные тела, формируя личный антропологический профиль, соответствующий роли. Изначально эти телесные «переключения» ак-

тёр контролирует через сознательную рефлексию, однако в процессе тренировки они переходят на уровень навыка и становятся автоматическими.

Для упрощения понимания процесса можно провести аналогию с музыкой. Как музыкальное произведение записывается нотами, передающими мелодию, ритм и динамику, так и актёрская «партитура» может быть зафиксирована через функциональные тела и их подтела. Такая «нотация» отражает оттенки психических состояний актёра, их интенсивность и темпоральную организацию. Фиксируя «партитуру» актёрской игры, мы формируем структурно-функциональную онтологию процесса, которая позволяет системно анализировать различные проявления сценической игры.

Каждое функциональное тело актёра содержит в себе компоненты всех остальных – собственные «подтела». Переключение с одного состояния на другое осуществляется через активацию соответствующих подтел. Например, чтобы перейти от эмоционального состояния к логическому, активируется логическое подтело в теле эмоций, которое запускает реакцию эмоционального подтела в теле логики. Эта связка создаёт «мост» между телами эмоций и логики. Аналогичным образом, чтобы ярко выразить эмоцию через тело (например, движениями или жестом), одновременно активизируется эмоциональное подтело в теле энергии и энергетическое подтело в теле эмоций. Таким образом, эмоция, энергия, интуиция и все остальные компоненты могут проявляться и усиливать друг друга.

Механизм таких телесных «переключений» и составляет суть актёрской игры. Все двенадцать тел обобщённой телесности находятся в постоянном взаимодействии: одно активируется, запускает другое, и их взаимодействие не прекращается, подобно тому как не прекращается сама

жизнь. Мастерство актёра заключается в умении осознанно инициировать и контролировать эти переходы, своевременно активизируя необходимые состояния.

Антропологический джаз: свобода и импровизация в актёрской игре

Чтобы проиллюстрировать, как множество функциональных «нот» обобщённой телесности объединяются в единое целое, мы предлагаем метафору антропологического джаза. Джаз характеризуется высокой степенью свободы и импровизации: в отличие от фиксированной классической партитуры музыкант свободно импровизирует на заданную тему, внося вариации и отступая от написанного текста. Аналогично, актёрская игра предполагает широкий простор для интерпретации: несмотря на режиссёрские указания и зафиксированный текст, актёр проявляет свободу, сравнимую со свободой джазового исполнителя. Отметим, что в этой ситуации используются так называемые «креативная рациональность» и «аутопозитивная рациональность» по В. Г. Буданову [15], в которых проявляются эффекты самоописания субъекта и его неразрывная взаимосвязь со способом проявления (инструментария).

Важно отметить, что и джаз, и актёрская игра опираются на спонтанность. И музыкант, и актёр принимают решения «здесь и сейчас», выбирая выразительные средства непосредственно в момент исполнения. Спонтанность – основа импровизации. Для актёра спонтанность составляет сущность игрового настроения, это соответствует феномену *Homo ludens* по Й. Хейзинге¹: актёр играет с полной внутренней свободой, словно выходя за рамки заранее заданных условий, превращая сценическую игру в своего рода «священную серьёзность». Отношение

¹ Хейзинга Й. *Homo ludens*. Человек играющий. СПб.: Азбука-Аттикус, 2019. 400 с.

джазмена к музыке схоже с тем состоянием актёра, которое возникает при свободном существовании его обобщённой телесности. Текст и партитура остаются неизменными, а свобода проявляется через меняющиеся состояния. Нельзя дважды воспроизвести одно и то же состояние – каждый вход в данную эмоцию или мысль уникален. Задача актёра — «попадать» в состояния, соответствующие драматическому замыслу, но каждое их проявление неизбежно отличается, поскольку актёр всегда импровизирует в рамках общего замысла. Проявление состояний обобщённой телесности актёра всегда связано со свободой, что делает антропологический профиль актёра динамичным и непредсказуемым.

Как и в истории джаза, где под воздействием культурных и социальных обстоятельств складывались различные направления и стилистические формы, у каждого человека, а особенно у актёра, постепенно вырабатывается собственный, индивидуальный «стиль» поведения или игры, соотносящийся с его устойчивым хабитусом. В процессе творческой работы актёр может интегрировать в свою систему выразительности элементы чужих «стилей» или характеров, что придаёт его исполнению черты эксцентричности и пластической многовариантности. Подобная способность высоко ценится в актёрской профессии, поскольку именно она расширяет диапазон состояний обобщённой телесности, делает артиста более гибким и освобождает его от ограничений фиксированного амплуа. В этом смысле человеческая жизнь может рассматриваться как непрерывная импровизация – своеобразный антропологический джаз с индивидуальными приёмами, акцентами и ритмами. Актёр же выступает как виртуоз этого импровизационного бытия, своеобразный «джазмен» человеческой природы, тонко улавливающий и

воспроизводящий разнообразные стили и формы поведения.

Практические кейсы квантово-синергетической антропологии в актёрской работе

Методология обобщённой телесности на основе КСА воплощена в специализированных тренингах для актёров. Т. А. Сеницына (актриса и педагог) совместно с В. Г. Будановым разработала серию этюдов, позволяющих изолированно задействовать разные функциональные тела и подтела собственной обобщённой телесности. В таких упражнениях актёры переживают разнообразные состояния – от чисто соматических до высших волевых и эмпатических. Участники отмечают: поначалу они сомневались, возможно ли так системно «разложить» актёрскую игру на составляющие, не потеряв при этом её естественность и лёгкость. Однако на практике убедились, что тренинг действительно выявляет слабые места любого актёра, демонстрирует, какие функциональные тела у него развиты недостаточно, а также подчёркивает сильные стороны и возможности каждого исполнителя.

Подход КСА был апробирован и в экспериментальном театральном проекте «Театр мысли „Криик“» (философский факультет МГУ). Проведённые тренинговые этюды подтвердили описываемое взаимодействие «тел» и «подтел» в реальном сценическом действии. Результаты опытов продемонстрировали продуктивность квантово-синергетического подхода и открыли перспективы его применения в актёрской педагогике и режиссуре. По наблюдениям авторов, универсальным «инструментом» актёра является именно его обобщённая телесность – синтез души и тела. Чем богаче и тоньше она развита, тем ярче и точнее получают-

ся создаваемые образы. Иначе говоря, тонко настроенный «инструмент» превращает актёра в виртуозного «музыканта», способного проигрывать все интонации человеческой природы.

Если предложенные схемы адекватно отображают сценическую реальность, их можно применять при подготовке актёров, постановке спектаклей и решении творческих задач. Фактически возникает новая психотехника, существенно расширяющая традиционный арсенал актёрской подготовки. Кроме того, «нотация» обобщённой телесности актёрских партий позволяет архивировать и воспроизводить режиссёрский замысел универсальным способом. Видеозапись спектакля не всегда передаёт все тонкости исполнения; структурная запись состояний обобщённой телесности надёжно сохраняет концепцию актёрской игры и становится ключом к возможности повторения режиссёрского замысла «новыми средствами» и с новым составом актёров.

Методика обобщённой телесности представляет собой эффективный инструмент актёрской подготовки и анализа сценической работы, обеспечивая целостный подход к развитию профессиональных навыков и организации творческого процесса. Во-первых, она применяется уже на этапе тренинга – в этюдных упражнениях и разминках,

подготавливая артиста к работе над пьесой и выходу на сцену. Во-вторых, при постановке конкретного произведения такая схема помогает режиссёру и актёрам уточнять творческий замысел: обеспечивается единое универсальное прочтение пьесы всей труппой, а сама схема служит основой для разбора неудачных фрагментов («пролётов») и коллективной рефлексии над спектаклем. В-третьих, нотация позволяет осмысливать и воспроизводить режиссёрские замыслы выдающихся мастеров прошлого и настоящего, передавая их будущим поколениям. В отличие от видео, которое не всегда фиксирует тончайшие нюансы игры, систематическая запись состояний обобщённой телесности надёжно сохраняет авторскую концепцию исполнения и делает возможным воссоздание режиссёрского видения «новыми средствами» и с новыми актёрами.

Выводы

Таким образом, квантово-синергетическая антропология предоставляет универсальный язык для анализа и понимания актёрской игры, объединяя духовное и телесное начало. Методология обобщённой телесности обогащает традиционные практики актёрской подготовки и открывает новые перспективы методологического синтеза в театральном искусстве.

Список литературы

1. Степин В. С. Философская антропология и философия науки. М.: Высшая школа, 1992. 191 с.
2. Гиренок Ф. И. Введение в сингулярную философию. М.: Проспект, 2021. 304 с.
3. Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. М.: Академический проект, 2009. 489 с.
4. Буданов В. Г. Как возможна квантово-синергетическая антропология // Телесность как эпистемологический феномен / под ред. И. А. Бескова. М.: Институт философии Российской академии наук, 2009. С. 55–70.
5. Буданов В. Г., Синицына Т. А. Квантово-синергетическая онтология обобщённой телесности: от антропологии театра к очеловечиванию искусственного интеллекта, проблема границ // Культура и искусство. 2020. № 7. С. 13–28. <https://doi.org/10.7256/2454-0625.2020.7.33548>.

6. Буданов В. Г., Синицына Т. А. Квантово-синергетическая онтология обобщённой телесности (III): психосемантический язык театра, антропологический джаз // Культура и искусство. 2020. № 12. С. 138–159. <https://doi.org/10.7256/2454-0625.2020.12.34793>.
7. Логинов Н. И., Спиридонов В. Ф. Воплощённое познание (embodied cognition): основные направления исследований // Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология и педагогика. 2017. Т. 7, вып. 4. С. 343–364.
8. Мерло-Понти М. Феноменология восприятия. М.: Ювента: Наука, 1999. 608 с.
9. Гуревич П. С. Проблема целостности человека. М.: Институт философии РАН, 2004. 178 с.
10. Шахматова Е. В. Психическая энергия в актёрской школе К. С. Станиславского и духовный опыт эпохи // Театр. Живопись. Кино. Музыка. 2020. № 4. С. 46–66.
11. Zarrilli P. B. Psychophysical Acting: An Intercultural Approach after Stanislavski. New York: Routledge, 2009. 272 p.
12. Аршинов В. И. Наблюдатель сложности в контексте парадигмы постнеклассической рациональности // Философия науки / отв. ред.: В. И. Аршинов, Я. И. Свирский. М.: ИФ РАН, 2013. Вып. 18. С. 48–61.
13. Круткин В. Л. Онтология человеческой телесности. Ижевск: Издательство Удмуртского университета, 1993. 172 с.
14. Купчиев С. С. Сценическое тело (заметки к «Театральной антропологии» Э. Барбы и Н. Савареze) // Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования. 2019. Т. 5, № 2. С. 58–62.
15. Буданов В. Г. О типологии деятельностной рациональности в цифровую эпоху // Вопросы философии. 2024. № 12. С. 41–51.

References

1. Stepin V.S. Philosophical Anthropology and Philosophy of Science. Moscow: Vysshaya shkola; 1992. 191 p. (In Russ.)
2. Girenok F.I. Introduction to Singular Philosophy. Moscow: Prospekt; 2021. 304 p. (In Russ.)
3. Husserl E. Ideas Pertaining to a Pure Phenomenology and to a Phenomenological Philosophy. Moscow: Akademicheskii proekt; 2009. 489 p. (In Russ.)
4. Budanov V.G. How quantum-synergetic anthropology is possible. In: Beskova I.A. (ed.) Telestnost' kak epistemologicheskii fenomen = Corporeality as an Epistemological Phenomenon. Moscow: Institut filosofii Rossiiskoi akademii; 2009. P. 55–70. (In Russ.)
5. Budanov V.G., Sinitsyna T.A. Quantum-Synergetic Ontology of Generalized Corporeality: From Theatre Anthropology to the Humanization of Artificial Intelligence, the Problem of Boundaries. *Kul'tura i iskusstvo = Culture and Art*. 2020;(7):13–28. (In Russ.) <https://doi.org/10.7256/2454-0625.2020.7.33548>.
6. Budanov V.G., Sinitsyna T.A. Quantum-Synergetic Ontology of Generalized Corporeality (III): Psychosemantic Language of Theatre, Anthropological Jazz. *Kul'tura i iskusstvo = Culture and Art*. 2020;(12):138–159. (In Russ.) <https://doi.org/10.7256/2454-0625.2020.12.34793>.
7. Loginov N.I., Spiridonov V.F. Embodied Cognition: Main Research Directions. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Psikhologiya i pedagogika = Vestnik of Saint Petersburg University. Psychology and Education*. 2017;7(4):343–364. (In Russ.)
8. Merleau-Ponty M. Phenomenology of Perception. Moscow: Yuventa; Nauka; 1999. 608 p. (In Russ.)
9. Gurevich P.S. The Problem of Human Wholeness. Moscow: Institut filosofii RAN; 2004. 178 p. (In Russ.)
10. Shakhmatova E.V. Psychic Energy in K. S. Stanislavsky's Acting School and the Spiritual Experience of the Era. *Teatr. Zhivopis'. Kino. Muzyka = Theatre. Fine Arts. Cinema. Music*. 2020;(4):46–66. (In Russ.)

11. Zarrilli P.B. Psychophysical Acting: An Intercultural Approach after Stanislavski. New York: Routledge; 2009. 272 p.
12. Arshinov V.I. The observer of complexity in the context of the paradigm of post-nonclassical rationality. In: Arshinov V.I., Svirsky Ya.I. (eds.) Philosophy of Science. Is. 18. Moscow: IF RAN; 2013. P. 48-61. (In Russ.)
13. Krutkin V.L. Ontology of Human Corporeality. Izhevsk: Izdatel'stvo Udmurtskogo universiteta; 1993. 172 p. (In Russ.)
14. Kupchichev S.S. The Stage Body: Notes on E. Barba and N. Savarese's Theatre Anthropology. *Nauchnyi rezul'tat. Sotsial'nye i gumanitarnye issledovaniia = Research Result. Social Studies and Humanities*. 2019;5(2):58–62. (In Russ.)
15. Budanov V.G. On the Typology of Activity Rationality in the Digital Age. *Voprosy filosofii = Problems of Philosophy*. 2024;(12): 41–51. (In Russ.)

Информация об авторах / Information about the Authors

Буданов Владимир Григорьевич, кандидат физико-математических наук, доктор философских наук, главный научный сотрудник, заведующий сектором междисциплинарных проблем научно-технического развития, Институт философии Российской академии наук, г. Москва, Российская Федерация, e-mail: budsyn@yandex.ru, ORCID: 0000-0003-2371-8659

Vladimir G. Budanov, Cand. Sci. (Physics and Mathematics), Dr. Sci. (Philosophy), Chief Researcher, Head of the Department of Interdisciplinary Problems of Scientific and Technological Development, Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation, e-mail: budsyn@yandex.ru, ORCID: 0000-0003-2371-8659

Синицына Тамара Андреевна, кандидат философских наук, старший преподаватель кафедры эстетики философского факультета, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, г. Москва, Российская Федерация, e-mail: famari.more@gmail.com, ORCID: 0000-0002-7573-6755

Tamara A. Sinitsyna, Cand. Sci. (Philosophy), Senior Lecturer at the Department of Aesthetics of Faculty of Philosophy, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation, e-mail: famari.more@gmail.com, ORCID: 0000-0002-7573-6755

Оригинальная статья / Original article

УДК 167.7

<https://doi.org/10.21869/2223-1552-2026-16-3-257-267>

Компьютерное моделирование как метод научного познания

Л. В. Килимова¹✉, М. Д. Черкашин¹, А. А. Бартенев¹

¹ Юго-Западный государственный университет
ул. 50 лет Октября, д. 94, г. Курск 305040, Российская Федерация

✉ e-mail: lyuda-klv@yandex.ru

Резюме

Актуальность исследования определяется возрастающим влиянием новых компьютерных технологий, воспроизводящих иммерсионные среды в цифровых моделях реальности. Формирование таких технологий в основном базируется на компьютерном моделировании различных процессов, необходимых для жизнедеятельности человека, определении их преимуществ и недостатков, а также визуализации, являющейся одним из важных компонентов этого процесса.

Целью работы является всесторонний и комплексный анализ компьютерного моделирования как метода научного познания.

Задачи: раскрыть теоретические основы компьютерного моделирования; проанализировать его ключевые преимущества и присущие ему ограничения.

Методология. Для выполнения поставленной цели использованы следующие методы: диалектический метод, в контексте которого моделирование рассматривается не просто как инструмент познания, но и как активный процесс формирования социальной реальности; сравнительный методологический анализ, в рамках которого компьютерное моделирование сопоставляется с двумя фундаментальными методами научного познания: теоретическим и эмпирическим (экспериментальным).

Результаты. Компьютерное моделирование в современной науке выступает мощным и гибким инструментом, способным эффективно преодолевать ограничения как традиционных аналитических методов, так и дорогостоящих реальных экспериментов. При этом оно предлагает уникальную виртуальную среду для тщательной проверки гипотез, точного прогнозирования развития процессов и эффективной оптимизации различных решений.

Выводы. В настоящее время компьютерное моделирование является одним из универсальных методов научного познания, предоставляя исследователям беспрецедентные возможности для глубокого изучения сложных систем и многогранных явлений. Возможности применения компьютерного моделирования охватывают практически все области знаний, начиная от фундаментальных исследований в физике и передовых инженерных разработок и заканчивая сложными биологическими системами, динамикой экономических процессов и глубоким анализом социальных явлений.

Ключевые слова: компьютерное моделирование; научное познание; методология науки; имитационное моделирование; системная динамика; агентное моделирование; верификация; валидация; прогнозирование; оптимизация.

Конфликт интересов: В представленной публикации отсутствует заимствованный материал без ссылок на автора и (или) источник заимствования, нет результатов научных работ, выполненных авторами публикации лично и (или) в соавторстве, без соответствующих ссылок. Авторы декларируют отсутствие конфликта интересов, связанных с публикацией данной статьи.

Для цитирования: Килимова Л. В., Черкашин М. Д., Бартенев А. А. Компьютерное моделирование как метод научного познания // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2026. Т. 16, № 3. С. 257–267. <https://doi.org/10.21869/2223-1552-2026-16-3-257-267>.

Поступила в редакцию 18.04.2026

Принята к публикации 16.05.2026

Опубликована 30.06.2026

© Килимова Л. В., Черкашин М. Д., Бартенев А. А., 2026

Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент /
Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management. 2026;16(3):257–267

Computer modeling as a method of scientific knowledge

Lyudmila V. Kilimova¹ ✉, Mikhail D. Cherkashin¹, Alexander A. Bartenev¹

¹ Southwest State University
50 Let Oktyabrya Str. 94, Kursk 305040, Russian Federation

✉ e-mail: lyuda-klv@yandex.ru

Abstract

The relevance of the study is determined by the increasing influence of new computer technologies that reproduce immersive environments in digital models of reality. The development of such technologies is primarily based on computer modeling of various processes necessary for human life, identifying their advantages and disadvantages, and visualization, which is an important component of this process.

The purpose of this work is to provide a comprehensive analysis of computer modeling as a method of scientific knowledge. The purpose of this work is to provide a comprehensive analysis of computer modeling as a method of scientific knowledge.

Objectives: to reveal the theoretical foundations of computer modeling; to analyze its key advantages and inherent limitations.

Methodology. To achieve this goal, the following methods were used: the dialectical method, which considers modeling not only as a tool for knowledge acquisition, but also as an active process of shaping social reality; and a comparative methodological analysis, which compares computer modeling with two fundamental methods of scientific knowledge: theoretical and empirical (experimental).

Results. Computer modeling in modern science is a powerful and flexible tool that can effectively overcome the limitations of both traditional analytical methods and expensive real-world experiments. At the same time, it offers a unique virtual environment for thoroughly testing hypotheses, accurately predicting the development of processes, and effectively optimizing various solutions.

Conclusions. Currently, computer modeling is one of the most versatile methods of scientific research, providing researchers with unprecedented opportunities to study complex systems and multifaceted phenomena in depth. The applications of computer modeling cover almost all areas of knowledge, ranging from fundamental research in physics and advanced engineering to complex biological systems, economic dynamics, and in-depth analysis of social phenomena.

Keywords: computer modeling; scientific cognition; science methodology; simulation modeling; system dynamics; agent modeling; verification; validation; forecasting; optimization.

Conflict of interest: In the presented publication there is no borrowed material without references to the author and (or) source of borrowing, there are no results of scientific works performed by the authors of the publication, personally and (or) in co-authorship, without relevant links. The authors declares no conflict of interest related to the publication of this article.

For citation: Kilimova L.V., Cherkashin M.D., Bartenev A.A. Computer modeling as a method of scientific knowledge. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment* = *Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management*. 2026;16(3):257–267. (In Russ.) <https://doi.org/10.21869/2223-1552-2026-16-3-257-267>.

Received 18.04.2026

Accepted 16.05.2026

Published 30.06.2026

Введение

В эпоху стремительного научно-технического прогресса и беспрецедентного роста сложности исследуемых систем компьютерное моделирование утвердилось в статусе одного из наиболее мощных и универсальных методов научного познания [1]. От фундаментальных исследований в физике элементарных частиц до моделирования социально-экономических процессов и глобальных

климатических изменений этот подход позволяет не только описывать и объяснять явления, но и с высокой степенью достоверности прогнозировать их развитие, а также эффективно оптимизировать управляющие воздействия [2]. Актуальность настоящего исследования обусловлена не только повсеместным внедрением компьютерных технологий во все сферы научного поиска, но и насущной необходимостью глубокого осмысления

философско-методологических основ этого метода, его эвристического потенциала и присущих ему ограничений [3].

Компьютерное моделирование по своей сути представляет собой процесс построения и последующего исследования моделей реальных объектов, процессов или явлений, реализуемый с использованием вычислительных систем [4]. В основе этого метода лежит диалектика общего и единичного, позволяющая через изучение упрощенной или идеализированной системы получить ценное знание о более сложной реальности [5]. Следует признать, что полное тождество здесь принципиально невозможно; любая модель всегда представляет собой некое упрощение реальности [6]. Следовательно, неизбежно возникает вопрос о степени адекватности модели, т. е. о том, насколько точно и полно она способна отражать существенные свойства и закономерности оригинала применительно к конкретным целям исследования [7]. Адекватность модели не является абсолютной и статичной величиной; она всегда контекстуально зависима и определяется совокупностью целей, задач и допущений, изначально заложенных в процесс моделирования [8].

Методологические принципы, направляющие процесс компьютерного моделирования, включают в себя, прежде всего, принцип системности, который требует рассматривать моделируемый объект как целостную систему со сложными взаимосвязанными элементами, что позволяет учитывать комплексный и многогранный характер изучаемых явлений. Крайне важными этапами являются принципы верификации и валидации: верификация направлена на проверку корректности реализации модели в программном коде, тогда как валидация оценивает соответствие модели реальному объекту или процессу. Как справедливо подчеркивает М. В. Ядровская, глубокое переосмысление компьютерного моделирования включает в себя тщательный

анализ его способности точно отражать реальность и быть подверженным верификации [9]. Не менее важен принцип итеративности, согласно которому процесс моделирования зачастую носит циклический характер, подразумевая многократное уточнение и доработку модели на основе тщательного анализа полученных результатов и их последующего сопоставления с эмпирическими данными [10].

Таким образом, теоретические основы компьютерного моделирования глубоко укоренены в понимании природы научного познания, его границ и безграничных возможностей. Они также заключаются в способности исследователя формализовать сложнейшие системы для их эффективного изучения с помощью передовых цифровых средств [11].

Целью данной работы является всесторонний и комплексный анализ компьютерного моделирования как метода научного познания. Для достижения поставленной цели необходимо углубиться в сущность и теоретические основы компьютерного моделирования, тщательно проанализировать его ключевые преимущества и присущие ему ограничения. Также потребуются рассмотреть основные области его применения и систематизировать классификацию используемых компьютерных моделей. Немаловажным аспектом станет обобщение информации о современном программном обеспечении, предназначенном для моделирования, и определение перспективных направлений развития этого метода в контексте дальнейшего научного познания.

Настоящее исследование основано на междисциплинарном подходе, органично интегрируя положения философии науки, методологии научного познания, информатики и теории систем.

Материалы и методы

Для всестороннего исследования компьютерного моделирования как метода научного познания в настоящей работе применяется диалектический методоло-

гический подход. Поскольку сам объект исследования – это метод, то и анализ его природы требует не эмпирического эксперимента, а теоретического и сравнительного анализа, основанного на принципах философии науки и системного подхода. Основной задачей данной главы является описание тех инструментов и подходов, которые использовались для раскрытия гносеологического потенциала, а также ограничений компьютерного моделирования.

Центральным методом является сравнительный методологический анализ, в рамках которого компьютерное моделирование сопоставляется с двумя фундаментальными методами научного познания – теоретическим и эмпирическим (экспериментальным). Это сопоставление проводится по ключевым гносеологическим критериям, таким как верифицируемость, фальсифицируемость, прогностическая сила и объяснительный потенциал. Анализируется, в какой степени модель может заменить натурный эксперимент, когда он невозможен, неэтичен или слишком дорог, и как результаты моделирования соотносятся с теоретическими построениями, либо уточняя их, либо ставя под сомнение. Этот анализ позволяет определить уникальную нишу компьютерного моделирования в структуре научной деятельности, позиционируя его как связующее звено между теорией и практикой [12].

Вторым важным методом является анализ кейсов (casestudy) из различных областей науки: от физики элементарных частиц и астрофизики (моделирование эволюции Вселенной) до биологии (моделирование сворачивания белков) и социальных наук (агентное моделирование поведения толпы). Для каждой области рассматриваются конкретные примеры, где применение компьютерного моделирования привело к научным прорывам. Изучается процесс построения этих моделей: от формализации исходной теории и определения ключевых переменных до

выбора вычислительных алгоритмов и интерпретации полученных данных. Такой подход позволяет перейти от общих рассуждений к конкретным примерам, наглядно демонстрируя, как абстрактные принципы моделирования реализуются на практике и какие специфические методологические проблемы возникают в разных дисциплинах [13].

Наконец, для выявления внутренних ограничений и эпистемологических рисков используется метод концептуального анализа. В его рамках исследуются фундаментальные понятия, лежащие в основе моделирования: «адекватность», «сложность», «упрощение», «вычислительная неразрешимость». Анализируется проблема «черного ящика», когда модель дает точные прогнозы, но внутренние механизмы ее работы остаются не до конца понятными для исследователя (что особенно характерно для современных нейросетевых моделей). Этот метод направлен на критическое осмысление статуса знания, полученного с помощью компьютерной модели, и определение границ его достоверности. Таким образом, совокупность применяемых методов позволяет сформировать целостное и многогранное представление о роли и месте компьютерного моделирования в современной науке.

Результаты и их обсуждение

Компьютерное моделирование, выступая в роли мощного исследовательского инструмента, обладает целым рядом неоспоримых преимуществ, которые во многом обусловили его широкое распространение и глубокое проникновение во все области современной науки. Тем не менее, как и любой другой научный метод, оно имеет свои специфические ограничения, которые необходимо всегда учитывать для корректной и адекватной интерпретации полученных результатов [14].

Среди преимуществ компьютерного моделирования особо выделяется его способность к изучению сложных си-

стем. Оно становится незаменимым инструментом для анализа объектов и процессов, которые оказываются слишком громоздкими для аналитического решения или прямого экспериментального изучения. Компьютерное моделирование предоставляет уникальную возможность для проведения виртуальных экспериментов в тех случаях, когда реализация натурных экспериментов оказывается невозможной или нецелесообразной из-за высокой стоимости, потенциальной опасности, чрезвычайной длительности или этических ограничений. Зачастую компьютерные модели сопровождаются передовыми средствами визуализации, которые позволяют наглядно представить сложные процессы и результаты, способствуя лучшему пониманию глубинных механизмов функционирования систем, выявлению скрытых зависимостей и закономерностей, что особенно ценно для междисциплинарных исследований. Компьютерное моделирование также позволяет осуществлять количественную оценку гипотез, что даёт возможность не только качественно, но и количественно оценивать влияние различных факторов на поведение системы, проверять гипотезы и формулировать более точные теоретические построения [2].

Однако, наряду с этими преимуществами, существуют и определенные ограничения компьютерного моделирования. Одним из них является зависимость от качества входных данных: достоверность результатов моделирования напрямую и критически зависит от полноты, точности и репрезентативности исходных данных [9]. Неизбежное отсечение ряда факторов, которые исследователь на данном этапе считает несущественными, может привести к потере важных аспектов поведения системы, особенно в условиях высокой сложности и нелинейности [10]. Проверка корректности внутренней работы модели (верификация)

и ее соответствия реальному объекту (валидация) может быть чрезвычайно трудоёмкой задачей, особенно применительно к уникальным или труднодоступным для эксперимента системам. Кроме того, создание и запуск сложных компьютерных моделей часто требуют значительных вычислительных ресурсов и существенных временных затрат. Существует также риск «иллюзии понимания», когда чрезмерное доверие к компьютерной модели без критического осмысления её ограничений может создать ложное ощущение полного понимания системы, что, в свою очередь, может привести к ошибочным выводам и принятию неверных решений [15]. Успешное и эффективное применение этого метода требует от исследователя не только глубоких знаний в предметной области и развитых вычислительных навыков, но и обязательного критического мышления, а также осознания его философских и методологических предпосылок.

Компьютерное моделирование проникает практически во все сферы научного поиска, предоставляя уникальные возможности для исследования систем, которые ранее были недоступны для изучения традиционными методами [16]. Широта его применения обусловлена универсальностью подхода и высокой адаптивностью к специфике самых разнообразных предметных областей [17].

Среди основных областей применения компьютерного моделирования можно выделить физику и астрономию, где оно позволяет моделировать поведение элементарных частиц в коллайдерах, а также процессы эволюции галактик и формирования звезд, проверяя теории и предсказывая результаты экспериментов в экстремальных условиях [1]. В химии и материаловедении метод используется для проектирования новых материалов с заданными свойствами, изучения механизмов химических реакций на молекулярном уровне и моделирования каталитических процессов, что значительно со-

крашает время и стоимость разработки новых технологий [2].

Классификация компьютерных моделей, отражающая многообразие подходов и целей моделирования, может быть проведена по различным признакам. По характеру представления модели делятся на дискретные, описывающие системы, состояние которых изменяется в дискретные моменты времени или при наступлении определенных событий (например, агентные модели), и непрерывные, состояние которых изменяется непрерывно во времени, часто выражаемые в виде систем дифференциальных уравнений (например, системно-динамические модели). По степени детерминированности модели могут быть детерминированными, где все параметры известны и поведение предсказуемо, и стохастическими (вероятностными), включающими элементы случайности для моделирования неопределенности. По методу реализации существуют агентные модели (Agent-Based Models, ABM), где система представляется совокупностью автономных взаимодействующих агентов, системная динамика (System Dynamics, SD), ориентированная на анализ обратных связей и потоков, и дискретно-событийное моделирование (Discrete-Event Simulation, DES), применяемое для систем, изменяющих состояние в ответ на события [6].

Выбор конкретного вида модели всегда зависит от специфики исследуемой системы, поставленных целей и доступных ресурсов.

Развитие компьютерного моделирования неразрывно связано с появлением и постоянным совершенствованием специализированного программного обеспечения. Современные программные комплексы предоставляют исследователям обширный арсенал инструментов для эффективного построения, глубокого анализа и наглядной визуализации моделей, делая процесс моделирования доступным для специалистов самых разнообразных научных областей [18].

Среди наиболее распространённых и мощных инструментов следует выделить MATLAB и Simulink. MATLAB представляет собой высокоуровневый язык и интерактивную среду, предназначенную для численных вычислений, визуализации данных и программирования. Simulink, в свою очередь, является его мощным дополнением, предлагающим графическую среду для удобного моделирования, симуляции и комплексного анализа динамических систем. Он находит широкое применение в инженерных, физических и биологических науках для моделирования систем управления, обработки сигналов, коммуникаций и многих других прикладных областей. М. В. Трусфус и соавторы справедливо отмечают высокую эффективность Simulink в процессах структурного и имитационного моделирования [10].

Python, благодаря своей исключительной гибкости, обширным библиотекам и относительной простоте использования, является одним из наиболее популярных языков программирования в научном сообществе. Для научного моделирования активно используются такие библиотеки, как NumPy для эффективной работы с многомерными массивами, SciPy для научных и инженерных расчётов (включая оптимизацию и статистику), Matplotlib и Seaborn для создания высококачественной визуализации данных, а также Pandas для удобного анализа и манипуляции данными [12]. К числу других важных инструментов относятся GAMS (General Algebraic Modeling System) – высокоуровневый язык для математической оптимизации, используемый для решения больших и сложных задач, и COMSOL Multiphysics – программное обеспечение для мультифизического моделирования, позволяющее изучать взаимосвязанные физические процессы, широко применяемое в инженерных и научных исследованиях [19].

Выбор конкретного программного обеспечения всегда определяется харак-

тером моделируемой системы, целями исследования и уровнем подготовки пользователя. Современная тенденция к интеграции различных подходов и постоянному расширению функционала позволяет исследователям выбирать наиболее подходящие инструменты для решения своих уникальных задач, тем самым повышая общую эффективность и точность компьютерного моделирования.

Развитие компьютерного моделирования как метода научного познания находится на стадии активной и глубокой эволюции, что обусловлено как неуклонным прогрессом в вычислительных технологиях, так и постоянно возрастающими потребностями современной науки и общества в целом.

Искусственный интеллект незаменим в оптимизации параметров моделей и управляющих воздействий, а также в автоматическом анализе и интерпретации результатов, извлекая ценные знания из огромных объёмов данных, генерируемых моделями [20]. Разрабатываются новые методы для количественной оценки неопределённости в моделях и их предсказаниях, а также для обоснования выбора тех или иных допущений, что повышает доверие к результатам моделирования [21]. Дальнейшее успешное развитие этого метода потребует глубокого междисциплинарного сотрудничества между специалистами в области информатики, математики, физики, а также экспертами в конкретных предметных областях, чтобы эффективно решать сложнейшие задачи будущего [22].

Проведенный анализ позволяет перейти к обсуждению ключевых выводов и их значения для понимания современной научной практики. Компьютерное моделирование предстает не просто как технический инструмент для ускорения вычислений, а как полноценный метод познания, который фундаментально трансформирует саму структуру научного поиска. Главный вывод заключается в

том, что моделирование формирует новую гносеологическую реальность – «виртуальный эксперимент», который занимает промежуточное положение между умозрительной теорией и натурным экспериментом. Эта «третья колонна» науки позволяет проверять гипотезы в условиях, недостижимых для прямого наблюдения, что значительно расширяет горизонты познания.

Одним из центральных аспектов для обсуждения является изменение соотношения между теорией и экспериментом. Если в классической науке теория проверялась через эксперимент, то сегодня теория все чаще сначала проверяется через компьютерную модель. Более того, результаты моделирования могут стимулировать создание новых теоретических конструкций или указывать направление для проведения дорогостоящих натурных экспериментов, как это происходит, например, при поиске новых частиц на Большом адронном коллайдере. Таким образом, модель становится не просто иллюстрацией теории, а активным инструментом ее развития и верификации. Это поднимает вопрос о статусе «доказательства» в цифровую эпоху: можно ли считать успешное моделирование подтверждением теории с той же степенью уверенности, что и воспроизводимый физический эксперимент?

Вместе с тем обсуждение было бы неполным без критического осмысления рисков и ограничений. Проведенный анализ показывает, что главная эпистемологическая опасность кроется в возможности отрыва модели от реальности. Любая модель является упрощением, и всегда существует риск того, что отброшенные при формализации факторы окажутся решающими. Это особенно актуально для сложных, многофакторных систем, таких как климат или экономика, где даже незначительные неточности в исходных параметрах могут привести к экспоненциально расходящимся результатам. Следо-

вательно, возникает методологическая дилемма: с одной стороны, стремление к максимальной точности делает модель вычислительно громоздкой и трудной для интерпретации, с другой – чрезмерное упрощение лишает ее прогностической ценности.

В заключение, обсуждая роль компьютерного моделирования, необходимо подчеркнуть его влияние на самого ученого. Оно требует от исследователя не только глубоких знаний в своей предметной области, но и компетенций в области информатики, алгоритмизации и анализа данных. Это формирует новый тип ученого, способного работать на стыке дисциплин. Таким образом, компьютерное моделирование – это не просто новый метод, но и катализатор трансформации всей научной парадигмы, изменяющий способы получения, проверки и интерпретации знания. Дальнейшие исследования должны быть направлены на разработку формальных критериев верификации и валидации моделей, а также на философское осмысление статуса знания, генерируемого в цифровой среде.

Выводы

Компьютерное моделирование утвердилось в качестве одного из фундаментальных методов научного познания в XXI веке, предоставляя исследователям беспрецедентные возможности для глубокого изучения сложных систем и многогранных явлений. Оно выступает как мощный и гибкий инструмент, способный эффективно преодолевать ограничения как традиционных аналитических методов, так и дорогостоящих реальных экспериментов, предлагая при этом уникальную виртуальную среду для тщательной проверки гипотез, точного прогнозирования развития процессов и эффективной оптимизации различных решений.

В ходе данного исследования был проведен всесторонний анализ теоретических основ компьютерного моделирования, что включало его философские предпосылки и ключевые методологические принципы, такие как системность, абстрагирование, верификация и валидация. Были выявлены и подробно описаны многочисленные преимущества метода, среди которых способность работать со сложными и труднодоступными системами, возможность проведения виртуальных экспериментов, построение точных прогнозов, наглядная визуализация данных и эффективная оптимизация процессов. Одновременно с этим были обозначены и тщательно проанализированы присущие методу ограничения, связанные с критической зависимостью от качества входных данных, необходимостью упрощения реальности, сложностью верификации и валидации, а также требовательностью к значительным вычислительным ресурсам.

Области применения компьютерного моделирования охватывают практически весь спектр современных научных дисциплин – от фундаментальной физики и передовой инженерии до сложной биологии, динамичной экономики и глубокой социологии. Перспективы дальнейшего развития компьютерного моделирования тесно связаны с непрерывным увеличением сложности и масштаба создаваемых моделей, глубокой интеграцией методов искусственного интеллекта и машинного обучения, развитием мультимасштабных и гибридных подходов, а также с повышением общей достоверности и прозрачности функционирования моделей. Дальнейшее активное развитие этого метода будет играть ключевую роль в эффективном решении глобальных проблем современности и неуклонном продвижении науки к новым, революционным открытиям.

Список литературы

1. Маришина А. А., Бугай Н. Р. Моделирование как метод познания // Теория и практика современной науки. 2022. № 2 (80). С. 103-106.
2. Акулин Е. В., Свиридова Л. Е. Математическое моделирование как метод научного познания // Вестник науки. 2021. № 1 (34). С. 177-179.
3. Синявская Е. В. Моделирование как метод научного познания // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2013. № 3 (24). С. 192-196.
4. Григорян Н. Д., Шахбазян Л. Г. Компьютерное моделирование как универсальный метод познания // Педагогическая информатика. 2012. № 1. С. 52-59.
5. Асеева И. А., Лукьянов Д. Д. Технонаука: неоднозначность понятия и науковедческие профили // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2024. Т. 14, № 5. С. 227-239.
6. Столетов А. И. К построению философской концепции креативности // Социально-гуманитарные знания. 2007. № 2. С. 462-472.
7. Ядровская М. В. Моделирование как метод обучения информационным технологиям // Вестник Донского государственного технического университета. 2012. № 4 (65). С. 121-128.
8. Гербеков Х. А., Башкаева О. П. Место математического и компьютерного моделирования в системе современного общего образования // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Информатизация образования. 2017. Т. 14, № 1. С. 17-23.
9. Ядровская М. В. К вопросу о компьютерном моделировании // Advanced Engineering Research. 2020. Т. 20, № 3. С. 332-345.
10. Трусфус М. В., Кирпичников А. П., Якимов И. М. Моделирование в системе структурного и имитационного моделирования Simulink // Вестник Казанского технологического университета. 2017. Т. 20, № 8. С. 107-110.
11. Филатов О. К. Основные подходы к построению информационной модели процесса обучения // Информатика и образование. 2007. № 6. С. 3-7.
12. Баяндин Д. В. Динамические интерактивные модели для поддержки познавательной деятельности учащихся // Вестник Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета. Серия «Информационные компьютерные технологии в образовании». 2009. № 5. С. 30-44.
13. Ядровская М. В. Средства моделирования в обучении // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Аммосова. 2010. Т. 7, № 1. С. 89-95.
14. Иванов Д. В. Виртуализация общества: монография. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2000. 96 с.
15. Рахимов А. А. Компьютерное и математическое моделирование как метод научного познания явлений, процессов, систем различной природы и образования // Вестник Вологодского государственного университета. Серия: Технические науки. 2024. № 4 (26). С. 51-54.
16. Килимова Л. В., Черкашин М. Д. Видеоигра как форма моделирования социальной реальности // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2025. Т. 15, № 2. С. 188-198.
17. Колодина Н. И. Проблемы понимания и интерпретации художественного текста. Тамбов: Издательство Тамбовского государственного технического университета, 2002. 183 с.
18. Игнатова Е. И., Ростов Н. В. Робототехнические системы. Компьютерное моделирование: монография. СПб.: Издательство Политехнического университета, 2009. 272 с.
19. Гримов О.А. Социально-философское измерение цифровой культуры // Манускрипт. 2025. Т. 18, № 2. С. 680-684.
20. Тарасов В. Б. Философия искусственного интеллекта, система когнитивных наук, компьютерная поддержка научных исследований и образования // Искусственный интеллект и принятие решений. 2021. № 2. С. 93-109.
21. Ушаков Д.В. Искусственный интеллект как инструмент психологического исследования // Сибирский психологический журнал. 2023. № 90. С. 188-200.

22. Глуздов Д. В. Философия искусственного интеллекта и философия науки // Журнал философских исследований. 2021. № 1. С. 32-42.

References

1. Marishina A.A., Bugai N.R. Modeling as a method of cognition. *Teoriya i praktika sovremennoi nauki = Theory and Practice of Modern Science*. 2022;(2):103-106. (In Russ.)
2. Akulin E.V., Sviridova L.E. Mathematical modeling as a method of scientific cognition. *Vestnik nauki = Bulletin of Science*. 2021;(1):177-179. (In Russ.)
3. Sinyavskaya E.V. Modeling as a method of scientific knowledge. *Vestnik Surgutskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta = Bulletin of Surgut State Pedagogical University*. 2013;(3):192-196. (In Russ.)
4. Grigoryan N.D., Shakhbazyan L.G. Computer modeling as a universal method of cognition. *Pedagogicheskaya informatika = Pedagogical Informatics*. 2012;(1):52-59. (In Russ.)
5. Aseeva I.A., Lukyanov D.D. Technoscience: the ambiguity of the concept and science studies profiles. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment = Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management*. 2024;14(5):227-239. (In Russ.)
6. Stoletov A.I. Towards the construction of a philosophical concept of creativity. *Sotsial'no-gumanitarnyye znaniya = Social and Humanitarian Knowledge*. 2007;(2):462-472. (In Russ.)
7. Yarovskaya M.V. Modeling as a method of teaching information technology. *Vestnik Donskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta = Bulletin of the Don State Technical University*. 2012;(4):121-128. (In Russ.)
8. Gerbekov H.A., Bashkaeva O.P. The place of mathematical and computer modeling in the system of modern general education. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Informatizatsiya obrazovaniya = Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia. Series: Informatization of Education*. 2017;14(1):17-23. (In Russ.)
9. Yarovskaya M.V. On the issue of computer modeling. *Advanced Engineering Research*. 2020;20(3):332-345. (In Russ.)
10. Trusfus M.V., Kirpichnikov A.P., Yakimov I.M. Modeling in the Simulink structural and simulation modeling system. *Vestnik Kazanskogo tekhnologicheskogo universiteta = Bulletin of Kazan Technological University*. 2017;20(8):107-110. (In Russ.)
11. Filatov O.K. Basic approaches to constructing an information model of the learning process. *Informatika i obrazovaniye = Computer Science and Education*. 2007;(6):3-7. (In Russ.)
12. Bayandin D.V. Dynamic interactive models for supporting students' cognitive activity. *Vestnik Permskogo gosudarstvennogo humanitarno-pedagogicheskogo universiteta. Seriya «Informatsionnyye komp'yuternyye tekhnologii v obrazovanii» = Bulletin of Perm State Humanitarian and Pedagogical University. Series «Information Computer Technologies in Education»*. 2009;(5):30-44. (In Russ.)
13. Yarovskaya M.V. Modeling tools in training. *Vestnik Severo-Vostochnogo federal'nogo universiteta im. M. K. Ammosova = Bulletin of the North-Eastern Federal University named after M. K. Ammosov*. 2010;7(1):89-95. (In Russ.)
14. Ivanov D.V. Virtualization of society: monograph. Saint Petersburg: Peterburgskoye Vostokovedeniye; 2000. 96 p. (In Russ.)
15. Rakhimov A.A. Computer and mathematical modeling as a method of scientific knowledge of phenomena, processes, systems of various nature and formation. *Vestnik Vologodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Tekhnicheskiye nauki = Bulletin of the Vologda State University. Series: Technical Sciences*. 2024;(4):51-54. (In Russ.)
16. Kilimova L.V., Cherkashin M.D. Video game as a form of modeling social reality. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment = Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management*. 2025;15(2):188-198. (In Russ.)
17. Kolodina N.I. Problems of understanding and interpretation of the literary text. Tambov: Izdatel'stvo Tambovskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta; 2002. 183 p. (In Russ.)

18. Ignatova E.I., Rostov N.V. Robotic systems. Computer modeling. Saint Petersburg: Izdatel'stvo Politekhnicheskogo universiteta; 2009. 272 p. (In Russ.)
19. Grimov O.A. Social and philosophical dimension of digital culture. *Manuskript = Manuscript*. 2025;18(2):680-684. (In Russ.)
20. Tarasov V.B. Philosophy of artificial intelligence, the system of cognitive sciences, computer support for scientific research and education. Tarasov. *Iskusstvennyy intellekt i prinyatiye resheniy = Artificial Intelligence and Decision Making*. 2021;(2):93-109. (In Russ.)
21. Ushakov D.V. Artificial intelligence as a tool for psychological research. *Sibirskii psikhologicheskii zhurnal = Siberian Psychological Journal*. 2023;(90):188-200. (In Russ.)
22. Gluzdov D.V. Philosophy of Artificial Intelligence and Philosophy of Science. *Zhurnal filosofskikh issledovaniy = Journal of Philosophical Research*. 2021;(1):32-42. (In Russ.)

Информация об авторах / Information about the Authors

Килимова Людмила Викторовна, кандидат социологических наук, заведующий кафедрой философии и социологии, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация,
e-mail: lyuda-klv@yandex.ru,
ORCID: 0000-0001-8764-1641

Lyudmila V. Kilimova, Cand. Sci. (Sociology), Head of the Department of Philosophy and Sociology, Southwest State University, Kursk, Russian Federation,
e-mail: lyuda-klv@yandex.ru,
ORCID: 0000-0001-8764-1641

Черкашин Михаил Дмитриевич, кандидат философских наук, доцент кафедры философии и социологии, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация,
e-mail: cherkashin07@mail.ru,
ORCID: 0000-0001-6972-2579

Mikhail D. Cherkashin, Cand. Sci. (Philosophy), Associate Professor at the Department of Philosophy and Sociology, Southwest State University, Kursk, Russian Federation,
e-mail: cherkashin07@mail.ru,
ORCID: 0000-0001-6972-2579

Бартенев Александр Александрович, аспирант кафедры философии и социологии, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация,
e-mail: seamni46@mail.ru

Alexander A. Bartenev, Postgraduate at the Philosophy and Sociology, Southwest State University, Kursk, Russian Federation,
e-mail: seamni46@mail.ru

Оригинальная статья / Original article

УДК 130.2

<https://doi.org/10.21869/2223-1552-2026-16-3-268-283>**Концепция идеального типа Макса Вебера: опыт сравнительного анализа протестантской и православной хозяйственной этики****О. А. Ветрова¹ ✉, С. А. Амелина¹, В. К. Жиленкова¹**

¹ Юго-Западный государственный университет
ул. 50 лет Октября, д. 94, г. Курск 305040, Российская Федерация

✉ e-mail: oksana7vet@yandex.ru

Резюме

Актуальность. В условиях методологического хаоса в социально-гуманитарном знании и дискуссий о взаимодействии культурных традиций веберовская методология сохраняет непреходящую ценность.

Цель работы – реконструкция метода идеальных типов философии Макса Вебера и демонстрация его операциональности в анализе хозяйственной этики современного православия в сравнении с классической протестантской этикой.

Задачи: выявить философско-гносеологические истоки концепции идеального типа и ее процедурную логику; сконструировать на основе официальных источников Русской православной церкви идеальный тип «православной хозяйственной этики»; провести сравнительный анализ этого конструкта с веберовским идеальным типом «протестантской этики» и «духа капитализма»; проиллюстрировать применение метода на конкретных ситуациях общественной жизни современной России (пандемия, дискуссия об экстракорпоральном оплодотворении, экономические инициативы).

Методология. Исследование опирается на метод идеальных типов М. Вебера, реализуемый через сравнительный анализ протестантской и православной этики. Материалом для анализа послужили «Основы социальной концепции Русской православной церкви», публичные выступления предстоятеля церкви, а также три актуальных аспекта церковного регулирования на социально-этические проблемы.

Результаты. В результате исследования предпринята попытка реконструирования идеального типа «православной хозяйственной этики». В ходе его сопоставления с идеальным типом «протестантской этики» зафиксированы различия в трактовке труда, богатства и признания, существенно влияющие на формирование «духа» хозяйственной деятельности.

Выводы. Метод идеальных типов сохраняет свою операциональность для анализа современных культурных феноменов. Православный идеальный тип характеризуется приоритетом ценностной рациональности, соборности и милосердия, что принципиально отличает его от протестантской этики.

Ключевые слова: идеальный тип; православная этика; протестантская этика; социальной концепция.

Конфликт интересов: В представленной публикации отсутствует заимствованный материал без ссылок на автора и (или) источник заимствования, нет результатов научных работ, выполненных авторами публикации лично и (или) в соавторстве, без соответствующих ссылок. Авторы декларируют отсутствие конфликта интересов, связанных с публикацией данной статьи.

Для цитирования: Ветрова О. А., Амелина С. А., Жиленкова В. К. Концепция идеального типа Макса Вебера: опыт сравнительного анализа протестантской и православной хозяйственной этики // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2026. Т. 16, № 3. С. 268–283. <https://doi.org/10.21869/2223-1552-2026-16-3-268-283>.

Поступила в редакцию 02.04.2026

Принята к публикации 01.05.2026

Опубликована 30.06.2026

© Ветрова О. А., Амелина С. А., Жиленкова В. К., 2026

The concept of Max Weber's ideal type: a comparative analysis of protestant and orthodox economic ethics

Oksana A. Vetrova¹ ✉, Sofya A. Amelina¹, Valeria K. Zhilenkova¹

¹ Southwest State University
50 Let Oktyabrya Str. 94, Kursk 305040, Russian Federation

✉ e-mail: oksana7vet@yandex.ru

Abstract

Relevance. In the context of methodological chaos in social and humanitarian knowledge and discussions about the interaction of cultural traditions, Weberian methodology retains its enduring value.

The purpose of this work is to reconstruct the method of ideal types in Max Weber's philosophy and demonstrate its operability in analyzing the economic ethics of contemporary Orthodoxy in comparison with classical Protestant ethics.

Objectives: to identify the philosophical and epistemological origins of the concept of the ideal type and its procedural logic; to construct the ideal type of "Orthodox economic ethics" based on official sources of the Russian Orthodox Church; to conduct a comparative analysis of this construct with Weber's ideal type of "Protestant ethics" and "the spirit of capitalism"; to illustrate the application of the method in specific situations of modern Russian society (pandemic, discussion on in vitro fertilization, and economic initiatives).

Methodology. The study is based on Max Weber's method of ideal types, which is implemented through a comparative analysis of Protestant and Orthodox ethics. The analysis is based on the "Fundamentals of the Social Concept of the Russian Orthodox Church," public speeches by the Primate of the Church, and three relevant aspects of church regulation on socio-ethical issues.

Results. The study attempts to reconstruct the ideal type of "Orthodox economic ethics." In his comparison with the ideal type of "Protestant ethics," he identified differences in the interpretation of work, wealth, and recognition that significantly influence the "spirit" of economic activity.

Conclusion. The method of ideal types retains its operability for the analysis of contemporary cultural phenomena. The Orthodox ideal type is characterized by the priority of value rationality, conciliarity, and charity, which fundamentally distinguishes it from Protestant ethics.

Keywords: ideal type; Orthodox ethics; Protestant ethics; social concept.

Conflict of interest: In the presented publication there is no borrowed material without references to the author and (or) source of borrowing, there are no results of scientific works performed by the authors of the publication, personally and (or) in co-authorship, without relevant links. The authors declare no conflict of interest related to the publication of this article.

For citation: Vetrova O.A., Amelina S.A., Zhilenkova V.K. The concept of Max Weber's ideal type: a comparative analysis of protestant and orthodox economic ethics. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment* = *Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management*. 2026;16(3):268–283. (In Russ.) <https://doi.org/10.21869/2223-1552-2026-16-3-268-283>.

Received 02.04.2026

Accepted 01.05.2026

Published 30.06.2026

Введение

Научное наследие Макса Вебера, представленное в таких фундаментальных работах, как «Основные социологические понятия» [1, с. 602], «Хозяйство и общество» [2, с. 123], представляет собой уникальный синтез глубокой философской рефлексии и конкретного историко-культурного исследования.

В центре этого синтеза находится разработанный ученым методологиче-

ский инструмент – «идеальный тип», который стал не только краеугольным камнем «понимающей социологии», но и основой его оригинальной философии культуры [3, с. 389].

Если классическая философия культуры (от И. Канта до Г. Риккерта) занималась определением сущности и ценности культуры в целом, то М. Вебер предложил метод для эмпирического анализа конкретных, исторически данных куль-

турных образований. Его интересовало не «что есть культура вообще», а «как возможен научный анализ уникальных культурных феноменов в их каузальной и смысловой связи» [4, с. 44].

В современной литературе подчёркивается, что теория идеальных типов М. Вебера является эффективной для исследования системных качеств универсальных социокультурных институтов, локальных социальных групп и индивидуумов [5, с. 250]. Как отмечает Д. В. Катаев, актуальность обращения к творчеству М. Вебера детерминирована неспособностью абстрактной экономической теории к объяснению социокультурных феноменов экономической жизни [6, с. 114].

На становление концепции М. Вебера особенно повлияло баденское неокантианство (В. Виндельбанд, Г. Риккерт) с его разделением наук на номотетические (ищущие общие законы) и идиографические (описывающие индивидуальные явления). Культурно-историческая реальность, по Риккерту, представляет собой бесконечный, нерасчлененный поток событий. Научное познание становится возможным лишь через соотнесение этого материала с культурными ценностями, которые вычлениют из потока значимые, осмысленные фрагменты – «культурные индивидуиды» [7, с. 43].

Вебер принимает этот тезис, но радикально его социологизирует. Ценности для него – не трансцендентальные сущности, а исторически изменчивые «ценностные идеи», которые движут реальными людьми и конституируют предмет исследования. Задача ученого – не выносить оценочные суждения, а понимать те значения, которые действующие индивидуиды придают своим поступкам.

Таким образом, идеальный тип – это не отражение эссенции явления, а сознательно создаваемое понятийное средство, позволяющее измерить и понять эмпирическую реальность через ее отклонение от логически чистого образца [8, с. 78].

В своей программной статье «Объективность познания в области социальных наук и социальной политики» (1904) Вебер дает классическое определение: идеальный тип – это «мысленный образ, не являющийся ни исторической, ни тем более «подлинной» реальностью... Это утопия... получаемая посредством одностороннего усиления одной или нескольких точек зрения и соединения множества диффузных и дискретных единичных явлений... в единый мысленный образ» [3, с. 123].

В соответствии с концепцией М. Вебера процедура конструирования идеального типа включает несколько шагов:

1. Выделение «точки зрения»: исследователь исходит из определенной ценностной идеи, делающей изучаемый культурный феномен интересным и значимым (например, идея рациональности для анализа капитализма или идея соборности для анализа православия) [9, с. 86].

2. Одностороннее усиление: из эмпирической реальности (текстов Священного Писания, трудов святых отцов, официальных документов церкви, выступлений иерархов) отбираются и логически доводятся до предельной завершенности те черты, которые соответствуют избранной точке зрения.

3. Синтез в мысленный образ: эти усиленные черты соединяются во внутренне непротиворечивую, логически идеальную модель.

Таким образом, идеальный тип – это не цель, а средство. Он, подобно координатной сетке, брошенной на реальность, позволяет ориентироваться в хаосе фактов, выделять существенные связи и, что самое важное, констатировать отклонения эмпирии от теоретической конструкции, требуя их каузального объяснения [10, с. 211].

Материалы и методы

Методологическую основу статьи представляют:

– метод идеальных типов М. Вебера, используемый для конструирования логи-

стически чистых образов протестантской и православной хозяйственной этики;

– сравнительный метод для сопоставления двух идеально-типических конструкторов по выделенным критериям (отношение к богатству, труду, призванию, потреблению);

– компаративистский метод, применяемый для выявления различий в ценностно-нормативных структурах, регулирующих хозяйственную деятельность в протестантской и православной традициях, а также для анализа их влияния на формирование «духа» экономического поведения.

Эмпирическую базу исследования составили официальные документы Русской православной церкви:

– «Основы социальной концепции РПЦ» (2000 г.);

– программные выступления Святейшего Патриарха Кирилла по вопросам хозяйственной этики (2024 г.);

– материалы церковного реагирования на три общественно значимых вызова пандемии COVID-19, дискуссию об этической допустимости экстракорпорального оплодотворения (ЭКО) и законодательные инициативы в экономической сфере.

Теоретико-методологическую основу работы составили труды М. Вебера, посвященные разработке методологии понимающей социологии, анализу понятия «идеальный тип», выявлению зависимости религиозной принадлежности и типа хозяйствования.

Также теоретическую базу исследования составили результаты сравнительного анализа религиозных этосов и проблем биоэтики, отраженные в работах отечественных ученых: Ю. Н. Давыдова, П. П. Гайдено, И. Г. Калинина.

Результаты и их обсуждение

Прежде чем перейти к анализу православного материала, необходимо реконструировать исходный идеальный тип, созданный М. Вебером, и выделить те

критерии, которые впоследствии станут основой для сопоставительного анализа.

В работе «Протестантская этика и дух капитализма» немецкий социолог фиксирует ряд системообразующих характеристик, конституирующих «дух капитализма» как особую ценностно-нормативную структуру.

Первым критерием выступает отношение к прибыли. В протестантской этике прибыль перестает восприниматься как нейтральный или негативный феномен, обретая статус этически окрашенной цели. Систематическое стремление к ее получению рассматривается не как проявление корыстолюбия, а как реализация морального долга, предписанного верующему.

Второй критерий – хозяйственная деятельность. Экономическая активность приобретает характер методически организованного, рационально выверенного процесса, подчиненного принципам эффективности и планомерности. Традиционалистское отношение к труду, ориентированное на поддержание привычного уровня потребления, замещается установкой на максимальную производительность как форму служения.

Третий критерий – способ служения Богу. Центральной категорией выступает призвание – понимание профессиональной деятельности в миру как единственно возможного поприща для религиозного служения. В отличие от католического идеала ухода от мира (монашеская аскеза) протестантизм сакрализует мирской труд, усматривая в его успешном исполнении свидетельство богоизбранности.

Четвертый критерий – накопление и потребление. Формируется специфический этос «мирской аскезы»: отказ от неумеренного потребления при одновременном этическом санкционировании накопления капитала. Богатство не служит основанием для роскоши, но становится знаком божественного благоволения и ресурсом для дальнейшего расширения дела [4, с. 61, 153–155, 187].

Выделенные критерии задают систему координат, позволяющую перейти к анализу православной хозяйственной этики. Сопоставление двух религиозных традиций по указанным параметрам дает возможность выявить не только их различия, но и специфику ценностно-нормативной структуры, определяющей экономическое поведение в каждой из них. В отличие от протестантизма, где хозяйственная активность получает непосредственную сотериологическую санкцию, православие, как будет показано ниже, выстраивает принципиально иную конфигурацию отношений между экономической деятельностью, религиозным служением и моральными императивами.

Этот идеальный тип, по мысли Вебера, позволил Западу преодолеть традиционализм и создать предпосылки для современного рационального капитализма [11, с. 45].

Осуществим операционализацию веберовской методологии применительно к анализу этики русского православия. Основным источником для конструирования идеального типа послужит официальный документ – «Основы социальной концепции Русской Православной Церкви»¹, принятый Архиерейским Собором в 2000 г., а также выступления Святейшего Патриарха Кирилла, в которых тема христианского отношения к хозяйству получила развернутую интерпретацию².

Произведем «одностороннее усиление» черт, характеризующих право-

славный взгляд на экономику, и синтезируем их в логически чистый образ. Проанализируем следующие ценностные установки:

1. Богатство как дар и испытание, а не знак избранности. В православном дискурсе решительно отвергается протестантская идея о том, что успех в делах свидетельствует о божественном избранничестве. Как подчеркивается в «Основах социальной концепции», «корень всех зол есть сребролюбие», а не деньги как таковые. Богатство понимается как дар Божий, который требует от человека не столько приумножения любой ценой, сколько мудрого и ответственного управления («домостроительства»)¹. «Хорошо богатство, в котором нет греха», – этот ветхозаветный принцип актуализируется в современной церковной проповеди, подчеркивая амбивалентность материального достатка.

2. Примат «бытия» над «имением»: труд как образ бытия, а не инструмент накопления. В то время как протестантская этика в значительной степени сакрализует сам процесс рационального труда по призванию, православный идеал смещает акцент с результата на внутреннее устройство человека. В «Основах социальной концепции» подчеркивается, что, трудясь, человек не только создает материальные блага, но и «должен проявлять свою волю, заповеданную Богом, участвовать в Божием творчестве и промысле». Это задает иную мотивацию: труд важен не столько как путь к накоплению, сколько как путь к преображению личности и соборному служению¹. Л. М. Марцева подчеркивает, что православная хозяйственная этика признает материальные стимулы труда в ограниченном значении, не осуждая богатство и частную собственность, но жёстко ограничивая их нравственными рамками [12, с. 92].

3. Справедливость и соборность как императивы хозяйственной жизни. Если

¹ Основы социальной концепции Русской Православной Церкви // Русская Православная Церковь. URL: <https://patriarchia.ru/article/105101> (дата обращения: 10.03.2026).

² Святейший Патриарх Кирилл: «Чем больше христианского начала в экономике, тем более справедливо общество» // Русская Православная Церковь. URL: <https://patriarchia.ru/article/105758?ysclid=mrkemj0n2s70904043> (дата обращения: 10.03.2026).

протестантская этика делает упор на индивидуальную ответственность перед Богом, то православный идеал немыслим без категории соборности и социальной справедливости. Патриарх Кирилл прямо связывает справедливость с любовью: справедливость без любви легко вырождается в социальную ненависть¹. Экономика, согласно этому идеальному типу, должна быть пронизана «христианским началом», т. е. заботой о ближнем. Церковь в своем документе однозначно утверждает право на частную собственность, но тут же напоминает: «Те, кто трудится, вправе пользоваться плодами своего труда... однако трудящимся заповедано заботиться и о тех, кто по разным причинам не может зарабатывать себе на жизнь»². В. В. Петрунин в своем анализе экономической проблематики «Основ социальной концепции» показывает, что основной смысл данного документа заключается в применении нравственных начал христианства ко всем сферам жизни человека, в т. ч. к экономическим отношениям [13, с. 124-125].

4. Борьба с «культурой богатства»: энкратический идеал. Одной из не менее важных черт православного этоса можно назвать приоритет духовного над материальным. В церковных документах содержится предостережение от опасности «надменности», «заносчивости» и «глупой уверенности, что богатство все даст»². Богатство требует «осторожности, благоразумия и рассудительности»¹. Этот момент отличается от протестантской

мирской аскезы: он направлен скорее не на методическую организацию труда, а на внутреннее духовное трезвение (энкратею), удерживающее человека от неблагоприятных мыслей и идей.

5. Отношение к бедности и социальному служению. В отличие от протестантской этики, которая могла говорить о бедности как о следствии лени или недостаточной богоугодности, православный идеал видит в бедности и страдании особый объект любви, а также заботы. Помощь ближнему – это помощь Самому Христу². Это формирует не столько «дух капитализма», сколько «дух милосердия», который должен смягчать и ограничивать рыночную стихию [14].

Проводя сравнение двух идеальных типов (протестантский и православный), мы можем выявить их критически важные различия, которые становятся «координатной сеткой» для проведения аналитики реальных хозяйственных культур (табл. 1).

Таблица 1 выполняет функцию аналитической сетки, позволяя систематизировать эмпирический материал и выявить устойчивые ценностные структуры, определяющие хозяйственное поведение в двух религиозных традициях. Следует подчеркнуть, что оба конструкта являются идеально-типическими в веберовском смысле: они не занимаются описыванием эмпирической реальности во всей ее полноте, но, в свою очередь, задают систему координат для ее измерения и понимания [3, с. 390]. Хозяйственные практики в протестантских, а также православных культурах представляют собой вид сложных комбинаций, отклонений и смешения этих чистых типов. Однако именно через сопоставление с идеальными моделями становится возможным выявление культурной специфики и каузальных связей между религиозным этосом и экономическим поведением.

¹ Святейший Патриарх Кирилл: «Чем больше христианского начала в экономике, тем более справедливо общество» // Русская Православная Церковь. URL: <https://patriarchia.ru/article/105758?ysclid=mrkemj0n2s70904043> (дата обращения: 10.03.2026).

² Основы социальной концепции Русской Православной Церкви // Русская Православная Церковь. URL: <https://patriarchia.ru/article/105101> (дата обращения: 10.03.2026).

Таблица. Сравнительный анализ идеальных типов хозяйственной этики
в протестантской и православной традициях [15, с. 156]

Критерий сравнения	Идеальный тип	
	протестантской хозяйственной этики	православной хозяйственной этики
Теологическое обоснование хозяйственной деятельности	Деятельность рассматривается как мирское призвание, установленное Богом; профессиональный успех – косвенный признак избранности к спасению. Согласно М. Веберу, «выполнение мирских обязанностей служит при любых обстоятельствах единственным средством быть угодным Богу» [4, с. 97–99, 105]	Хозяйственная деятельность понимается как послушание и форма соучастия в Божественном домостроительстве; труд освящен как продолжение творческого акта, но не несет сотериологической функции сам по себе. В «Основах социальной концепции» подчеркивается: «трудящийся вправе пользоваться плодами своего труда, но ему заповедано заботиться и о тех, кто не может зарабатывать» ¹
Ценностный статус богатства	Богатство приобретает позитивную этическую окраску как закономерный результат методически организованного труда и аскетического самоограничения в потреблении. Накопление капитала становится моральным долгом [4, с. 153–155]	Богатство рассматривается амбивалентно: как дар Божий, требующий ответственного управления (домостроительства), и одновременно как источник духовной опасности. Патриарх Кирилл акцентирует: «хорошо богатство, в котором нет греха», но предостерегает от «надменности и глупой уверенности, что богатство все даст» ²
Мотивационная структура трудовой деятельности	Доминирует инструментально-рациональная мотивация: труд как средство систематического самоутверждения в мирской деятельности и обретения уверенности в собственном спасении. Вебер характеризует это как «внутримирскую аскезу» [4, с. 187]	Преобладает ценностно-рациональная мотивация: труд понимается как служение, форма реализации христианской любви к ближнему. В документах РПЦ подчеркивается, что «человек, трудясь, должен проявлять свою волю, заповеданную Богом, соучаствовать в Божием творчестве и промысле» ¹
Соотношение индивидуального и соборного начал	Акцент на индивидуальной ответственности индивида перед Богом; религиозная община выступает преимущественно как пространство контроля за мирской аскезой и взаимного назидания [11, с. 67–68]	Приоритет соборного начала: хозяйственная деятельность мыслится в контексте ответственности за целое. Патриарх Кирилл подчеркивает: «справедливость без любви легко вырождается в социальную ненависть»; экономика должна быть пронизана «христианским началом», т. е. заботой о ближнем ²
Отношение к бедности и социальному неравенству	Бедность потенциально интерпретируется как следствие недостаточной трудовой активности или отсутствия призвания; благотворительность ограничивается и рационализируется [4, с. 178]	Бедность и страдание наделяются особым духовным смыслом; забота о неимущих понимается как служение Самому Христу. В «Основах социальной концепции» подчеркивается: «Церковь призывает общество к справедливому распределению продуктов труда, при котором богатые поддерживают бедных» ¹

¹ Основы социальной концепции Русской Православной Церкви. URL: [https:// patriarchia.ru/article/105101](https://patriarchia.ru/article/105101) (дата обращения: 10.03.2026).

² Святейший Патриарх Кирилл: «Чем больше христианского начала в экономике, тем более справедливо общество» // Русская Православная Церковь. URL: [https:// patriarchia.ru/article/105758?ysclid=mrkemj0n2s70904043](https://patriarchia.ru/article/105758?ysclid=mrkemj0n2s70904043) (дата обращения: 10.03.2026).

Окончание табл. 1

Критерий сравнения	Идеальный тип	
	протестантской хозяйственной этики	православной хозяйственной этики
Тип рациональности	Формально-целевая рациональность: хозяйственная деятельность подчиняется логике систематического увеличения капитала при минимизации потребления. Протестантизм, по М. Веберу, создал предпосылки для «расколдования мира» и тотальной рационализации всех сфер жизни [4, с. 203]	Содержательно-целевая (ценностная) рациональность: хозяйственная практика ограничена этическими императивами, не сводима к чисто экономической эффективности. Как отмечает М. Ристич, православие сохраняет «онтологическое измерение экономики», не допуская ее полной автономизации [11, с. 215]
Этическая регуляция потребления	Аскеза как метод накопления: отказ от роскоши и неумеренного потребления служит целям инвестирования и дальнейшего расширения дела. Этос методической жизни пронизывает все сферы существования [4, с. 187–189]	Аскеза как духовное трезвение (энкратея): воздержание направлено не на накопление, а на сохранение внутренней свободы от порабощения материальным. В проповедях подчеркивается, что богатство требует «осторожности, благоразумия и рассудительности» ¹
Отношение к институту частной собственности	Частная собственность признается не только законным, но и этически обязательным институтом; управление собственностью есть форма служения Богу через приумножение доверенного [4, с. 167]	Частная собственность признается, но ее использование ограничено принципом социальной ответственности. Согласно документам РПЦ, «владение собственностью не должно быть источником несправедливости и угнетения; собственность призвана служить созиданию достойной жизни для всех» ²

Проведенный анализ идеально-типических конструкторов даёт возможность зафиксировать различия в ценностно-нормативных структурах, регулирующих хозяйственную деятельность в двух религиозных традициях.

Протестантская этика устанавливает хозяйственную активность как непосредственную форму религиозного служения, внедряя экономическую рациональность в сотериологическую перспективу. Формально-целевая рациональность, которая ориентируется на систематическое накопление и методическую организацию

жизни, создает предпосылки для автономизации экономической сферы. Напротив, православный этос, в свою очередь, сохраняет промежуток между материальным производством и спасением: труд освящается как послушание, а не как инструмент обретения избранности. Доминирующая содержательно-целевая рациональность удерживает экономическую практику в поле этических императивов, не допуская ее полной инструментализации, что выражается в амбивалентном отношении к богатству, примате соборного начала и сакрализации социального служения.

Принципиально важно, что православная хозяйственная этика не может быть квалифицирована как «недостающая» или «неразвитая» форма протестантской; она представляет собой самостоятельный, внутренне когерентный этос, в рамках которого экономическая деятельность сохраняет встроенность в контекст нравственных и соборных от-

¹ Святейший Патриарх Кирилл: «Чем больше христианского начала в экономике, тем более справедливо общество» // Русская Православная Церковь. URL: <https://patriarchia.ru/article/105758?ysclid=mrkemj0n2s70904043> (дата обращения: 10.03.2026).

² Основы социальной концепции Русской Православной Церкви. URL: <https://patriarchia.ru/article/105101> (дата обращения: 10.03.2026).

ношений. Тем самым предложенная типология позволяет преодолеть упрощенные интерпретации веберовского тезиса и открывает перспективу для анализа многообразия культурно обусловленных форм хозяйствования. Продуктивность подобного компаративного подхода подтверждается и в исследованиях других социальных институтов. Так, например, в работе О. А. Ветровой, О. О. Нишнянидзе и В. А. Афанасьевой сравнительный анализ православного и мусульманского мировоззрения позволяет выявить как сходства (в признании общих нравственных ценностей), так и различия (в отношении к науке), что демонстрирует широкий эвристический потенциал сравнительных исследований религиозных этосов в различных сферах общественной жизни [16].

Сконструированная типология задает систему координат, позволяющую перейти от абстрактно-теоретического описания ценностных структур к анализу их конкретного проявления в социальных практиках. Выявленные различия выступают операциональными индикаторами, позволяющими диагностировать присутствие ценностного этоса в реальных действиях и высказываниях церковной иерархии. Каждая из выбранных для анализа ситуаций актуализирует определенный параметр построенной типологии: пандемия – соотношение индивидуального и соборного начал, дискуссия об экстракорпоральном оплодотворении – тип рациональности, экономические инициативы – отношение к бедности и социальному неравенству.

Для проверки эвристической ценности сконструированного идеального типа обратимся к анализу позиции Русской православной церкви по трем конкретным ситуациям, имевшим место в последние годы: пандемия COVID-19, дискуссия об этической допустимости экстракорпорального оплодотворения и отношение к экономическим инициативам государства.

Рассмотрим ситуацию с пандемией COVID-19 и вопрос о закрытии храмов. В период пандемии перед Русской православной церковью встал сложный выбор между санитарными требованиями государства и необходимостью сохранить доступ верующих к таинствам. Данная ситуация актуализирует зафиксированное в таблице соотношение индивидуального и соборного начал. Согласно типологии, для православного этоса характерен приоритет соборного начала: социальная деятельность мыслится «в контексте ответственности за целое»¹.

В марте 2020 г. Московская патриархия разослала епархиям циркулярное письмо, в котором подчеркивалось, что вопрос об ограничении доступа в храмы «может быть рассмотрен в случае введения властями режима, ограничивающего пользование общественным транспортом, а также посещение публичных мест, таких как торговые учреждения, организации общественного питания и другие»². Принципиально важно, что Церковь не пошла на добровольное закрытие храмов раньше, чем были закрыты объекты светской инфраструктуры. Как отмечал заместитель управляющего делами Московской патриархии епископ Савва (Тутунов), «об их длительном закрытии уже не может быть и речи»².

Одновременно Церковь ввела беспрецедентные санитарные меры: отказ от целования креста, использование средств индивидуальной защиты, специальные

¹ Святейший Патриарх Кирилл: «Чем больше христианского начала в экономике, тем более справедливо общество» // Русская Православная Церковь. URL: <https://patriarchia.ru/article/105758?ysclid=mrkemj0n2s70904043> (дата обращения: 10.03.2026).

² В РПЦ назвали условия для закрытия храмов // Взгляд. 2020. 24 марта. URL: <https://vz.ru/news/2020/3/24/1030638.html?ysclid=mrkgop27m4747448255> (дата обращения: 10.03.2026).

правила для причастия¹. В этой реакции отчетливо проявилась соборность как императив: забота о ближнем реализовывалась не через закрытие храмов (что лишило бы верующих духовной поддержки), а через добровольное принятие ограничений внутри церковной ограды. Представитель Русской православной церкви Вахтанг Кипшидзе говорил: «Священник, который осознает ответственность за прихожан, и прихожане, которые чувствуют ответственность друг за друга, надевают маски и соблюдают ограничения по соображениям ответственности друг за друга»². Это проявляет соборность как императив. Эмпирическое исследование А. А. Хлевова показывает, что на уровне восприятия верующих социально-экономические концепции Русской православной церкви и протестантских общин имеют сложную конфигурацию, не сводимую к простому противопоставлению [17, с. 60].

Рассмотрим ситуацию об этической допустимости экстракорпорального оплодотворения. Определённый интерес для верификации сконструированного идеального типа представляет собой позиция Русской православной церкви касательно вспомогательных репродуктивных технологий. Рассматриваемый пример актуализирует зафиксированное в таблице 1 различие в типах рациональности. В соответствии с предложенной типологией православный этос обнаруживает содержательно-целевую (ценностную) рациональность, при которой технологическая деятельность ограничена этическими нормами и запретами [18, с. 215].

¹ В РПЦ заявили, что о новом закрытии храмов из-за пандемии не может быть и речи // ТАСС. 2020. 12 сентября. URL: <https://tass.ru/obschestvo/9437055> (дата обращения: 10.03.2026).

² В РПЦ назвали необоснованными призывы закрыть храмы в пандемию // ТАСС. 2020. 23 ноября. URL: <https://tass.ru/obschestvo/10076439> (дата обращения: 10.03.2026).

Отправной точкой для аналитики служит двойственная позиция, зафиксированная в «Основах социальной концепции» (2000). С одной стороны, документ предписывает супругам, столкнувшимся с бесплодием, «смирненно принять бесчадие как особое жизненное призвание» либо рассмотреть возможность усыновления³, с другой – он квалифицирует как «нравственно недопустимые» лишь те виды ЭКО, которые «предполагают получение, консервацию и намеренное разрушение "избыточных" эмбрионов»³. Современные исследователи, в частности О. А. Ветрова, О. О. Нишнианидзе и Т. Д. Красильникова, отмечают, что подобная двойственность характерна и для других вопросов биоэтики, таких как суррогатное материнство и аборт, где религиозные конфессии вынуждены балансировать между догматической строгостью и необходимостью пастырской заботы о верующих [19].

Как отмечает священник Роман Табрин, кандидат богословия и автор ряда работ по биоэтике, данная формулировка оставляет теоретическую возможность для процедур, не связанных с уничтожением эмбрионов, что породило длительную внутрицерковную дискуссию [20]. Двойственная позиция «Основ социальной концепции» (2000 г.) по вопросу экстракорпорального оплодотворения не давала верующим чётких этических ориентиров, что привело к необходимости разработки специального документа Межсоборным присутствием [20, с. 118].

Попыткой разрешить эту двусмысленность стала разработка Межсоборным присутствием РПЦ проекта документа «Отношение Русской Православной Церкви к экстракорпоральному оплодотворению», работа над которым активи-

³ Основы социальной концепции Русской Православной Церкви. URL: <https://patriarchia.ru/article/105101> (дата обращения: 10.03.2026).

зировалась к 2021 г. [20]. Важно подчеркнуть саму процедурную логику: Церковь не просто декретирует позицию, но выносит вопрос на широкое обсуждение с участием священнослужителей, медиков и ученых, что соответствует принципу соборности как императиву принятия решений. В ходе дискуссии, ярко проявившейся на круглом столе «Вопросы биоэтики: христианский взгляд» в Пятигорске в мае 2021 г., обнаружилась поляризация мнений, отражающая фундаментальное напряжение внутри самого православного этоса¹.

Сторонники более мягкой позиции, к которым относится и о. Роман Тарабрин, настаивают на различии процедур. По его словам, ЭКО становится грехом, «когда продуцируют 20 яйцеклеток, оплодотворяют, выбирают хорошенького эмбриона, а остальные эмбрионы замораживают или выбрасывают». Также недопустимо использование донорского биоматериала, что «уже супружеская измена». Однако существуют и «не греховные варианты», такие как ЭКО в естественном цикле (без гормональной стимуляции), когда оплодотворяется ровно столько яйцеклеток, сколько будет перенесено в полость матки². Эта аргументация апеллирует к императиву милосердия и пастырской заботы о страждущих супругах: «Позиция человека должна определяться его духовным устроением, которое может проанализировать его духовник... Нельзя всех чесать под одну гребенку».

¹ Липич О. В РПЦ разгорелся спор о греховности ЭКО // РИА Новости. 2021. 13 мая. URL: <https://ria.ru/20210513/eko-1732105169.html> (дата обращения: 10.03.2026).

² Тарабрин Р., свящ. К вопросу об этической оценке метода ЭКО с православной точки зрения в контексте последних достижений биомедицины // Богослов.ру. 2014. URL: <http://www.bogoslov.ru/text/4007414.html> (дата обращения: 10.03.2026).

Противоположную позицию столь же последовательно отстаивает председатель Патриаршей комиссии по вопросам семьи иерей Федор Лукьянов. Он характеризует ЭКО как «очень сомнительную процедуру с медицинской точки зрения», чья успешность является «результатом пропаганды». Опираясь на альтернативные исследования, о. Федор утверждает, что дети, зачатые с помощью ЭКО, чаще страдают от различных патологий, а долгосрочные последствия для последующих поколений непредсказуемы. Он категорически отвергает понимание ЭКО как инструмента демографической политики и считает, что «бездетность не грех», а значит, «зачем нам это благословлять». В условиях, когда существующая система, по его мнению, «ориентирована на получение прибыли», любое смягчение церковной позиции было бы преждевременным и опасным.

Третья позиция, представленная, в частности, священником Николаем Бабкиным, акцентирует личную ответственность: «Человек берет на себя ответственность за проведение ЭКО или нет. И Церковь должна предоставить ему такое право. Нельзя выступать в роли инквизиторов и категорически говорить нет»¹. Сходную мысль высказывает и священник Александр Ермолин из Казанской епархии, подчеркивая, что, если человек уже прибег к ЭКО, «нужно с ним пообщаться, объяснить ему позицию Церкви. Ни в коем случае не надо отталкивать человека от Церкви»³.

В целом, как отмечает сам о. Роман Тарабрин, для православного сознания абсолютно неприемлемы те методы, ко-

³ Фенина Е. «Плодитесь и размножайтесь»: батюшка о чайлдфри, абортах, ЭКО и суррогатном материнстве // Татар-информ. 2024. 24 ноября. URL: <https://www.tatar-inform.ru/news/plodites-i-razmnozaites-batyuska-o-caildfri-abortax-eko-i-surrogatnom-materinstve-5964993?ysclid=mrkl406ws9683798179> (дата обращения: 10.03.2026).

торые связаны с убийством «лишних» эмбрионов (элиминация, редукция, заморозка) или разрушают супружескую связь (донорство половых клеток, суррогатное материнство). Однако вмешательство врача как таковое может быть расценено как помощь деторождению¹.

Применяя веберовскую методологию, мы можем интерпретировать данную дискуссию как столкновение двух типов рациональности в рамках единого ценностного поля. Консервативная позиция о. Федора Лукьянова демонстрирует последовательную содержательно-целевую рациональность, где ценность «абсолютной недопустимости вмешательства в таинство зарождения жизни» выступает безусловным императивом. Пастырско-компромиссная линия отцов Романа Тарабрина и Николая Бабкина также коренится в ценностных установках, но позволяет их соподчинение: значимость помощи ближнему (диакония) в определённых обстоятельствах может временно перевешивать угрозу технологического вторжения при условии, что подобное вмешательство сводит к минимуму «онтологическое зло» (гибель эмбрионов). При этом, что особенно важно для проверки типологии, ни одна из сторон не прибегает к формально-целевой рациональности в духе протестантского этоса: экстракорпоральное оплодотворение не воспринимается как способ достижения «эффективности» или «преодоления ограниченности»; полемика вращается исключительно вокруг того, как совместить применение методики с фундаментальными ценностными ориентирами – святостью жизни и состраданием. Следовательно, дискуссия о процедуре экстракорпорального оплодотворения служит

эмпирической демонстрацией двух базовых свойств православного этоса. Во-первых, это удержание ценностной (содержательно-целевой) рациональности в качестве преобладающей формы осмысления даже сугубо технологических вопросов. Во-вторых, это имманентная противоречивость между разными ценностными велениями, которая преодолевается не через обособление сфер (как в протестантской традиции), а через соборный поиск взвешенного решения. Сама напряжённость и открытость спора служат свидетельством того, что православное предание не склонно к поспешной формальной рационализации этически неоднозначных областей, сохраняя их в поле ценностно ориентированного обсуждения.

Рассмотрим ситуацию о восприятии экономических инициатив государства. Изучение выступлений иерархов Русской православной церкви по вопросам экономического курса позволяет подтвердить зафиксированное в таблице восприятие бедности и общественного неравенства. Согласно типологии, если протестантский этос предрасположен трактовать бедность как следствие недостаточной трудовой активности либо отсутствия призвания [4, с. 178], то православный дискурс наделяет нищету и страдания особым духовным смыслом, а попечение о неимущих понимает как служение Самому Христу². Это коренное различие находит непосредственное подтверждение в суждениях предстоятеля Церкви. В «Основах социальной концепции» акцентируется: «Церковь призывает общество к справедливому перераспределению результатов труда, при котором зажиточные оказывают поддержку неимущим»². Данная формулировка включает в себе критику автономизации хозяйственной

¹ Тарабрин Р., священник. Отношение Православной Церкви к экстракорпоральному оплодотворению // Московские епархиальные ведомости. 2014. № 9–10. URL: <https://mosmit.ru/library/vedomosti/77/1716/> (дата обращения: 10.03.2026).

² Основы социальной концепции Русской Православной Церкви. URL: <https://patriarchia.ru/article/105101> (дата обращения: 10.03.2026).

сферы, свойственной протестантской этике, и утверждает принцип солидарности как основополагающую заповедь экономической жизни. В проповедях 2024 г. Патриарх Кирилл продолжает эту мысль через соединение справедливости с любовью, подчёркивая, что «справедливость без любви легко вырождается в общественную вражду»¹. Тем самым честное распределение благ оказывается не просто вопросом социального конструирования или хозяйственной целесообразности, но категорией сотериологического порядка – условием спасения как для состоятельных (через милосердие), так и для социума в целом (через устранение вражды). Применительно к конкретным законодательным предложениям (дебаты о прогрессивной шкале налогообложения, мерах социальной защиты) Русской православной церкви, как правило, не выдвигает подробных инициатив, но последовательно обозначает ценностные рамки, проистекающие из понимания бедности как предмета особой духовной заботы. Богатство, согласно такой позиции, обязано служить общему благу, а не превращаться в источник гордыни и социального расслоения, что полностью согласуется с зафиксированным в таблице отношением к бедности и общественному неравенству.

Выводы

Проведенный анализ позволяет утверждать, что метод идеальных типов является не вспомогательным техническим приемом, а фундаментом целостной философии культуры Макса Вебера. Эта философия отказывается от спекулятивных построений в пользу герменевтики культурных смыслов, опосредованной

строгим методологическим инструментарием.

Веберовский метод позволяет снять противоречие между поиском общих законов (номотетика) и описанием единичного (идиографика). Сконструированные нами идеальные типы протестантской и православной этики – это общие модели, но служат они для понимания уникального культурно-исторического пути различных традиций.

Применение метода к анализу официальной позиции Русской православной церкви показало, что православный этос не есть простое «отсутствие» протестантской рациональности. Это самостоятельная, внутренне логичная система ценностей, в которой богатство, труд и собственность получают принципиально иную мотивацию и осмысление. Анализ реакции церкви на пандемию и дискуссию об ЭКО подтвердил, что в реальной практике воспроизводятся те ценностные ориентации, которые были зафиксированы в идеальном типе.

Современные дискуссии о биоэтике, социальной ответственности и границах технологического вмешательства в природу человека получают в свете веберовского метода дополнительное измерение. Сравнение идеально-типических конструкций показывает, что простая рецепция западных моделей рациональности может наталкиваться на глубинные ценностные структуры православного этоса, ориентированного на соборное благо и сотериологический смысл человеческого существования.

Таким образом, наследие М. Вебера предлагает современным исследователям культуры не устаревшую схему, а живую эпистемологическую модель. В условиях культурного плюрализма его метод идеальных типов остается незаменимым инструментом для непредвзятого, систематического и глубокого понимания логики иных культурных миров, а также для рефлексии над уникальностью и противоречиями собственной культурной традиции.

¹ Святейший Патриарх Кирилл: «Чем больше христианского начала в экономике, тем более справедливо общество» // Русская Православная Церковь. URL: <https://patriarchia.ru/article/105758?ysclid=mrkemj0n2s70904043> (дата обращения: 10.03.2026).

Список литературы

1. Вебер М. Основные социологические понятия // Вебер М. Избранные произведения: [пер. с нем.]. М.: Прогресс, 1990. С. 602–643.
2. Вебер М. Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии: в 4 т. М.: Издательство Высшей школы экономики, 2016. Т. 1. 445 с.
3. Вебер М. «Объективность» познания в области социальных наук и социальной политики // Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. С. 345–415.
4. Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма // Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. С. 44–271.
5. Сиюхова А. М., Куева Э. М. Интерпретация теории «идеальных типов» М. Вебера применительно к эмпирическому социологическому исследованию // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2021. Т. 21, вып. 3. С. 248–253.
6. Катаев Д. В. Экономическая социология Макса Вебера и современность // Теория и практика общественного развития. 2012. № 8. С. 89–91.
7. Риккерт Г. Науки о природе и науки о культуре: [пер. с нем.]. М.: Республика, 1998. 410 с.
8. Давыдов Ю. Н. Макс Вебер и современная теоретическая социология: актуальные проблемы веберовского социологического учения. М.: Мартис, 1998. 510 с.
9. Комиссаров И. И. Моделирование в социально-гуманитарном познании: идеальнотипические конструкции Макса Вебера // Манускрипт. 2018. № 6(92). С. 84–88.
10. Гайденко П. П., Давыдов Ю. Н. История и рациональность: социология Макса Вебера и веберовский ренессанс. М.: Политиздат, 1991. 367 с.
11. Schluchter W. The Rise of Western Rationalism: Max Weber's Developmental History. Berkeley: University of California Press, 1981. 178 p.
12. Марцева Л. М. Труд в социальной доктрине Русской Православной Церкви // Омский научный вестник. 2022. Вып. 18. С. 34–39.
13. Петрунин В. В. Экономическая проблематика социальной доктрины русского православия // Экономика и социум. 2014. № 4(13). С. 396–397.
14. Gvosdev N. K. An Orthodox Look at Liberty and Economics in Russia // Religion & Liberty. 2004. Vol. 14, N 4. URL: <https://www.acton.org/pub/religion-liberty/volume-14-number-4/orthodox-look-liberty-and-economics-russia> (дата обращения: 17.03.2026).
15. Ringer F. Max Weber's Methodology: The Unification of the Cultural and Social Sciences. Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press, 1997. 201 p.
16. Ветрова О. А., Нишнианидзе О. О., Афанасьева В. А. Влияние религиозного мировоззрения на формирование системы образования // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2023. Т. 13, № 2. С. 244–253.
17. Богатство, призвание и равноправие: восприятие религиозных социально-экономических концепций баптистов и православных / А. А. Хлевов, А. Ю. Ивакина, Д. Е. Маевский, А. Р. Смаль // Экономическая социология. 2024. Т. 25, № 5. С. 56–72.
18. Иванченко А. В. Медицинские, этические и правовые аспекты вспомогательных репродуктивных технологий и экстракорпорального оплодотворения // Государство. Религия. Биоэтика. Право. 2022. № 2. С. 3–24. EDN WMWPBI.
19. Ветрова О. А., Нишнианидзе О. О., Красильникова Т. Д. Сравнительный анализ социальной концепции Русской православной церкви и социальной доктрины мусульманства по вопросам биоэтики // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2023. Т. 13, № 2. С. 254–263.
20. Тарабрин Р. Биоэтические проблемы экстракорпорального оплодотворения в российской православной дискуссии // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2021. № 39(4). С. 142–168.

References

1. Weber M. Basic sociological concepts. In: Weber M. Selected works. Moscow: Progress; 1990. P. 602-643. (In Russ.)
2. Weber M. Economy and society: essays on understanding sociology. Vol. 1. Moscow: Izdatel'stvo Vysshei shkoly ekonomiki; 2016. 445 p. (In Russ.)
3. Weber M. "Objectivity" of knowledge in the field of social sciences and social policy. In: Selected works. Moscow: Progress; 1990. P. 345-415. (In Russ.)
4. Weber M. Protestant ethics and the Spirit of Capitalism. In: Selected works. Moscow: Progress; 1990. P. 44-271. (In Russ.)
5. Siyukhova A.M., Kueva E.M. Interpretation of the theory of "ideal types" by M. Weber in relation to empirical sociological research. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Sotsiologiya. Politologiya = Proceedings of the Saratov University. A New Series. Series: Sociology. Political Science*. 2021;21(3):248-253. (In Russ.)
6. Kataev D.V. Max Weber's Economic sociology and modernity. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya = Theory and Practice of Social Development*. 2012;(8):89-91. (In Russ.)
7. Rikkert G. Sciences of nature and sciences of culture. Moscow: Respublika; 1998. 410 p. (In Russ.)
8. Davydov Yu.N. Max Weber and modern theoretical sociology: actual problems of Weber's sociological teaching. Moscow: Martis; 1998. 510 p. (In Russ.)
9. Komissarov I.I. Modeling in social and humanitarian cognition: ideal-typical constructions of Max Weber. *Manuskript = Manuscript*. 2018;(6):84-88. (In Russ.)
10. Gaidenko P.P., Davydov Yu.N. History and rationality: Max Weber's sociology and the Weber Renaissance. Moscow: Politizdat; 1991. 367 p. (In Russ.)
11. Schluchter W. The Rise of Western Rationalism: Max Weber's Developmental History. Berkeley: University of California Press; 1981. 178 p.
12. Martseva L.M. Labor in the social doctrine of the Russian Orthodox Church. *Omskii nauchnyi vestnik = Omsk Scientific Bulletin*. 2022;(18):34-39. (In Russ.)
13. Petrunin V.V. Economic problems of the social doctrine of Russian Orthodoxy. *Ekonomika i sotsium = Economics and Society*. 2014;(4):396-397. (In Russ.)
14. Gvosdev N.K. An Orthodox Look at Liberty and Economics in Russia. *Religion & Liberty*. 2004;14(4). Available at: <https://www.acton.org/pub/religion-liberty/volume-14-number-4/orthodox-look-liberty-and-economics-russia> (accessed 17.03.2026).
15. Ringer F. Max Weber's Methodology: The Unification of the Cultural and Social Sciences. Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press; 1997. 201 p.
16. Vetrova O.A., Nishnianidze O.O., Afanasyeva V.A. The influence of religious worldview on the formation of the education system. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment = Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management*. 2023;13(2):244-253. (In Russ.)
17. Khlevov A.A., Ivakina A.Yu., Mayevsky D.E., Smal A.R. Wealth, vocation and equality: perception of religious socio-economic concepts of Baptists and Orthodox. *Ekonomicheskaya sotsiologiya = Economic Sociology*. 2024;25(5):56-72. (In Russ.)
18. Ivanchenko A.V. Medical, ethical and legal aspects of assisted reproductive technologies and in vitro fertilization. *Gosudarstvo. Religiya. Bioetika. Pravo = State. Religion. Bioethics. Right*. 2022;(2):3-24. (In Russ.) EDN WMWPBI.
19. Vetrova O.A., Nishnianidze O.O., Krasilnikova T.D. Comparative analysis of the social concept of the Russian Orthodox Church and the social doctrine of Islam on bioethics. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment = Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management*. 2023;13(2):254-263. (In Russ.)

20. Tarabrin R. Bioethical problems of in vitro fertilization in the Russian Orthodox discussion. *Gosudarstvo, religiya, tserkov' v Rossii i za rubezhom* = *State, Religion, Church in Russia and Abroad*. 2021;(39):142–168. (In Russ.)

Информация об авторах / Information about the Authors

Ветрова Оксана Александровна, кандидат социологических наук, доцент кафедры философии и социологии, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация, e-mail: oksana7vet@yandex.ru

Oksana A. Vetrova, Cand. Sci. (Sociology), Associate Professor at the Department of Philosophy and Sociology, Southwest State University, Kursk, Russian Federation, e-mail: oksana7vet@yandex.ru

Амелина Софья Александровна, студент кафедры философии и социологии, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация, e-mail: sofijaamelina@yandex.ru

Sofya A. Amelina, Student at the Department of Philosophy and Sociology, Southwest State University, Kursk, Russian Federation, e-mail: sofijaamelina@yandex.ru

Жиленкова Валерия Константиновна, студент кафедры философии и социологии, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация, e-mail: lklklklkl1205@gmail.com

Valeria K. Zhilenkova, Student at the Department of Philosophy and Sociology, Southwest State University, Kursk, Russian Federation, e-mail: lklklklkl1205@gmail.com

Этапы становления современных углеродных рынков в контексте трансформации мировой экономики

А. И. Авдеева ¹ ✉

¹ Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации
пр-т Ленинградский, д. 49/2, г. Москва 125167, Российская Федерация

✉ e-mail: anastasia.i.avdeeva@yandex.ru

Резюме

Актуальность. Современные углеродные рынки являются одним из ключевых институциональных механизмов регулирования выбросов парниковых газов и важным элементом трансформации мировой экономики в условиях усиления климатической повестки и процессов декарбонизации. Несмотря на значительное число исследований, посвященных развитию углеродных рынков, в научной литературе сохраняются различия в подходах к их периодизации, что затрудняет формирование целостного представления о закономерностях их становления.

Цель – анализ существующих подходов к периодизации становления углеродных рынков и разработка авторской периодизации их развития.

Задачи: анализ научной литературы по вопросам становления углеродных рынков; выявление основных подходов к их периодизации; сопоставление существующих исследовательских моделей; обоснование авторского подхода к выделению этапов формирования углеродных рынков.

Методология. Методологическую основу исследования составляют методы системного анализа и обобщения научной литературы, сравнительного и историко-экономического анализа. Для интерпретации этапов становления углеродных рынков используется сопоставление их развития с более широкими процессами структурной трансформации мировой экономики.

Результаты. В результате исследования выявлены различия в подходах к периодизации углеродных рынков и предложена авторская модель этапов их развития, которая позволяет рассматривать становление углеродных рынков в контексте структурных изменений мировой экономики. Выделен теоретико-экономический этап как отправная точка создания современных углеродных рынков. Обосновано выделение этапа фрагментации подходов к развитию углеродных рынков, который обозначил смену лидеров углеродной повестки.

Вывод. Предложенный подход расширяет теоретическое понимание развития углеродных рынков и может быть использован при дальнейших исследованиях механизмов углеродного регулирования и процессов декарбонизации в мировой экономике.

Ключевые слова: углеродные рынки; становление углеродных рынков; периодизация; технологические уклады; циклы Кондратьева.

Конфликт интересов: В представленной публикации отсутствует заимствованный материал без ссылок на автора и (или) источник заимствования, нет результатов научных работ, выполненных авторами публикации лично и (или) в соавторстве, без соответствующих ссылок. Авторы декларируют отсутствие конфликта интересов, связанных с публикацией данной статьи.

Для цитирования: Авдеева А. И. Этапы становления современных углеродных рынков в контексте трансформации мировой экономики // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2026. Т. 16, № 3. С. 284–295. <https://doi.org/10.21869/2223-1552-2026-16-3-284-295>.

Поступила в редакцию 19.04.2026

Принята к публикации 17.05.2026

Опубликована 30.06.2026

Phases of the formation of modern carbon markets in the context of the transformation of the global economy

Anastasia I. Avdeeva¹ ✉

¹ Financial University under the Government of Russian Federation
49/2 Leningradsky Ave., Moscow 125167, Russian Federation

✉ e-mail: anastasia.i.avdeeva@yandex.ru

Abstract

Relevance. Modern carbon markets are one of the key institutional mechanisms for regulating greenhouse gas emissions and an important element in the transformation of the global economy amid the intensifying climate agenda and decarbonisation processes. Despite a significant number of studies devoted to the development of carbon markets, differences in approaches to their periodisation remain in the scientific literature, which makes it difficult to form a comprehensive picture of the patterns of their formation.

The purpose is to analyse existing approaches to the periodisation of the formation of carbon markets and to develop the author's own periodisation of their development.

Objectives: to analyse the scientific literature on the formation of carbon markets; to identify the main approaches to their periodisation; to compare existing research models; to justify the author's approach to identifying the stages of carbon market formation.

Methodology. The methodological basis of the study consists of methods of systematic analysis and generalisation of scientific literature, comparative and historical-economic analysis. To interpret the stages of carbon market formation, their development is compared with broader processes of structural transformation of the global economy.

Results. The study revealed differences in approaches to the periodisation of carbon markets and proposed an author's model of their development stages, which allows us to consider the formation of carbon markets in the context of structural changes in the global economy. The theoretical and economic stage is identified as the starting point for the creation of modern carbon markets. The identification of the stage of fragmentation of approaches to the development of carbon markets, which marked a change in the leaders of the carbon agenda, is justified.

Conclusion. The proposed approach broadens the theoretical understanding of the development of carbon markets and can be used in further research on carbon regulation mechanisms and decarbonisation processes in the global economy.

Keywords: carbon markets; formation of carbon markets; periodisation; technological structures; Kondratiev cycles.

Conflict of interest: In the presented publication there is no borrowed material without references to the author and (or) source of borrowing, there are no results of scientific works performed by the authors of the publication, personally and (or) in co-authorship, without relevant links. The authors declares no conflict of interest related to the publication of this article.

For citation: Avdeeva A.I. Phases of the formation of modern carbon markets in the context of the transformation of the global economy. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment* = *Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management*. 2026;16(3):284–295. (In Russ.) <https://doi.org/10.21869/2223-1552-2026-16-3-284-295>.

Received 19.04.2026

Accepted 17.05.2026

Published 30.06.2026

Введение

В условиях ускоряющейся трансформации мировой энергетики и углубления процессов энергоперехода углеродные рынки формируются как один из ключевых экономических институтов, обеспечивающих согласование экологических целей с логикой рыночного развития и долгосрочными структурными сдвигами в мировой экономике. Несмотря на значительное ко-

личество исследований, посвященных отдельным аспектам функционирования механизмов торговли углеродными активами в современной научной литературе, по-прежнему отсутствует единый методологический подход к периодизации становления углеродных рынков, позволяющий рассматривать их эволюцию не фрагментарно, а в контексте глубинных циклических и технологических изменений.

Существующие подходы к периодизации, как правило, опираются либо на нормативно-правовые этапы формирования международных климатических соглашений, либо на институциональные особенности отдельных региональных рынков, что ограничивает возможности выявления закономерностей долгосрочного развития углеродных рынков как элемента мировой экономической системы. В этой связи представляется целесообразным рассматривать становление углеродных рынков в увязке со сменой технологических укладов С. Ю. Глазьева и длинных волн экономического развития, описываемых в рамках теории Н. Д. Кондратьева, а также с последовательными этапами глобальных энергопереходов.

Актуальность настоящего исследования определяется необходимостью формирования целостной аналитической модели, позволяющей интегрировать углеродные рынки в систему макроэкономического анализа мировой энергетики и рассматривать их не только как инструмент климатической политики, но и как отражение структурных трансформаций мировой экономики.

Материалы и методы

Методологическую основу исследования составляет системный подход, который позволяет рассматривать становление углеродных рынков как результат взаимодействия экономических, институциональных и технологических факторов трансформации мировой экономики. В качестве эмпирической и теоретической базы исследования выступают научные публикации отечественных (В. В. Соколенко [1], И. Г. Сангадиева [2], Н. В. Горбачева [3], Н. А. Пискулова [4]) и зарубежных авторов (Yu Min, Bai Jia-Mei, Qiu Yuqin, Lin Yingjie, Liu Shaojun [5], Y. Hua, F. Dong [6], G. Khanal, N. Devkota, Chapagain R., Khanal C. [7], A. Michaelowa и соавторы [8]), посвященные

формированию углеродных рынков, международные соглашения в области углеродного регулирования, такие как Рамочная конвенция ООН по изменению климата (РКИК ООН), Киотский протокол, Парижское соглашение, а также национальные нормативные акты, регулирующие функционирование углеродных рынков (СТВ ЕС, СТВ КНР).

Результаты и их обсуждение

На сегодняшний день углеродные рынки находятся на разных стадиях развития в различных юрисдикциях. Тем не менее в научной литературе предпринимаются попытки выделения ключевых этапов становления углеродных рынков. Наиболее часто исследователи выделяют этапы становления в корреляции с развитием международных механизмов углеродного регулирования. Так, началом формирования углеродных рынков называют период появления первых механизмов торговли квотами на выбросы парниковых газов по Киотскому протоколу. Кроме того, национальные исследователи из различных стран склонны к выделению этапов развития углеродных рынков в контексте формирования национально-го углеродного регулирования. Так, в одной из работ исследователей из Китая отмечается, что развитие углеродного рынка КНР прошло два основных этапа: «ранний этап», когда страна участвовала в международном киотском рынке как поставщик проектов и углеродных кредитов; «этап пилотов», когда в стране запускались пилотные проекты в провинциях, и «этап перехода к национальному углеродному рынку», связанный с созданием общенациональной системы торговли к 2021 г. [5]. Тем не менее авторы подчеркивают тесную связь между становлением национального и международного углеродного рынка.

Одной из характерных работ, изучающих становление международных угле-

родных рынков, является работа А. Michaelowa и соавторов. В данной работе выделяется четыре основные стадии становления углеродных рынков с опорой на определенные события каждого из этапов:

– первый этап – этап «Становление» (1997–2004 г.) – совпадает по времени с обоснованием первых механизмов Киото и характеризуется концептуальной разработкой и выработкой правил функционирования гибких механизмов Киотского протокола;

– второй этап – этап «Золотая лихорадка» (2005–2011 г.) – совпадает со вступлением в силу Киотского протокола и принятия первых обязательств по Киото. Этап характеризуется бурным развитием международного углеродного рынка, особенностью которого являлся высокий спрос на углеродные кредиты со стороны Европейского союза, удовлетворяемый поставщиками углеродных кредитов из развивающихся стран, прежде всего из Китайской Народной Республики и Индии;

– третий этап – этап «Фрагментация» (2012–2015 г.) – совпадает с окончанием действия первого этапа Киотского протокола и принятием Дохийской поправки, призванной устранить выявленные недостатки. Этап характеризуется тем, что к 2012 г. углеродный рынок стал значимым сегментом мировой экономики. Тем не менее выявились ряд серьёзных проблем в функционировании международных углеродных рынков, а именно проблема прозрачности и подтверждения дополнительнойности проектов, а также проблема несовершенства механизмов выделения углеродных квот, приведшая к их переизбытку. В данный период фокус углеродного регулирования сместился на национальный уровень, многие международные проекты были остановлены, Дохийская поправка не получила широкой поддержки;

– четвёртый этап – этап «Пост-Парижское возрождение» (2015 г. – по

настоящее время) – совпадает с принятием Парижского соглашения. Этап характеризуется изменением подхода к международному сотрудничеству по снижению выбросов парниковых газов. На смену централизованным обязательствам для развитых стран по Киото пришел механизм добровольных обязательств широкого круга стран по снижению выбросов парниковых газов – система определяемых на национальном уровне вкладов (ОНУВ) [8].

Таким образом, представленная А. Michaelowa и соавторами периодизация отражает институциональный подход к выделению этапов становления углеродного рынка без учета национальных особенностей.

Наиболее подробная периодизация становления углеродных рынков представлена в работе отечественных авторов – И. Г. Сангадиевой и соавторов. Выделяется семь ключевых этапов углеродных рынков, которые формируются вокруг наиболее знаковых, по мнению авторов, событий углеродного регулирования. Выделяемые авторами периоды представлены ниже (табл. 1).

В таблице 1 представлено сопоставление выделяемых этапов становления углеродных рынков И. Г. Сангадиевой и соавт. и А. Michaelowa и соавтр. Обращает на себя внимание то, что в данных периодизациях использован один и тот же принцип, основанный на выделении ключевых событий в формировании международной углеродной повестки. Тем не менее авторы обходят значимый период теоретического обоснования выбора способа управления сокращением вредных выбросов. С нашей точки зрения, широкая теоретическая дискуссия второй половины XX в. предопределила возможность принятия Киотского протокола на основе теоретически обоснованных рыночных механизмов управления выбросами загрязняющих веществ.

Таблица 1. Ключевые этапы становления рынка углеродных единиц
по И. Г. Сангадиевой и соавт. [2] и A. Michaelowa и соавт. [8]

№ этапа по И. Г. Сангади- евой и соавт.	Год	Событие	№ этапа по A. Michaelo- wa и соавт.	Название этапа по A. Michaelowa и соавтр.
1	1997	Принятие Киотского протокола	1	«Становление»
2	2005	Запуск Европейской системы торговли выбросами	2	«Золотая лихорадка»
3	2012	Введение углеродного налога в Австралии	3	«Фрагментация»
4	2013	Включение авиации в Европейскую систему торговли выбросами	3	«Фрагментация»
5	2015	Подписание Парижского соглашения	4	«Постпарижское возрождение»
6	2017	Официальный запуск Китайской национальной системы торговли квотами на выбросы углерода	4	«Постпарижское возрождение»
7	2021	Объединение усилий в рамках Парижского соглашения, проводимого ежегодно в рамках COP	4	«Постпарижское возрождение»

Кроме того, нам представляется избыточным выделение отдельного этапа в периодизации И. Г. Сангадиевой и соавт., связанного с введением углеродного налога в Австралии, впоследствии трансформированного в систему торговли квотами, так как первые углеродные налоги были введены в Скандинавских странах, таких как Швеция и Финляндия, еще в начале 1990-х годов¹. По той же причине выделение в периодизации И. Г. Сангадиевой и соавтр. четвертого этапа («включение авиации в СТВ ЕС»), с нашей точки зрения, лишь подчеркивает тезис об ускоренном развитии углеродных рынков. Тем не менее выделение этапа, связанного с запуском Китайской общенациональной системы торговли выбросами, является значимым событием, характеризующим вовлечение в глобальный углеродный рынок крупнейших развивающихся стран.

¹ Sweden's carbon tax. URL: <https://www.government.se/government-policy/taxes-and-tariffs/swedens-carbon-tax/> (дата обращения: 01.03.2026); UM FINFO Climate. URL: https://toolbox.finland.fi/wp-content/uploads/sites/2/2022/01/finfo_climate_ru.pdf (дата обращения: 01.03.2026).

Таким образом, выполненный анализ научной литературы показал, что существующие подходы к периодизации становления углеродного рынка, как правило, опираются либо на ключевые этапы развития международной климатической политики, либо на институциональное формирование отдельных национальных систем торговли выбросами. Вместе с тем подобные подходы не всегда позволяют в полной мере раскрыть взаимосвязь между развитием углеродных рынков и более широкими структурными трансформациями мировой экономики.

Учитывая выявленные в ходе анализа ограничения существующих периодизаций, в данной работе предпринята попытка авторской периодизации этапов становления углеродных рынков. Предложенный подход основан на систематизации ключевых институциональных, экономических и технологических изменений, а также теоретических представлений, оказавших влияние на формирование механизмов углеродного регулирования и развития инструментов ценообразования на выбросы парниковых газов. В этой связи в качестве теоретико-методологической основы периодизации

используется концепция длинных волн Н. Д. Кондратьева¹, а также теория технологических укладов С. Ю. Глазьева [9]. Обращение к данным теоретическим подходам обусловлено тем, что они позволяют рассматривать формирование новых экономических институтов и рынков в контексте смены технологических парадигм и структурных изменений мировой экономики. Использование данного методологического подхода позволяет интерпретировать становление углеродных рынков как элемент более широкой трансформации экономических механизмов регулирования, связанной с переходом мировой экономики к новым технологическим укладам и усилением роли экологических ограничений в глобальном экономическом развитии. В рамках данного подхода представляется целесообразным выделения следующих этапов становления углеродных рынков (табл. 2).

Первый этап – «Теоретико-экономический» этап – заключается в том, что в период 1960-1970-х годов сложились завершённые концепции теоретического обоснования рыночных механизмов управления загрязняющими веществами. Начало было положено теорией внешних эффектов А. Пигу [10] и концепцией Р. Коуза [11] о возможности рыночного решения проблемы внешних эффектов на основе обмена правами. В дальнейшем данные подходы были развиты в работах Т. Крокера [12] и Д. Дейлса [13], предложивших концепцию *cap-and-trade*, которая является теоретической основой действующих систем торговли разрешениями на выбросы парниковых газов. Этот период совпал с усилением внимания к проблемам промышленного загрязнения окружающей среды, сопут-

ствующим ускоренным темпам экономического роста на основе высокоматериалоемких и энергоёмких производств. Кроме того, возникает дискуссия о проблеме выбросов парниковых газов как антропогенном источнике климатических изменений на Стокгольмской конференции в 1972 г., продолженная в рамках Всемирной климатической конференции в 1979 г. Результатом данной дискуссии стало создание межправительственной группы экспертов по изменению климата (МГЭИК), объединившей широкий круг ученых из множества стран. Активное участие в работе Группы приняли отечественные ученые. Первый оценочный доклад МГЭИК подтвердил антропогенный характер изменения климата. В 1992 г. была создана Рамочная конвенция по изменению климата ООН². Таким образом, на «теоретико-экономическом» этапе произошло признание антропогенного характера глобального потепления и признание наличия экономических потерь от антропогенного воздействия на экосистемы. Тем не менее в описываемый период мировая экономика находилась на завершающей стадии четвертого (нефтепромышленного) технологического уклада по С. Ю. Глазьеву и четвертого цикла Кондратьева, что ограничивало возможности создания глобальных систем мониторинга выбросов парниковых газов и построения моделей изменения климата и экономического ущерба от такого изменения. Поставленные РКИК ООН глобальные задачи по климатическому регулированию требовали доступа к новым технологиям, развитие которых и ознаменовало новый этап развития мировой экономики, что соответствует началу пятого технологического уклада по С. Ю. Глазьеву и началу пятого цикла Кондратьева.

¹ The sixth Kondratieff – long waves of prosperity. Allianz. 2010. URL: https://www.allianz.com/content/dam/onemarketing/azcom/Allianz_com/migration/media/press/document/other/kondratieff_en.pdf (дата обращения: 01.03.2026).

² Информационный листок МГЭИК: хронология. URL: https://www.ipcc.ch/site/assets/uploads/2018/04/FS_timeline_ru.pdf (дата обращения: 01.03.2026).

Таблица 2. Периодизация становления углеродных рынков в контексте смены технологических укладов С. Ю. Глазьева и длинных волн Кондратьева

Этап	Годы	Технологический уклад по С. Ю. Глазьеву	Цикл Кондратьева
1. Теоретико-экономический этап	1960–70-е гг. до 1992 г.	Конец 4-го технологического уклада (нефтепромышленного) и начало 5-го технологического уклада (информационно-телекоммуникационного)	Конец 4-го цикла и начало 5-го цикла Кондратьева
2. Этап первых углеродных механизмов Киото	С 1993 по 2004 гг.	Пятый уклад (информационно-телекоммуникационный)	5 цикл Кондратьева
3. Этап становления первых углеродных рынков	С 2005 по 2012 гг.	Конец пятого уклада (информационно-телекоммуникационный)	Конец 5 цикла Кондратьева
4. Этап охлаждения и регионализации глобальных углеродных рынков	С 2013 по 2015 гг.	Конец пятого уклада (информационно-телекоммуникационный)	На стыке 5 и 6 циклов Кондратьева
5. Этап возрождения глобальной международной координации углеродных рынков	С 2015 по 2020 гг.	Начало 6 уклада (NBIC-конвергенция)	Начало 6 цикла
6. Этап ускоренного развития глобального углеродного рынка	С 2020 по 2022 гг.	6 уклад (NBIC-конвергенция)	6 цикл
7. Этап фрагментации единых подходов к развитию углеродных рынков	С 2022 г. по настоящее время	6 уклад (NBIC-конвергенция)	6 цикл

Второй этап – этап первых углеродных механизмов Киото (1993–2004 гг.) характеризуется поиском механизмов контроля и снижения объема выбросов парниковых газов. В рамках РКИК ООН принимаются документы, регламентирующие создание национальных кадастров парниковых газов, детальная проработка механизмов функционирования международных систем торговли в рамках подписанного в 1997 г. Киотского протокола. Принимаются регулирующие акты в области валидации и верификации углеродных активов. Результатом стало введение механизма чистого развития и механизма совместного осуществления в 2001 г.¹ Разрабатываются механизмы торговли квотами в рамках Европейского союза. В

результате к 2005 г. была создана готовая международная инфраструктура рыночного оборота выбросов парниковых газов. Данный этап можно соотнести с пятым технологическим укладом по С. Ю. Глазьеву и с пятым циклом Кондратьева, характеризующихся ускоренным развитием информационно-коммуникационных технологий, позволивших создать развитую систему мониторинга выбросов парниковых газов, охватывающую крупнейших эмитентов парниковых газов, цифровые платформы учета торговых сделок, связанных с парниковыми газами, прогнозирования динамики объемов выбросов парниковых газов, учета выбросов и поглощений на уровне предприятий, отраслей стран и международных объединений.

Третий этап – этап становления первых углеродных рынков (2005–2012 гг.) характеризуется вступлением в силу Киотского протокола и началом практиче-

¹ Seventh session of the Conference of the Parties (COP 7), October 2001. URL: <https://unfccc.int/ru/node/11490> (дата обращения: 21.03.2026).

ского функционирования механизмов углеродного ценообразования. С 2005 г. начинает функционировать Система торговли выбросами ЕС [14], региональные системы торговли выбросами в Соединенных Штатах Америки. С 2006 г. – бурное развитие проектов в рамках механизма чистого развития и механизма совместного осуществления. С 2011 г. начинается практическая реализация пилотных проектов углеродных рынков в КНР. Данный период характеризуется высоким уровнем оптимизма мирового экономического сообщества в области рыночных способов климатического регу-

лирования и восприятия углеродных квот и кредитов как нового класса финансовых активов. Стоит отметить, что торговля углеродными активами имела международный характер и в рамках осуществления международных проектов.

Четвертый этап – этап охлаждения и регионализации глобальных углеродных рынков (2013–2015 г.). Этот этап начался с окончанием реализации первого этапа Киотского протокола, а также связан с охлаждением энтузиазма инвесторов, вызванным накоплением системных ошибок в организации функционирования первых углеродных рынков (рис. 1).

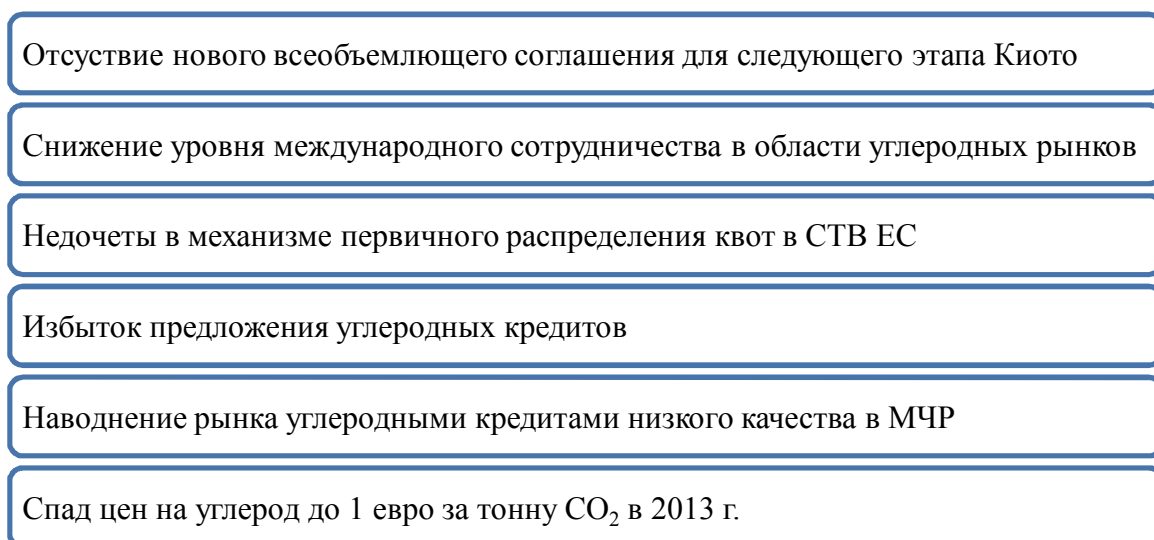

Рис. 1. Причины охлаждения и регионализации глобальных углеродных рынков

Результатом стала фактическая остановка международного сотрудничества в области функционирования углеродных рынков, которая выразилось в прекращении учета в СТВ ЕС сертифицированных единиц сокращения в рамках механизма чистого развития и механизма совместного осуществления. В свою очередь, КНР как крупнейший поставщик углеродных офсетов на международный рынок резко снижает выпуск углеродных единиц и закрывает свой рынок от зарубежных углеродных активов. Тем не менее, несмотря на снижение уровня международного сотрудничества, национальные системы торговли выбросами про-

должают развиваться. Так, СТВ ЕС замораживает часть избыточных квот, вводит первые аукционы их распределения, внедряются цифровые платформы оборота углеродными активами.

Представленные выше два этапа с технологической точки зрения ещё находятся на уровне конца пятого технологического уклада по С. Ю. Глазьеву и на границе пятого и шестого цикла Кондратьева. Грядущая смена технологического уклада обусловлена бурным развитием цифровых экосистем и ускоренным внедрением возобновляемых источников энергии, потребовала модернизации существующих на тот момент механизмов

торговли углеродными активами [15]. Данная мысль также подтверждается и в работе Н. А. Пискуловой и соавт., которые указывают, что развитие цифровых инструментов оказывает влияние на развитие углеродных рынков [16].

Пятый этап – этап возрождения глобальной международной координации углеродных рынков (2015–2020 гг.) – характеризуется принятием Парижского соглашения, изменившего архитектуру международного сотрудничества в области ограничения эмиссии парниковых газов. С 2015 г. началась реализации определяемых на национальном уровне вкладов стран – участниц Парижского соглашения (ОНУВ), что позволило охватить целью снижения уровня парниковых газов 193 страны. Кроме того, происходит дальнейшее совершенствование действующих систем углеродного регулирования, в частности в 2019 г. был принят Европейский зеленый курс, в рамках которого был обоснован европейский пограничный корректирующий углеродный механизм, призванный предотвратить «утечку углерода» [17]. Сам механизм вызвал неоднозначную реакцию у ряда ученых. Более того, произошедшая на данном этапе пандемия COVID-19 стала катализатором развития технологий и цифровизации, которые, в свою очередь, дали толчок развитию различных технологий по мониторингу и улавливанию выбросов CO₂, которые позволили компаниям создавать проекты, направленные на снижение выбросов и получение дополнительных углеродных активов для торговли на углеродных рынках. Данный период соответствует началу шестого цикла по С. Ю. Глазьеву и началу шестого цикла Кондратьева, поскольку характеризуется началом развития NBIC-технологий, охватывающих комплексно все сферы хозяйствования, в т. ч. и развитие технологий, способствующих лучшему функционированию углеродного рынка.

Шестой этап – этап ускоренного развития глобального углеродного рынка

(2020–2024 г.) – характеризуется возникновением и ускоренным развитием национальных углеродных рынков крупнейших развивающихся стран. Наряду с действующими СТВ возникают общенациональные СТВ КНР, Индонезии и других стран. Кроме того, в стадии разработки находятся общенациональные обязательные углеродные рынки Бразилии, Вьетнама, Индии, Малайзии, Филиппин и Чили. В 2022 г. в Российской Федерации введен в действие добровольный углеродный рынок и стартовал Сахалинский эксперимент по достижению углеродной нейтральности регионом. В рамках Сахалинского эксперимента введен региональный обязательный углеродный рынок, сопряженный с общенациональным добровольным углеродным рынком РФ [18]. В 2024 г. в рамках COP 29 были приняты регламенты ст. 6.2. и 6.4 Парижского соглашения, регулирующих международную торговлю углеродными активами между различными национальными юрисдикциями.

Седьмой этап – этап фрагментации единых подходов к развитию углеродных рынков (2025 г. по настоящее время). Выделение седьмого этапа в представленной периодизации обусловлено процессами деглобализации мировой экономики, связанной с выходом из Парижского соглашения и приостановкой деятельности в рамках РКИК ООН Соединенных Штатов Америки [19], а также введением механизма трансграничного углеродного регулирования (СВАМ) Европейским союзом и активной разработкой подобного рода механизмов рядом других стран [20]. Кроме того, бурное развитие углеродного рынка КНР, ставшего крупнейшим мировым рынком по регулируемым объемам выбросов парниковых газов, и консолидация усилий ведущих стран в рамках БРИКС по организации справедливого международного углеродного сотрудничества и недопущению использования углеродной политики в протекцио-

нистских целях сместили центр развития глобального углеродного рынка в направлении крупнейших экономик глобального Юга. Таким образом, шестой и седьмой этапы совпадают с началом шестого технологического уклада (по С. Ю. Глазьеву) и шестого цикла Н. Д. Кондратьева. Это обусловлено тем, что в настоящее время бурно развиваются технологии, которые позволяют, с одной стороны, снизить энергоемкость и материалоемкость производства, а с другой – появляются технологии, связанные с возможностью получения энергии из возобновляемых источников.

Выводы

Проведенное исследование позволило уточнить теоретические основы анализа становления углеродных рынков и выявить ограниченность существующих подходов к их периодизации, которые преимущественно опираются на этапы институционального развития международной климатической политики либо на динамику отдельных национальных систем торговли выбросами. Предложенная в работе авторская периодизация осно-

вывается на сопоставлении этапов формирования углеродных рынков с более широкими структурными трансформациями мировой экономики, отраженными в теории длинных волн Н. Д. Кондратьева и концепции технологических укладов С. Ю. Глазьева. Научная новизна исследования заключается в интерпретации углеродных рынков как институционального элемента глобальной экономической трансформации, связанной с переходом к новому технологическому и энергетическому моделям развития. Кроме того, в предложенной авторской периодизации становления углеродных рынков особо выделен теоретико-экономический этап, послуживший базисом, который задает направление рыночных механизмов глобального углеродного регулирования. Полученные результаты расширяют теоретическое понимание эволюции механизмов углеродного регулирования и могут быть использованы при дальнейшем исследовании процессов декарбонизации мировой экономики, а также при разработке и анализе национальных и международных моделей формирования углеродных рынков.

Список литературы

1. Соколенко В., Дьяченко Ю., Тюрина Е. Углеродные рынки в мире: механизмы и трансформация концепций // Известия Дальневосточного федерального университета. Экономика и управление. 2018. № 4 (88). С. 119-137.
2. Эволюция рынка углеродных единиц: ключевые этапы и перспективы развития / И. Н. Рюмкина, И. Г. Сангадиева, М. М. Терютина, Р. Ц. Буянтуев // Естественно-гуманитарные исследования. 2024. № 3 (53). С. 304–310.
3. Горбачева Н. В. Динамика развития углеродных рынков в России и Юго-Восточной Азии: роль природно-климатических проектов // Современная мировая экономика. 2025. Т. 3, № 1 (9). С. 45-72. <https://doi.org/10.17323/2949-5776-2025-3-1-45-72>.
4. Грязнова В. А., Пискулова Н. А. Глобализация углеродного рынка: возможности и ограничения // Мировое и национальное хозяйство. 2023. № 2 (62). URL: https://mirec.mgimo.ru/2023/2023-02/carbon-market-globalization?ysclid=mrac0xk5y8223997958&utm_source=ya.ru&utm_medium=referral&utm_campaign=ya.ru&utm_referrer=ya.ru (дата обращения: 12.03.2026).
5. Legal regulation of China's carbon emissions trading market / M. Yu, J.-M. Bai, Y. Qiu, Y. Lin, S. Liu // Frontiers in Environmental Science. 2025. Vol. 13. P. 1604038. <https://doi.org/10.3389/fenvs.2025.1604038>.
6. Hua Y., Dong F. China's carbon market development and carbon market connection: a literature review // Energies. 2019. Vol. 12, N 9. P. 1663. <https://doi.org/10.3390/en12091663>.

7. The evolution of carbon market: a systematic review and bibliometric study / G. Khanal, N. Devkota, R. Chapagain, C. Khanal // *Green and Low-Carbon Economy*. 2025. <https://doi.org/10.47852/bonviewGLCE52026119>.
8. Michaelowa A., Shishlov I., Brescia D. Evolution of international carbon markets: lessons for the Paris Agreement // *Wiley Interdisciplinary Reviews: Climate Change*. 2019. Vol. 10 (3). P. 1–24. <https://doi.org/10.1002/wcc.613>.
9. Глазьев С. Ю. Глобальная трансформация через призму смены технологических и мирохозяйственных укладов // *AlterEconomics*. 2022. Т. 19, № 1. С. 93–115. <https://doi.org/10.31063/AlterEconomics/2022.19-1.6>.
10. Pigou A. C. *The Economics of Welfare*. London: MacMillan & Co, 1932. 1019 p.
11. Coase R. H. The Problem of Social Cost // *Journal of Law and Economics*. 1960. Vol. 3. P. 1–44.
12. Crocker T. D. The Structuring of Atmospheric Pollution Control Systems // *The Economics of Air Pollution* / ed. by H. Wolozin. New York: W.W. Norton, 1966. P. 61–86.
13. Sewell W. R. D. J. H. Dales, Pollution, Property & Prices: An Essay in Policy-making and Economics // *Canadian Journal of Political Science*. 1969. Vol. 2, N 3. P. 386–387.
14. Пищик В. Я., Алексеев П. В. Система торговли квотами на выбросы Европейского союза: экологический и финансово-экономический аспекты // *Мировая экономика и мировые финансы*. 2024. Т. 3, № 2. С. 51–57.
15. Минчичова В. С. Стимулы и противоречия сотрудничества стран Евразийского экономического союза в энергетической сфере // *Вестник евразийской науки*. 2023. Т. 15, № 5. С. 22.
16. Грязнова В. А., Пискулова Н. А. Роль цифровизации в развитии углеродного рынка в мире // *Российский внешнеэкономический вестник*. 2024. № 5. С. 16–36.
17. Рогинко С. А., Сильвестров С. Н. Реализация Парижского соглашения по глобальному климату: европейский углеродный шантаж России и возможности противодействия ему // *Российский экономический журнал*. 2021. № 4. С. 77–93. <https://doi.org/10.33983/0130-9757-2021-4-77-93>.
18. Авдеева А. И. Перспективы интеграции современных углеродных рынков Российской Федерации и Китайской Народной Республики в контексте формирования международного углеродного рынка // *Вестник евразийской науки*. 2025. Т. 17, № S1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/perspektivy-integratsii-sovremennyh-uglerodnyh-rynkov-rossiyskoy-federatsii-i-kitayskoy-narodnoy-respubliki-v-kontekste/viewer> (дата обращения: 10.03.2026). EDN PLKILD.
19. Рогинко С. А., Алексеев П. В. Концепция «утечки углерода» как основа трансграничного углеродного регулирования ЕС // *Современная Европа*. 2022. № 7. С. 92–106.
20. Рогинко С. А., Сильвестров С. Н. Климатические войны Трампа // *Мир новой экономики*. 2025. № 19(3). С. 17–26. <https://doi.org/10.26794/2220-6469-2025-19-3-17-26>.

References

1. Sokolenko V., Dyachenko Yu., Tyurina E. Carbon markets in the world: mechanisms and transformation of concepts. *Izvestiya Dal'nevostochnogo federal'nogo universiteta. Ekonomika i upravlenie = Proceedings of the Far Eastern Federal University. Economics and Management*. 2018;(4):119–137. (In Russ.)
2. Ryumkina I.N., Sangadieva I.G., Teryutina M.M., Buyantuev R.C. Evolution of carbon units market: key stages and development prospects. *Estestvenno-gumanitarnye issledovaniya = Natural Sciences and Humanities Research*. 2024;(3):304–310. (In Russ.)
3. Gorbacheva N.V. Dynamics of carbon markets development in Russia and Southeast Asia: the role of climate projects. *Sovremennaya mirovaya ekonomika = Modern World Economy*. 2025;3(1):45–72. (In Russ.) <https://doi.org/10.17323/2949-5776-2025-3-1-45-72>.
4. Gryaznova V.A., Piskulova N.A. Globalization of carbon market: opportunities and limitations. *Mirovye i natsionalnoye khozyaystvo = World and National Economy*. 2023. N 2 (62). (In Russ.) Available at: https://mirec.mgimo.ru/2023/2023-02/carbon-market-globalization?ysclid=mrac0xk5y8223997958&utm_source=ya.ru&utm_medium=referral&utm_campaign=ya.ru&utm_referrer=ya.ru (accessed 12.03.2026).

5. Yu M., Bai J.-M., Qiu Y., Lin Y., Liu S. Legal regulation of China's carbon emissions trading market. *Frontiers in Environmental Science*. 2025;13:1604038. <https://doi.org/10.3389/fenvs.2025.1604038>.
6. Hua Y., Dong F. China's carbon market development and carbon market connection: a literature review. *Energies*. 2019;12(9):1663. <https://doi.org/10.3390/en12091663>.
7. Khanal G., Devkota N., Chapagain R., Khanal C. The evolution of carbon market: a systematic review and bibliometric study. *Green and Low-Carbon Economy*. 2025. <https://doi.org/10.47852/bonviewGLCE52026119>.
8. Michaelowa A., Shishlov I., Brescia D. Evolution of international carbon markets: lessons for the Paris Agreement. *Wiley Interdisciplinary Reviews: Climate Change*. 2019;10(3). <https://doi.org/10.1002/wcc.613>.
9. Glazyev S.Yu. Global transformation through the prism of technological paradigms change. *AlterEconomics*. 2022;19(1):93-115. (In Russ.) <https://doi.org/10.31063/AlterEconomics/2022.19-1.6>.
10. Pigou A.C. The Economics of Welfare. London: MacMillan & Co; 1932. 1019 p.
11. Coase R.H. The Problem of Social Cost. *Journal of Law and Economics*. 1960;3:1-44.
12. Crocker T.D. The Structuring of Atmospheric Pollution Control Systems. In: Wolozin H. (ed.) The Economics of Air Pollution. New York: W.W. Norton; 1966. P. 61–86.
13. Sewell W. R. D. J. H. Dales, Pollution, Property & Prices: An Essay in Policy-making and Economics. *Canadian Journal of Political Science*. 1969;2(3):386-387.
14. Pishchik V.Ya., Alekseev P.V. EU emissions trading system: environmental and financial-economic aspects. *Mirovaya ekonomika i mirovye finansy = World Economy and World Finance*. 2024;3(2):51–57. (In Russ.)
15. Minchichova V.S. Incentives and contradictions of cooperation within the Eurasian Economic Union in energy sector. *Vestnik evraziyskoy nauki = Bulletin of Eurasian Science*. 2023;15(5):22. (In Russ.)
16. Gryaznova V.A., Piskulova N.A. Digitalization in the development of carbon markets. *Rossiyskiy vneshneekonomicheskiy vestnik = Russian Foreign Economic Bulletin*. 2024;(5):16–36. (In Russ.)
17. Roginko S.A., Silvestrov S.N. Implementation of the Paris Agreement: European carbon pressure on Russia and countermeasures. *Rossiyskiy ekonomicheskiy zhurnal = Russian Economic Journal*. 2021;(4):77-93. (In Russ.) <https://doi.org/10.33983/0130-9757-2021-4-77-93>.
18. Avdeeva A.I. Prospects for integration of carbon markets of Russia and China in the global carbon market formation. *Vestnik evraziyskoy nauki = Bulletin of Eurasian Science*. 2025;17(S1). (In Russ.) Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/perspektivy-integratsii-sovremennyh-uglerodnyh-rynkov-rossiyskoy-federatsii-i-kitayskoy-narodnoy-respubliki-v-kontekste/viewer> (accessed 10.03.2026). EDN: PLKILD.
19. Roginko S.A., Alekseev P.V. Carbon leakage concept as a basis for EU cross-border carbon regulation. *Sovremennaya Evropa = Contemporary Europe*. 2022;(7):92–106. (In Russ.)
20. Roginko S.A., Silvestrov S.N. Trump's climate wars. *Mir novoy ekonomiki = World of New Economy*. 2025;(19):17–26. (In Russ.) <https://doi.org/10.26794/2220-6469-2025-19-3-17-26>.

Информация об авторе / Information about the Author

Авдеева Анастасия Игоревна, аспирант, преподаватель кафедры международного бизнеса, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, г. Москва, Российская Федерация, e-mail: anastasia.i.avdeeva@yandex.ru

Anastasia I. Avdeeva, Postgraduate, Lecturer at the Department of International Business, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation, e-mail: anastasia.i.avdeeva@yandex.ru

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

1. К публикации в журнале «Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент» принимаются актуальные материалы, содержащие новые результаты научных и практических исследований, соответствующие профилю журнала, не опубликованные ранее и не переданные в редакции других журналов.

2 Авторы статей должны представить в редакцию журнала:

- статью, оформленную в соответствии с правилами оформления статей, представляемых для публикации в журнале;
- разрешение на опубликование в открытой печати статьи от учреждения, в котором выполнена работа.
- сведения об авторах (фамилия, имя отчество, место работы, должность, ученая степень, звание, почтовый адрес, телефон, e-mail);
- лицензионный договор.

3. Бумажный вариант статьи подписывается всеми авторами.

4. Редакция не принимает к рассмотрению рукописи, оформленные не по правилам.

5. **Публикация бесплатная.**

6. Основной текст рукописи статьи (кроме аннотации и ключевых слов) набирают в текстовом редакторе MS WORD шрифтом «Times New Roman» размером 14 пт с одинарным интервалом, выравнивание по ширине. Поля с левой стороны листа, сверху и снизу – 2,5 см, с правой стороны – 2 см. Абзацный отступ – 1,5 см.

7. Схема построения публикации: УДК (индекс по универсальной десятичной классификации), фамилия и инициалы автора(ов), места работы (полностью), почтового адреса места работы, электронного адреса (телефона), название (полужирный), аннотация и ключевые слова, текст с рисунками и таблицами, список литературы. Авторы, название, аннотация и ключевые слова, список литературы приводятся на русском и английском языках.

Перед основным текстом печатается аннотация (200-250 слов), отражающая краткое содержание статьи. Аннотация должна быть рубрицирована (актуальность, цель, задачи, методология, результаты, выводы). Текст статьи должен иметь следующую структуру: введение, материалы и методы, результаты и их обсуждение, выводы (рекомендации).

Например:

УДК 004.9:519.8

**Построение модели прогнозирования обеспеченности кадрами
градообразующего предприятия**

А.Л. Иванов¹ ✉

¹ Юго-Западный государственный университет

ул. 50 лет Октября 94, г. Курск, 305040, Российская Федерация

✉ e-mail: ivanov@gmail.com

Актуальность. В статье рассматривается агентная модель прогнозирования обеспеченности кадрами градообразующего предприятия, основанная на структуризации поведения агента и определения влияния его внутреннего представления об окружающем мире на его деятельность.

...

Ключевые слова: агентное моделирование; градообразующее предприятие; событие.

В конце статьи приводятся сведения об авторе(ах) на русском и английском языках: фамилия, имя, отчество полностью, ученое звание, ученая степень, должность, организация, город, страна, e-mail, ORCID, ResearcherID и т.д.

8. При формировании текста не допускается применение стилей, а также внесение изменения в шаблон или создание собственного шаблона. Слова внутри абзаца следует разделять одним пробелом; набирать текст без принудительных переносов; не допускаются разрядки слов.

12. **Список литературы к статье обязателен** и должен содержать все цитируемые и упоминаемые в тексте работы (не менее 10). Пристатейные библиографические списки оформляются в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5-2008. «Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления». Ссылки на работы, находящиеся в печати, не допускаются. При ссылке на литературный источник в тексте приводится порядковый номер работы в квадратных скобках.

13. В материале для публикации следует использовать только общепринятые сокращения.

Все материалы направлять по адресу: 305040, г.Курск, ул. 50 лет Октября, 94. ЮЗГУ, редакционно-издательский отдел.

Тел.(4712) 22-25-26, тел/факс (4712) 50-48-00.

E-mail: rio_kursk@mail.ru

Изменения и дополнения к правилам оформления статей и информацию об опубликованных номерах можно посмотреть на официальном сайте журнала: <https://swsu.ru/izvestiya/serieeconomi/>.